

Федеральное государственное казенное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Дальневосточный юридический институт
Министерства внутренних дел Российской Федерации»

С.А. Синенко

**ОБЕСПЕЧЕНИЕ ПРАВ И ЗАКОННЫХ
ИНТЕРЕСОВ ПОТЕРПЕВШЕГО
В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ**

Хабаровск, 2013

УДК 343.1
ББК 67.629.3
С 383

Одобрена редакционно-издательским советом
Дальневосточного юридического института МВД РФ

Рецензенты:

профессор кафедры Московской академии экономики и права
доктор юридических наук, профессор А.П. Гуляев;
заведующий кафедрой Омской юридической академии
доктор юридических наук, профессор Ю.В. Деришев;
начальник кафедры Орловского юридического института МВД РФ
кандидат юридических наук, доцент А.В. Гришин

Синенко, С.А.

С 383 Обеспечение прав и законных интересов потерпевшего в уголовном судопроизводстве : монография / С.А. Синенко ; Дальневосточный юрид. ин-т МВД РФ. – Хабаровск : РИО ДВЮИ МВД РФ, 2013. – 320с.

ISBN 978-5-9753-0168-0

В работе рассматриваются теоретический, правовой и прикладной аспекты обеспечения прав и законных интересов потерпевшего в уголовном судопроизводстве. Особое внимание уделено научному обоснованию понятия потерпевшего, моменту появления его в уголовном деле, состоянию законодательства и реальному обеспечению прав этого участника судопроизводства в стадии возбуждения уголовного дела, в процессе собирания доказательств, осуществления следственных действий, на этапе окончания предварительного расследования, при производстве по уголовному делу в суде.

Монография адресована научным работникам, преподавателям, аспирантам, студентам юридических вузов и факультетов, а также сотрудникам органов предварительного расследования, прокуратуры, судьям.

ISBN 978-5-9753-0168-0

© Синенко С.А., 2013

© ФГКОУ ВПО ДВЮИ МВД РФ, 2013

Введение

В «Очерке развития науки советского уголовного процесса», отражающем к рубежу 1980 г. состояние уголовно-процессуальной теории в части анализа большинства проблем уголовного судопроизводства, применительно к потерпевшему отмечается, что вопрос о данном участнике уголовного процесса получил значительную разработку. В числе спорных и подлежащих разрешению проблем, связанных с правовым статусом потерпевшего, авторы очерка обозначили недостатки законодательной дефиниции потерпевшего, не позволяющей однозначно ответить на вопросы о том, можно ли признавать потерпевшим лицо, на интересы которого было совершено покушение, но реальный вред ему преступлением не причинен, а также лицо, ненадлежащее поведение которого повлияло на совершение против него преступления. Дискуссионным назывался и вопрос о потерпевшем по делам о преступлениях, последствием которых явилась смерть потерпевшего¹. Прямо скажем, не густо.

1 ноября 1985 г. Пленум Верховного Суда СССР принял Постановление № 16 «О практике применения судами законодательства, регламентирующего участие потерпевшего в уголовном судопроизводстве»², которым, с одной стороны, обратил внимание на имеющиеся в судебной практике недостатки в части обеспечения прав потерпевших при производстве по уголовным делам, а с другой – обязал суды следовать строгому и последовательному соблюдению законодательства, регламентирующего права и обязанности потерпевшего в уголовном судопроизводстве как объективному условию установления истины по делу и постановления законного, обоснованного и справедливого судебного решения. Однако данное постановление Пленума Верховного Суда СССР было чрезмерно лаконичным, содержало много декларативных положений и не могло реально изменить ситуацию с защитой прав потерпевших от преступлений. Кроме того, оно фактически было нейтрализовано принятием в это же время важнейших для жертв преступлений международных документов, принципиально отличающихся от подхода «советского» законодателя к анализируемой проблеме.

Знаменательной вехой в развитии законодательства о правовом статусе потерпевшего явились Декларация основных принципов правосудия для жертв преступлений и злоупотреблений властью (утверждена Резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН 40/34 от 29 ноября 1985 г.)³, Рекомендация Комитета министров Совета Европы «О положении потерпевшего в рамках уголовного права и процесса» от 28 июня 1985 г. N R (85) 11⁴. Указанные источники, что принципиально важно отметить в плане реальной

---

¹ Алексеев Н.С., Даев В. Г., Кокорев Л.Д. Очерк развития науки советского уголовного процесса. Воронеж, 1980. С. 127-128.

² Сборник постановлений пленумов Верховных Судов СССР и РСФСР (Российской Федерации) по уголовным делам. М.: Спарк, 1997. С. 264-268.

³ Международно-правовая защита прав и основных свобод человека: сб. междунар. соглашений и рекомендаций: в 2 ч. Ч. 2 / сост. Л.А. Новикова. Орел: ОрЮОИ МВД России, 1997. С. 47-49.

⁴ Защита прав человека и борьба с преступностью: сб. документов Совета Европы / под ред. В.В. Черникова. 2-е изд., доп. М.: Вердикт 1М, 2005. С. 172-175.

оценки современного законодательства в части обеспечения охраны, защиты прав и законных интересов потерпевшего от преступления, предусмотрели, что лица, которым в результате преступного деяния причинен ущерб, включая телесные повреждения или моральный вред, эмоциональные страдания, материальный ущерб или существенное ущемление их основных прав, имеют право на доступ к механизмам правосудия и скорейшую компенсацию за нанесенный им ущерб в соответствии с национальным законодательством.

Статья 52 Конституции РФ, не без влияния приведенных международных правовых стандартов правосудия для жертв преступлений, гарантировала всем потерпевшим от преступлений защиту, доступ к правосудию и компенсацию причиненного преступлением вреда. В статье 42 УПК РФ, довольно объемной по содержанию и состоящей из 10 частей, гораздо подробнее, если ее сравнивать со ст. 53 УПК РСФСР (данная статья включала всего 4 части), регламентированы права потерпевших. Кроме того, в ст. 42 УПК РФ был изменен подход и к пониманию круга лиц, признаваемых потерпевшими в уголовном процессе. В частности, серьезный шаг, породивший целый комплекс новых правовых проблем, законодатель сделал, отнеся к потерпевшим не только физических, но и юридических лиц в случае причинения преступлением вреда их имуществу и деловой репутации.

В Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 29 июня 2010 г. № 17 «О практике применения судами норм, регулирующих участие потерпевшего в уголовном судопроизводстве», подготовленном на основе масштабного обобщения многолетней судебной практики в этой части, сформулирован ряд правовых позиций, призванных способствовать реализации важной функции уголовного правосудия – охраны законных интересов потерпевшего, уважения его достоинства, повышения доверия потерпевшего к уголовному правосудию¹.

Однако предпринятые за достаточно длительный временной период меры, направленные на повышение эффективности охраны прав и законных интересов потерпевших от преступлений в уголовном процессе, оказались недостаточны. Содержание ст. 42 УПК РФ, являющейся базовой для досудебного и судебного производства с участием потерпевшего, за 10 лет своего действия практически осталось неизменным. В нее были внесены всего лишь 4 незначительные поправки редакционного характера.

В практическом аспекте надлежит отметить, что количество поступающих в органы внутренних дел заявлений и сообщений о происшествиях в период с 2008 г. по 2012 г. увеличилось с 21,5 млн в 2008 г. до 26,4 млн в 2012 г., ежегодный прирост их числа составлял в среднем 5,2 %². Однако по результатам их рассмотрения количество принятых за 2008-2011 гг. процессуальных решений о возбуждении уголовного дела сократилось на 650 тыс. (с 12 % от общего числа зарегистрированных заявлений и сообщений о происшествиях в 2008 г. до 8,0 % – в 2011 г.). В 2012 г. рассмотрено

---

¹ Бюллетень Верховного Суда РФ. 2010. № 9. С. 2-8.

² Состояние правопорядка в Российской Федерации и основные результаты деятельности органов внутренних дел и внутренних войск в 2012 году: аналит. мат-лы. М., 2013. С. 3.

11,7 млн сообщений о преступлениях, возбуждено 1,9 млн уголовных дел. Одна из причин сокращения числа возбужденных уголовных дел состоит в том, что количество принятых процессуальных решений об отказе в возбуждении уголовного дела по сообщениям граждан и юридических лиц об имевших место в отношении них преступных проявлениях неуклонно растет (с 5,3 млн в 2008 г. до 6,4 млн в 2012 г.)¹. Однако в 2012 г. проверками по линии разных ведомств зафиксировано 443,3 тыс. нарушений учетно-регистрационной дисциплины (+ 29,7 % в сравнении с 2011 г.), значительную часть которых составляют укрытие преступлений от учета (136 тыс.), в основном путем необоснованного отказа в возбуждении уголовного дела. Кроме того, в течение 2012 г. выявлено около 1,8 тыс. фактов непринятия заявлений о преступлениях или их сокрытия от регистрации².

Таким образом, за пять последних лет от уголовно наказуемых деяний в нашей стране пострадало более 10 млн человек.

Это официальная статистика. Уполномоченный по правам человека в Российской Федерации В. Лукин отмечает, что около 60 % лиц, пострадавших от разного рода преступлений, предпочитают не сообщать о случившемся в правоохранительные органы, будучи уверены в том, что защиты от них не получат³. То есть в реальной жизни лиц, пострадавших от преступлений, значительно больше.

Обеспечивается ли должным образом защита прав и свобод таких субъектов? Приведенные выше данные уже позволяют дать отрицательный ответ на поставленный вопрос. Это же подтверждают исследователи, изучавшие настоящую проблематику.

В чем же причина сложившейся ситуации? Однозначно ответить на этот вопрос не представляется возможным. Во-первых, потому, что эта причина не одна. Во-вторых, факторы, негативно воздействующие на рассматриваемую сферу, находятся в разных плоскостях. В одних случаях ущербность обеспечения прав и свобод потерпевшего детерминирована отсутствием соответствующей стройной научной концепции. В других – несовершенством законодательства. И, наконец, ненадлежащим правоприменением, что возможно в силу отсутствия теоретической разработанности и надлежащего правового регулирования рассматриваемых вопросов.

В 2011-2012 гг. по инициативе членов Общественной палаты РФ и при поддержке Следственного комитета РФ были разработаны проекты федеральных законов «О потерпевших от преступлений» и «О внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации в целях совершенствования правового статуса потерпевшего от преступления». 24 февраля 2012 г. законопроект «О потерпевших от преступлений» был опубликован в «Российской газете» для обсуждения. Данный документ не-

---

¹ О результатах работы ОВД по обеспечению учетно-регистрационной дисциплины: отчет по форме 4-Е (723) за 2012 г.

² Состояние правопорядка в Российской Федерации и основные результаты деятельности органов внутренних дел и внутренних войск в 2012 году: анализ. мат-лы. М., 2013. С. 119.

³ Проблемы защиты прав потерпевших от преступлений: спец. доклад Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации // Российская газета. 2008. 4 июня.

однозначно воспринят специалистами, вызвал нарекания содержательного и концептуального характера.

На страницах юридической печати исследование проблематики, связанной с процессуальным статусом потерпевшего, в последнее время активизировалось. Можно назвать немало интересных научных работ, в которых приведены результаты конкретных социологических «замеров» ситуации с реальным обеспечением прав потерпевших на различных этапах уголовно-процессуальной деятельности, внесены предложения по совершенствованию уголовно-процессуального законодательства, представлен зарубежный опыт правового регулирования аналогичных вопросов (Кухта К.Н., Махов В.Н. Правовой статус жертвы преступления (потерпевшего) в уголовном процессе США. М., 2008; Ибрагимов И.М. Правомерные возможности защиты потерпевшего в российском уголовном процессе. М., 2008; Иванов Д.А. Защита следователем прав и законных интересов юридических лиц, потерпевших от преступлений. М., 2009; Азаров В.А., Абдрахманов М.Х., Сафаралеев М.Р. Юридические лица в уголовном процессе России: теоретические основы, законодательство и практика. Омск, 2010; Брусницын Л.В. Обеспечение безопасности лиц, содействующих уголовному правосудию: мировой опыт и развитие российского законодательства (процессуальное исследование). М., 2010; Николаев Е.М. Восстановление прав и законных интересов потерпевших в уголовном судопроизводстве. М., 2010; Дубровин В.В. Возмещение вреда от преступлений в уголовном судопроизводстве (отечественный, зарубежный, международный опыт правового регулирования). М., 2011; Шаров Д.В. Обеспечение прав потерпевшего в досудебном производстве. М., 2011; Быков В.М., Колдин С.В. Защита прав потерпевшего в уголовном процессе России (досудебное производство). М., 2013).

Обратили на себя внимание в связи с оригинальностью и отражением действительно наболевших проблем участия потерпевшего в уголовном процессе научные статьи Д.Я. Беговой, В.П. Божьева, О.В. Волынской, П. Гаджирамазанова, А.И. Глушкова, А.В. Гриненко, А.В. Гричаниченко, А.П. Гуськовой, О.А. Зайцева, К.Б. Калиновского, В.А. Лазаревой, И.А. Попова, Т.Б. Рамазанова, Ю.А. Рябцова, Т.М. Секретаревой, П.А. Скобликова, О.А. Славгородской, О.А. Чабукиани, С.П. Щербы и др. В условиях действия УПК РФ защищены и ряд кандидатских диссертаций по анализируемой тематике (М.Х. Абдрахманов, В.В. Афисов, В.В. Владимирова, Ю.С. Гунарис, Е.В. Демченко, И.В. Жеребятьев, О.В. Корнелюк, С.В. Круглов, П.Г. Сычев, Д.В. Филиппов, С.С. Шишкин).

Доктринальные положения указанных и других ученых-процессуалистов подняли разработку проблем защиты прав и законных интересов потерпевшего в уголовном судопроизводстве на высокий теоретический уровень, но они детально не отражают ряд общих и частных, весьма важных для уголовно-процессуальной науки и правоприменительной практики вопросов, к которым, безусловно, относятся: теоретическое осмысление необходимости принятия и содержания специального закона о потерпевшем; приобретение статуса потерпевшего; обеспечение прав и законных интересов потерпевшего в стадии возбуждения уголовного дела; правовой и организационный аспекты участия потерпевшего в процессе доказывания по

уголовному делу; деятельность следователя по возмещению вреда, причиненного потерпевшему преступлением; правовые и организационные вопросы представительства интересов потерпевшего; особенности участия потерпевшего в производстве отдельных следственных действий в условиях их нового правового регулирования; обеспечение прав и законных интересов потерпевшего при прекращении уголовного дела (уголовного преследования) и направлении уголовного дела с обвинительным заключением (актом или постановлением) прокурору, по уголовным делам частного обвинения и некоторые другие.

Новый импульс научным исследованиям в области защиты прав потерпевших придало Постановление Конституционного Суда РФ от 2 июля 2013 г. № 16-П по делу о проверке конституционности положений части 1 ст. 237 УПК РФ в связи с жалобой гражданина Республики Узбекистан Б.Т. Гадаева и запросом Курганского областного суда, которым признана неконституционной данная уголовно-процессуальная норма и констатировано, что суд вправе по ходатайству, в частности потерпевшего, возвратить уголовное дело в досудебное производство для усиления обвинения, что с учетом сложившейся правоприменительной практики до настоящего времени было запрещено¹.

Все изложенное побудило автора обратиться к исследованию одной из важных социально-правовых задач – обеспечение прав и свобод потерпевшего в уголовном судопроизводстве – именно в указанном выше ракурсе. Результаты настоящего исследования изложены в этом издании, и, надеюсь, что они будут интересны научным работникам, преподавателям, аспирантам, студентам юридических вузов и факультетов, а также дознавателям, следователям, прокурорам, судьям.

---

¹ Российская газета. 2013. 12 июля.

Глава 1. ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫЕ И ДОКТРИНАЛЬНЫЕ ОСНОВЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРАВ И ЗАКОННЫХ ИНТЕРЕСОВ ПОТЕРПЕВШЕГО В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

§ 1. Основные аспекты проблемы надлежащего обеспечения прав и законных интересов потерпевшего

В российской теории уголовного процесса уделено значительное внимание вопросам надлежащего обеспечения прав и законных интересов потерпевшего. В разное время активно обсуждались многие аспекты совершенствования уголовно-процессуального законодательства в этой части. Только в последние годы этой проблематике был посвящен ряд фундаментальных работ. Научному изысканию подверглось участие потерпевшего в доказывании по уголовному делу¹; установление характера и размера вреда, причиненного преступлением, а также вопросы его возмещения²; личность потерпевшего³; соотношение процессуальных статусов потерпевшего и обвиняемого⁴. Уголовно-процессуальной наукой не оставлены в тени вопросы обеспечения безопасности потерпевшего⁵. Особое внимание было уделено потерпевшему – юридическому лицу и его представителю⁶. Име-

---

¹ Демченко Е.В. Участие потерпевшего и его представителя в доказывании: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2001. 28 с.; Гунарис Ю.С. Участие потерпевшего в уголовном преследовании по делам публичного обвинения: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ставрополь, 2004. 25 с.; Круглов С.В. Участие потерпевшего в доказывании на предварительном следствии по УПК РФ: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2006. 27 с.

² См., напр.: Владимирова В.В. Компенсация морального вреда – мера реабилитации потерпевшего в российском уголовном процессе: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саранск, 2004. 26 с.; Кривошёрков Н.В. Моральный вред, устанавливаемый в ходе производства по уголовному делу (на стадии предварительного расследования): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Красноярск, 2004. 25 с.

³ Жеребятьев И.В. Процессуально-правовое положение личности потерпевшего в современном уголовном судопроизводстве России: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2004. 26 с.

⁴ Корнелюк О.В. Баланс процессуальных статусов потерпевшего и обвиняемого при досудебном производстве: дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2003. 256 с.; Ибрагимов И.М. Правомерные возможности защиты прав потерпевшего в российском уголовном судопроизводстве: монография. М.: Юриспруденция, 2008. 241 с.

⁵ Зайцев О.А. Теоретические и правовые основы государственной защиты участников уголовного судопроизводства в Российской Федерации: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1999. 446 с.; Брусницын Л.В. Теоретико-правовые основы и мировой опыт обеспечения безопасности лиц, содействующих уголовному правосудию: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2002. 462 с.

⁶ См., напр.: Сычёв П.Г. Особенности участия и гарантии прав организаций (юридических лиц) на досудебных стадиях уголовного судопроизводства: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2008. 231 с.; Абдрахманов М.Х. Охрана имущества и деловой репутации юридических лиц в уголовном процессе России: дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2008. 269 с.; Афисов В.В. Процессуальное положение юридического лица как потерпевшего в уголовном судопроизводстве России: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Тюмень, 2008. 20 с.; Шишкин С.С. Представительство юридического лица в уголовном судопроиз-

ются работы, посвященные обеспечению прав и законных интересов личности, в том числе лица, пострадавшего от преступления, на первоначальном этапе уголовного судопроизводства¹. Практически все авторы, глубоко рассматривающие эти отдельные вопросы, в своих исследованиях не могли проигнорировать все то, что связано с понятием потерпевшего, его правовым статусом, реальным обеспечением реализации прав и защиты интересов этого участника судопроизводства. Считаем необходимым обратить особое внимание на то, что ряд научных изысканий осуществлен в связи с разработкой концепции и подготовкой проекта специального закона о потерпевшем.

Вопросы, связанные с обеспечением прав потерпевшего, нередко затрагиваются в исследованиях иной направленности. К числу таковых, осуществленных в последние годы, можно отнести диссертацию, написанную А.С. Дежневым, который, рассматривая проблематику охраны интересов семьи в уголовном судопроизводстве, значительное внимание уделяет отдельным аспектам должной реализации прав потерпевшего, обеспечению его интересов, вносит предложения по совершенствованию законодательства и правоприменения в этой сфере².

Имеет место и противоположный подход. Так, авторы одного из весьма солидных учебных изданий во втором разделе первого тома, излагая материал об участниках уголовного судопроизводства, применили следующую схему. Первые пять глав, входящих в данный раздел, посвящены государственным органам и должностным лицам, осуществляющим производство по уголовному делу. При этом детально излагаются вопросы, касающиеся органов судебной власти, прокуратуры, предварительного следствия и дознания. Отдельные главы посвящены следователю и руководителю следственного органа. Все иные субъекты объединены в одну главу, именованную «Граждане и организации, участвующие в уголовном процессе». Причем учебный материал о потерпевшем в весьма лаконичной форме здесь излагается после того, как дана характеристика обвиняемому, подозреваемому, защитнику³. Такой подход, при котором потерпевший «затерялся» среди других участников уголовного судопроизводства, тем более рассматривается (а в этом можно увидеть и определенную иерархию) позже подозреваемого и обвиняемого, по нашему мнению, не является оправдан-

---

водстве: вопросы теории и практики: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2012. 22 с.

¹ *Марфицин П.Г.* Обеспечение прав и законных интересов личности в стадии возбуждения уголовного дела: дис. ... канд. юрид. наук. М., 1993. 234 с.; *Кирынина Н.А.* Обеспечение прав несовершеннолетних участников уголовного судопроизводства в стадии возбуждения уголовного дела: дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2010. 202 с.; *Филиппов Д.В.* Обеспечение прав и законных интересов лица, потерпевшего от преступления, на первоначальном этапе уголовного судопроизводства: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2013. 189 с.

² *Дежнев А.С.* Охрана интересов семьи и несовершеннолетних в уголовном процессе России: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Омск, 2013. 43 с.

³ Курс уголовного судопроизводства: учеб.: в 3 т. / под ред. В.А. Михайлова. М.: Изд-во Московского психолого-социального института; Воронеж: МОДЕК, 2006. Т. 1: Общие положения уголовного судопроизводства. С. 518-522.

ным, хотя он соответствует духу современного уголовно-процессуального законодательства, где четко просматривается «ущербность» статуса этого участника судопроизводства¹. Мы не согласны с ним не только потому, что объектом нашего исследования являются отношения, складывающиеся вокруг потерпевшего. «Гиперболизированное внимание, – пишет В.Т. Томина, – к «человеку и гражданину», причинившему зло другому «человеку и гражданину» и в силу этого ставшему субъектом, к которому применяются меры уголовно-процессуального принуждения, делает уголовное судопроизводство несправедливым»².

Очередной всплеск научных дискуссий по данной проблематике был объективно обусловлен официальным появлением в последние годы двух исторических, если иметь в виду необходимость обеспечения реализации конституционного права потерпевших от преступлений на доступ к правосудию и компенсацию причиненного им ущерба, документов: 1) специального доклада Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации В. Лукина от 27 мая 2008 г. «Проблемы защиты прав потерпевших от преступлений»³; 2) Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 29 июня 2010 г. № 17 «О практике применения судами норм, регламентирующих участие потерпевшего в уголовном судопроизводстве»⁴.

Значительное число разноплановых проблемных вопросов, связанных с обеспечением прав и законных интересов потерпевшего, означает, прежде всего, что нам предстоит рассмотреть сложную, многогранную тему. В связи с этим возникла необходимость систематизации тех частных проблемных вопросов, которые освещены в юридической литературе, обозначены в официальных документах и нами будут подвергаться изучению. В основу такой классификации могут быть положены различные критерии. Например, можно построить ее исходя из характера проблем и сферы, в которой лежит их решение (теоретические, правовые, организационные, в том числе связанные с тактическими приемами обеспечения прав потерпевшего, финансовые, психологические и др.). Дифференциация может быть осуществлена в зависимости от этапов уголовного судопроизводства, на которых возникают проблемы обеспечения прав и законных интересов потерпевшего. Следует иметь в виду, что причины возникновения рассматриваемых проблем также лежат в разных плоскостях. Отдельные из них связаны с несовершенством права, другие представлены ошибками и нарушениями в применении действующего закона. Причем последние нередко существенны и нелокальны.

Указанная систематизация в условиях нашего исследования крайне необходима, поскольку одной из целей его осуществления является обобщение всей проблематики, комплексное решение всех вопросов, существующих в этой сфере. Последним обстоятельством объясняется и то, что

---

¹ Муравьев К.В., Писарев А.В. Участники уголовного судопроизводства: учеб. пособие. Омск: Омская академия МВД России, 2011. С. 33.

² Томина В.Т., Поляков М.П., Попов А.П. Очерки теории эффективного уголовного процесса / под ред. В.Т. Томина. Пятигорск: Изд-во Пятигорского лингв. ун-та, 2000. С. 4.

³ Проблемы защиты прав потерпевших от преступлений: спец. доклад Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации // Российская газета. 2008. 4 июня.

⁴ Бюллетень Верховного Суда РФ. 2010. № 9.

при освещении отдельных из них мы, возможно, не будем достигать той глубины исследования, которая имеет место в монографических работах, посвященных частным аспектам. В противном случае объем нашего труда был бы весьма велик. Тем не менее, сокращая текст работы за счет исключения аргументации, мы будем использовать суждения, сформулированные предыдущими исследователями, соглашаться или не соглашаться с ними, излагать свое мнение.

В то же время предложенные классификации, на наш взгляд, не дадут должного эффекта, если использовать их обособленно. Принимая во внимание взаимосвязанность и в то же время относительную обособленность частных проблем обеспечения прав и законных интересов потерпевшего, необходимо их комплексное, совместное использование. Поэтому в нашем случае они будут ориентиром для определения не только круга подлежащих изучению вопросов, но и их глубины.

Значимость дифференциации проблем обеспечения прав и законных интересов потерпевшего не вызывает сомнений. Практическое ее воплощение можно увидеть, например, в специальном докладе Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации «Проблемы защиты прав потерпевших от преступлений». Этот документ имеет рубрикации, что позволило не только обозначить перечень проблем, имеющих в данной сфере, но и показать, с одной стороны, их относительную обособленность, а с другой – взаимосвязь. Рассмотрим это подробнее.

Уполномоченный по правам человека в Российской Федерации посчитал необходимым выделить в своем докладе введение, а также следующие разделы:

1. Правовое положение потерпевшего в уголовном судопроизводстве. Здесь в краткой форме изложены история развития и современное состояние российского законодательства в части регламентации правового положения потерпевшего, а также общая характеристика статуса потерпевшего. При этом акцентируется внимание на необходимости предоставления потерпевшему возможности доведения до суда своей позиции и доводов, констатируется, что применение законодательства не является в полной мере эффективным, что связано, в первую очередь, с формальной процедурой признания лица потерпевшим.

2. Нарушение прав потерпевшего как участника уголовного процесса. В этой части содержится указание на отсутствие в законе четко обозначенного момента признания лица потерпевшим, что во многих случаях на практике приводит к запоздалому наделению лица соответствующим правовым статусом (иногда на завершающих этапах расследования), а это лишает возможности данного участника судопроизводства полноценно реализовать предоставленные законом возможности. Обращается внимание на то, что на начальном этапе уголовного процесса пострадавшее лицо рассматривается в качестве заявителя, а это также ограничивает его возможности по защите своих интересов. Предлагается признавать лицо потерпевшим и гражданским истцом одновременно с решением вопроса о возбуждении уголовного дела.

3. Нарушение прав потерпевшего на возмещение материального и морального вреда от преступления. Уполномоченный по правам человека в

Российской Федерации констатирует, что деятельность по возмещению вреда, причиненного потерпевшему преступлением, а также компенсации расходов, понесенных в связи с участием в производстве по уголовному делу, малоэффективна. Это объясняется рядом обстоятельств: отсутствием необходимой правовой основы или ненадлежащим состоянием имеющихся нормативных предписаний; невозможностью государства взять на себя обязанность по осуществлению соответствующих компенсаций и др. Особо подчеркивается необходимость возрождения иных (кроме гражданского иска) способов возмещения вреда, причиненного преступлением (возмещение вреда по инициативе суда, уголовно-процессуальная реституция, обеспечение выплат компенсации потерпевшему за вред, причиненный преступлением, за счет государства, совершенствование механизма определения размера и компенсации морального вреда). В связи с этим предлагается разработать комплексный, системный подход ко всем сторонам этого вопроса – от определения источника финансирования до законодательного урегулирования порядка.

4. Проблемы, связанные с защитой прав потерпевшего, на законодательном уровне и на практике. В этом разделе, а также в следующей рубрике «Необходимость защиты прав потерпевшего в связи с оказанием на него давления» акцент сделан на сформировавшемся у населения недоверии к правосудию и, в первую очередь, из-за отсутствия надлежащих механизмов обеспечения защиты свидетелей и потерпевших от неправомерного воздействия со стороны обвиняемого и лиц из его окружения. Указано, что меры обеспечения безопасности потерпевших не работают, поскольку не решены организационные вопросы, неудачно определены размеры финансирования, отсутствуют практические навыки применения закона в рассматриваемой сфере. При этом отмечается, что для этих целей не используются в должной степени и те законодательные предписания, которые содержатся в УПК РФ.

5. Нарушение права потерпевшего участвовать в уголовном судопроизводстве наравне с подозреваемым и обвиняемым. Основное внимание здесь уделено сложившемуся дисбалансу в правовом статусе потерпевшего и участников, представляющих сторону защиты (в первую очередь, обвиняемого). Также указывается, что потерпевшему не предоставлена возможность самостоятельного сбора доказательств. В этом вопросе он полностью зависит от органов расследования.

Завершает документ раздел, поименованный «Предложения», в котором изложены основные пожелания, направленные на совершенствование законодательства, решение организационных, финансовых и иных вопросов, способных повысить качество обеспечения прав и законных интересов потерпевшего.

Таким образом, ознакомление с данным специальным докладом позволяет увидеть значительный, причем структурированный перечень вопросов, подлежащих разрешению в целях повышения эффективности обеспечения прав и законных интересов потерпевшего в уголовном судопроизводстве. Однако считаем необходимым отметить неполноту этого перечня, что, в первую очередь, объясняется недостаточной детализацией изложенных проблем. Это не упрек составителю документа. Именно такой подход и

следовало применить исходя из характера и назначения рассматриваемого документа.

При подготовке указанного выше постановления Пленума Верховного Суда РФ изучался большой круг вопросов. Для этого Верховным Судом РФ была разработана и разослана на места программа изучения судебной практики применения судами норм уголовно-процессуального закона, регулирующих участие потерпевшего в уголовном судопроизводстве¹. В ней содержался перечень из 32 вопросов, подлежащих изучению. Считаем необходимым отметить, что не все они были отражены в итоговом документе. Причины здесь различны. На некоторые из них мы позже обратим внимание.

Указанный документ не имеет рубрикации, хотя определенная последовательность в изложении позиции высшего судебного органа прослеживается. В нем рассмотрены и изложены:

- вопросы, связанные с определением потерпевшего (п. 2-6), в том числе указывается, что потерпевшим лицо должно признаваться независимо от гражданства, возраста, физического или психического состояния, установления всех лиц, совершивших преступление. Говорится о том, что статусом потерпевшего должно наделяться и лицо, которому причинен вред запрещенным уголовным законом деянием, совершенным лицом в состоянии невменяемости. Изложены разъяснения, которые следует использовать при принятии решения о признании лица потерпевшим, в случаях, когда преступление является неоконченным (п. 2). При реализации процессуального статуса рекомендуется учитывать фактическое положение лица, пострадавшего от преступления (п. 3). Отмечается, что признание потерпевшим не зависит от заявления лица. Объясняется, как надлежит поступать в случаях, когда лицо погибло при совершении уголовно наказуемого деяния;

- вопросы представительства интересов потерпевшего (п. 7-8);

- разъяснения о порядке реализации отдельных прав потерпевшего, в частности, таких как: быть уведомленным и получать копии процессуальных документов в определенных законом случаях, пользоваться услугами переводчика и получать документы в переводе на родной язык, заявлять отводы, ходатайства, излагать суду свою позицию, принимать участие во всех судебных заседаниях, участвовать в прениях сторон (п. 9-14). Отдельно рассматриваются вопросы, связанные с обеспечением прав потерпевшего при применении ст. 25 УПК РФ (п. 32), а также в особом порядке судебного разбирательства (п. 33);

- разъяснения, касающиеся применения законодательства в части обеспечения права на применение мер безопасности (п. 15-17);

- вопросы, связанные с возмещением вреда, причиненного преступлением. Предложены критерии определения размера значительного ущерба, причиненного преступлением. Сформулированы рекомендации, касающиеся признания лица гражданским истцом, для тех случаев, когда это не сделано органами предварительного расследования, определения размера ком-

---

¹ Аналитические материалы изучения практики применения судами норм уголовно-процессуального закона, регулирующих участие потерпевшего в уголовном судопроизводстве // Архив Верховного Суда РФ за 2010 г.

пенсации морального вреда, принятия решения по гражданскому иску (п. 19-26), а также компенсации расходов на представителя (п. 34);

- комментарии к положениям закона, касающимся особенностей производства по делам частного обвинения (п. 27-31);

- вопросы, связанные с обжалованием и пересмотром судебных решений (п. 35-37).

Обозначенные в рассматриваемом документе вопросы не столь фундаментальны, как в докладе Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации. Здесь, в частности, не указаны желаемые перспективы развития законодательства. Но они ближе к правоприменению. Это вполне объяснимо и проистекает из природы подобных нормативных актов, а также функции Верховного Суда РФ, реализуемой в данном случае. Вместе с тем для повышения эффективности обеспечения прав и законных интересов потерпевшего важно и то, и другое.

Предпринимаются также попытки сформулировать проекты законов, направленных на повышение эффективности обеспечения прав и законных интересов потерпевшего. Так, Следственным комитетом РФ предложен законопроект «О потерпевшем от преступлений», который, по замыслу составителей, в целях обеспечения государственной поддержки потерпевших от преступлений, а также их близких определяет принципы защиты и восстановления нарушенных прав, свобод и законных интересов этого участника судопроизводства, а также основы государственной политики в области их правовой, социальной защиты и порядок производства государством компенсационных выплат указанным лицам¹. По ряду причин характеристику этого документа мы рассмотрим в отдельном параграфе настоящей главы.

Депутатом Государственной Думы РФ И.А. Яровой внесен на рассмотрение проект закона «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях совершенствования прав потерпевших в уголовном судопроизводстве»². Этот документ также можно оценить как попытку комплексно разрешить проблемы, существующие в рассматриваемой сфере. В частности, для разрешения проблем, возникающих в сфере обеспечения прав и законных интересов потерпевшего, в нем сформулированы предложения по корректировке уголовного, уголовно-исполнительного, уголовно-процессуального, административного законодательства, а также указаны нормы, подлежащие корректировке, содержащиеся в законах «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства», «О средствах массовой информации», «Об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы». Это подчеркивает не только многоаспектность рассматриваемой нами проблематики, но и ее межотраслевой характер.

---

¹ Законопроект «О потерпевших от преступлений» [Электронный ресурс]. Доступ с сайта Следственного комитета РФ. URL: <http://www.rg.ru/2012/02/24/poterpevshie-site-dok.html> (дата обращения: 18.01.2013).

² Проект закона «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях совершенствования прав потерпевших в уголовном судопроизводстве» [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 14.03.2013).

Все содержащиеся в этом законопроекте предложения, на наш взгляд, заслуживают внимания, хотя не все они безупречны. Но с учетом научной специальности, которую представляет автор настоящей работы, мы рассмотрим те из них, которые касаются уголовно-процессуального законодательства. Здесь также уместно осуществить некоторую систематизацию. Часть поправок связана с корректировкой понятия потерпевшего. Например, посредством внесения изменений в текст ч. 1 ст. 42 УПК РФ составителями проекта закона предлагается признавать лицо потерпевшим с момента возбуждения уголовного дела. Предпринята попытка ликвидировать несоответствие Конституции РФ положения, содержащегося в ч. 8 ст. 42 УПК РФ.

Сформулирован ряд предписаний, расширяющих правовой статус потерпевшего. Они также неоднородны. Одни из них сориентированы на ликвидацию дисбаланса между правовым статусом потерпевшего и обвиняемого. В частности, предлагается вручать копию постановления судьи о заключении под стражу (а равно, о применении домашнего ареста или залога) не только обвиняемому, но и потерпевшему. Уравнены права обвиняемого и потерпевшего в части ознакомления с заключением эксперта, осведомленностью о приостановлении производства по делу и др.

Другая группа корректировок законодательства, связанных с расширением процессуального статуса потерпевшего, направлена на его осведомленность о ходе производства по уголовному делу. Например, в содержание предлагаемого п. 13 ст. 42 УПК РФ включено значительное число документов, отражающих решения дознавателя, следователя, суда, копии которых в обязательном порядке должны быть вручены потерпевшему. Отстаивается идея об информировании потерпевшего о прибытии осужденного к месту отбывания наказания, о времени освобождения осужденного из мест лишения свободы.

В отдельную группу авторских предложений можно выделить те из них, которые касаются представительства интересов потерпевшего, включая вопросы компенсации расходов, понесенных потерпевшим на представителя. В этих целях предлагается внести корректировки в ч. 1 ст. 45 УПК РФ, дополнить ч. 2 ст. 131 УПК РФ новым пунктом.

Значительное число предписаний рассматриваемого документа относится к обеспечению прав несовершеннолетних потерпевших. Они касаются и обязательного участия адвоката в качестве представителя такого потерпевшего по делам о преступлениях против половой неприкосновенности, и отстранения законного представителя, если он действует не в интересах подростка, и обязательного применения видеозаписи при производстве следственных действий, предусмотренных гл. 26 УПК РФ, если в их осуществление вовлечены подростки, и особенностей производства допроса, очной ставки, опознания, проверки показаний на месте с участием потерпевшего.

Имеются и предложения иного характера, например, направленные на охранение сведений о частной жизни, возможности доведения до суда своей позиции и др.

Выше мы отметили, что не все из сформулированных предложений заслуживают поддержки, но все они по-своему интересны. Мы обратимся к рассмотрению некоторых из них в ходе дальнейшего изложения материала.

Здесь же наша цель была иной – показать многоплановость того вопроса, к исследованию которого мы обратились.

Таким образом, *обеспечение прав и законных интересов потерпевшего в уголовном судопроизводстве является не только требующей решения важной социальной задачей, но и многоаспектной проблемой, в рамках которой надлежит исследовать и разрешить ряд крупных вопросов, связанных:*

- с понятием потерпевшего в российском уголовном судопроизводстве;
- обеспечением реализации его прав и защиты интересов на различных этапах уголовного судопроизводства (в стадии возбуждения уголовного дела, предварительного расследования, в судах различных инстанций);
- обеспечением прав потерпевшего при реализации отдельных правовых институтов (участие этого субъекта в доказывании по уголовным делам; возмещение вреда, причиненного преступлением; компенсация расходов, понесенных в связи с участием в отправлении правосудия; осуществление следственных действий, а также деятельности на завершающем этапе расследования и др.).

При этом необходимо выявить недостатки правового регулирования и осуществить теоретическое обоснование предложений по совершенствованию законодательства, а также обнаружить ошибки и нарушения, допускаемые в правоприменении и существенно влияющие на обеспечение прав и законных интересов потерпевшего, предложить механизмы ликвидации причин, их порождающих.

Этим предопределена структура настоящей работы. Те вопросы, которые в большей степени носят теоретический характер и являются основными, определяющими концепцию нашего исследования, будут рассмотрены в данной главе.

§ 2. Теоретические и правовые основы понятия потерпевшего. Приобретение статуса потерпевшего

Современное понятие потерпевшего, проистекающее, в первую очередь, из содержания ч. 1 ст. 42 УПК РФ, достаточно часто и обоснованно подвергается критике. Его несовершенство – не только предмет научных дискуссий, но и реальное препятствие обеспечению прав и законных интересов лица, пострадавшего от преступления.

Вопрос о понятии потерпевшего неоднороден. Содержание научных изысканий, текста официальных документов (постановлений и определений высшего судебного органа, доклада Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации, ведомственных нормативных актов) позволяет сформулировать несколько его составляющих. В частности, спорным представляется момент наделения лица статусом потерпевшего, есть неясности в вопросах возможности существования рассматриваемого субъекта в уголовных делах, когда расследуются противоправные деяния лица, страдающего психическим заболеванием, или о преступлениях, последствием которых явилась смерть лица. Имеются и иные вопросы, не получившие долж-

ного законодательного регулирования, а следовательно, влияющие на единообразие правоприменения. Начнем с самого сложного.

Рассматривая процесс формирования процессуального статуса потерпевшего, необходимо обозначить следующие его этапы: 1) фактическое претерпевание лицом вреда, который явился следствием совершенного уголовно наказуемого деяния; 2) обращение этого лица с заявлением о преступлении в правоохранительные органы либо вовлечение его в деятельность по проверке первоначальной информации о преступлении иным образом (например, при получении сообщения о преступлении из иного источника); 3) признание лица потерпевшим, оформленное соответствующим постановлением дознавателя, следователя, судьи, определением суда. Действующее уголовно-процессуальное законодательство не учитывает нахождение лица в фактическом положении потерпевшего, т.е. на первом этапе предложенной нами периодизации. Полный процессуальный статус потерпевшего лицо получает только на третьем этапе. Неоднозначно отношение законодателя к пострадавшему во второй стадии, когда лицо по своей воле или волеизъявлению органов, осуществляющих судопроизводство, вовлекается в производство предварительной проверки сообщения о преступлении. Кстати, в некоторых случаях пострадавший от преступления в такой проверке участия не принимает.

Для обозначения лица, обратившегося с заявлением о преступлении, законодатель употребил слово «заявитель» (ст. 141, ч. 4 ст. 146, ч. 2 ст. 145, ч. 4 ст. 146, ч. 4 ст. 148 УПК РФ). В юридической литературе, как правило, используется этот же термин. Представляется, что такое наименование лица, пострадавшего от преступления, неудачно.

В русском языке словом «заявитель» обозначается тот, кто подает заявление, т.е. официальное сообщение, сделанное в устной или письменной форме¹. Такое широкое понимание рассматриваемого термина привело к тому, что в уголовном судопроизводстве его используют в нескольких значениях. Во-первых, под заявителем понимается лицо, заявившее ходатайство (ст. 120, 219 УПК РФ); во-вторых, лицо, принесшее жалобу на действия должностных лиц, осуществляющих судопроизводство. При этом данное понятие используется как в гл. 16 УПК РФ, определяющей общие правила обжалования действий и решений суда и должностных лиц (ст. 124, 125 УПК РФ), так и в предписаниях закона, устанавливающих правила обжалования судебных решений (например, ст. 401.4 УПК РФ). В-третьих, как мы отметили выше, понятие «заявитель» многократно употребляется в гл. 19 и 20 УПК РФ, регламентирующих порядок рассмотрения и разрешения первичной информации о преступлениях. Используется оно и в других ситуациях (ст. 318, 399, 463 УПК РФ). Исходя из этого, определение понятия и правового статуса заявителя должно рассматриваться с учетом указанных выше обстоятельств.

Вместе с тем возникает вопрос о том, является ли заявитель самостоятельным участником уголовного судопроизводства. Ответить на него однозначно, на наш взгляд, не представляется возможным. Так, в части 3

---

¹ Ожегов С.И. Словарь русского языка: ок. 57000 слов / под ред. Н.Ю. Шведовой. 16-е изд., испр. М., 1984. С. 196.

ст. 119 УПК РФ словом «заявитель» обобщенно обозначаются лица, имеющие право заявить ходатайство. В части 1 этой же статьи указан круг лиц, которые обладают этим правом. К ним отнесены подозреваемый, обвиняемый, его защитник, потерпевший, его законный представитель и представитель, частный обвинитель, эксперт, а также гражданский истец, гражданский ответчик, их представители. Таким образом, термином «заявитель» здесь не обозначается автономный субъект уголовно-процессуальных отношений.

Иначе дело обстоит с заявителем, которого законодатель упоминает в гл. 19 и 20 УПК РФ, где под этим участником имеется в виду лицо, предоставившее первичную информацию о преступлении. В данном случае есть основания предполагать, что речь идет об обособленном участнике уголовного судопроизводства.

Однако в разделе II «Участники уголовного судопроизводства» УПК РФ этот субъект не упоминается. В указанном разделе имеются: глава 5 «Суд»; глава 6 «Участники уголовного судопроизводства со стороны обвинения»; глава 7 «Участники уголовного судопроизводства со стороны защиты»; глава 8 «Иные участники уголовного судопроизводства». Логическое восприятие наименования частей и структуры этого раздела может привести к выводу, что в нем дан исчерпывающий перечень субъектов, участвующих в уголовном процессе. Наименование главы 8 УПК РФ может сформировать представление, что в нее включены все участники уголовного судопроизводства, не вошедшие в иные главы, по остаточному признаку. Такие опасения высказываются в теории уголовного процесса¹.

Но в главе 8 УПК РФ обозначен не весь круг субъектов. Не упоминается там рассматриваемый нами заявитель, не вошли в нее поручитель (ст. 103 УПК РФ), залогодатель (ст. 106 УПК РФ), секретарь судебного заседания (ст. 68, 245 УПК РФ) и многие другие. Можно ли их именовать участниками уголовного судопроизводства? Если использовать подход, в соответствии с которым участники уголовного судопроизводства – это только те, которые упомянуты в разделе втором УПК РФ, то положительный ответ на этот вопрос дан не будет. Но это прямой путь к возникновению дискуссии, подобной той, которая существовала по вопросу о понятии и круге участников уголовного процесса во второй половине XX в.² В настоящее время подобный научный спор, очевидно, не возникнет, поскольку УПК РФ содержит понятие участников уголовного судопроизводства – это лица, принимающие участие в уголовном процессе (п. 58 ст. 5 УПК РФ). Данное определение позволяет к числу участников отнести всех, кто вовлечен в уголовно-процессуальные отношения независимо от того, упомянут этот субъект в разделе втором УПК РФ или нет. Напрямую это относится и к заявителю, о котором идет речь в гл. 19, 20 УПК РФ. Вот только обозна-

¹ Бахта А.С. Механизм уголовно-процессуального регулирования: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2011. С. 119-121.

² См., напр.: Рахунов Р.Д. Участники уголовно-процессуальной деятельности по советскому праву. М., 1961. 275 с.; Стрёмовский В.А. Участники предварительного следствия. Ростов н/Д, 1966. 136 с.; Выдря М.М. Участники судебного разбирательства и гарантии их прав: учеб. пособие. Краснодар, 1979. 101 с.; Шешуков М.П. Участники процесса на предварительном следствии. Рига, 1988. 120 с.

ченная дефиниция, имеющая место в ст. 5 УПК РФ, оторвана от текста упомянутого раздела, что создает определенные неудобства в правильном восприятии смысла закона¹.

Очевидно, из-за неоднозначности восприятия термина «заявитель» российский законодатель отказался от формулирования соответствующего определения, но это сделал законодатель Казахстана. В пункте 20 ст. 7 УПК Республики Казахстан² (далее – УПК РК) указано: заявитель – лицо, обратившееся к суду или органам уголовного преследования за защитой в порядке уголовного судопроизводства своего (чужого) действительного или предполагаемого права. Определение получилось всеобъемлющим. Оно охватывает все ситуации, при которых законодатель использует этот термин. А в УПК РК он, как и в УПК РФ, используется практически в одних и тех же случаях. Однако такое понятие заявителя, как нам представляется, в большей степени отражает семантику этого слова и не несет какой-либо правовой нагрузки.

Вместе с тем попытка сформулировать понятие заявителя предпринята в теории уголовного процесса³. В процессуальной литературе высказываются предложения о включении в ст. 5 УПК РФ понятия «заявитель» и предлагается определить его следующим образом: «Заявитель – лицо, обратившееся в предусмотренном законом порядке в органы предварительного расследования, прокуратуру, суд с заявлением о готовящемся или совершенном преступлении, а также с заявлением об обжаловании процессуальных решений и действий (бездействия) лиц, осуществляющих уголовное преследование, принятие и совершение которых причиняет или способно причинить ущерб его правам, свободам и законным интересам»⁴. Однако, на наш взгляд, эта дефиниция не вполне удачна. Во-первых, определением не охватываются отдельные категории субъектов, которых законодатель также именуется заявителями, например, лицо, обратившееся с ходатайством (ст. 120, 219 УПК РФ), лицо, по чьей просьбе разрешаются вопросы, связанные с исполнением приговора (ст. 399 УПК РФ), и др. Во-вторых, действия (бездействие) и решения должностных лиц могут быть обжалованы как участниками уголовного судопроизводства, так и иными лицами (ч. 1 ст. 123 УПК РФ). И если во втором случае предложенное определение действительно может быть приемлемым, то в первом возникает ряд вопросов. Например, если жалоба принесена потерпевшим, то как надлежит имено-

---

¹ Хитрова О.В. Об участии в уголовном преследовании органов судебной, законодательной власти и иных субъектов // *Фундаментальные и прикладные проблемы управления расследованием преступлений*: сб. науч. тр.: в 2 ч. М., 2005. Ч. 1. С. 20-21.

² Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан // *Ведомости Парламента Республики Казахстан*. 1997. № 23. Ст. 335.

³ Подробнее об этом см.: *Марфицин П.Г., Синенко С.А., Филиппов Д.В.* Обеспечение прав и законных интересов лица, пострадавшего от преступления, в стадии возбуждения уголовного дела: монография. Омск: Омская академия МВД России, 2013. С. 32-38.

⁴ *Давыдов И.А. и др.* Судебный контроль в уголовном процессе: учеб. пособие для студентов вузов, обучающихся по специальности «Юриспруденция» / под ред. Н.А. Колоколова. 2-е изд., перераб. и доп. М.: ЮНИТА-ДАНА: Закон и право, 2009. С. 75.

вать такого участника – потерпевшим или заявителем, каким объемом прав он должен обладать, зачем ему иметь двойное наименование? В-третьих, не всегда и лицо, сделавшее заявление о преступлении, законодателем именуется заявителем. Так, по делам частного обвинения поводом для начала уголовного судопроизводства является заявление потерпевшего или его законного представителя (ч. 2 ст. 20, ч. 1 ст. 318 УПК РФ).

С учетом направленности настоящего исследования нас в большей степени интересует заявитель как участник первоначального этапа судопроизводства, т.е. лицо, которому причинен вред преступлением и которое обратилось с заявлением об этом, поэтому исследуем процессуальное положение этого субъекта. Термин «заявитель» неоднократно используется в ст. 141 УПК РФ «Заявление о преступлении». Здесь, в частности, отмечается, что письменное заявление о преступлении должно быть подписано заявителем; устное заявление о преступлении заносится в протокол, который подписывается заявителем; протокол должен содержать данные о заявителе, а также о документах, удостоверяющих его личность; в случае, когда заявитель не может лично присутствовать при составлении протокола, его заявление оформляется в порядке, установленном ст. 143 УПК РФ; заявитель предупреждается об уголовной ответственности за заведомо ложный донос, о чем в протоколе делается отметка, которая удостоверяется подписью заявителя. О заявителе и принадлежащих ему правах упоминается также в других статьях, содержащихся в 19 и 20 главах УПК РФ. В части 4 ст. 144 УПК РФ говорится о том, что заявителю должен быть выдан документ о принятии сообщения о преступлении с указанием данных о лице, его принявшем, а также даты и времени принятия. В части 2 ст. 145 и ч. 4 ст. 148 УПК РФ указано, что заявитель должен быть поставлен в известность о результатах рассмотрения информации о преступлении. В части 4 ст. 146 УПК РФ закреплено право заявителя знать об отмене прокурором постановления о возбуждении уголовного дела.

Все это может сформировать представление о том, что термином «заявитель» законодатель обозначил лицо, пострадавшее от преступления, до придания ему официального статуса потерпевшего. Таким образом, можно было бы включить заявителя в перечень субъектов, отнесенных к стороне обвинения. Именно этим путем пошли ученые, предлагающие рассматривать заявителя в качестве самостоятельного участника судопроизводства. Их позиция близка к нашей в том, что рассмотрен и предлагается к законодательному закреплению широкий круг прав и обязанностей, которыми должно обладать лицо, пострадавшее от преступления, уже на первоначальном этапе судопроизводства. Однако мы расходимся с ними в главном – в дефиниции понятия такого лица. Указанные авторы предлагают дополнить УПК РФ ст. 41¹, в которой рассматриваемое лицо определяют следующим образом: «Заявителем является физическое или юридическое лицо, обратившееся в орган внутренних дел, мировой суд с намерением сделать в устном или письменном виде заявление о совершенном или готовящемся преступлении в порядке, установленном статьей 141 настоящего Кодекса. Лицо признается заявителем с момента обращения его в орган внутренних дел, мировой суд до момента признания потерпевшим, представи-

телем либо законным представителем потерпевшего, либо частным обвинителем, либо подозреваемым»¹.

Несовершенство такого определения, на наш взгляд, можно рассматривать с нескольких сторон. Изложенное выше понятие заявителя связано только с этапом возбуждения уголовного дела, в то время как этот субъект упоминается в законе и как участник иных уголовно-процессуальных отношений. Об этом мы писали выше. Неясно, почему заявителем является только лицо, обратившееся в орган внутренних дел или к мировому судье? А если человек по поводу подготавливаемого или совершенного преступления обратится в Следственный комитет РФ, ФСКН или ФСБ, то он не будет считаться заявителем? Наконец, авторы действительно представили заявителя как потенциального потерпевшего. Об этом свидетельствует не только предложенное ими определение, но и все содержание опубликованной статьи. На наш взгляд, такое мнение ошибочно и оно легко опровергается.

Во-первых, законодатель не требует, чтобы в качестве заявителя выступало только то лицо, которому совершенным деянием причинен вред. В части 1 ст. 144 УПК РФ содержится указание о том, что дознаватель, орган дознания, следователь, руководитель следственного органа обязаны принять, проверить сообщение о любом совершенном или готовящемся преступлении, поэтому в правоприменении возможны две процессуальные ситуации: 1) когда лицу, выступающему в роли заявителя, преступным деянием причинен вред и в дальнейшем оно может быть признано потерпевшим по возбужденному уголовному делу. В этом случае права и законные интересы личности затрагиваются самым существенным образом, и отстаивать их гражданин часто начинает еще до возбуждения уголовного дела и признания его потерпевшим; 2) когда заявителю вреда преступлением не причинено. В этом случае после возбуждения уголовного дела лицо может выступать лишь как свидетель, и его заинтересованность в исходе дела существенно уступает интересам потерпевшего, хотя она может быть и более значительной, чем у обычного свидетеля².

В правоприменении также имеют место случаи, когда лицо, пострадавшее от противоправного деяния, участвовало в формировании первоначальной информации о преступлении, но юридически статус заявителя не приобрело. Одну из таких ситуаций предусматривает и законодатель. В части 5 ст. 141 УПК РФ указано: «В случае, когда заявитель не может лично присутствовать при составлении протокола, его заявление оформляется в порядке, установленном статьей 143 настоящего Кодекса». Такие случаи нередки. Они имеют место, когда, например, о совершенном преступлении лицо сообщает по телефону. В соответствии со ст. 143 УПК РФ при этом возникает такой повод для возбуждения уголовного дела, как рапорт об обнаружении признаков преступления, а не заявление.

---

¹ Муженская Н., Костылева Г. Заявитель – участник уголовного судопроизводства // Законность. 2012. № 7. С. 55.

² Демидов И.Ф. Заявитель в советском уголовном процессе // Вопросы борьбы с преступностью. М., 1982. Вып. 36. С. 85-90; Белозеров Ю.Н., Марфицин П.Г. Обеспечение прав и законных интересов личности в стадии возбуждения уголовного дела: учеб. пособие. М.: УМЦ при ГУК МВД РФ, 1993. С. 6.

Имеются и другие примеры данного явления. Так, 17 августа 2009 г. из больницы «Скорой медицинской помощи» в УВД по Сормовскому району г. Нижний Новгород поступило сообщение о доставлении в больницу пятнадцатилетнего В. с травмами криминального характера. Подросток, от которого оперуполномоченным уголовного розыска было получено объяснение, пояснил, что его избил отец. В материалах уголовного дела в качестве повода для его возбуждения фигурировало не заявление несовершеннолетнего, а рапорт оперуполномоченного об обнаружении признаков преступления¹.

Необходимо учитывать, что для возбуждения отдельных категорий уголовных дел, при расследовании и рассмотрении которых предполагается участие потерпевшего, преобладающим является такой повод, как сообщение, полученное из иных источников, оформляемое рапортом². Существуют и иные случаи, когда лицо, фактически потерпевшее от преступления, заявителем не является, а следовательно, не имеет на первоначальном этапе судопроизводства правового статуса, позволяющего обеспечить защиту своих прав и законных интересов.

С учетом изложенного выше считаем необходимым обратить внимание на то, как эти вопросы попытался разрешить украинский законодатель. В УПК Украины 2012 г. заявитель обозначен как самостоятельный участник уголовного судопроизводства. Его понятие и правовой статус определены в отдельной статье закона, где, в частности, указано, что заявителем является физическое или юридическое лицо, которое обратилось с заявлением или сообщением об уголовном правонарушении к органу государственной власти, уполномоченному начать досудебное расследование, и не является потерпевшим (ст. 60 УПК Украины). Мы видим явное разграничение двух субъектов. При этом законодатель не допускает ситуаций, при которых заявителем является потенциальный потерпевший. Такой подход, на наш взгляд, является чрезмерно кардинальным и также не может быть использован.

В тех ситуациях, когда лицо, пострадавшее от преступления, согласно российскому законодательству, получило статус заявителя, возникает вопрос о достаточности объема его прав для обеспечения защиты своих интересов. Не вызывает возражений суждение о том, что ограничение возможности использования прав на начальных стадиях процесса неизбежно ведет к дальнейшему ущемлению возможности для их защиты и прежде всего для лиц, пострадавших от преступления³.

В юридической литературе еще в период действия УПК РСФСР высказывались заслуживающие внимания предложения по совершенствованию процессуального статуса заявителя. По мнению В. В. Степанова, этого участника необходимо было наделить следующими дополнительными правами: обжаловать отказ в приеме заявления, знакомиться с материалами

---

¹ Уголовное дело № 1/426 // Архив УВД Нижегородской области за 2009 г.

² См., напр.: *Сумин А.Е.* Досудебное производство по уголовным делам о преступлениях на рынке ценных бумаг: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2011. С. 16.

³ *Рохлин В.И., Казанцев В.Г.* Положение потерпевшего в уголовном процессе Российской Федерации с позиции международного права // Адвокат. 2012. № 2. С. 14.

предварительной проверки по ее завершению, заявлять ходатайства, представлять дополнительные данные¹. Аналогичной позиции придерживалась Т.Н. Москалькова². Ставился вопрос и о еще большем расширении круга прав рассматриваемого участника, поскольку существующие и предлагаемые права не отражали в полной мере интересы заявителя, связанные, например, с возмещением понесенных в связи с участием в уголовно-процессуальной деятельности расходов, реализацией интереса в объективном (с позиции заявителя) разрешении его сообщения о преступлении³.

Эти предложения частично реализованы законодателем, хотя, может быть, не всегда удачно. Правовое положение заявителя получило определенное развитие, однако остается значительно меньшим по объему в сравнении с процессуальным статусом потерпевшего⁴. Кроме того, имеют место многочисленные нарушения прав заявителя⁵, о чем мы скажем позже. Это можно объяснить тем, что с учетом специфики первоначального этапа уголовного судопроизводства нет необходимости предоставлять рассматриваемому лицу широкий круг прав и обязанностей, но он не должен быть и чрезмерно ограниченным. Однако именно это мы наблюдаем в отношении лица, пострадавшего от преступления.

Так, потерпевший имеет право давать показания. Заявитель право сообщать правоохранительным органам какие-либо сведения, связанные с произошедшим событием, получил только в связи с изменениями УПК РФ, осуществленными 4 марта 2013 г. Федеральным законом № 23-ФЗ. На протяжении многих лет, несмотря на настойчивые предложения представителей науки и практики, законодатель не желал допустить получать объяснения от этого и иных участников первоначальной стадии уголовного процесса⁶.

Заявитель, в отличие от потерпевшего, не наделен возможностью заявлять ходатайства и отводы. Представляется, что отсутствие такого права в ряде случаев может существенно повлиять на обеспечение защиты интересов лица, пострадавшего от преступления, являющегося заявителем.

---

¹ Степанов В.В. Предварительная проверка первичных материалов о преступлениях. Саратов, 1972. С. 12-19; Ибрагимов И.М. Концептуальные проблемы правомерных возможностей защиты прав потерпевшего и вопросы совершенствования законодательства в процессе доказывания в российском уголовном судопроизводстве // Российская юстиция. 2012. № 1. С. 31.

² Москалькова Т.Н. Охрана прав и законных интересов личности в стадии возбуждения уголовного дела // Проблемы совершенствования законодательства об охране прав граждан в сфере борьбы с преступностью. Ярославль, 1984. С. 60-68.

³ Марфицин П.Г. Обеспечение прав и законных интересов личности в стадии возбуждения уголовного дела: дис. ... канд. юрид. наук. М., 1993. С. 53.

⁴ Филиппов Д.В. Заявитель как участник первоначального этапа уголовного судопроизводства // Ученые записки Орловского государственного университета. 2013. № 1. С. 378.

⁵ См., напр.: Мусаев М. Защита интересов потерпевшего в уголовном судопроизводстве РФ. М.: Человек, 2012. С. 8-12.

⁶ Сычев П.Г. Особенности участия и гарантии прав организаций (юридических лиц) на досудебных стадиях уголовного судопроизводства: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2008. С. 111-112.

Особо отметим, что буквальное толкование закона не позволило обнаружить право делать заявления и давать объяснения на родном языке или языке, которым он владеет. Такой вывод следует, во-первых, из того, что данное право применительно к заявителю ни в одной норме прямо не закреплено. Во-вторых, его невозможно определить, исходя из основных положений, принципов уголовного судопроизводства. Так, в статье 18 УПК РФ «Язык уголовного судопроизводства» указано, что рассматриваемым правом обладают участники, не владеющие или недостаточно владеющие языком, на котором ведется производство по уголовному делу. Но в первоначальной стадии уголовного процесса производство по делу еще не возбуждено, а значит и не ведется. Следовательно, это правило не распространяется на участников данной стадии. Не обратил внимания на это обстоятельство и высший судебный орган страны. Так, в пункте 10 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 29 июня 2010 г. № 17 указано: «Потерпевшему, гражданскому истцу и другим участникам уголовного судопроизводства, не владеющим или недостаточно владеющим языком, на котором ведется производство по уголовному делу, должно быть разъяснено и обеспечено право делать заявления, давать пояснения и показания, заявлять ходатайства, приносить жалобы, знакомиться с материалами уголовного дела, выступать в суде на родном языке или другом языке, которым они владеют, а также бесплатно пользоваться помощью переводчика»¹. То есть, по сути, воспроизведен текст закона.

Не упоминается заявитель и в числе участников следственных действий, производство которых возможно до возбуждения уголовного дела. Например, регламентируя правила осуществления освидетельствования, законодатель указывает среди субъектов этого действия подозреваемого, обвиняемого, потерпевшего и свидетеля. Подобный вопрос возникает при участии заявителя в производстве осмотра места происшествия, экспертизы. В соответствии с общими и частными правилами производства следственных действий к участию в их осуществлении может быть привлечен потерпевший, а не заявитель (ч. 5 ст. 164 УПК РФ).

Законодатель предпринимает попытки сгладить эту ситуацию. Так, в соответствии с указанным выше законом от 4 марта 2013 г. статья 144 УПК РФ была дополнена ч. 1.1, в которой указано, что лицам, участвующим в проверке сообщения о преступлении, должны быть разъяснены их права и обязанности, обеспечена возможность осуществления этих прав. Кроме того, обращено внимание на возможность реализации на этой стадии судопроизводства положений «свидетельского иммунитета», обжалования процессуальных действий и решений. Нам представляется, что все это заслуживает несомненного одобрения, но не привносит ничего нового в укрепление правового статуса личности, в том числе лица, пострадавшего от преступления. Обозначенные права участников данной стадии существовали и ранее, а необходимость их разъяснения и обеспечения реализации закреплена в ч. 1 ст. 11 УПК РФ. Тем более, что обозначенные нами выше разли-

---

¹ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29 июня 2010 г. № 17 «О практике применения судами норм, регламентирующих участие потерпевшего в уголовном судопроизводстве» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2010. № 9. С. 3-4.

чия в правовом статусе заявителя и потерпевшего в основном сохранились. Новеллами стали только возможность участия в ходе проверки сообщения о преступлении адвоката, а также принятие мер безопасности участников стадии возбуждения уголовного дела. Но об этом мы скажем позже.

Поэтому даже с учетом произошедших изменений в уголовно-процессуальном законодательстве мы склонны утверждать, что *правовой статус заявителя значительно уступает по объему прав статусу потерпевшего, что не позволяет лицу, которому преступлением причинен вред, надлежащим образом защищать свои интересы на первоначальном этапе уголовного судопроизводства. Использование понятия «заявитель» для обозначения лица, пострадавшего от преступления, в стадии возбуждения уголовного дела неоправдано и потому, что его содержание не охватывает всех ситуаций участия пострадавшего в рассмотрении и разрешении сообщений о преступлении.*

В юридической литературе обозначены подходы к решению рассматриваемого вопроса. Предлагается для обозначения лица, которому преступлением причинен вред, в стадии возбуждения уголовного дела использовать иные термины, например, «пострадавший», «жертва преступления» и др. Подобные предложения имели место как в период действия УПК РСФСР¹, так и в настоящее время². При этом предлагалось наделение такого участника соответствующим процессуальным статусом. Считаем, что это, во-первых, влечет увеличение числа юридических терминов, используемых в уголовном судопроизводстве, во-вторых, сближение объема прав такого участника с правами потерпевшего (что отчасти происходит в настоящее время) поставит вопрос о целесообразности иметь в уголовном судопроизводстве двух участников, названных по-разному, но фактически выполняющих одну функцию и обладающих практически равными правами³.

Согласно действующему уголовно-процессуальному законодательству потерпевший, как участник уголовного судопроизводства, появляется после принятия решения о возбуждении уголовного дела (ч. 1 ст. 42 УПК РФ). Исключение составляют только дела частного и частно-публичного обвинения, регламентируя производство по которым, законодатель использует термин «потерпевший» применительно к первоначальной стадии уголовного судопроизводства (ч. 2-4 ст. 21, ч. 1 ст. 318 УПК РФ). Но это тема для

---

¹ См., напр.: *Белозеров Ю.Н., Марфицин П. Г.* Обеспечение прав и законных интересов личности в стадии возбуждения уголовного дела: учеб. пособие. М.: УМЦ при ГУК МВД РФ, 1993. С. 7; *Яни П.С.* Обеспечение прав потерпевшего в уголовном судопроизводстве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1995. С. 7.

² См., напр.: *Баикатов Л.Н., Ветрова Г.Н.* Глава 7. Участники уголовного судопроизводства со стороны обвинения // Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / под ред. И.Л. Петрухина. М., 2002. С. 79; *Хатуаева В.В.* Процессуальные особенности возбуждения уголовных дел частного обвинения // Российский следователь. 2005. № 1. С. 37.

³ По этой же причине мы не можем согласиться с мнением И. В. Жеребятьева, который предлагает иметь в уголовном судопроизводстве трех участников уголовного судопроизводства: заявителя, пострадавшего и потерпевшего, обладающих практически одинаковым объемом прав. См.: *Жеребятьев И.В.* Личность потерпевшего в современном уголовном судопроизводстве России: монография. Оренбург, 2004. С. 45, 82.

отдельного обсуждения. По общему правилу потерпевший в уголовном деле появляется по решению (отраженному в постановлении) следователя, дознавателя, судьи после того, как будет установлено, что данному лицу (физическому или юридическому) преступным деянием причинен вред (физический, имущественный, моральный или деловой репутации). Вместе с тем лицо, которому преступлением причинен вред (т. е. фактически потерпевший), хотя и не получившее формально такого юридического статуса, как правило, является активным участником стадии возбуждения уголовного дела. Именно о его правовом положении мы и ведем речь.

Существующее десятилетиями мнение о том, что потерпевшим является лицо, которому причинен вред преступлением и признанное таковым в соответствующем постановлении следователя, дознавателя, судьи (определении суда), в последнее время все больше подвергается обоснованной критике. Действительно, современное состояние развития российского общества и уголовно-процессуальной науки свидетельствует о том, что такое представление должно быть пересмотрено. Тому способствует и складывающаяся правоприменительная практика.

Прежде всего обращается внимание на то, что законодателем не обозначен момент появления в уголовно-процессуальном производстве рассматриваемого субъекта, а значит, этот вопрос полностью зависит от усмотрения следователя, т.е. «в досудебном производстве потерпевший оказывается в полном неведении относительно того, когда он будет признан и станет полноправным участником уголовного судопроизводства и может реализовать принадлежащие ему права»¹. Эта ситуация несколько изменилась в последнее время. Так, Федеральным законом от 4 марта 2013 г. № 23-ФЗ была введена новая, сокращенная форма дознания. Применительно к ней сформулировано правило о том, что физическое или юридическое лицо, которому преступлением причинен вред, признается потерпевшим не позднее трех суток со дня возбуждения уголовного дела (ч. 2 ст. 226.3 УПК РФ). Но это всего лишь частный случай.

Анализ правоприменения полностью подтверждает опасения ученых. По изученным нами уголовным делам решение о признании лица потерпевшим в течение 10 дней после возбуждения уголовного дела принималось лишь в 14,2 % случаев, в течение месяца – 45,7 % случаев². Более того, были выявлены ситуации, когда следователь «забывал» признать лицо потерпевшим³. Так, Красноармейским районным судом Челябинской области

---

¹ Щерба С.П. Механизмы доступа потерпевшего к правосудию и проблемы их модернизации // Охрана прав и свобод человека и гражданина в уголовном судопроизводстве: мат-лы междунар. науч.-практ. конф. М., 2011. С. 511.

² Подобные данные были получены и другими исследователями. См., напр.: Иванов Д.А. Защита следователем прав и законных интересов юридических лиц, потерпевших от преступлений. М., 2009. С. 70.

³ Для изучения путем случайной выборки были отобраны 200 уголовных дел, находящихся в архивах районных судов Нижнего Новгорода и Омска, Челябинска, Хабаровска, Московской области, а также аналитические справки иных судов по итогам изучения практики применения федеральными и мировыми судьями норм уголовно-процессуального закона, регулирующих участие потерпевшего в уголовном судопроизводстве.

при рассмотрении уголовного дела в отношении Шумова, обвиняемого в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 166, п. «в» ч. 2 ст. 158 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ), судом первой инстанции было установлено, что органами предварительного расследования не была признана потерпевшей Красичкова – собственник автомобиля, которым завладел Шумов. Государственным обвинителем было заявлено ходатайство о признании Красичковой потерпевшей, которое суд удовлетворил¹.

В связи с этим все чаще в юридической литературе предлагается признавать лицо потерпевшим одновременно с возбуждением уголовного дела, о чем указывать в соответствующем постановлении². Возможность существования статуса потерпевшего уже при возбуждении уголовного дела допускалась одним из проектов УПК РФ³, содержится она и в предлагаемых ныне проектах законов о внесении изменений в уголовно-процессуальное законодательство⁴. Однако аргументируется такой подход по-разному. Так, А.В. Гриненко сравнивает эту ситуацию с моментом возникновения статуса подозреваемого в связи с возбуждением уголовного дела в отношении лица. При этом отмечает, что такому участнику обеспечивается реальная возможность защищать свои интересы посредством предоставленных прав. Дополним, что в связи с произошедшими изменениями уголовно-процессуального законодательства теперь защитник может участвовать с момента начала осуществления процессуальных действий, затрагивающих права и свободы лица, в отношении которого проводится проверка сообщения о преступлении в порядке, предусмотренном ст. 144 УПК РФ, т.е. до возбуждения уголовного дела (п. 6 ч. 3 ст. 49 УПК РФ). Далее автор пишет: «Не требуется никаких теоретических построений, чтобы признать целесообразность и справедливость нормы, в соответствии с которой лицо должно признаваться потерпевшим уже с момента возбуждения уголовного дела, если в постановлении содержится указание на причинение ему того или

---

¹ Аналитические материалы изучения практики применения федеральными и мировыми судьями Челябинской области норм уголовно-процессуального закона, регулирующих участие потерпевшего в уголовном судопроизводстве, за 2010 г.

² См., напр.: *Гуськова А.П.* Актуальные проблемы защиты прав и законных интересов граждан, участвующих в уголовном судопроизводстве // Актуальные проблемы защиты прав и законных интересов граждан, участвующих в уголовном процессе, как приоритетное направление в судопроизводстве / отв. ред. И. Ф. Демидов. М. – Оренбург, 1999. С. 13; *Лаврешин Ю.И.* . Процессуальные гарантии реализации права потерпевшего на участие в уголовном преследовании: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ставрополь, 2009. С. 15; *Божьев В.* К вопросу об обеспечении потерпевшему доступа к правосудию // Уголовное право. 2003. № 3. С. 24; *Чекулаев Д.* Процессуальные права потерпевшего на досудебных стадиях уголовного процесса // Законность. 2007. № 2. С. 19.

³ Российская юстиция. 1994. № 9. С. 33.

⁴ Проект закона «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях совершенствования прав потерпевших в уголовном судопроизводстве» [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 14.03.2013).

иною вреда. Это создаст действительно равные возможности для стороны обвинения и защиты»¹.

По мнению В.Г. Ульянова, «...для признания потерпевшим и для возбуждения уголовного дела устанавливаются одни и те же основания, а поэтому эти два решения должны совпадать»². На этих же суждениях построена позиция и некоторых других авторов³.

Третья группа ученых отмечает: чем скорее будет вынесено постановление о признании лица потерпевшим от преступления, тем больше шансов появляется у него на эффективное участие в расследовании преступления. Чтобы не ущемлять прав пострадавшего, разрыв во времени здесь должен быть минимальным⁴. Этой же позиции придерживается Уполномоченный по правам человека В. Лукин⁵.

Представляется, что в данном случае уместны все из предложенных аргументов. Действительно, реализация таких предложений позволит частично сбалансировать правовой статус потерпевшего со статусом участников, отнесенных законодателем к стороне защиты, позволит более эффективно и на ранних этапах обеспечить защиту прав и интересов потерпевшего. Поэтому, на наш взгляд, не следует рассматривать их в отрыве друг от друга.

Считаем необходимым в этом вопросе обратиться к опыту, накопленному в зарубежных странах. Анализ показывает, что правовое положение потерпевшего по действующему уголовно-процессуальному законодательству других государств явно более предпочтительное, чем по УПК РФ. Согласно ст. 85 УПК Франции, «всякое лицо, которое считает себя пострадавшим от преступления или проступка, может путем подачи жалобы компетентному лицу занять положение гражданского истца», что влечет обязательное уголовное преследование. Потерпевший (или гражданский истец – что синонимы в УПК Франции) вправе самостоятельно начать уголовное

---

¹ *Гриненко А.В.* Потерпевший должен иметь не меньше процессуальных прав, чем обвиняемый // Российская юстиция. 2002. № 9. С. 51.

² *Ульянов В.Г.* Реализация прав потерпевших в российском уголовном процессе. М., 2002. С. 110.

³ *Щерба С.П., Зайцев О.А.* Охрана прав потерпевших и свидетелей по уголовным делам: науч.-практ. пособие. М., 1996. С. 6; *Игнатьева М.В.* Процессуальные и организационные вопросы соблюдения прав и законных интересов потерпевших и обеспечение их личной безопасности: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2000. С. 111; *Колдин С.В.* Защита прав и законных интересов потерпевшего по Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2004. С. 91.

⁴ *Иванов Д.А.* Защита следователем прав и законных интересов юридических лиц, потерпевших от преступлений. М., 2009. С. 69-70; *Мисник И.В.* Понятие потерпевшего по УПК РФ // Международные юридические чтения: мат-лы науч.-практ. конф. Омск, 2004. С. 195; *Голиков О.В.* Совершенствование российского законодательства в сфере защиты потерпевшего в уголовном процессе: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2003. С. 18; *Лаврешин Ю.И.* . Процессуальные гарантии реализации права потерпевшего на участие в уголовном преследовании: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ставрополь, 2009. С. 15; *Мусаев М.* Защита интересов потерпевшего в уголовном судопроизводстве РФ. М.: Человек, 2012. С. 13-16.

⁵ Проблемы защиты прав потерпевших от преступлений: спец. доклад Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации // Российская газета. 2008. 4 июня.

преследование либо вступить в процесс в качестве стороны обвинения. Его права столь же обширны, как и у обвиняемого, поскольку логика развития французского уголовного процесса постепенно приводила к выравниванию прав этих субъектов¹. В Германии, где существуют аналогичные правила придания лицу статуса потерпевшего, в 1986 г. принят специальный закон о потерпевшем (пострадавшем).

В соответствии со ст. 55 УПК Украины 2012 г. потерпевшим в уголовном производстве является физическое лицо, которому уголовным правонарушением нанесен моральный, физический или имущественный ущерб, а также юридическое лицо, которому уголовным правонарушением нанесен имущественный ущерб. Права и обязанности потерпевшего возникают у лица с момента представления заявления о совершении относительно него уголовного правонарушения или заявления о привлечении его к производству как потерпевшего.

Согласно § 10607 Свода законов США, понятие жертва (что практически равнозначно используемому у нас термину «потерпевший») преступления означает лицо, которому был причинен вред в результате совершенного преступления. Специальное постановление о признании лица потерпевшим при этом не выносится. Юридическим фактом вступления потерпевшего в уголовное судопроизводство является не вынесение процессуального документа, а факт причинения ему вреда преступлением². В 1982 г. в США на законодательном уровне были закреплены стандарты и принципы обращения правоохранительных органов с жертвами преступлений³. Среди них:

- оказание первоочередной и срочной правовой, социальной и медицинской помощи;
- представление информации о мерах, которые могут быть осуществлены правоохранительными органами для защиты от запугивания;
- срочное уведомление о принятии важных процессуальных решений по делу, в том числе о задержании и аресте обвиняемого, освобождении его из-под стражи до рассмотрения дела в суде, при прекращении или отказе в возбуждении уголовного дела;
- выяснение мнения потерпевшего или его семьи о состоянии уголовного дела, если речь идет о несовершеннолетнем или погибшем;
- оказание иной помощи, включая предоставление транспорта, бронирование мест в гостинице, авиа- и железнодорожных билетов и др.

Кроме того, что эти нормы позволяют обеспечить защиту прав и интересов потерпевшего еще до начала официального расследования, данный закон повысил уголовную ответственность за оказание воздействия на жертв преступлений, усовершенствовал механизм возмещения ущерба. Жертвы преступлений получили надежный доступ к правосудию и справедливому обращению, реституцию со стороны правонарушителей, ком-

---

¹ Головки Л.В. Дознание и предварительное следствие в уголовном процессе Франции. М., 1995. С. 78.

² Кухта К.И., Махов В.Н. Правовой статус жертвы преступления (потерпевшего) в уголовном процессе США. М., 2008. С. 103.

³ Victim and Witness Protection Act of 1982 (Public Law. 97-291–Oct. 12. 1982).

пенсацию от органов власти, а также материальную, медицинскую, психологическую и социальную помощь со стороны неправительственных организаций¹.

В 1990 г. Конгресс США принял новый федеральный закон о правах жертв преступлений и реституции, в котором при сохранении указанных выше принципов особое внимание уделил справедливому и уважительному обращению с потерпевшим².

Признание лица потерпевшим на более ранних этапах, чем это предусмотрено российским законодательством, имеет место и в ряде зарубежных государств из числа тех, которые ранее входили в состав СССР. Так, в ст. 210.3 УПК Азербайджанской Республики указано: «Если в момент возбуждения уголовного дела известно лицо, пострадавшее от преступления, одновременно с возбуждением уголовного дела лицо признается потерпевшим»³.

В нашей стране на протяжении нескольких десятилетий статус потерпевшего гражданин получает по воле следователя, дознавателя, суда. Оправдано ли это? Изучая настоящий вопрос, мы нигде не нашли аргументов в поддержку существующей позиции законодателя, кроме необидительных высказываний о недопустимости расширения круга потерпевших⁴. Иными словами, никто не занимался выявлением и исследованием тех негативных последствий, которые возникли бы при наделении лица статусом потерпевшего в том порядке, как это происходит в большинстве цивилизованных стран. От этого позиция законодателя становится еще более непонятной. А вот аргументы «за» использование такого подхода, надеемся, убедительны – придание лицу, пострадавшему от преступления, статуса потерпевшего одновременно с подачей заявления о преступлении полностью позволило бы решить обозначенные выше проблемы, тем более что это подтверждается опытом осуществления уголовного судопроизводства в других странах. Одновременно это устранило бы сомнения в правильности использования законодателем термина «потерпевший» применительно к процедуре возбуждения уголовных дел частного и частного-публичного обвинения⁵.

Бесспорно, что реализация предложения о придании лицу статуса потерпевшего одновременно с возбуждением уголовного дела будет являться прогрессивным шагом на пути совершенствования законодательства. Но,

---

¹ *Кухта К.И., Махов В.Н.* Правовой статус жертвы преступления (потерпевшего) в уголовном процессе США. М.: Юрлитинформ, 2008. С. 36-39.

² *Зайцев О.А.* Теоретические и правовые основы государственной защиты участников уголовного процесса. М., 1997. С. 38.

³ Уголовно-процессуальный кодекс Азербайджанской Республики: утв. Законом Азербайджанской Республики от 14 июля 2000 г., вступил в силу с 1 сентября 2000 г. Баку, 2012. 552 с.

⁴ *Жеребятьев И.В.* Личность потерпевшего в современном уголовном судопроизводстве России: монография. Оренбург, 2004. С. 44.

⁵ Имеются и другие доводы в пользу использования указанного подхода. См., напр.: *Рогов С.Н.* Процессуальный статус потерпевшего // Проблемы защиты жертв преступлений: мат-лы расширенного заседания ученого совета НИИ проблем укрепления законности и правопорядка при Генеральной прокуратуре РФ. М., 1999. С. 78.

как представляется, окончательно этим проблема вовлечения потерпевшего в уголовное судопроизводство решена не будет. Указанный выше вариант не предполагает существования фигуры потерпевшего в первоначальной стадии уголовного процесса – он появится только в завершение этой стадии, при принятии решения о возбуждении уголовного дела. Поэтому для комплексного решения обозначенного вопроса требуется несколько иной подход.

Рассматривая проблемы, касающиеся защиты на первоначальном этапе уголовного судопроизводства прав и законных интересов лица, пострадавшего от преступления, авторы, как правило, делают оговорку о том, что употребление в данном случае термина «потерпевший» не корреспондирует с дефиницией, содержащейся в ч. 1 ст. 42 УПК РФ¹, либо категорично заявляют о невозможности существования такого участника до решения вопроса о возбуждении уголовного дела².

Вместе с тем анализ УПК РФ позволяет утверждать, что потерпевший, как участник уголовного судопроизводства, существует в стадии возбуждения уголовного дела. Поэтому обозначенные выше суждения, особенно выраженные в категоричной форме, должны использоваться с определенной степенью осторожности. Приведем аргументы.

В части 2 ст. 20 УПК РФ, определяя общие правила производства по делам частного обвинения, законодатель указывает, что такие дела возбуждаются не иначе как по заявлению потерпевшего или его законного представителя. Аналогичным образом законодатель предписывает возбуждать уголовные дела и частно-публичные обвинения (ч. 3 ст. 20 УПК РФ). О заявлении потерпевшего (точнее, его отсутствии) упоминается и в ч. 4 указанной статьи, а также в п. 5 ч. 1 ст. 24 УПК РФ, содержащей основания для отказа в возбуждении уголовного дела. При этом очевидно, что термин «потерпевший» здесь употребляется в ином значении, нежели он определен в ч. 1 ст. 42 УПК РФ.

Это дает основание предполагать, что потерпевший от преступления, как потенциальный участник правоотношений, появляется еще до того, как он обратится с заявлением о преступлении. Кстати, если исходить из основных положений уголовно-правовой науки, то обязанность лица, совершившего преступление, понести наказание (ответственность) возникает в момент совершения противоправного деяния³. Очевидно, и у потерпевшего в этот момент должно возникать корреспондирующее право требовать привлечения этого лица к ответственности.

На данную несогласованность обращалось внимание еще во время действия УПК РСФСР. В тот период, как и в современном уголовно-

---

¹ См., напр.: *Жеребятьев И.В.* Личность потерпевшего в современном уголовном судопроизводстве России: монография. Оренбург, 2004. С. 81.

² См., напр.: *Иванов Д.А.* Защита следователем прав и законных интересов юридических лиц, потерпевших от преступлений. М., 2009. С. 52.

³ *Казаченко И.Я.* Уголовная ответственность: мера и форма выражения: лекция. Свердловск, 1987. С. 21; Уголовное право России. Части Общая и Особенная: учеб. / под ред. А.И. Рарога. 4-е изд., перераб. и доп. М., 2003. С. 50; *Кочои С.М.* Уголовное право. Общая и Особенная части. М., 2010. С. 38-39; Уголовное право России. Части Общая и Особенная: учеб. / под ред. А.И. Рарога. 7-е изд., перераб. и доп. М., 2012. С. 48.

процессуальном праве, применительно к делам частного и частно-публичного обвинения термин «потерпевший» употреблялся для обозначения лица, которому причинен вред преступлением, на этапе обращения в правоохранительные органы с заявлением о преступлении, т. е. в первоначальной стадии уголовного процесса. Акцентируется на этом внимание и современными исследователями. Предлагались и предлагаются различные способы корректировки юридической терминологии, однако законодатель ими не пользуется.

Более того, в ч. 1 ст. 318 УПК РФ указано, что дела частного обвинения возбуждаются путем подачи потерпевшим или его законным представителем заявления в суд. Буквальное толкование этого предписания позволяет утверждать, что такой участник уголовного судопроизводства, как потерпевший, не только существует на первоначальном этапе судопроизводства, но еще и обладает правом принимать процессуальное решение о возбуждении уголовного дела. Следует напомнить, что по делам данной категории вообще не предполагается вынесение постановления о признании лица потерпевшим.

Таким образом, законодатель, употребляя в тексте УПК РФ термин «потерпевший», проявляет непоследовательность, в том числе дающую возможность утверждать, что потерпевший может являться участником стадии возбуждения уголовного дела.

На наш взгляд, к этому отчасти подталкивает и дефиниция, имеющая место в ч. 1 ст. 42 УПК РФ. Приведем содержащийся в ней текст закона: «Потерпевшим является физическое лицо, которому преступлением причинен физический, имущественный, моральный вред, а также юридическое лицо в случае причинения преступлением вреда его имуществу и деловой репутации. Решение о признании потерпевшим оформляется постановлением дознавателя, следователя или суда». Эта правовая конструкция далеко не идеальна. С позиции интересующих нас вопросов очевидно следующее несоответствие: если потерпевшим является (т. е. существует как потерпевший) лицо, которому преступлением причинен вред, как это указано в первом предложении, то почему его надо еще признавать таковым, как это предписано во втором предложении? Во избежание двусмысленности законодатель мог эту правовую конструкцию выстроить иначе. Например, в ч. 1 ст. 75 УПК РФ указано: «Потерпевшим в уголовном процессе признается лицо, в отношении которого есть основание полагать, что ему непосредственно преступлением причинен моральный, физический или имущественный вред». Но он этого не сделал.

На этом фоне вполне логичным надо признать положение, содержащееся в п. 3 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 29 июня 2010 г. № 17 «О практике применения судами норм, регламентирующих участие потерпевшего в уголовном судопроизводстве»: «В силу части 1 статьи 42 УПК РФ лицо, которому преступлением причинен вред, приобретает предусмотренные уголовно-процессуальным законом права и обязанности с момента вынесения дознавателем, следователем, руководителем следственного органа или судом постановления о признании его потерпевшим. Вместе с тем следует иметь в виду, что правовой статус лица как потерпевшего устанавливается исходя из фактического его положения и лишь

процессуально оформляется постановлением, но не формируется им»¹. Таким образом, высший судебный орган страны различает фактический и юридический аспект понимания потерпевшего. При этом приоритет отдается фактическому положению лица. Об этом свидетельствует и предписание, сформулированное в п. 4 данного постановления: «Когда по поступившему в суд уголовному делу будет установлено, что лицо признано потерпевшим без достаточных к тому оснований, предусмотренных статьей 42 УПК РФ, суд выносит постановление (определение) о том, что такое лицо ошибочно признано потерпевшим по данному делу, и разъясняет ему право на обжалование принятого судом решения в кассационном (апелляционном) порядке».

Фактическому аспекту в понимании термина потерпевшего придает особое значение и Конституционный Суд РФ. В разные годы в своих решениях он отмечал: «Гарантируемые Конституцией Российской Федерации права и свободы человека и гражданина должны обеспечиваться лицу в уголовном судопроизводстве независимо от формального признания его участником производства по уголовному делу, исходя из наличия определенных сущностных признаков, характеризующих фактическое положение этого лица как нуждающегося в обеспечении соответствующего права»². Правовой статус потерпевшего определяется исходя из фактического положения, независимо от формального признания его таковым³.

Не оставлен без внимания этот вопрос и в юридической литературе. Так, В.В. Груздев обоснованно отмечает, что «в правовом состоянии личности как в фокусе сходятся две стороны права как социального феномена: во-первых, фактическая обусловленность, состоящая в конкретных фактических жизненных обстоятельствах (его связь с реальными людьми, многообразием их свойств, которые возникают, изменяются, прекращаются), содержащаяся в гипотезе нормы права, и, во-вторых, нормативное выражение, предусмотренное в диспозиции правовой нормы»⁴. И далее автор указывает на необходимость решения проблемы сближения правового регулирования и фактической основы.

Следует иметь в виду, что лицо, являющееся потерпевшим фактически, имеет определенные права. Оно способно защитить свои интересы посредством так называемого общеправового статуса. Причем его сопоставление с процессуальным статусом потерпевшего позволяет обнаружить некоторое сходство. Так, в соответствии с Конституцией РФ основные права и свободы человека неотчуждаемы и принадлежат ему от рождения (ч. 2

---

¹ Бюллетень Верховного Суда РФ. 2010. № 9. С. 12.

² Постановление Конституционного Суда РФ от 23 марта 1999 г. № 5-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 133, части первой статьи 218 и статьи 220 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобами граждан В.К. Борисова, Б.А. Кехмана, В.И. Монастырецкого, Д.И. Фуфлыгина и общества с ограниченной ответственностью «Моноком» // Российская газета. 1999. 5 апреля.

³ Определение Конституционного Суда РФ от 18 января 2005 г. № 131-О «По запросу Волгоградского гарнизонного военного суда о проверке конституционности части восьмой статьи 42 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // Российская газета. 2005. 15 июня.

⁴ Груздев В.В. Теория правового состояния личности: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Н. Новгород, 2012. С. 4.

ст. 17); органы государственной власти и органы местного самоуправления, их должностные лица обязаны обеспечить каждому возможность ознакомиться с документами и материалами, непосредственно затрагивающими его права и свободы (ч. 2 ст. 24); каждый имеет право на пользование родным языком (ч. 2 ст. 26); граждане РФ имеют право лично обращаться в государственные органы (ст. 33); каждому гарантируется судебная защита его прав и свобод, решения и действия (или бездействие) органов государственной власти могут быть обжалованы в суд (ст. 46); права потерпевших от преступлений охраняются законом (ст. 52) и др.

Кроме того, в УПК РФ закреплен ряд прав, которыми в равной мере могут пользоваться все участники уголовного судопроизводства, т. е. лица, принимающие участие в уголовном процессе (п. 58 ст. 5 УПК РФ). Так, в статье 123 УПК РФ указано, что действия (бездействие) должностных лиц, осуществляющих уголовное судопроизводство, могут быть обжалованы участниками уголовного судопроизводства, а также иными лицами, чьи интересы затронуты этими действиями и решениями. В пункте 2 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 10 февраля 2009 г. № 1 «О практике рассмотрения судами жалоб в порядке статьи 125 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации»¹ конкретизируется, что помимо постановлений дознавателя, следователя, руководителя следственного органа об отказе в возбуждении уголовного дела судебному обжалованию в соответствии с ч. 1 ст. 125 УПК РФ подлежат иные решения и действия (бездействие) должностных лиц, принятые на досудебных стадиях уголовного судопроизводства, если они способны причинить ущерб конституционным правам и свободам участников уголовного судопроизводства или иных лиц, чьи права и законные интересы нарушены, либо могут затруднить доступ граждан к правосудию. Далее дается пояснение, о каких иных решениях и действиях идет речь, приводится их перечень. В этом списке, в частности, указаны отказ в приеме сообщения о преступлении либо бездействие при проверке этого сообщения и др.

Таким образом, лицо, фактически являющееся потерпевшим от преступления, обладает определенным объемом прав для защиты своих интересов в уголовном судопроизводстве. В связи с этим возникает вопрос: для чего нужна формальная процедура признания этого участника потерпевшим? Не проще ли было в законе ограничиться только первым предложением, содержащимся в ч. 1 ст. 42 УПК РФ, где говорится, что потерпевшим является физическое лицо, которому преступлением причинен физический, имущественный, моральный вред, а также юридическое лицо в случае причинения преступлением вреда его имуществу и деловой репутации?

Считаем также необходимым обратить внимание на то, что не только в ч. 1 ст. 42 УПК РФ, но и в ряде других случаев приобретение статуса тем или иным участником уголовного судопроизводства связывается с определенными обстоятельствами. В таких ситуациях законодатель, формулируя понятие участника судопроизводства, подобным образом использует слово

---

¹ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 10 февраля 2009 г. № 1 «О практике рассмотрения судами жалоб в порядке статьи 125 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // Российская газета. 2009. 18 февраля.

«является». Например, частным обвинителем является лицо, подавшее заявление в суд по делу частного обвинения (ч. 1 ст. 43 УПК РФ). Несколько иначе момент появления в уголовном процессе этого участника обозначен в ч. 7 ст. 318 УПК РФ, где говорится, что лицо, подавшее заявление, является частным обвинителем с момента принятия судом к своему производству заявления по делу частного обвинения. Несмотря на некоторую несогласованность в законе, появление рассматриваемого участника связано с определенным юридическим фактом и никакими иными решениями (в том числе документально оформленными) для собственно наделения лица соответствующим статусом не требуется. С одного из этих моментов частный обвинитель наделяется соответствующими правами (ч. 2 ст. 43 УПК РФ). Подобным образом законодатель определяет подозреваемого в совершении преступления (ч. 1 ст. 46 УПК РФ). При этом вынесение постановления о признании лица подозреваемым не требуется.

Вовлечение лица, фактически являющегося потерпевшим, в уголовное судопроизводство также может быть связано с определенным юридическим фактом, например, обращением с заявлением о преступлении. Подобные суждения высказывались в уголовно-процессуальной науке. Так, еще в период действия УПК РСФСР 1960 г. Б.Т. Акрамходжаев предлагал для законодательного закрепления следующую формулировку: «Физическое или юридическое лицо, против которого направлено преступное деяние или жизненно важные интересы которого были ущемлены в результате совершения преступления, либо подвергались такой угрозе, может посредством подачи жалобы о совершении преступного посягательства предстать перед лицом, производящим дознание, следователем, прокурором и судом в качестве потерпевшего от преступления»¹. Эта точка зрения поддерживается и некоторыми современными исследователями. Например, О.В. Голиков настаивает на том, что «потерпевший – это лицо, в том числе государство и любой его субъект, на чьи охраняемые уголовным законом блага: жизнь, здоровье, честь и достоинство, безопасность, а также конституционные, экономические права и свободы – было направлено преступление»². Такой подход используется в ряде стран, о чем мы писали ранее.

Положив в основу понятия потерпевшего только фактическую его составляющую, мы могли бы решить большую часть тех вопросов, которые изложены выше, и, в первую очередь, наделить лицо необходимыми для защиты своих интересов правами на самом раннем этапе.

Вместе с тем нельзя не учитывать значимость юридического аспекта понимания потерпевшего. Не исключены ситуации, когда лицо может ошибочно отнести себя к числу потерпевших от преступления. Так, по уголовному делу в отношении А. и Д., обвиняемых в совершении преступления, предусмотренного п. «в» ч. 3 ст. 158 УК РФ, органами предварительного расследования потерпевшей по делу была признана гр. М.П. Вахрушева,

---

¹ *Акрамходжаев Б.Т.* Обеспечение прав и законных интересов потерпевшего на предварительном следствии: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1992. С. 9-10.

² *Голиков О.В.* Совершенствование российского законодательства в сфере защиты потерпевшего в уголовном процессе: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2003. С. 17.

она же признана и гражданским истцом. В ходе судебного заседания было установлено, что похищенное имущество принадлежит ее супругу – В.Л. Вахрушеву. При этом М.П. Вахрушева пояснила, что ее супруг является инвалидом, поэтому заявление о совершенном преступлении подала она, на основании чего ее признали потерпевшей. Судом в качестве потерпевшего к участию в деле допущен В.Л. Вахрушев, подтвердивший, что похищенное имущество принадлежит ему. В удовлетворении гражданского иска Вахрушевой было отказано¹.

Исходя из положений указанного выше постановления Пленума Верховного Суда РФ и осуществленного нами анализа практики, даже правоприменители не застрахованы от ошибок в этой сфере. Поэтому в уголовном судопроизводстве нельзя ориентироваться только на фактический статус потерпевшего. Для ввода потерпевшего в уголовный процесс необходимы также уголовно-правовые основания, т. е. причинение вреда преступлением, а не иным правонарушением. Оценка же произошедшего события вправе дать не само пострадавшее лицо, а правоприменитель, осуществляющий производство по делу. Это свидетельствует о том, что без учета юридической (уголовно-процессуальной) составляющей в этом вопросе не обойтись. Справедливости ради следует отметить, что никто из исследователей не занимался изучением тех последствий, которые возникают при ошибочном признании лица потерпевшим, и влиянии их на судопроизводство. Поэтому говорить о том, что такое явление оказывает негативное влияние на уголовное судопроизводство, по крайней мере, некорректно. А вот непризнание лица потерпевшим существенно ограничивает права одного из центральных участников уголовного процесса.

Уголовно-процессуальными основаниями считать конкретное лицо потерпевшим выступают достаточные данные, указывающие на то, что вред ему причинен именно преступлением. Очевидно, поэтому во втором предложении, содержащемся в ч. 1 ст. 42 УПК РФ, законодатель и излагает процедуру признания лица потерпевшим.

Но с учетом наличия в понимании потерпевшего фактической составляющей, причем играющей достаточно важную роль, нам представляется неудачной форма вовлечения потерпевшего в уголовное судопроизводство, которая определена законодателем как признание. Такой подход приводит к тому, что существуют лица, потерпевшие фактически, но не признанные юридически. При этом непризнанными их считает не государство, а отдельное должностное лицо (например, следователь или дознаватель).

Законодатель указывает несколько способов введения в производство по уголовному делу участников судопроизводства: путем признания в производстве по уголовному делу появляется, кроме потерпевшего, гражданский истец (ч. 1 ст. 44 УПК РФ), однако гражданский ответчик вовлекается в уголовное судопроизводство путем привлечения (ч. 1 ст. 54 УПК РФ). Таким же образом появляются специалист (ч. 1 ст. 58 УПК РФ), понятой (ч. 1 ст. 60 УПК РФ), переводчик (ч. 1 ст. 59 УПК РФ), хотя применительно к

---

¹ Уголовное дело № 1-156/11 // Архив Кировского районного суда г. Хабаровска за 2011 г.

последнему в законе употреблено еще и слово «назначение» (ч. 2 ст. 59 УПК РФ). В ряде случаев предусматривается появление того или иного субъекта в связи с его допуском к участию в деле. Это относится к представителям (в том числе законным) потерпевшего, гражданского истца, частного обвинителя (ст. 45 УПК РФ), защитнику (ч. 2 ст. 49 УПК РФ), представителю гражданского ответчика (ч. 1 ст. 55 УПК РФ). При этом, как видно из приведенных примеров, законодатель строго не придерживается используемой терминологии и не всегда четко учитывает семантику используемых слов.

Применительно к потерпевшему был использован смешанный способ. В соответствии с ч. 1 ст. 42 УПК РФ он и является таковым, и признается. Правильность такого подхода вызывает сомнение. Если, как мы отметили выше, лицо фактически становится потерпевшим в момент совершения преступления, то теряется смысл в последующем признании его таковым. Подобное имеет место в отношении законного представителя, адвоката, некоторых других участников. Поэтому законодатель правильно, на наш взгляд, использовал применительно к этим субъектам термин «допускается». Однако с потерпевшим ситуация несколько иная. В отличие, например, от адвоката, статус которого юридически удостоверен, и следовательно решает вопрос только о его допуске к производству по уголовному делу, фактическое положение потерпевшего требует подтверждения.

Для того чтобы сбалансировать фактические и юридические начала в понимании потерпевшего, по нашему мнению, необходимо считать его таковым с момента совершения преступления, а в ходе уголовного судопроизводства, после установления необходимых оснований, подтверждать статус потерпевшего посредством принятия об этом решения, облачаемого в письменную форму. Такое решение может содержаться как в обособленном акте, так и в документе, отражающем иные решения, например, о возбуждении уголовного дела.

Для реализации данного подхода потребуются изменения законодательства. В части 1 ст. 42 УПК РФ необходимо сохранить только первое предложение: «Потерпевшим является физическое лицо, которому преступлением причинен физический, имущественный, моральный вред, а также юридическое лицо в случае причинения преступлением вреда его имуществу и деловой репутации». Второе предложение в ч. 1 ст. 42 УПК РФ может быть изложено в следующей редакции: «При наличии достаточных данных, удостоверяющих это, дознаватель, следователь или суд принимают решение о подтверждении статуса потерпевшего, которое оформляется постановлением».

Требуется некоторое уточнение, касающееся прав потерпевшего. В частности, следует дополнить ст. 42 УПК РФ частью 2¹, в которой указать: «В случае, если потерпевший одновременно является заявителем, он обладает правами, предусмотренными для этого участника судопроизводства, указанными в статьях 141, 144, 146, 148 настоящего Кодекса».

Мы изложили нашу концептуальную позицию. Считаем, что ее реализация окажет положительное влияние на обеспечение прав и законных интересов потерпевшего. Вопрос в том, согласится ли законодатель с таким подходом? Уверенности в этом у нас нет. Поэтому, излагая последующие

результаты исследования, особенно касающиеся обеспечения прав и законных интересов лица, пострадавшего от преступления, на первоначальном этапе уголовного судопроизводства мы будем исходить из современного состояния уголовно-процессуального законодательства.

Обратимся к рассмотрению иных вопросов, связанных с понятием потерпевшего. Сразу хотим отметить, что они не нуждаются в столь глубоком научном обосновании, но законодательно должны быть разрешены.

Определяя назначение уголовного судопроизводства, в п. 1 ч. 1 ст. 6 УПК РФ законодатель указывает на необходимость защиты прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступления. Однако в соответствии с ч. 1 ст. 42 УПК РФ потерпевшим может быть признано юридическое лицо в случае причинения вреда его имуществу или деловой репутации. Кроме того, согласно ч. 1 ст. 44 УПК РФ, и гражданским истцом по уголовному делу может выступать также не организация, а юридическое лицо. Это породило, с одной стороны, научную дискуссию о соотношении терминов «организация» и «юридическое лицо», используемых в уголовно-процессуальном праве, с другой – неясности в правоприменении, в том числе вопрос о том, любая ли организация может быть признана потерпевшей от преступления. Ситуация осложняется еще и тем, что в УПК РСФСР 1960 г. термин «юридическое лицо» не употреблялся, впрочем, как и отсутствовала возможность получения организацией статуса потерпевшего. Поэтому использованный законодателем подход стал несколько неожиданным как для теории уголовного процесса, так и для практики его применения.

Проблема эта нова, а следовательно, еще не имеет однозначных подходов к ее разрешению. В связи с этим возникает необходимость рассмотреть вопрос о соотношении указанных выше терминов и, что для нас наиболее важно, выяснить, кто же может быть признан потерпевшим по уголовному делу – организация или юридическое лицо, а также можно ли категории «организация» и «юридическое лицо» рассматривать как синонимы.

Практически все ученые, занимающиеся данной проблематикой, едины во мнении, что понятия «организация» и «юридическое лицо» неравнозначны. Для этого используются обоснования как нормативного, так и теоретического характера.

Понятие юридического лица содержится в ч. 1 ст. 48 Гражданского кодекса Российской Федерации¹ (далее – ГК РФ), где указано, что таким лицом являются организации, имеющие в собственности, хозяйственном ведении или оперативном управлении обособленное имущество и отвечающие по своим обязательствам этим имуществом, способные от своего имени приобретать и осуществлять имущественные и личные неимущественные права, нести обязанности, быть истцом и ответчиком в суде. Юридические лица должны иметь самостоятельный баланс или смету. В соответствии со ст. 51 ГК РФ юридическое лицо подлежит государственной регистрации в уполномоченном государственном органе в порядке, определяемом законом. Юридическое лицо считается созданным со дня внесения соответствующей записи в Единый государственный реестр юридических

---

¹ Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть первая // Собрание законодательства РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.

лиц. Таким образом, в данном законе юридическое лицо определяется посредством использования термина «организация» с указанием необходимых свойств (признаков), которые должны быть ей присущи.

Однако из этого же следует вывод о том, что организации могут не выступать в качестве юридического лица (например, профсоюзы, их объединения, некоторые общественные объединения, религиозные группы и др.). При этом сами члены организации решают, зарегистрировать ли ее в качестве юридического лица.

В части 2 ст. 11 Налогового кодекса Российской Федерации¹ (далее – НК РФ) отмечено, что организации – это юридические лица, образованные в соответствии с законодательством Российской Федерации, а также иностранные юридические лица, компании и другие корпоративные образования, обладающие гражданской правоспособностью, созданные в соответствии с законодательством иностранных государств, международные организации, филиалы и представительства указанных иностранных и международных организаций, созданные на территории Российской Федерации. Здесь законодатель отождествляет понятия «организация» и «юридическое лицо», но при этом делает оговорку, что такое понимание используется для целей налогового законодательства.

В общей теории права и в цивилистической литературе организация рассматривается в качестве родового понятия по отношению к юридическому лицу². Однако и в рамках данного научного подхода имеются некоторые разногласия. Так, С.С. Алексеев, обозначая виды субъектов права, указывает на граждан, организации, общественные образования. При этом он отмечает, что словом «юридическое лицо» в настоящее время выражается правосубъектность организаций в сфере их оперативно-хозяйственной деятельности. Здесь считаем необходимым отметить, что мы речь ведем об иной сфере – уголовно-процессуальной, где преобладающими являются иные признаки. Общественные образования, по мнению автора, – это персонифицированные подразделения общества в целом. «В общественных образованиях – качественно иная (более высокая), нежели в организациях, общность людей»³. Практика показывает, что преступным деянием вред может быть причинен и таким субъектам права. Поэтому, исходя из рассматриваемой позиции, может возникнуть еще и вопрос о том, вправе ли общественные образования претендовать на получение статуса потерпевшего от преступления.

А.С. Пиголкин к субъектам правоотношений относил индивидов и организации. Последние, по его мнению, представлены государственными органами, юридическими лицами, общественными объединениями, государством в целом⁴. То есть данным автором использован широкий подход в

¹ Налоговый кодекс Российской Федерации. Часть первая // Собрание законодательства РФ. 1998. № 31. Ст. 3824.

² Хропанюк Н.В. Теория государства и права. М.: Норма, 2000. С. 311-312.

³ Алексеев С.С. Общая теория права: учеб. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Велби, Проспект, 2008. С. 391.

⁴ Пиголкин А.С., Головистикова А.Н., Дмитриев Ю.А. Теория государства и права: учеб. / под ред. А.С. Пиголкина, Ю.А. Дмитриева. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт; ИД Юрайт, 2010. С. 622.

понимании термина «организация», которым охватываются не только юридические лица.

В юридической литературе принято обозначать и рассматривать признаки, присущие юридическому лицу: организационное единство (организационный признак); обладание обособленным имуществом (экономический признак); способность самостоятельно выступать в гражданском обороте от своего имени (материально-правовой признак); способность быть истцом и ответчиком в суде (процессуально-правовой признак)¹.

При этом также отмечается, что существуют организации, не являющиеся юридическими лицами, а соответственно, не обладающие этими признаками либо их совокупностью.

В юридической литературе в качестве примера приводятся также ситуации, когда решение о создании юридического лица может быть принято, но заявление о регистрации длительное время рассматривается в государственных органах Федеральной налоговой службы РФ, либо утрачены необходимые документы для регистрации (например, в результате форс-мажорных обстоятельств). Такие организации также не являются юридическими лицами.

По мнению А.С. Никифорова, категория «юридическое лицо» является продуктом гражданского оборота и регулирующих его норм права, поэтому глубокую разработку вопроса о понятии и сущности юридического лица необходимо искать в цивилистической литературе².

Но и здесь не достигнуто единства во мнениях. Так, Н.В. Козлова отмечает, что юридическое лицо – это «созданный в соответствии с законом реальный субъект права, которому могут принадлежать имущественные и некоторые личные неимущественные права и обязанности, применимые к его искусственной природе»³. С.И. Архипов предлагает следующее определение: юридическое лицо есть субъект права, создаваемый путем обособления качеств, свойств, иных элементов правовой личности человека и их объединения в другой форме, приложимой к различным социальным субъектам, отвечающим требованиям волеспособности и целостности (единства)⁴.

При наличии определенных сущностных расхождений общим в указанных выше подходах является то, что родовым понятием для характеристики феномена юридического лица авторы признают не организацию, а понятие субъекта права, и при этом они упоминают признаки, позволяющие отграничить понятия «юридическое лицо» и «организация».

Несомненно, научные разработки в данной области ценны, но использование в тексте УПК РФ термина «юридическое лицо» вызывает ряд вопросов не столько научного, сколько практического характера. Один из них обозначен в заглавии настоящей статьи.

---

¹ Мазолин В.П., Масляев А.И. Гражданское право. Часть 1: учеб. М.: Юрист, 2005. С. 147.

² Никифоров А.С. Юридическое лицо как субъект преступления и уголовной ответственности. М.: Центр ЮрИнфоР, 2002. С. 25.

³ Козлова Н.В. Правосубъектность юридического лица по российскому гражданскому праву: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2004. С. 199.

⁴ Архипов С.И. Сущность юридического лица // Известия вузов. Правоведение. 2004. № 5. С. 86.

Таким образом, на сегодняшний день мы имеем существенные разногласия в вопросе о том, чьи интересы охраняет уголовно-процессуальное право и кто может быть признан потерпевшим по уголовному делу, что не позволяет единообразно применять закон.

По этому поводу в уголовном судопроизводстве предложено два возможных варианта разрешения ситуации. Первый подход заключается в использовании официального определения юридического лица, которое закреплено в ГК РФ¹. Исходя из этого, потерпевшим по уголовному делу может быть не любая организация, а только та, которая является юридическим лицом. Однако остается неясным, какой же правовой статус в уголовном судопроизводстве будут занимать иные организации и как защитить их законные права и интересы?

Согласно другой научной концепции, отраслевые науки имеют самостоятельную систему понятий, без четкого определения которых невозможно было бы развитие и осуществление этих наук². А значит и способ формирования определений может быть разным, в зависимости от того, какие признаки в него включаются³. Исходя из этого, предлагается определиться в уголовно-процессуальном аспекте понятия «юридическое лицо».

Точки зрения, высказанные по этому вопросу в теории уголовного процесса, существенно разнятся. Так, А.М. Баранов и С.В. Супрун отмечают, что в тексте УПК РФ понятие «организация» по своему содержанию совпадает с понятием «юридическое лицо»⁴. Такой подход снял бы остроту рассматриваемой проблемы, но это всего лишь авторское мнение, а не предписание закона.

А.П. Гуськова и Н.Г. Муратова предлагают дополнить ст. 5 УПК РФ п. 62 следующего содержания: «юридическое лицо – организация, имеющая правовой статус потерпевшего и реабилитированного»⁵. В.А. Азаров считает, что в сфере уголовного судопроизводства под юридическим лицом следует понимать самостоятельного субъекта уголовно-процессуальных отношений, способного занимать процессуальное положение различных участников судопроизводства, обладающего предусмотренными законом процессуальными правами и обязанностями и осуществляющего процессуаль-

---

¹ См., напр.: Чекулаев Д.П. Потерпевший в уголовном судопроизводстве: доступ к правосудию и компенсации причиненного ущерба: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2005. С. 13-14; Быков В.М., Колдин С.В. Права потерпевшего по уголовно-процессуальному кодексу РФ 2002 года // Следователь. 2002. № 10. С. 2-3.

² Зайцев И.М. О природе правовых понятий // Некоторые философские проблемы государства и права. Саратов, 1974. Вып. 2. С. 80; Шишкин С.С. Представительство юридического лица в уголовном судопроизводстве: вопросы теории и практики: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2012. С. 10.

³ Ткачев Н.И. Межотраслевые правовые понятия (методологический аспект) // Понятийный аппарат науки советского гражданского права и процесса и терминология законодательных актов: сб. науч. тр. Тверь, 1991. С. 110.

⁴ Баранов А.М., Супрун С.В. Соотношение задач уголовного и уголовно-процессуального законодательства // Уголовное право. 2005. № 5. С. 116.

⁵ Гуськова А.П., Муратова Н.Г. Судебное право: история и современность судебной власти в сфере уголовного судопроизводства: монография. М.: ИГ «Юрист», 2005. С. 146.

ную деятельность посредством действий своих органов и (или) представителей¹. Если придерживаться этой позиции, то потерпевшими от преступления надо признавать не любую организацию, а только ту, которая обладает соответствующими признаками, характерными для юридического лица.

Изложенное выше побуждает определиться в вопросе о том, есть ли смысл разграничения в уголовном судопроизводстве терминов «организация» и «юридическое лицо». Уголовный процесс имеет дело с реально существующими субъектами права, являющимися частью объективной реальности. В связи с этим применительно к нашей тематике в уголовном процессе преобладающим должен быть не вопрос о том, каким критерием должна соответствовать организация, чтобы иметь возможность именоваться юридическим лицом, а насколько выявлены обстоятельства, подтверждающие причинение этой организации вреда совершенным деянием, т.е. обнаружены признаки лица, потерпевшего от преступления.

К такому выводу подталкивает и анализ уголовного законодательства, где, в частности, имеются следующие формулировки: «повлекшие существенное нарушение прав и законных интересов граждан или организаций» (ч. 2 ст. 142 УК РФ), «совершенная из корыстной или иной личной заинтересованности руководителем организации» (ст. 145.1 УК РФ), «незаконное воспрепятствование деятельности религиозных организаций» (ст. 148 УК РФ), «если эти деяния причинили крупный ущерб гражданам, организациям...» (ст. 176, 185 УК РФ) и др.

Поэтому мы не можем согласиться с мнением о том, что в роли участников уголовного судопроизводства, в том числе потерпевшего, могут выступать только юридические лица². Это, как совершенно справедливо отмечает Д.А. Иванов, существенно ограничивает права организаций, не являющихся юридическими лицами³.

Изучение настоящего вопроса не может быть полным без попытки выяснения возможных причин, побудивших законодателя к использованию разной терминологии в ст. 6 и 42 УПК РФ.

В тексте УПК РФ неоднократно употребляется термин «юридическое лицо» (п. 9 ч. 2 ст. 29, ст. 42, 44, 45, 54 и др. УПК РФ), «предприятие», «учреждение», «организация» (ст. 6, ч. 4 ст. 21, ст. 23, 40, 105, 146 УПК РФ и др.). При этом ни один из этих терминов не поясняется и не определяется. Законодатель мог полагать, что это сделано в иных законах, а, следовательно, данные термины рассматривает как, во-первых, юридические и, во-вторых, имеющие равное межотраслевое значение. Выше мы выяснили, что для целей отдельных отраслей права значение одних и тех же терминов может быть различным. Значит, такую ситуацию надо было бы оговорить,

---

¹ *Азаров В.А., Абдрахманов М.Х., Сафаралеев М.Р.* Юридические лица в уголовном процессе России: теоретические основы, законодательство и практика: монография. Омск: Изд-во Омского гос. ун-та, 2010. С. 30. См. также *Шаршембиев А.О.* Участие юридических лиц в уголовном судопроизводстве Кыргызской Республики и Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2013. С. 7-8.

² *Азаров В.А., Абдрахманов М.Х., Сафаралеев М.Р.* Юридические лица в уголовном процессе России: теоретические основы, законодательство и практика. С. 43-44, 46.

³ *Иванов Д.А.* Защита следователем прав и законных интересов юридических лиц, потерпевших от преступлений: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2007. С. 28.

как это сделано, например, в ст. 11 НК РФ, где указано, что институты, понятия и термины гражданского, семейного и других отраслей права, используемые в данном законе, применяются в том значении, в каком они используются в этих отраслях права, если иное не предусмотрено НК РФ.

Кроме того, юридическая терминология требует грамотного обращения с ней, что не всегда наблюдается в действующем уголовно-процессуальном законодательстве. Например, в ч. 4 ст. 21 УПК РФ указано, что требования, поручения и запросы должностных лиц, осуществляющих производство по делу, обязательны для исполнения всеми учреждениями, предприятиями, организациями. Такая фраза была приемлема в советское время. Сейчас, когда термин «организация» является родовым, охватывающим понятия «учреждение», и «предприятие», эта часть закона выглядит несовершенной.

Законодатель использует и иную терминологию. В ряде случаев термин «учреждение» употреблен для характеристики особых субъектов, например, военных учреждений (ст. 40, 157 УПК РФ), экспертных (ст. 131, 195 УПК РФ), учреждений связи (ст. 13, 29, 185 УПК РФ) и др. Наличие в тексте УПК РФ таких терминов оправдано, поскольку каждый из них несет определенную смысловую нагрузку¹. Но всегда ли это правило соблюдается? Желал ли законодатель подчеркнуть, что потерпевшим по уголовному делу может быть только та организация, которая является юридическим лицом? Скорее, нет. Надеемся, он просто не осознавал, что тем самым ущемит интересы иных организаций и даст повод для активной научной дискуссии.

С другой стороны, существуют предписания уголовно-процессуального закона, где термин «юридическое лицо», на наш взгляд, был бы желательным для точного выражения воли законодателя, например, в ч. 1 ст. 54 УПК РФ, содержащей определение гражданского истца, где как раз необходимы признаки юридического лица и, в частности, способность организации нести ответственность за вред, причиненный преступлением. Это дает основание полагать, что термин «юридическое лицо» необходим для использования в тексте уголовно-процессуального закона, но он должен быть применен только тогда, когда существует потребность подчеркнуть наличие у организации соответствующих признаков.

Что же касается ст. 42, впрочем, как и ст. 44 УПК РФ, то здесь должно быть использовано родовое понятие «организация», позволяющее отнести к числу потерпевших всех тех, кому преступным деянием причинен вред.

Представляется, что нет необходимости обосновывать целесообразность изменения содержания ч. 8 ст. 42 УПК РФ. Это сделано в Определении Конституционного Суда РФ от 18.01.2005 № 131-О, где резюмировано, что указанное законодательное установление не может рассматриваться как исключаящее возможность наделения процессуальными правами потерпевшего более одного близкого родственника лица, чья смерть наступила в результате преступления. Эту позицию в целом поддержал и высший су-

---

¹ Азаров В.А., Абдрахманов М.Х., Сафаралеев М.Р. Юридические лица в уголовном процессе России: теоретические основы, законодательство и практика. С. 14.

дебный орган, хотя придал ей некоторую иную интерпретацию. В пункте 5 Постановления Пленума Верховного Суда РФ «О практике применения судами норм, регламентирующих участие потерпевшего в уголовном судопроизводстве», указано, что, если преступлением затрагиваются права и законные интересы сразу нескольких лиц, являющихся близкими родственниками погибшего, и они настаивают на предоставлении им прав потерпевшего, эти лица могут быть признаны потерпевшими с обязательным приведением судом мотивов такого решения.

Данный подход нашел полную поддержку представителей уголовно-процессуальной науки. Сформулированы и авторские редакции данной нормы¹, которые, к сожалению не всегда удачны. Более того, обосновывается мнение, что правами потерпевшего в случае смерти лица следует надеяться членов его семьи по их ходатайству, и это правило необходимо распространить на случаи наступления смерти гражданского истца².

Во избежание разночтения указанного предписания в правоприменении и в целях приведения законодательства в соответствие с позицией высшего органа конституционного надзора *представляется необходимым в ч. 8 ст. 42 УПК РФ слова «к одному из его близких родственников» заменить на «к его близким родственникам, чьи права и интересы затронуты совершенным деянием».*

В пункте 2 указанного постановления Пленума Верховного Суда РФ говорится о том, что лицо, пострадавшее от преступления, признается потерпевшим независимо от его гражданства, возраста, физического или психического состояния и иных данных о его личности, а также независимо от того, установлены ли все лица, причастные к совершению преступления. Уголовно-процессуальный закон таких уточнений не делает, хотя они вытекают из его смысла. Вместе с тем высший судебный орган считает необходимым пояснить эти нюансы. Кстати, аналогичные пояснения содержались и в ранее действующем Постановлении Пленума Верховного Суда СССР от 1 ноября 1985 г. № 16 «О практике применения судами законодательства, регламентирующего участие потерпевшего в уголовном судопроизводстве». Не исключаем, что они будут перенесены и в новую редакцию такого постановления, если возникнет необходимость в его принятии через несколько лет. Поскольку Верховный Суд РФ считает необходимым постоянно напоминать эти правила правоприменителю, то, на наш взгляд, было бы разумным включить их в закон.

Аналогичная ситуация складывается с вопросом о признании лица потерпевшим в случаях, когда преступление являлось неоконченным.

Поскольку эти вопросы непосредственно связаны с определением потерпевшего, считаем *возможным дополнить ст. 42 УПК РФ ч. 1.2, изложив ее следующим образом: «1.2. Лицо, пострадавшее от преступления, является потерпевшим независимо от его гражданства, возраста, физи-*

---

¹ См., напр.: Проект закона «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях совершенствования прав потерпевших в уголовном судопроизводстве» [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 14.03.2013).

² *Дежнев А.С.* Охрана интересов семьи и несовершеннолетних в уголовном процессе России: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Омск, 2013. С. 11, 24-25.

ческого или психического состояния и иных данных о его личности, а также независимо от того, установлены ли все лица, причастные к совершению преступления. Если совершенное уголовно наказуемое деяние является неоконченным, при подтверждении статуса потерпевшего следует исходить из фактического причинения вреда».

Следующий вопрос, необходимый для разрешения, обусловлен связью причиненного потерпевшему вреда с совершенным преступлением. Мы умышленно в данном случае употребили здесь слово «преступление», т.е. виновно совершенное общественно опасное деяние, запрещенное Уголовным кодексом под угрозой применения наказания (ч. 1 ст. 14 УК РФ). Именно этот термин законодатель употребил в ч. 1 ст. 42 УПК РФ, формулируя понятие потерпевшего. Однако вред потерпевшему может быть причинен хотя и запрещенным уголовным законом деянием, но совершенным лицом, находящимся в состоянии невменяемости. Действия такого лица не могут именоваться преступлением, и соответственно к нему не применяется уголовное наказание¹. Аналогичное можно сказать и о лицах, не достигших к моменту совершения преступления возраста, с которого наступает уголовная ответственность. В связи с этим возникает закономерный вопрос: охватывает ли понятие потерпевшего те ситуации, где вред причинен действиями невменяемых лиц²?

Позиции ученых-процессуалистов в этом вопросе разошлись. Одни авторы предлагают потерпевшим считать лицо, которому причинен вред не преступлением, а общественно опасным деянием (в частности, совершенным душевно больным лицом)³, или внести в ч. 1 ст. 42 УПК РФ формулировку «преступлением либо запрещенным Уголовным кодексом РФ деянием»⁴. При этом, например, А.В. Сумачев отмечает, что факт причинения уголовно значимого вреда интересам человека предполагает безусловное следствие – появление пострадавшего в уголовном праве⁵.

Есть и противоположное мнение. Так, С.В. Анощенкова считает, что потерпевший появляется там, где нарушитель действует виновно. Виновность определяет юридические последствия – уголовную ответственность. На этом и основывается правовой статус потерпевшего, который реализует-

---

¹ Журавлев М.П. и др. Уголовное право России. Части Общая и Особенная: учеб. / под ред. А.И. Рарога. 7-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект, 2012. С. 119-120.

² Секретова Т.М. Проблемы регламентации понятий «потерпевший» и «гражданский истец» в современном уголовном процессе // Российская юстиция. 2011. № 12. С. 68.

³ Булгаков Д.Б. Потерпевший в уголовном праве и его криминологическая характеристика. Ставрополь, 2000. С. 39-40; Наумов А.В. Российское уголовное право. Общая часть. М.: БЕК, 1996. С. 252; Секретова Т.М. Проблемы регламентации понятий «потерпевший» и «гражданский истец» в современном уголовном процессе // Российская юстиция. 2011. № 12. С. 70.

⁴ Брусницын Л.В. Проблемы защиты жертв преступлений в свете действующего и проектируемого законодательства // Российский следователь. 2000. № 6. С. 9.

⁵ Сумачев А.В. Потерпевший как субъект уголовного правоотношения: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Рязань, 1997. С. 13-14.

ся в рамках уголовных правоотношений ответственности. В иных случаях лицо не может рассматриваться как потерпевший¹.

В пункте 2 Постановления Пленума Верховного Суда РФ «О практике применения судами норм, регламентирующих участие потерпевшего в уголовном судопроизводстве» содержится категоричное утверждение по этому вопросу: «Судам следует иметь в виду, что вред потерпевшему может быть причинен как преступлением, так и запрещенным уголовным законом деянием, совершенным лицом в состоянии невменяемости». Представляется, что такая позиция полностью согласуется с задачами уголовного законодательства, определенными в ст. 2 УК РФ.

Для того чтобы это установление было адресовано не только судам, но и всем субъектам, осуществляющим правоприменение в сфере уголовного судопроизводства, в законе необходимо сделать соответствующую корректировку. *В первом предложении ч. 1 ст. 42 УПК РФ слово «преступлением» необходимо заменить на «уголовно наказуемым деянием».*

Мы солидарны также с авторами, предлагающими признавать потерпевшим лицо, которому причинен не только вред, указанный в ст. 42 УПК РФ, но и ущерб его политическим и личным правам и свободам². Для реализации этого предложения *достаточно часть 1 ст. 42 УПК РФ после слова «моральный» дополнить словосочетанием «или иной», а также после словосочетания «деловой репутации» дополнить фразой «или иного вреда».*

В завершение подчеркнем: *содержащееся в уголовно-процессуальном законе понятие потерпевшего нуждается в совершенствовании, что позволит эффективнее обеспечивать защиту прав и законных интересов этого участника судопроизводства. Нами сформулированы многочисленные частные предложения по изменению содержания ст. 42 УПК РФ. Полная ее редакция размещена в заключительной части настоящей работы.*

§ 3. Теоретическое осмысление необходимости принятия и содержания специального закона о потерпевшем

В ходе осуществления нашего исследования большая часть материала, положенного в основу данного параграфа, имела следующее рабочее название: «Нужен ли в России специальный закон о потерпевших от преступления?». Соответственно, существовали и большие сомнения о том, как правильно ответить на этот вопрос. Одновременно мы осознавали, что указанное наименование не монографическое. Поэтому в окончательном варианте оно стало иным. Однако вопрос о его правильности остался, так же как и о верности ответа (а соответственно, и авторской концепции) на поставленный выше вопрос.

---

¹ Анощенкова С.В. Уголовно-правовое учение о потерпевшем [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «ГАРАНТ» (дата обращения: 31.03.2012).

² Винокуров В. Содержание признаков потерпевшего и формы их закрепления в уголовном законе // Уголовное право. 2009. № 1. С. 10-16; Шанина Ю.Н. О характере вреда, причиненного преступлением // Юридическая наука, образование и практика: актуальные проблемы: сб. науч. ст. Вып. 4. Н. Новгород: Изд-во Нижегородского гос. ун-та, 2010. С. 263.

С одной стороны, предложения о необходимости принятия такого закона звучат и обсуждаются¹. Вот и Уполномоченный по правам человека в РФ в своем докладе отмечал разрозненность законодательства, касающегося обеспечения прав потерпевших, и особенно в части возмещения вреда, причиненного преступлением. В 2010 г. Следственным комитетом РФ совместно с членами Общественной палаты разработан проект закона «О потерпевших от преступлений»². Согласно этому документу, компенсировать вред, причиненный преступлением, потерпевшему будет государство. Для этого предполагается учредить Национальный компенсационный фонд, финансирование которого предлагается осуществлять за счет конфискационных денежных средств, полученных преступным путем, взимаемых штрафов, а также реализации конфискованного имущества должников и средств федерального бюджета. Сумму, выплачиваемую потерпевшему, предложено взыскивать с осужденного в регрессном порядке³.

Однако сомнения в правильности избранного пути все же имеются. Мы не разделили восторженности от факта опубликования этого закона, впрочем, как и от его содержания, поэтому не можем согласиться с суждением П.А. Скобликова, считающего, что приобретение этим проектом статуса закона будет крупным событием в юридической жизни и уголовной политике, станет основой, на которой можно будет улучшить реальное положение потерпевшего⁴. Во-первых, наши сомнения проистекают из вопроса о том, почему одному из участников уголовного судопроизводства должен быть посвящен отдельный закон? Даже при том, что этот участник, с учетом тематики настоящего исследования, нам ближе всех, такой подход не представляется оправданным. Положительное его разрешение позволит предполагать, что следует принять отдельные законы, например, об обвиняемом, свидетелях и др. Хотя мы имеем специальные законы «О прокуратуре Российской Федерации», «О судах общей юрисдикции в Российской Федерации», «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», это не меняет сути дела, поскольку суд, прокурор, адвокат являются не только субъектами уголовного судопроизводства. Кроме того, в указанных законах регламентируются организационные вопросы, связанные с построением и функционированием указанных учреждений, а не с производством по уголовному делу. Аналогичное можно сказать и о Федеральном законе «О Следственном комитете Российской Федерации».

---

¹ См., напр.: *Скобликов П.А.* Современные проблемы возмещения вреда лицам, пострадавшим от преступлений, и законодательные решения // Закон. 2012. № 8. С. 87-92; *Ильичев В.А.* Рука помощи потерпевшим [Электронный ресурс]. Доступ с сайта газеты «Московская правда» (дата обращения: 31.03.13); *Колоколов Н.А.* Назначение наказания лицу, с которым заключено досудебное соглашение о сотрудничестве // Российский судья. 2011. № 2. С. 32.

² Законопроект «О потерпевших от преступлений» [Электронный ресурс]. Доступ с сайта Следственного комитета РФ. URL: <http://www.rg.ru/2012/02/24/poterpevshie-site-dok.html> (дата обращения: 18.01.2013).

³ *Муравьев К.В., Писарев А.В.* Участники уголовного судопроизводства: учеб. пособие. Омск: Омская академия МВД России, 2011. С. 36.

⁴ *Скобликов П.А.* Современные проблемы возмещения вреда лицам, пострадавшим от преступлений, и законодательные решения. С. 88.

Существует вопрос о том, что будет предметом регулирования предлагаемого закона. Сегодня понятие и правовой статус потерпевшего определяются положениями Конституции РФ, а также отраслевым законодательством. Основные права потерпевших от преступления установлены уголовно-процессуальным законодательством. Отдельные частные их проявления, например, связанные с возможностью предъявления и рассмотрением исковых требований, определением размера компенсации морального вреда, причиненного преступлением и др., определены гражданским законодательством РФ. Специальным законом регламентируются основания и процедуры обеспечения безопасности потерпевшего. В сфере обеспечения прав и свобод рассматриваемого участника уголовного судопроизводства имеется, кроме того, значительное число иных нормативных актов (постановлений, инструкций, положений и т.п.).

Каким же образом в эту систему должен влиться закон, о проекте которого мы ведем речь? Теоретически здесь возможны несколько вариантов. Рассмотрим их параллельно с анализом того, что предложили разработчики законопроекта «О потерпевших от преступления», подготовленного Следственным комитетом РФ.

Композиция¹ рассматриваемого законопроекта выглядит следующим образом. Он состоит из трех глав: первая глава – «Основы правового статуса потерпевших», вторая – «Порядок возмещения потерпевшему вреда, причиненного преступлением, и предоставления государственной компенсации», третья глава – «Заключительные положения». Если не принимать во внимание содержание последней главы, поскольку большая часть имеющихся там положений связана с порядком вступления закона в силу и приведением иных нормативных актов в соответствие с ним, то предмет регулирования предлагаемого закона очерчивается наименованием только двух первых глав.

Вместе с тем вызывает некоторое сомнение наименование первой главы. Выше мы отметили, что основы правового статуса потерпевшего определены Конституцией РФ и УПК РФ. Что же предлагают разработчики законопроекта отнести к этим основам? В статье 1 проекта даются пояснения по поводу используемой терминологии. Здесь все весьма лаконично. Во-первых, авторы указывают, что используемые в данном законе понятия имеют то же значение, которое определяет УПК РФ. И тут же делают оговорку по поводу иной интерпретации терминов «потерпевший» и «иждивенец». В частности, под потерпевшим предлагается понимать физическое лицо, которому преступлением причинен физический, имущественный или моральный вред. Такой подход вызывает некоторое недоумение. Во-первых, понятие потерпевшего в УПК РФ шире и включает в себя указание на юридическое лицо. Из этого следует вывод о том, что хотя в названии законопроекта используется термин «потерпевший», но он относит-

---

¹ Под композицией в данном случае мы понимаем логическую последовательность расположения норм и институтов в тексте закона, выступающую как единство содержания (темы) и формы (членения). См.: *Панько К.К.* Основы законодательной техники в уголовном праве России (теория и законодательная практика): автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Саратов, 2006. С. 22.

ся не ко всем субъектам, которые занимают данный правовой статус в уголовном судопроизводстве. Это, на наш взгляд, свидетельствует о неточности наименования самого закона. Во-вторых, понятие потерпевшего в УПК РФ связано с формальной процедурой. Таковым лицо становится после вынесения соответствующего постановления дознавателем, следователем, судом. В определении, содержащемся в рассматриваемом законопроекте, это не указано. Отсюда еще один вопрос: будут ли положения данного документа распространены только на лиц, официально признанных потерпевшими, или они применимы и к лицам, фактически потерпевшим от преступления?

Не выполняет юридически значимой функции содержание ст. 2 рассматриваемого законопроекта, поименованной «Правовые основы законодательства о потерпевших». Перечисление в ней законов и иных нормативных актов, регламентирующих отношения, складывающиеся в этой сфере, по сути, не дополняет и не конкретизирует уже имеющийся нормативный материал.

Подобное мнение сформировалось и при анализе ст. 3 законопроекта «Основные принципы защиты и восстановления нарушенных прав, свобод и законных интересов потерпевших». Большая часть положений, отнесенных авторами законопроекта к числу фундаментальных, распространяют свое действие на сферу обеспечения прав и законных интересов потерпевшего в силу их закрепления в иных законах. Законность, уважение прав и свобод человека и гражданина, равенство граждан перед законом и судом, неотвратимость уголовной ответственности, доступность правосудия и др. не только упомянуты в ряде законов, определяющих основу защиты прав участников уголовного судопроизводства, включая потерпевшего, но и охарактеризованы законодателем (ст. 3-8 УК РФ, гл. 2 УПК РФ, ст. 4 Федерального закона «О государственной защите потерпевших, свидетелей и других участников уголовного судопроизводства» и др.).

В то же время в предлагаемой норме имеются и неповторяющиеся положения. К ним можно отнести: доступность разумного и справедливого возмещения вреда, причиненного преступлением; доступность государственной компенсации в связи с причинением потерпевшему вреда преступлением; доступность социальной и иной помощи; социальное партнерство. Однако, как представляется, они направлены не на все сферы многогранной деятельности по обеспечению прав и интересов потерпевшего, а связаны только с возмещением и компенсацией вреда, причиненного преступлением.

Значительное число вопросов возникает при ознакомлении со ст. 4 рассматриваемого проекта закона «Права потерпевших». Исходя из наименования законопроекта и его ст. 4, здесь можно было бы сосредоточить все права потерпевшего от преступления. Но тогда имело бы место их дублирование с положениями иных законов. Можно было пойти иным путем – в рассматриваемый законопроект перенести из содержания иных законов все, что касается правового статуса потерпевшего. Дублирования при этом можно избежать. Но тогда возникнет вопрос о том, насколько это будет эффективным с точки зрения законодательной техники. На наш взгляд, нормы, определяющие статус потерпевшего, должны содержаться в том акте, который регламентирует вопросы, связанные с их реализацией (УПК

РФ, Закон о государственной защите потерпевших, свидетелей и других участников уголовного судопроизводства и др.). Поэтому мы не можем принять ни первый, ни второй из указанных вариантов.

Не представляется возможным согласиться и с тем подходом, который использовали составители законопроекта. Содержание рассматриваемой статьи выглядит следующим образом: «1. Потерпевший имеет право на:

1) информацию о своем правовом статусе, о ходе уголовного судопроизводства, о порядке возмещения вреда, причиненного преступлением, а также иную информацию, затрагивающую его права, свободы и законные интересы;

2) доведение до сведения дознавателя, следователя, руководителей органов дознания и следствия, прокурора, суда своей позиции по вопросам уголовного судопроизводства, в части, касающейся его прав, свобод и законных интересов;

3) правовую и социальную помощь;

4) получение справедливого и разумного возмещения вреда, причиненного преступлением, и (или) государственной компенсации;

5) обеспечение безопасности своей, а также близких родственников, родственников и близких лиц.

2. Потерпевший реализует права в порядке, установленном Уголовно-процессуальным кодексом Российской Федерации, настоящим Федеральным законом, Федеральным законом «О государственной защите потерпевших, свидетелей и других участников уголовного судопроизводства» и Федеральным законом «О государственной социальной помощи».

Мы умышленно привели полный текст этой статьи, чтобы обратить внимание на ее несостоятельность. Во-первых, ознакомление с ней не дает полного представления о правовом статусе потерпевшего, хотя, как мы отмечали выше, наименование закона и этой нормы нацеливают именно на это. Во-вторых, она не привносит ничего нового в нормативное регулирование как правового статуса рассматриваемого субъекта, так и деятельности, связанной с обеспечением реализации этого статуса. И если авторы хотели сделать акцент на обеспечении отдельных прав потерпевшего (например, получение правовой и социальной помощи), то это можно было сделать посредством внесения дополнений в уже существующую нормативную основу правового статуса данного участника судопроизводства.

Содержание первой главы проекта закона «О потерпевшем от преступления» этим исчерпывается. И, как мы показали выше, оно не дополняет и не конкретизирует положений действующего законодательства, а, следовательно, его использование в реальном правоприменении не даст каких-либо существенных результатов. Поэтому более привлекательным представляется путь, выбранный составителями законопроекта, подготовленного под руководством депутата Государственной Думы И.А. Яровой¹, который мы характеризовали выше.

---

¹ Проект закона «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях совершенствования прав потерпевших в уголовном судопроизводстве» [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 14.03.2013).

Наименование и содержание второй главы законопроекта «Порядок возмещения потерпевшему вреда, причиненного преступлением, и представления государственной компенсации» также непротиворечивы. Исходя из названия главы, в ней должны найти отражение два блока вопросов. Первый – о порядке возмещения потерпевшему вреда, причиненного преступлением, и второй – о порядке представления государственной компенсации такого вреда. Композиция этой главы выглядит следующим образом: ст. 5 «Пределы ответственности за вред, причиненный преступлением»; ст. 6 «Цели государственной компенсационной деятельности»; ст. 7 «Условия предоставления государством компенсации потерпевшему»; ст. 8 «Правовые основы деятельности Федерального фонда помощи потерпевшим»; ст. 9 «Виды и размеры государственной компенсации»; ст. 10 «Особенности реализации права на получение компенсации несовершеннолетним потерпевшим»; ст. 11 «Право на срочную компенсацию». Исходя из наименования статей, вопросы, связанные с порядком возмещения вреда, причиненного преступлением, дополнительную правовую регламентацию не получили. Единственное предписание, относящееся к этому вопросу, можно обнаружить в содержании ст. 5 законопроекта. И то оно весьма лаконично и неконкретно.

Объяснить это можно достаточно просто. Порядок (и не только он, а все вопросы, связанные с этой процедурой) возмещения вреда, причиненного преступлением, на сегодняшний день регламентируется нормами ГК РФ и УПК РФ, а также отдельными подзаконными актами. И если говорить о его совершенствовании или изменении, то это следует делать посредством корректировки предписаний существующей нормативной основы. Перенос таких предписаний в специальный закон о потерпевшем, на наш взгляд, неразумен и бесперспективен.

Шесть статей, содержащихся в рассматриваемой главе, судя по их наименованию, имеют отношение к регулированию вопросов, связанных с предоставлением государственной компенсации вреда, причиненного преступлением. Это и есть, по нашему мнению, та цель, которую ставили перед собой составители рассматриваемого законопроекта. На этом же акцентировал внимание и Председатель Следственного комитета РФ А.И. Бастрыкин, давая интервью корреспонденту «Российской газеты» по поводу рассматриваемого нами проекта закона «О потерпевшем от преступления». В частности, он подчеркнул, что для возмещения ущерба и оказания другой социальной помощи потерпевшим в законопроекте предусмотрено учреждение Национального компенсационного фонда. Управлять им будет непосредственно Правительство РФ. А финансирование фонда предлагается осуществлять за счет конфискованных денежных средств, полученных преступным путем, а также взимаемых штрафов, реализации арестованного имущества должников. Естественно, не обойтись и без средств федерального бюджета¹. Так, может быть, тогда и название закона должно было соответствовать выбранному предмету правового регулирования? Например, Закон «О компенсации потерпевшим вреда, причиненного преступлением»

---

¹ Касса открыта для жертв // Российская газета. 2010. 7 декабря.

или Закон «О Национальном компенсационном фонде Российской Федерации».

Считаем необходимым отметить, что изложенная в законопроекте идея не нова. Впервые она была реализована в Великобритании и Новой Зеландии, где в 1964 г. были созданы программы, предусматривающие поддержку жертв преступлений. Позже такие программы появились в отдельных штатах США, а с середины 80-х гг. прошлого столетия имеются во всех пятидесяти штатах этого государства. В 1984 г. в США был принят Закон «О жертвах преступлений», в соответствии с которым и выделяются средства для всех штатов по программе помощи жертвам преступлений. При этом денежные средства предусматриваются на осуществление двух видов программ: помощи жертвам преступлений и компенсации причиненного вреда¹. Кроме того, существуют общественные организации, оказывающие содействие жертвам преступлений, которые управляются правительствами штатов, а финансируются как из федерального, так и местного бюджетов. Выплаты жертвам преступлений осуществляются при наличии определенных условий, в том числе при невозможности полностью или частично получить такие возмещения из других источников (реституция, выплаты по страховым договорам и др.)².

Основные из указанных механизмов предусмотрены и применяются в соответствии с Законом «О жертвах преступлений» (Victims of Crime Act). Возможно, это и подтолкнуло авторов рассматриваемого законопроекта использовать в его названии российскую интерпретацию термина «жертва преступления», но при этом они не учли ряд обстоятельств. Во-первых, в США отсутствует кодифицированное уголовно-процессуальное законодательство. Норм прецедентного права, которые возможно использовать в целях обеспечения прав и законных интересов жертвы преступления, явно недостаточно, что объясняется, в первую очередь, ненадлежащим вниманием Верховного суда США к этим вопросам³. Во-вторых, исследователи указывают на наличие в США более 50 правовых систем, относящихся, в том числе, и к сфере уголовного судопроизводства⁴. И то, и другое свидетельствует об отсутствии единого нормативного источника, содержащего значительный массив юридического материала, регламентирующего вопросы, связанные с понятием и правовым статусом потерпевшего. В нашем государстве, как мы отмечали выше, эти вопросы решены иначе.

В-третьих, С.В. Мамичева справедливо отмечает, что в общепринятом употреблении понятие «жертва» шире понятия «потерпевший», имеющего в нашей стране уголовно-процессуальное значение. Между этими понятиями в этимологическом смысле существует соотношение части и цело-

---

¹ Кухта К.И., Махов В.Н. Правовой статус жертвы преступления (потерпевшего) в уголовном процессе США. М.: Юрлитинформ, 2008. С. 62.

² Там же. С. 63.

³ Квашиис В.Е., Вавилова Л.В. Зарубежное законодательство и практика защиты жертв преступлений. М., 1996. С. 49-52.

⁴ Кухта К.И., Махов В.Н. Правовой статус жертвы преступления (потерпевшего) в уголовном процессе США. С. 36.

го¹. Понятие «жертва преступления» используется в значительном числе федеральных нормативных актов США и законов штатов. При этом оно не всегда коррелирует с термином «потерпевший», применяемом в УПК РФ.

В-четвертых, в США достаточно развитым является институт реституции, под которым понимается возмещение вреда, причиненного жертве преступления. Эти вопросы регламентируются рядом нормативных актов (например, Свод законов США, Закон о правосудии для всех 2004 г., принятые Генеральным Атторнеем «Руководящие принципы об оказании помощи потерпевшим и свидетелям»), включая специальный закон «Об обязательной реституции» 1996 г. Законодательство в этой части не только обширно, но и является детально проработанным, что не позволяет нам рассмотреть все его аспекты.

Необходимо учитывать, что в США нет института гражданского иска в уголовном процессе. Аналогом как раз и является указанная реституция². Реституция предполагает комплекс мер по взысканию с обвиняемого суммы, соответствующей размеру вреда, причиненного преступлением. По усмотрению суда реституция может быть обязательной или факультативной. Следует также отметить, что в законах детально изложен механизм применения любого из видов реституции. Кроме того, наряду с этим мощным механизмом возмещения вреда, причиненного преступлением, за счет причинителя такого вреда в некоторых случаях жертва преступления может рассчитывать на компенсацию причиненного ей преступлением вреда за счет государства.

Законодательство и деятельность по возмещению вреда, причиненного преступлением, в нашей стране находятся в плачевном состоянии³. Возможно поэтому и стала популярной точка зрения о компенсации его за счет государства. Сразу оговоримся, что в данном случае речь идет именно о возмещении (или компенсации) указанного вреда. Вопросы, связанные с доказыванием его характера и размера, также не просты и будут рассматриваться нами обособленно в одном из параграфов третьей главы.

Нашим государством уже предпринимались попытки осуществления компенсации вреда, причиненного преступлением, за счет средств федерального бюджета. Часть 3 ст. 30 принятого 24 декабря 1990 г. Закона «О собственности в РСФСР» предусматривала обязанность государства возмещать собственнику причиненный преступлением вред. Однако данная норма оказалась «мертвой». Законами РСФСР и РФ «О бюджете» в 1993 и 1994 гг. ее действие приостанавливалось в связи с отсутствием в государстве финансовых средств, а в связи с принятием в 1994 г. первой части ГК РФ это положение закона было исключено⁴.

---

¹ Мамичева С.В. Права жертв преступлений и злоупотребления властью и их гарантии в Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 1998. С. 7.

² Кухта К.И., Махов В.Н. Правовой статус жертвы преступления (потерпевшего) в уголовном процессе США. М.: Юрлитинформ, 2008. С. 95.

³ Ильичев В.А. Рука помощи потерпевшим [Электронный ресурс]. Доступ с сайта газеты «Московская правда» (дата обращения: 31.03.2013).

⁴ Возмещение вреда, причиненного преступлением: учеб.-метод. комплекс. Омск: Омская академия МВД России, 2003. С. 5.

Составители законопроекта «О потерпевшем от преступлений» предложили ряд мер, связанных именно с компенсацией вреда, причиненного преступлением. В частности, они определили цели и условия такой компенсации, предложили создать внебюджетный федеральный фонд помощи потерпевшим, разработали виды и размеры государственной компенсации, предложили урегулировать иные, более частные вопросы. Но, как мы отметили выше, тогда надо и данный закон назвать соответствующим образом.

Кроме того, для успешной реализации положений предлагаемого закона о компенсации вреда, причиненного преступлением, необходимы процедурные нормы. Отдельные из них предложены составителями, хотя, на наш взгляд, детально проработанной процедуры в законопроекте все же не получилось. Но главным, наверное, является не это, а то, где взять деньги. В части 2 ст. 8 законопроекта говорится, что средства государственного внебюджетного Федерального фонда помощи потерпевшим образуются за счет: штрафов, назначаемых в качестве уголовного наказания; государственных средств, полученных от конфискации имущества в порядке, установленном уголовным законодательством Российской Федерации; государственных средств, полученных от реализации вещественных доказательств по уголовному делу; сумм залогов, внесенных в порядке, установленном уголовно-процессуальным законодательством, и обращенных в доход государства; доходов от инвестирования части временно свободных средств Фонда в ликвидные государственные ценные бумаги и банковские вклады. Помещение этих средств Фонда в банковские вклады производится в пределах средств, предусмотренных в бюджете Фонда на соответствующий период; добровольных взносов граждан и юридических лиц; поступления иных финансовых средств, не запрещенных законодательством.

Но указанные средства, кроме последних трех позиций, учтены и работают в бюджете нашего государства. И рассчитывать на их использование без перераспределения последнего не приходится. Поэтому прав Уполномоченный по правам человека в РФ В. Лукин, говоря в докладе о проблемах защиты прав потерпевших от преступлений о том, что в первую очередь необходимо внести коррективы в Федеральный закон «О бюджетной классификации в Российской Федерации», определив в нем необходимый вид расходов. Одновременно в Бюджетном кодексе РФ следовало бы предусмотреть создание соответствующего фонда, порядок его функционирования и механизм осуществления компенсационных выплат¹. Кроме того, по мнению Уполномоченного по правам человека в РФ, необходимо дополнить ГК РФ нормой, в соответствии с которой государство должно взять на себя обязательства по компенсации вреда потерпевшим от преступлений.

Если согласиться с такой позиции, то и необходимость принятия закона о компенсации вреда, причиненного преступлением, может быть поставлена под сомнение. Нормативно закрепить останется только механизм осуществления выплат. Но эти вопросы (в том числе создание специального фонда) могут быть решены посредством принятия подзаконных норма-

---

¹ Проблемы защиты прав потерпевших от преступлений: спец. доклад Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации // Российская газета. 2008. 4 июня.

тивных актов (например, положения, объявленного указом Президента РФ или постановлением Правительства РФ).

Последние вопросы не относятся к числу уголовно-процессуальных, поэтому, чтобы не вторгаться в иную сферу отношений и знаний, мы ограничимся лишь их обозначением и перейдем к формулированию вывода.

Изложенное выше позволило нам констатировать:

- на сегодняшний день нет необходимости в создании и принятии специального закона о потерпевших от преступлений. Совершенствование правового статуса этого участника судопроизводства можно и необходимо осуществлять посредством корректировки действующего законодательства и, в первую очередь, УПК РФ;

- вопрос о возмещении и (или) компенсации вреда, причиненного преступлением, является весьма актуальным. Он может быть разрешен как посредством повышения эффективности деятельности, связанной с взысканием соответствующих денежных средств с лиц, виновных в причинении этого вреда, так и посредством создания механизма компенсации такого вреда за счет государства. И то, и другое требует корректировки действующего законодательства, а также создания дополнительной нормативной основы.

Глава 2. ОБЕСПЕЧЕНИЕ ПРАВ И ЗАКОННЫХ ИНТЕРЕСОВ ЛИЦА, ПОСТРАДАВШЕГО ОТ ПРЕСТУПЛЕНИЯ, В СТАДИИ ВОЗБУЖДЕНИЯ УГОЛОВНОГО ДЕЛА

§ 1. Обеспечение прав и законных интересов личности при приеме и регистрации сообщения о преступлении

Деятельность в стадии возбуждения уголовного дела принято разделять на этапы: прием и регистрация сообщения о преступлении; его рассмотрение (проверка); принятие итогового решения¹, поэтому вопрос об обеспечении прав и законных интересов лиц, пострадавших от преступления, мы рассмотрим в этой же последовательности.

Деятельность, связанная с приемом заявления о преступлении, представляет собой незначительный фрагмент уголовного судопроизводства, который позволяет решить всего лишь одну из частных задач. Такой подход формирует и соответствующее отношение к тому, что происходит в самом начале уголовного процесса². В равной степени это относится как к законодателю, так и к представителям науки. Результатом является отсутствие четкости и полноты правовых предписаний, а также рекомендаций правоприменителю по их исполнению.

Немаловажное значение имеет и формальное отношение к приему и регистрации первоначальной информации о преступлениях, а также контролю за осуществлением данной процедуры. Это привело к тому, что на протяжении нескольких десятилетий количество нарушений, связанных с приемом и регистрацией сообщений о преступлениях, остается большим. Так, в 1988 г. Прокуратурой СССР было выявлено около 52 тыс. преступлений, не зарегистрированных органами внутренних дел³. Спустя почти 25 лет, проверки, проводимые Генеральной прокуратурой РФ в субъектах учета, показали, что статистика о преступности, сформированная правоохранительными органами, не отвечает реальному положению дел. Как правило, положительные показатели борьбы с преступностью завышались, а негативные занижались. Согласно данным прокурорских проверок, около 150 тыс. укрытых преступлений выявляют органы прокуратуры ежегодно.

---

¹ Подобная периодизация используется не только в уголовно-процессуальной науке, но и в ряде нормативных актов (например, п. 54 Административного регламента Министерства внутренних дел Российской Федерации предоставления государственной услуги по приему, регистрации и разрешению в территориальных органах Министерства внутренних дел Российской Федерации заявлений, сообщений и иной информации о преступлениях, об административных правонарушениях, о происшествиях (утв. приказом МВД России от 1 марта 2012 г. № 140 «Об утверждении Административного регламента Министерства внутренних дел Российской Федерации предоставления государственной услуги по приему, регистрации и разрешению в территориальных органах Министерства внутренних дел Российской Федерации заявлений, сообщений и иной информации о преступлениях, об административных правонарушениях, о происшествиях») // Российская газета. 2012. 1 августа).

² *Марфицин П.Г., Синенко С.А., Филиппов Д.В.* Обеспечение прав и законных интересов лица, пострадавшего от преступления, в стадии возбуждения уголовного дела: монография. Омск: Омская академия МВД России, 2013. С. 58.

³ Советская милиция. 1989. № 10. С. 40.

Таким образом, число неучтенных преступлений доходит до 10 % от общего числа преступлений¹.

Необходимо отметить, что нарушения, связанные с приемом и регистрацией заявлений и сообщений о преступлениях, являются узловой проблемой в обеспечении прав личности не только в нашем государстве. Так, в США полиция оставляет без рассмотрения до 23 % первоначальной информации о преступлениях и не принимает решение в каждом четвертом случае обращения к ним пострадавших от преступлений. Но в то же время в США эта проблема включена в национальную программу исследования, приносящую свои плоды², в России ее решить пока не могут. Указанное выше побудило нас в первую очередь рассмотреть вопросы нормативного и организационного характера, возникающие в этой области и связанные с обеспечением прав и законных интересов лица, пострадавшего от преступления.

Порядок приема заявления о преступлении частично регламентирован ст. 141, 144 УПК РФ, более подробно – внутриведомственными нормативными актами. К последним следует отнести межведомственный приказ «О едином учете преступлений», которым с 1 января 2006 г. введено в действие Типовое положение о едином порядке организации приема, регистрации и проверки сообщений о преступлениях³. Этот документ детально регламентирует круг вопросов, связанных с получением первоначальной информации о преступлении и порядком реагирования на нее. Пункт 3 рассматриваемого приказа указывает, что «федеральные органы, утвердившие настоящее Положение, с учетом специфики и особенностей своей деятельности вправе издавать ведомственные инструкции по вопросам приема, регистрации, проверки сообщений о преступлениях и ведомственного контроля за этой деятельностью, не противоречащие федеральным законам и настоящему Положению». Этим воспользовалось большинство соответствующих федеральных органов. К числу нормативных актов, регламентирующих данный вопрос, в частности, относятся:

– Инструкция о порядке приема, регистрации и проверки сообщений о преступлении в следственных органах (следственных подразделениях) системы Следственного комитета Российской Федерации⁴;

---

¹ Вопросы исполнения законодательства, регламентирующего учет преступлений [Электронный ресурс] / Официальный сайт Прокуратуры Республики Коми. URL : <http://www.prockomi.ru/> (дата обращения: 07.07.2012).

² *Ennis P.N.* «Criminal Victimization in United States: A Report of a National Survey» in Presidents Commission on Law Enforcement and Administration of Justice. Tiled Survtjs: 2: Washing in D.S.: garment Printing Office. 1967. P. 49.

³ Приказ Генеральной прокуратуры РФ, МВД России, МЧС России, Минюста России, ФСБ России, Минэкономразвития России, ФСКН России от 29 декабря 2005 г. № 39/1070/1021/235/780/353/399 «О едином учете преступлений» // Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. 2006. № 5.

⁴ Приказ Следственного комитета РФ от 3 мая 2011 г. № 72 «О порядке приема, регистрации и проверки сообщений о преступлениях в следственных органах (следственных подразделениях) системы Следственного комитета Российской Федерации» [Электронный ресурс] (в ред. приказа Следственного комитета РФ от 5 марта 2012 г. № 13). Документ опубликован не был. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

– Административный регламент Министерства внутренних дел Российской Федерации предоставления государственной услуги по приему, регистрации и разрешению в территориальных органах Министерства внутренних дел Российской Федерации заявлений, сообщений и иной информации о преступлениях, об административных правонарушениях, о происшествиях;

– Инструкция о порядке приема, регистрации и проверки сообщений о преступлениях и иных происшествиях в органах государственной противопожарной службы Министерства Российской Федерации по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий¹;

– Инструкция по организации в органах Федеральной службы безопасности приема, регистрации и проверки сообщений о преступлениях и иной информации о преступлениях и событиях, угрожающих личной и общественной безопасности².

УПК РФ не содержит указаний, каким должно быть заявление потерпевшего по содержанию, какую информацию о преступлении оно должно включать в себя. Очевидно, законодатель не без оснований считает, что едва ли возможен стандарт такого заявления по всем преступлениям, каждое из которых имеет свою криминалистическую характеристику и прочие особенности. Кроме того, надо учитывать и то обстоятельство, что граждане страны не обязаны знать все формальности подачи подобных заявлений, которые, возможно, им никогда не понадобится подавать.

Исключение из этого правила составляют только дела частного обвинения. В части 5 ст. 318 УПК РФ законодатель закрепил требования к содержанию заявления о таком противоправном деянии. Кроме того, он установил правила, в соответствии с которыми заявления, не отвечающие установленным требованиям, могут быть не приняты к рассмотрению (ч. 1 ст. 319 УПК РФ). С одной стороны, позицию законодателя в этом вопросе понять можно. Заявление о преступлении в таком случае, по сути, выступает документом, содержащим формулировку обвинения, поэтому оно должно быть четким и иметь все необходимые реквизиты. С другой стороны, указанные требования к рассматриваемому документу ограничивают право граждан на доступ к правосудию, поскольку не каждый человек в состоянии соблюсти установленные требования, а средств на оплату юридических услуг у него может не быть.

Представляется, что для разрешения указанной ситуации может быть использовано несколько способов³. Во-первых, потерпевшему следует оказывать бесплатную юридическую помощь в оформлении соответствующего заявления. Российское законодательство начинает развиваться в этом направлении, что может принести ощутимые результаты. Нечто подобное уже предусмотрено в ряде нормативных актов, регулирующих отношения в рас-

---

¹ Утв. приказом МЧС России от 2 мая 2006 г. № 270.

² Утв. приказом ФСБ России от 16 мая 2006 г. № 205 // Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. 2006. № 42.

³ Подробнее об этом см.: *Синенко С.А.* Участие потерпевшего в расследовании преступлений: монография. Владивосток, 2007. С. 68-71.

сма­три­вае­мой сфе­ре. В част­но­сти, Ад­ми­ни­стра­тив­ный ре­гла­мент МВД Рос­сии пре­дос­тав­ле­ния го­су­дар­ствен­ной ус­лу­ги по при­ему, ре­гис­тра­ции и раз­ре­ше­нию в тер­ри­то­ри­аль­ных ор­га­нах МВД Рос­сии заяв­ле­ний, со­об­ще­ний и иной ин­фор­ма­ции о пре­ступ­ле­ни­ях, об ад­ми­ни­стра­тив­ных пра­во­на­ру­ше­ни­ях, о про­ис­шес­т­ви­ях со­дер­жит раз­дел, по­и­ме­но­ван­ный «Тре­бо­ва­ния к по­ря­дку ин­фор­ми­ро­ва­ния о пре­дос­тав­ле­нии го­су­дар­ствен­ной ус­лу­ги». В этой час­ти нор­ма­тив­но­го ак­та пред­пи­сы­ва­ет­ся осу­ществ­лять ин­фор­ми­ро­ва­ние заяв­и­те­лей в пуб­лич­ном или ин­ди­ви­ду­аль­ном по­ря­дке. Пуб­лич­ное ин­фор­ми­ро­ва­ние ре­а­ли­зу­ет­ся че­рез сред­ства мас­со­вой ин­фор­ма­ции, а так­же пу­тем раз­ме­ще­ния ин­фор­ма­ции на стен­дах в об­ще­дос­туп­ных мес­тах и на сай­тах тер­ри­то­ри­аль­ных ор­га­нов МВД Рос­сии (п. 7 Ре­гла­мен­та). Ин­ди­ви­ду­аль­ное ин­фор­ми­ро­ва­ние осу­ществ­ля­ет­ся лич­но или по те­ле­фо­ну (п. 11 Ре­гла­мен­та). Од­на­ко са­мо со­дер­жа­ние этой де­ятель­но­сти в рас­сма­три­вае­мом ак­те из­ло­же­но фор­маль­но, по­это­му воз­ни­ка­ют серь­ез­ные сом­не­ния по по­во­ду ее эф­фек­тив­но­сти. Тем бо­лее что та­кое же фор­маль­ное от­но­ше­ние к ее осу­ществ­ле­нию мо­жет воз­ник­нуть в са­мом пра­во­при­ме­не­нии.

Во-вто­рых, в ря­де за­ру­бе­ж­ных стран в по­мо­щь по­тер­пев­шим, об­ра­тив­шим­ся в ор­га­ны до­зна­ния и след­ствия, вы­да­ет­ся па­мят­ка-ру­ко­вод­ство (или со­став­ля­ет­ся от­дель­ный до­ку­мент-про­то­кол), в ко­то­рой из­ла­га­ют­ся пра­ва по­тер­пев­ше­го. В рос­сий­ской юри­дичес­кой на­у­ке име­ют­ся пред­ло­же­ния об ис­поль­зо­ва­нии это­го опы­та¹. Пред­став­ля­ет­ся, что в со­дер­жа­нии ука­зан­но­го до­ку­мен­та бы­ло бы по­лез­ным на­по­мнить об обя­зан­но­стях по­тер­пев­ше­го и ор­га­на рас­сле­до­ва­ния. Об­ра­зец заяв­ле­ния о пре­ступ­ле­нии и по­яс­не­ние его со­дер­жа­ния при­не­сли бы поль­зу не толь­ко заяв­и­те­лю по­тер­пев­ше­му, но и пра­во­о­х­ра­ни­тель­ным ор­га­нам.

Важ­ны­ми со­став­ля­ю­щи­ми со­дер­жа­ния рас­сма­три­вае­мо­го заяв­ле­ния ви­дятся да­та и фа­бу­ла пре­ступ­ле­ния, а так­же то, ка­ки­ми об­ъек­тив­ны­ми дан­ны­ми под­твер­жда­ет­ся эта ин­фор­ма­ция, ка­кой вред и в ка­ком раз­ме­ре при­чи­нен пре­ступ­ле­нием, на­сколь­ко он су­щес­твен­ен для по­тер­пев­ше­го, не до­пус­ка­ет ли заяв­и­тель воз­мож­но­сти при­ми­ре­ния с ли­цом, со­вер­шив­шим пре­ступ­ле­ние, ка­кие до­во­ды и до­ка­за­тель­ства мо­жет пре­дос­та­вить заяв­и­те­ль в под­твер­жде­ние заяв­лен­но­го со­об­ще­ния о пре­ступ­ле­нии, пред­при­ни­ма­ются ли ме­ры к со­кры­тию пре­ступ­ле­ния за­ин­те­ре­со­ван­ны­ми в этом ли­ца­ми.

Сог­лас­но ч. 1 ст. 144 УПК РФ, до­зна­ва­тель, ор­ган до­зна­ния, следо­ва­тель, ру­ко­вод­и­тель след­ствен­но­го ор­га­на обя­заны при­нять со­об­ще­ние о лю­бом со­вер­шен­ном или го­то­вя­щем­ся пре­ступ­ле­нии. При от­сут­ствии в за­ко­не ка­ких-ли­бо тре­бо­ва­ний к лич­но­сти заяв­и­те­ля эта фор­му­ли­ро­вка ука­зы­ва­ет, пре­жде все­го, на то, что заяв­и­те­лем мо­жет быть лю­бое ли­цо, как по­стра­дав­шее, так и не по­стра­дав­шее от пре­ступ­ле­ния, не­со­вер­шен­но­лет­нее и взрос­лое, не­за­ви­симо от то­го, вла­де­ет оно язы­ком, на ко­то­ром ве­дет­ся су­до­про­из­вод­ство, или нет. А.П. Гу­ляев по это­му по­во­ду ука­зы­ва­ет: «По­во­дом для воз­буж­де­ния уго­лов­но­го де­ла бу­дет со­об­ще­ние, сде­лан­ное как

---

¹ Пав­лов Н.Е. Долг сви­де­те­ля. М., 1989. С. 61-79; Ко­мис­саров В.И., Слав­го­род­ская О.А. Га­ран­тии прав по­тер­пев­ше­го в уго­лов­ном су­до­про­из­вод­стве // Ох­ра­на прав и сво­бод че­ло­ве­ка и гра­ж­да­ни­на в уго­лов­ном су­до­про­из­вод­стве: мат-лы ме­жду­нар. науч.-практ. конф. М., 2011. С. 241.

лицом, потерпевшим от преступления, так и посторонним лицом, которому стало известно о совершенном или готовящемся преступлении»¹. Данную точку зрения поддерживают и другие ученые².

Такое понимание закона не всегда встречается в правоприменении. Например, гр. П. обратился в дежурную часть ОВД с заявлением о том, что в отношении его дочери было совершено мошенничество. Дежурный по ОВД отказал в приеме заявления, объяснив, что пострадавшая должна сама обратиться в органы внутренних дел. Заявитель сообщил об этом по телефону дежурному по УВД Омской области, но он поддержал позицию коллеги. Только после обращения в прокуратуру настоящее заявление было принято³.

Причины возникновения данной ситуации могут быть разными. Одна из них – ненадлежащий контроль за порядком приема заявлений и сообщений о преступлениях. Не исключено и то, что закон в этой части толкуется неоднозначно. Прямого предписания на этот счет ни в одном из нормативных актов нет, а значит допустимо их произвольное толкование. Мы не являемся сторонниками того, чтобы подобные аспекты были предметом уголовно-процессуального регулирования, но, как было отмечено выше, существует значительное число ведомственных актов, регламентирующих рассматриваемые вопросы. Они могли бы содержать более конкретные формулировки, обязывающие принять заявление о совершенном или готовящемся преступлении от любого лица. Некоторую попытку создать подобное предписание мы увидели в п. 6 Инструкции о порядке приема, регистрации и проверки сообщений о преступлении в следственных органах (следственных подразделениях) системы Следственного комитета Российской Федерации. В нем указано: «Сообщение о преступлении, вне зависимости от места и времени совершения преступного деяния, полноты сообщаемых сведений и формы представления, а также подследственности, подлежит обязательному принятию (приему) во всех следственных органах СК России». Подобная формулировка как аргумент может быть использована и при рассмотрении нами последующих вопросов, однако нуждается в большей конкретизации.

Исходя из содержания ч. 1 и 3 ст. 141 УПК РФ, заявление о преступлении может быть сделано в устном или письменном виде. В последнем случае оно заносится в протокол. Однако в законе не содержится четко сформулированной обязанности должностного лица, принявшего устное заявление, составить соответствующий протокол. Указание, использованное законодателем в этом случае «Устное заявление о преступлении заносится в протокол...», дает лишь основание толковать ее как обязанность. Нет четкости в этом вопросе и в ведомственных актах, вследствие чего в правоприменении вместо составления протокола принятия устного заявле-

---

¹ Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / под общ. ред. В.П. Верина, В.В. Мозякова. М., 2004. С. 353.

² Сычев П.Г. Особенности участия и гарантии прав организаций (юридических лиц) на досудебных стадиях уголовного судопроизводства: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2008. С. 75.

³ Материалы прокурорской проверки по жалобе гр. П. // Архив прокуратуры Ленинского района г. Омска за 2009 г.

ния иногда заставляют заявителя собственноручно оформлять заявление. На наш взгляд, в таких действиях можно усмотреть формальное нарушение закона, хотя в большинстве случаев оно может казаться несущественным. Представляется, что переложить свою обязанность на заявителя работник органа дознания, следователь могут только при наличии его согласия на собственноручное составление документа. Однако стереотипы, имеющие место на практике, могут привести и к нарушению права лица на обращение в правоохранительные органы с заявлением о преступлении. Так, гр. З. в своей жалобе указал, что по факту его обращения с сообщением о преступлении ему было предложено написать заявление, а на просьбу предоставить для этого бумагу, ответили отказом. Таким образом, заявление о преступлении принято не было¹.

Толкование положений ч. 1 ст. 144 УПК РФ свидетельствует о том, что при обращении гражданина с заявлением о преступлении не имеет значения подведомственность, в том числе место совершения преступления. Обязанность принятия такого сообщения сохраняется. В дальнейшем его следует передать по подследственности². Но и здесь требования закона соблюдаются не всегда, что порождает жалобы граждан. Так, гр. Н. обратился к дежурному по ОВД с заявлением о причинении ему легкого вреда здоровью. В приеме заявления было отказано по той причине, что такие дела подведомственны мировому судье. Решение об отказе в приеме заявления было обжаловано прокурору³. Представляется, что ситуация была бы иной, если бы дежурный по ОВД не отказал в приеме заявления, а разъяснил заявителю значимые в этой ситуации обстоятельства, иными словами, использовал бы некоторые тактические приемы. В частности, гражданину следовало разъяснить, что его заявление может быть принято, но оно будет передано для рассмотрения мировому судье. Принятие решения об этом и пересылка заявления займут определенное время (иногда это длится несколько дней). Если помещение, где работает мировой судья, находится вблизи от органа внутренних дел, есть возможность лично передать его по принадлежности, что сократит время на его рассмотрение. Кроме того, к содержанию таких заявлений законом предъявляются особые требования, и их невыполнение влечет возвращение заявления. Эти требования, а также образцы заполнения документа имеются в мировом суде. Таким образом, у заявителя есть возможность убедиться в том, составлено ли заявление правильно, и устранить погрешности, что также ускорит его рассмотрение. Представляется, что после таких объяснений заявитель сам бы согласился доставить заявление адресату.

Существует ряд требующих обсуждения вопросов, связанных с приемом заявлений от юридических лиц, а также от лиц, не достигших возраста восемнадцати лет. Считаем возможным остановиться на них особо.

---

¹ Материалы прокурорской проверки по жалобе гр. З. // Архив прокуратуры Приокского района г. Нижний Новгород за 2010 г.

² Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / науч. ред. В.Т. Томин, М.П. Поляков. 6-е изд., перераб. и доп. М., 2012. С. 441.

³ Материалы прокурорской проверки по жалобе гр. Н. // Архив прокуратуры Арзамаского района Нижегородской области за 2009 г.

В пункте 1 ч. 1 ст. 140 УПК РФ в качестве повода для возбуждения уголовного дела указано заявление о преступлении. С учетом того, что согласно действующему законодательству потерпевшим может быть как физическое, так и юридическое лицо (ч. 1 ст. 42 УПК РФ), можно предположить, что с заявлением о преступлении вправе обратиться любое из указанных лиц. Однако статья 141 УПК РФ, содержащая более детальную регламентацию вопросов, связанных с рассматриваемым поводом, ориентирована только на потерпевших – физических лиц. Достаточно четко об этом свидетельствуют такие содержащиеся в ней указания: «Протокол должен содержать данные о ... документах, удостоверяющих личность заявителя», «Заявитель предупреждается об уголовной ответственности...». Между тем в теории уголовного процесса не существует возражений против того, что заявителем о преступлении может быть и юридическое лицо. Более того, нередко отмечается, что сообщения о совершенном или готовящемся преступлении, исходящее от учреждений, организаций и предприятий, а также от должностных лиц, должны быть сделаны в письменной форме и содержать реквизиты официального документа¹. Но таких требований УПК РФ, в том числе ст. 141, не содержит. Поэтому мы сочли необходимым высказать свою позицию по данному вопросу.

О том, что понятие «заявитель» применительно к рассматриваемой нами области правоприменения необходимо рассматривать в широком смысле, включая в это понятие и юридических лиц, убедительно было доказано еще в период действия УПК РСФСР. В частности, отмечалось: «Используя термин “заявитель”, законодатель не всегда имеет в виду физическое лицо. Равенство между этими двумя понятиями просматривается лишь в ч. 1 и 2 ст. 110 УПК РСФСР, где речь идет о заявлениях граждан и разъяснении им ответственности за заведомо ложный донос. В случаях, предусматривающих уведомление инициатора сообщения о принятии одного из предусмотренных законом решений и использовании права обжалования этого решения (ч. 4 ст. 109, ч. 4 ст. 113 УПК РСФСР), значение термина “заявитель” становится гораздо шире и включает в себя не только физическое лицо, но и предприятие, учреждение или общественную организацию, от которых поступило заявление или сообщение о преступлении»². Современные исследователи поддерживают такую позицию. Более того, они подчеркивают: «термин “заявитель” может толковаться в узком смысле (в рамках, очерченных ст. 141 УПК РФ) и широко – как лицо, заявившее о любом преступлении, в том числе и совершенном лично. Представляется, что при определении круга прав, которыми может воспользоваться данный участник судопроизводства для защиты своих интересов, необходимо исходить

---

¹ Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / науч. ред. В.Т. Томин, М.П. Поляков. М., 2012. С. 436.

² *Марфицин П.Г.* Обеспечение прав и законных интересов личности в стадии возбуждения уголовного дела: дис. ... канд. юрид. наук. М., 1993. С. 20.

из широкого понимания термина “заявитель”»¹. Правильность такого подхода подтверждают и современные исследователи².

Соглашаясь с указанной выше позицией, мы констатируем, что под заявителем в равной мере следует понимать физическое лицо, должностное лицо, юридическое лицо, предоставившее в установленном законом порядке первичную информацию о преступлении. Почему же тогда к заявлениям двух последних из указанных категорий лиц предъявляются особые требования, которые, как мы отмечали выше, еще и настоятельно рекомендуется использовать в правоприменении?

Существует и более категоричное мнение. Так, С.С. Шишкин отмечает, что на практике встречаются случаи, когда в материалах дела имелось заявление юридического лица, составленное на бланке организации, подписанное руководителями, но без исходящего номера и даты, а также когда отсутствуют учредительные документы и выписка из Единого государственного реестра юридических лиц³. В другом уголовном деле имелось заявление ООО «МИГ-4» по факту присвоения (растраты), которое было оформлено не на бланке организации и в то же время подписано руководителем, но исходящего номера и даты не имелось⁴. Это позволило указанному автору сделать вывод о том, что с целью единообразного подхода в практической деятельности в УПК должны быть указаны необходимые требования к заявлениям, в частности, исходящим от юридических лиц. Обязательными должны быть не только реквизиты организации, соответствующие ее уставным и учредительным документам, сведения о ее фактическом нахождении и контактном телефоне, но также дата и номер исходящего заявления⁵.

Д.А. Иванов настаивает на том, что заявления о преступлении, поступившие от юридических лиц и не соответствующие определенным требованиям, должны быть возвращены без предварительной проверки⁶. С такой позицией, на наш взгляд, нельзя согласиться по нескольким причинам. Во-первых, согласно ч. 1 ст. 144 УПК РФ органы предварительного расследования обязаны принять, проверить сообщение о любом совершенном или готовящемся преступлении. В соответствии с ч. 7 ст. 141 УПК РФ поводом для возбуждения уголовного дела не может служить только анонимное заявление, т. е. не содержащее сведения о лице, его подавшем. И, во-вторых,

---

¹ *Кириянина Н.А.* Обеспечение прав несовершеннолетних участников уголовного судопроизводства в стадии возбуждения уголовного дела: дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2010. С. 102.

² *Сычев П.Г.* Особенности участия и гарантии прав организаций (юридических лиц) на досудебных стадиях уголовного судопроизводства: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2008. С. 71.

³ Уголовное дело № 1-251 // Архив Федерального суда Индустриального района г. Ижевска Удмурдской Республики за 2007 г.

⁴ Уголовное дело № 1-246 // Там же.

⁵ *Шишкин С.С.* Представительство юридического лица в уголовном судопроизводстве: вопросы теории и практики: дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2012. С. 110.

⁶ *Иванов Д.А.* Защита следователем прав и законных интересов лиц, потерпевших от преступлений. М., 2009. С. 54-56.

УПК РФ не предусматривает процедуру возвращения заявителям поданных ими заявлений (кроме дел частного обвинения).

Но существование приведенной выше точки зрения еще раз побуждает нас обратиться к вопросу о том, какие же требования предъявляются к заявлениям о преступлении.

Существование в УПК РФ ст. 141, казалось бы, специально посвященной этому вопросу, вместе с тем не позволяет четко сформулировать требования, предъявляемые к рассматриваемому документу. В этой статье законодатель не разграничивает заявления в зависимости от лиц, их сделавших. Как было отмечено выше, ничтожными признаются только анонимные заявления. Пояснений тому, какое заявление считается анонимным, в УПК РФ не содержится. В свое время эти разъяснения были даны в Указе Президиума Верховного Совета СССР от 12 апреля 1968 г. (в ред. 1988 г.). Там говорилось, что обращения граждан, не содержащие сведения об их фамилии, имени, отчестве, месте жительства и работы, признаются анонимными и рассмотрению не подлежат¹. На наш взгляд, необходимо уточнить, что указанные сведения, изложенные в заявлении, должны быть достоверными. В противном случае, даже при их наличии в документе, заявление может быть признано анонимным. Подчеркнем, что в данном нормативном акте речь идет об анонимных обращениях физических лиц.

Изложенное выше позволяет утверждать, что, несмотря на отсутствие прямых указаний в ст. 141 УПК РФ, заявление о преступлении должно содержать сведения о заявителе: фамилию, имя, отчество, место жительства и работы (учебы или иного рода занятий). Но таких указаний в УПК РФ нет относительно письменного заявления о преступлении, хотя в ч. 3 ст. 141 УПК РФ, где речь идет о протоколе принятия устного заявления, отмечено, что в указанном документе должны содержаться данные о заявителе, а также о документах, удостоверяющих его личность. Таким образом, мы имеем некоторую непоследовательность в правовом регулировании.

В то же время мы обозначили минимальный объем сведений, которые должны содержаться в заявлении. На практике здесь нередко указываются год рождения лица, место его рождения, номера контактных телефонов, иные сведения. Наверное, в ряде случаев это нельзя признать излишним, хотя представляется, что объем таких сведений не должен быть значительным, поскольку главная функция этой части заявления – иметь возможность идентифицировать лицо, обратившееся с заявлением.

Если провести аналогию между обращениями по поводу совершенного преступления физических и юридических лиц, то можно определить объем сведений, которые должны быть в заявлениях последних. Представляется возможным согласиться с мнением, что в таком заявлении должны содержаться реквизиты организации, соответствующие ее уставным и уч-

---

¹ Указ Президиума Верховного Совета СССР от 12 апреля 1968 г. № 2534-VII «О порядке рассмотрения предложений и жалоб граждан» (в ред. Указа Президиума Верховного Совета СССР от 2 февраля 1988 г. № 8422-XI) // Ведомости Верховного Совета СССР. 1968. № 27. Ст. 237; 1988. № 6. Ст. 94.

редительным документам, сведения о ее фактическом нахождении и контактном телефоне¹.

Не следует забывать еще об одном требовании, предъявляемом к заявлению. В части 2 ст. 141 УПК РФ говорится о том, что оно должно быть подписано заявителем. Считаем, что это требование в равной степени распространяется на заявления физических и юридических лиц.

Мы указали тот объем сведений, необходимость содержания которых в заявлении вытекает из смысла закона. В то же время, как отмечалось выше, в теории и правоприменении к документам такого рода предъявляются дополнительные требования. Например, Д.А. Иванов считает необходимым возвратить заявление, если в нем отсутствует печать юридического лица, скрепляющая подпись его руководителя². У нас нет сомнений, что в ряде случаев такой рекомендацией с удовольствием воспользуются практические работники. Но еще раз обозначим свою оценку – предложенные требования являются избыточными и не должны влиять на процесс принятия заявления о преступлении.

Правильность предложенного подхода косвенно подтверждается позицией высшего органа конституционного надзора, отраженной в Постановлении Конституционного Суда РФ от 18 июля 2012 г. № 19-П³. Предметом проверки в данном случае стали нормы Федерального закона «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации», определяющие процедуру рассмотрения обращений граждан в органы публичной власти. Внимание Конституционного Суда РФ привлек вопрос о том, распространяются или нет эти нормы на обращения объединений граждан, включая юридических лиц. Неясно также, регулируют или нет данные положения рассмотрение обращений учреждениями и организациями, которые осуществляют публично значимые функции. Конституционный Суд РФ подчеркнул, что право граждан обращаться лично, направлять индивидуальные и коллективные запросы в органы власти закреплено в Конституции РФ. От этого производно и аналогичное право объединений, в том числе юридических лиц. Соответственно, объединениям граждан должно быть гарантировано подобное право. В противном случае будет нарушен принцип равенства. Основной вывод высшего органа конституционного надзора, который интересен нам в связи с рассматриваемым вопросом, состоит в том, что органы власти должны рассматривать обращения юридических лиц в таком же порядке, как и поступающие от граждан. Представляется, что это положение должно в полной мере применяться и в сфере уголовного судопроизводства.

---

¹ Мисник И.В. Потерпевший в российском уголовном судопроизводстве: дис. ... канд. юрид. наук. Иркутск, 2005. С. 96.

² Иванов Д.А. Защита следователем прав и законных интересов юридических лиц, потерпевших от преступлений. М., 2009. С. 55.

³ Постановление Конституционного Суда РФ от 18 июля 2012 г. № 19-П «По делу о проверке конституционности части 1 статьи 1, части 1 статьи 2 и статьи 3 Федерального закона «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации» в связи с запросом Законодательного собрания Ростовской области» // Российская газета. 2012. 3 августа.

Кстати, исходя из единства требований к заявлению, нам представляется возможным принятие от юридического лица (точнее, от его руководителя) устного заявления о преступлении. В этой сфере должны преобладать публичные начала уголовного судопроизводства.

Подобное мнение у нас сформировалось сравнительно давно. В то время, когда большинство ведомств (лицензионных, налоговых, таможенных, административных и пр.) тщательно разрабатывают проекты и бланки заявлений, которыми пестрят официальные газетные издания, в сфере уголовно-процессуальной деятельности, которая наиболее подвержена формализации, этому не придается такого должного значения. На практике сообщение о преступлении от юридического лица иногда поступает после того, как в самой организации были проведены некоторые проверочные действия с целью обнаружения признаков противоправного деяния. В таких случаях к заявлениям прилагаются материалы проверки, например, акты ревизий, документальных проверок, инвентаризаций, объяснительные, различного рода заключения и т.п. Кроме того, в штатах организаций нередко имеются должностные лица (или структуры, например, отделы), осуществляющие юридическое сопровождение их деятельности. При таких условиях можно склониться к тому, что заявление о преступлении, поступающее от юридического лица, должно содержать все необходимые реквизиты, включая описание преступного деяния, ссылки на факты, подтверждающие его противоправность, лиц, виновных в его совершении, и пр. Такие заявления были бы мечтой правоприменителя. Но, на наш взгляд, все это можно рассматривать лишь как пожелания, но не основания для возвращения заявления для устранения содержащихся в нем недостатков.

Сложнее решается вопрос, связанный с получением заявления о преступлении, предусмотренном гл. 23 УК РФ. Статья 23 УПК РФ содержит положение о том, что если деяние, предусмотренное гл. 23 УК РФ, причинило вред интересам исключительно коммерческой или иной организации, не являющейся государственным или муниципальным предприятием, и не причинило вред интересам других организаций, а также интересам граждан, общества или государства, то уголовное дело возбуждается по заявлению руководителя данной организации или с его согласия. Однако согласно примечанию 2 к ст. 201 УК РФ, если деяние, предусмотренное гл. 23 УК РФ, причинило вред интересам исключительно коммерческой организации, не являющейся государственным или муниципальным предприятием, уголовное преследование осуществляется по заявлению этой организации или с ее согласия. Налицо явное отличие норм УПК РФ и УК РФ. В первой формулировке речь идет о заявлении или согласии руководителя организации, во втором – заявлении или согласии организации.

В данном случае считаем возможным согласиться с мнением А.Е. Сумина, полагающего, что предписания, содержащиеся в ст. 23 УПК РФ, не отвечают требованиям практики и законодательства¹. Во-первых, субъектом указанных категорий преступлений нередко, как свидетельствует практика, выступает сам руководитель, что исключает возможность по-

---

¹ *Сумин А.Е.* Досудебное производство по уголовным делам о преступлениях на рынке ценных бумаг: дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2011. С. 108-111.

лучения согласия или заявления от данного лица¹. Во-вторых, императивное содержание ст. 23 УПК РФ исключает возможность получения заявления или согласия от иных лиц, представляющих интересы организации. Положения УК РФ, напротив, позволяют сделать вывод о том, что от имени организации, которой причинен ущерб, может выступать любое уполномоченное лицо. На практике, как отмечается в Комментарий к УК России, это способствует тому, что участники или акционеры организации в установленном порядке назначают новое лицо, которое будет представлять их интересы и вправе сделать соответствующее заявление². Кроме того, в соответствии со ст. 55 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ) от имени юридического лица может выступать любое лицо, уполномоченное на это в силу закона или учредительных документов. К.В. Муравьев в связи с этим приходит к умозаключению, что «правомочия по принятию решения о подаче заявления о возбуждении дела или выражению согласия на это в определенной ситуации должны принадлежать коллегиальному исполнительному органу»³. Изложенное выше позволяет настаивать на приведении положений ст. 23 УПК РФ в соответствие с требованиями материального права.

Это также дает нам основание утверждать, что по делам рассматриваемой категории заявление о преступлении должно быть принято от любого лица (или коллегиального органа), представляющего интересы организации. Правильность данной позиции подтверждается и тем, что речь в данном случае идет пока лишь о приеме заявления о преступлении, а не о привлечении к уголовной ответственности. Для того чтобы имело место последнее, необходимо выяснить квалификацию деяния, а также ряд других условий (непричинение вреда иным лицам и т.п.), что и должно быть сделано в ходе предварительной проверки информации о преступлении.

Обратимся к вопросам, связанным с приемом и регистрацией заявлений от лиц, не достигших совершеннолетия⁴.

В УПК РФ не обозначен минимальный возраст заявителя, однако отказать в приеме заявления о преступлении только потому, что лицо является несовершеннолетним, нельзя. Таким образом, теоретически заявителем может быть любое лицо, не достигшее совершеннолетия⁵. Вместе с тем лица, не достигшие восемнадцатилетия, далеко не одинаковы по своему развитию, психическому состоянию и другим признакам. Поэтому в юридиче-

---

¹ Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации: расширенный уголовно-правовой анализ с материалами судебно-следственной практики / под общ. ред. Н.А. Овчинникова. 6-е изд., перераб. и доп. М., 2007. С. 544.

² Там же.

³ *Муравьев К.В.* Возбуждение уголовного дела в отношении лица: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2005. С. 24.

⁴ Ранее мы публиковали некоторые результаты исследования по этому вопросу. См.: *Синенко С.А., Кирынина Н.А.* Прием заявления о преступлении: правовой и криминалистический аспекты // Ученые записки Орловского государственного университета. 2012. № 2 (46). С. 382-387.

⁵ *Кирынина Н.А.* Вопросы обеспечения прав несовершеннолетних при приеме и проверке сообщений о преступлениях // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2012. № 4. С. 257.

ской науке и нормотворчестве предпринимались и предпринимаются попытки выделения возрастных групп несовершеннолетних субъектов правоотношений. Например, в УК РФ различаются лица, которым ко времени совершения преступления исполнилось и не исполнилось четырнадцать лет (ч. 1 ст. 87 УК РФ). Кроме того, при установлении возраста, с которого наступает уголовная ответственность, отдельно указываются лица, достигшие четырнадцатилетнего и шестнадцатилетнего возраста (ст. 20 УК РФ). Возраст в четырнадцать и шестнадцать лет учтен и в УПК РФ (например, в статьях, определяющих особенности допроса несовершеннолетних подозреваемых, обвиняемых, свидетелей, потерпевших).

Одновременно с термином «несовершеннолетний» в ряде законов употребляется термин «малолетний» (ст. 61, 63, 82, 125, 245 УК РФ, ст. 28, 32, 40, 172, 1073 ГК РФ). Предписания, выделяющие «малолетних до 14 лет» из общей группы несовершеннолетних участников судопроизводства, содержат Устав уголовного судопроизводства 1864 г. (ст. 95, 620¹, 706). Примером обособленного использования этой категории, в том числе в названии документа, служит Закон от 2 июня 1897 г. «Об изменении форм и обрядов судопроизводства по делам о преступных деяниях малолетних и несовершеннолетних, а также законоположений о их наказании».

Эти законодательные предписания не оставлены без внимания теоретиками, они также поддерживают разграничение несовершеннолетних на дополнительные возрастные подгруппы. Иногда предлагается и более дробная дифференциация. Так, рассматривая уголовно-правовой аспект понятия потерпевшего, А.А. Строков предлагает законодательно закрепить следующие возрастные группы несовершеннолетних: новорожденный – лица от рождения до одного года, ребенок – от года до шести, малолетний – от шести до четырнадцати, несовершеннолетний – от четырнадцати до восемнадцати лет¹.

Разграничение лиц, не достигших восемнадцатилетнего возраста, на малолетних и несовершеннолетних объяснено представителями уголовно-процессуальной науки. С учетом научных воззрений, сложившихся в иных отраслях права, юридической практике, к первой группе предлагается отнести лиц в возрасте до 14 лет². Поддерживая данную точку зрения, считаем возможным особо подчеркнуть, что данные разграничения должны быть использованы при правовом регулировании приема заявлений о преступлении несовершеннолетними. Представляется необходимым поддержать суждение о том, что следует законодательно регламентировать процессуальный порядок приема заявлений от подростков и одновременно дополнить УПК РФ рядом положений, позволяющих обеспечивать защиту интересов несовершеннолетних заявителей посредством процессуальной деятельности иных субъектов.

---

¹ *Строков А.А.* Уголовно-правовая характеристика преступлений: вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления или антиобщественные действия, неисполнение обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ставрополь, 2009. С. 7.

² См., напр.: *Галимов О.Х.* Проблемы правового регулирования уголовного судопроизводства с участием малолетних: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 1997. С. 15-18.

Изучение уголовных дел, а также материалов об отказе в возбуждении уголовного дела показало, что заявление подростка, как повод для начала уголовно-процессуальной деятельности, имеет место достаточно редко. Подростки от 14 до 18 лет были заявителями лишь в 0,6 % случаев. При этом не было выявлено ни одной ситуации, когда с заявлением о преступлении обратились бы малолетние.

Исследовав состояние правоприменения в этой сфере и мнения практикующих юристов, Н.А. Кирянина обозначает ряд причин, обуславливающих ненадлежащее обеспечение прав несовершеннолетних на обращение в правоохранительные органы с заявлением о преступлении. При этом автор отдельно рассматривает ситуации, связанные с производством по делам частного и публичного обвинения. К числу основных причин отнесены: редкое самостоятельное обращение подростков с заявлениями о преступлении; настороженное отношение (а иногда и их отторжение) к таким заявлениям практических работников; возможность разрешения сообщения о преступлении, отнесенного к делам публичного обвинения, без заявления о совершенном преступлении; невозможность заявителей по делам частного обвинения (а в дальнейшем они становятся частными обвинителями) самостоятельно отстаивать свои интересы в суде¹.

Поскольку в ходе анализа правоприменения мы столкнулись с подобными ситуациями, абсолютно согласимся с приведенными суждениями автора, не приводя дополнительных аргументов. Более того, считаем необходимым поддержать предложение о необходимости внесения корректировки в действующее законодательство.

Следует упомянуть и о том, что в юридической литературе еще в период действия УПК РСФСР высказывались заслуживающие внимания предложения по совершенствованию процессуального статуса заявителя. В настоящее время эти предложения частично реализованы законодателем, хотя, может быть, не всегда удачно. Например, право заявителя обжаловать отказ в приеме сообщения о преступлении непосредственно в законе не закреплено. Оно вытекает из содержания ст. 123-125 УПК РФ, устанавливающих общее право на обжалование любыми участниками судопроизводства незаконных действий (бездействия) и решений должностных лиц. Предполагается, что эти действия и решения могут быть связаны с приемом, а также с регистрацией сообщения о преступлении. Определенность в этот вопрос вносят отдельные положения Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 10 февраля 2009 г. № 1 «О практике рассмотрения судами жалоб в порядке статьи 125 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации»². Так, в пункте 2 данного документа говорится, что помимо постановлений дознавателя, следователя, руководителя следственного органа об отказе в возбуждении уголовного дела судебному обжалованию в соответствии с ч. 1 ст. 125 УПК РФ подлежат иные решения и действия

---

¹ Кирянина Н.А. Вопросы обеспечения прав несовершеннолетних при приеме и проверке сообщений о преступлениях // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. С. 110-115.

² Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 10 февраля 2009 г. № 1 «О практике рассмотрения судами жалоб в порядке статьи 125 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // Российская газета. 2009. 18 февраля.

(бездействие) должностных лиц, принятые на досудебных стадиях уголовного судопроизводства, если они способны причинить ущерб конституционным правам и свободам участников уголовного судопроизводства или иных лиц, чьи права и законные интересы нарушены, либо могут затруднить доступ граждан к правосудию. В их числе, в частности, указан отказ в приеме сообщения о преступлении.

Современным законодателем не в полной мере учтены положения Определения Конституционного Суда РФ от 6 июля 2000 г. № 191-О¹, касающиеся права участников предварительной проверки сообщения о преступлении, в том числе заявителя, на ознакомление с материалами проверки. В УПК РФ так и не сформулировано это право, оно лишь вытекает из положений ст. 24 Конституции Российской Федерации и ч. 2 ст. 145, ч. 4 ст. 146 и ч.ч. 4, 5 ст. 148 УПК РФ.

Таким образом, правовое регулирование общего правового статуса заявителя остается не вполне удовлетворительным. Пока такой вывод нами был сформирован по итогам рассмотрения вопроса об обеспечении прав и законных интересов лица, пострадавшего от преступления, при приеме сообщения о преступлении. Не сомневаемся, что существуют недостатки в правовом регулировании этого вопроса и в рамках иных элементов стадии возбуждения уголовного дела, а пока обозначим предложения по совершенствованию законодательства:

– *дополнить ч. 1 ст. 141 УПК РФ фразой следующего содержания: «Несовершеннолетний возраст заявителя не может являться основанием для отказа в приеме у него заявления»;*

– *часть 2 ст. 141 УПК РФ изложить в следующей редакции: «2. Письменное заявление о преступлении должно содержать сведения о заявителе (физическом или юридическом лице) и быть им подписано»;*

– *в части 3 ст. 141 УПК РФ вместо слова «заносится» использовать фразу «должно быть занесено должностным лицом».*

Завершая рассмотрение основного вопроса данного параграфа, подчеркнем, что для повышения эффективности деятельности в рассматриваемой сфере необходимо:

1) *усовершенствовать нормативную основу принятия заявления о преступлениях, в том числе посредством реализации сформулированных нами предложений;*

2) *усилить контроль за исполнением действующих нормативных предписаний;*

3) *предложить правоприменителю тактические приемы работы с заявителем.*

§ 2. Участие потерпевшего в проверке сообщения о преступлении: уголовно-процессуальный и криминалистический аспекты

---

¹ Определение Конституционного Суда РФ от 6 июля 2000 г. № 191-О «По жалобе гражданина Луценко Николая Максимовича на нарушение его конституционных прав частью третьей статьи 113 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР» // Российская газета. 2000. 6 сентября.

Обратимся к рассмотрению вопросов обеспечения прав лица, пострадавшего от преступления, на втором этапе стадии возбуждения уголовного дела – при проверке сообщений о преступлениях. Здесь также существует несколько ситуаций, требующих законодательного разрешения.

В соответствии с ч. 1 ст. 144 УПК РФ дознаватель, орган дознания, следователь, руководитель следственного органа обязаны не только принять, но и проверить сообщение о любом совершенном или готовящемся преступлении. Это дает основание утверждать, что в действующем законе проверка сообщения о преступлении имеет статус обязательного элемента первоначальной стадии уголовного процесса. Действовавшее ранее законодательство такого положения не содержало, что позволяло правоприменителю самому решать вопрос о необходимости осуществления проверочных действий. В тот период преобладало мнение о том, что основанием для начала проверки сообщения о преступлении является отсутствие в первичных материалах достаточных данных, указывающих на признаки преступления. Если же они имеются, то вопрос о возбуждении уголовного дела должен решаться без производства каких-либо проверочных действий¹.

В теории уголовного процесса указанная концепция имела развитие и в более частных проявлениях. Так, В.А. Михайлов считал, что все заявления и сообщения о совершенном или подготавливаемом преступлении можно классифицировать следующим образом: 1) содержащие данные, прямо указывающие на признаки конкретного преступления; 2) нуждающиеся в проверке и уточнении оснований к возбуждению уголовного дела; 3) требующие немедленного вмешательства органов внутренних дел для пресечения преступления и закрепления его следов. Более того, предлагалось введение такой классификации в закон, что должно было исключить умышленную волокиту при принятии решений в стадии возбуждения уголовного дела следователем, органом дознания². Другие ученые отмечали, что игнорирование дифференцированного подхода к разрешению заявлений и сообщений о преступлении на практике ведет к нарушению такого важного требования закона, как своевременное возбуждение уголовного дела, что противоречит быстрому и полному раскрытию преступления³.

На наш взгляд, такой подход являлся разумным. Анализ правоприменения показал, что в ряде случаев сведения, содержащиеся в поступив-

шем заявлении, являются достаточными для принятия решения о возбуждении уголовного дела. Нередко в них имеются не только предположения о

---

¹ *Николюк В.В., Кальницкий В.В., Марфицин П.Г.* Стадия возбуждения уголовного дела (в вопросах и ответах): учеб. пособие. Омск, 1995. С. 21; *Степанов В.В.* Предварительная проверка первичных материалов о преступлениях. Саратов, 1972. С. 10-11.

² *Михайлов В.А.* Оптимизация деятельности органов внутренних дел по приему и рассмотрению заявлений и сообщений о преступлениях. М., 1992. С. 14-15.

³ *Овсянников Ю.В.* Основания и мотивы принятия уголовно-процессуальных решений в стадии возбуждения уголовного дела: дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2001. С. 60.

совершении или приготовлении к совершению преступления, но и определенные фактические данные, подтверждающие это предположение¹. Поэтому промедление с возбуждением уголовного дела под предлогом необходимости осуществления проверочной деятельности в рассматриваемых ситуациях может негативно сказаться на дальнейшем расследовании, привести к утрате доказательств². Д.С. Кротков по этому поводу отмечает: «Возведение проверки сообщений о преступлениях в ранг обязанности, а также отсутствие в законе указаний на основание ее производства приводит к тому, что у правоприменителя формируется психологическая установка на обязательность выполнения проверочных действий, на выявление излишне большого объема фактических данных о происшествии, поэтому в ряде случаев проверка осуществляется без необходимости, что имеет ряд отрицательных последствий: затягивание сроков принятия решения по информации о преступлении; неоправданное вовлечение граждан в сферу уголовного судопроизводства; выполнение излишней и ненужной работы и др.»³. Все это в конечном итоге оказывает отрицательное влияние на обеспечение прав и законных интересов лица, пострадавшего от преступления.

Изложенные выше обстоятельства действительно привели к тому, что в практической деятельности осуществление предварительной проверки не считается исключительным случаем и осуществляют ее вне зависимости от объема фактических данных, изложенных в поводе к возбуждению уголовного дела. Приведем пример. Руководитель государственного учреждения в марте 2011 г. обратился в ГОВД с письменным заявлением о том, что его подчиненная – кассир отделения платных услуг К. – в период с февраля по сентябрь 2010 г. допустила недостачу 83 тыс. рублей. К заявлению прилагались: материалы служебной проверки, акт ведомственной ревизии, таблицы расчетов суммы недостачи, копии приказа о приеме К. на работу в должности кассира отделения платных услуг, ее должностной инструкции, инструкции о порядке ведения кассовых операций и договора с учреждением о полной материальной ответственности, копии отчетных кассовых чеков с несовпадающими конечными и начальными показаниями контрольных счетчиков и приходных кассовых ордеров, на основании которых К. сдавала выручку в центральную кассу, первичные объяснения самой К., ее напарницы Р., а также главного бухгалтера учреждения С. и его заместителя по контрольно-ревизионной работе. Несмотря на то, что в представленных материалах имелись достаточные данные, указывающие на признаки преступления, руководством ГОВД было поручено проведение предварительной проверки оперуполномоченному ОБЭП, который взял письменное объяснение от кассира, ее напарницы, главного бухгалтера и его заместителя и только после этого передал материалы в следственный отдел для решения вопроса о возбуждении уголовного дела.

---

¹ Кузнецов Н.П. Доказывание в стадии возбуждения уголовного дела. Воронеж, 1983. С. 63.

² Марфицин П.Г., Муравьев К.В. Возбуждение уголовного дела в отношении лица, подозреваемого в совершении преступления: монография. Омск, 2009. С. 121-122.

³ Кротков Д.С. Уголовно-процессуальные решения и субъекты их принятия в стадии возбуждения уголовного дела: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2011. С. 7.

В связи с рассматриваемым вопросом представляют интерес положения Устава уголовного судопроизводства 1864 г. (далее – УУС), в которых было указано: «...объявление о преступном деянии, при коем обвинитель был очевидцем, может служить достаточным поводом к начатию следствия, хотя бы в виду следователя и не было никаких других улик» (ст. 298 УУС). В период проведения в России судебной реформы на рубеже ХХ–ХХІ вв. предлагалось считать достаточным основанием для возбуждения уголовного дела любое письменное или устное заявление о преступлении, которое подписано заявителем, предупрежденным об ответственности за заведомо ложный донос¹. Концепция судебной реформы РФ содержала еще более категоричное предписание: в случаях, когда хотя бы в минимальной степени существует вероятность того, что преступление было действительно совершено, необходимо возбуждать дело и устанавливать обстоятельства, подлежащие доказыванию, наиболее надежными средствами².

К сожалению, законодатель не пошел этим путем, хотя, как нам представляется, возведение предварительной проверки сообщения о преступлении в ранг обязанности могло произойти и спонтанно. В любом случае изложенный выше подход представляется более продуктивным и его необходимо реализовать путем внесения корректив в ч. 1 ст. 144 УПК РФ. Привлекательным, на наш взгляд, в этом плане выглядит предложение Д.С. Кроткова, который считает необходимым из ч. 1 ст. 144 УПК РФ исключить слово «проверить», а также между первым и вторым предложением добавить текст, указывающий на то, что проверка сообщения о преступлении может осуществляться только при отсутствии в нем основания для возбуждения уголовного дела³.

Внесение изменения в закон необходимо еще и потому, что оно позволит определить не только основания проведения проверки сообщения о преступлении, но и ее цели, предмет, пределы. И все это сконцентрируется вокруг одной из ключевых категорий первоначального этапа уголовного судопроизводства – «основание для возбуждения уголовного дела». В связи с рассматриваемым вопросом мы поддерживаем определение понятия проверки сообщения о преступлении, сформулированное в пп. «е» п. 3 Инструкции о порядке приема, регистрации и проверки сообщений о преступлении в следственных органах (следственных подразделениях) системы СК РФ. В нем указано, что это процессуальные и иные действия, производимые правомочным на то должностным лицом в порядке ст. 144 УПК РФ по сообщению о преступлении с целью установления наличия либо отсутствия достаточных данных, указывающих на признаки преступления. Применительно к рассматриваемому нами вопросу обновление законодательства, кроме того, позволит пополнить перечень гарантий обеспечения прав лица, потерпевшего от преступления.

---

¹ Вицин С. Институт возбуждения уголовного дела в уголовном судопроизводстве // Российская юстиция. 2003. № 6. С. 55.

² Концепция судебной реформы в Российской Федерации / сост. С.А. Пашин. М., 1992. С. 90.

³ Кротков Д.С. Уголовно-процессуальные решения и субъекты их принятия в стадии возбуждения уголовного дела. С. 103.

Не существует должных правовых механизмов обеспечения прав лица, пострадавшего от преступления, и в ходе проведения предварительной проверки сообщения о преступлении. Следует отметить, что законодатель после долгих раздумий обратил внимание на этот вопрос. Федеральным законом от 4 марта 2013 г. № 23-ФЗ статья 144 УПК РФ дополнена ч. 1.1, в которой предпринята попытка регламентации этой сферы деятельности. Однако, на наш взгляд, она не вполне удачна. Указанный закон не стал неожиданностью для большинства специалистов в области уголовного процесса. Основные его положения обсуждались в научных коллективах, когда он проходил «научную экспертизу» в рамках научных конференций, на страницах юридической печати¹, на них реагировали и средства массовой информации. Теоретическая дискуссия о целесообразности уголовно-процессуальных новелл, которые были предусмотрены соответствующим законопроектом², а в настоящее время вошли в текст УПК РФ, не потеряла актуальности.

Так, указанная нами выше норма-новелла содержит следующую формулировку: «Лицам, участвующим в производстве процессуальных действий при проверке сообщения о преступлении, разъясняются их права и обязанности, предусмотренные настоящим Кодексом, и обеспечивается возможность осуществления этих прав в той части, в которой производимые процессуальные действия и принимаемые процессуальные решения затрагивают их интересы...». Таким образом, круг лиц, которым должны быть разъяснены права, а также обеспечена их реализация, ограничен только теми, кто участвует в осуществлении проверочных действий. Поэтому лицо, которому противоправным деянием причинен вред которое обратилось с заявлением о преступлении, не может рассчитывать на получение информации о своих правах, если оно не вовлечено в производство какого-либо проверочного действия.

Во-вторых, неясно, о разъяснении каких прав и обязанностей идет речь в данном случае. Например, одним из проверочных действий, указанном в ч. 1 ст. 144 УПК РФ, является истребование предметов и документов. В его производство может быть вовлечен пострадавший от преступления. Однако уголовно-процессуальное законодательство не содержит в себе ни процедуры производства такого действия, ни перечня прав и обязанностей лиц, участвующих в нем. Что же тогда разъяснять пострадавшему?

---

¹ См., напр.: Безотказное следствие // Закон. 2012. № 11. С. 30-39; Попов И.А. Актуальные проблемы прокурорского надзора за предварительным следствием и меры по их разрешению // Уголовное судопроизводство. 2012. № 1. С. 22; Химичева Г.П. Уточнить процедуру доследственной проверки // Уголовное судопроизводство. 2012. № 1. С. 23-26; Хатуаева В.В., Гришин А.В. Использование в доказывании по уголовному делу результатов специальных исследований, полученных на начальной стадии уголовного судопроизводства // Российское правосудие. 2012. № 6. С. 66-67; Мусеева Т.Ф. Проблемы процессуальной регламентации судебно-экспертной деятельности // Российское правосудие. 2012. № 6. С. 73-75; Лазарева В. А. Негативные последствия грядущих изменений в процедуре дознания // Уголовный процесс. 2012. № 8. С. 11-13 и др.

² Официально данный законопроект был опубликован 11 марта 2012 г. См.: Российская газета. 2012. 11 марта.

Между тем выполнение указанных требований важно не только для обеспечения прав и законных интересов личности, но и для процесса доказывания¹.

Наиболее распространенным проверочным действием является получение объяснения. На протяжении более десяти лет в УПК РФ не содержалось указания на возможность его производства, что создавало неудобства в правоприменении. Мы положительно оцениваем тот факт, что теперь возможность осуществления этого действия предусмотрена уголовно-процессуальным законом. Но, возвращаясь к предписаниям ч. 1.1 ст. 144 УПК РФ, мы вновь вынуждены констатировать ненадлежащую степень законодательного регулирования. И, в первую очередь, возникает вопрос о том, какие из прав и обязанностей должны быть разъяснены лицу, от которого получают объяснение. Более того, законодатель обязывает правоприменителя обеспечить возможность осуществления этих прав.

Существует неясность в том, является ли дача объяснения правом или это обязанность лица? В отношении таких участников уголовного судопроизводства, как потерпевший, подозреваемый, обвиняемый, таких вопросов не возникает, поскольку они четко разрешены в законе. Применительно к первоначальному этапу уголовного судопроизводства таких законодательных установлений нет. На наш взгляд, дача объяснений должна рассматриваться как право лица, в то время как дача показаний потерпевшим – это его обязанность. Такой вывод проистекает не только и не столько из содержания п. 2 ч. 5, ч. 7 ст. 42 УПК РФ, сколько из положений материального права. Статья 308 УК РФ предусматривает ответственность свидетеля и потерпевшего за отказ от дачи показаний. Однако в данном случае речь идет о показаниях этих лиц, то есть сведениях, сообщенных ими на допросе (ч. 1 ст. 78, ч. 1 ст. 79 УПК РФ). Получение же объяснений допросом не является.

Если же дача объяснения – это право лица, то возникает вопрос не только о свободном волеизъявлении человека относительно участия в этом проверочном действии. Как известно, праву одного субъекта должна корреспондировать обязанность другого. Иными словами, если лицо посчитает необходимым дать объяснение, то обязан ли правоприменитель такое объяснение принять? Разрешение этого вопроса может оказать существенное влияние на обеспечение прав лица, пострадавшего от преступления. Ранее мы приводили ситуации, когда такое лицо не выступало в качестве заявителя, а следовательно, не обладало какими-либо правами в первоначальной стадии уголовного судопроизводства. Предположим, что такое лицо пожелало сообщить следователю или дознавателю значимые, с его точки зрения, сведения, имеющие отношение к исследуемому жизненному случаю. Обязан ли следователь принять такие объяснения? Ответ на этот вопрос в УПК РФ мы не найдем.

Исходя из содержания УК РФ и УПК РФ, мы не получим однозначного ответа на вопрос о том, следует ли при получении объяснения разъяснять лицу обязанность давать правдивые показания. По нашему мнению,

---

¹ *Козловский В.П.* Виды доказательств в уголовном судопроизводстве: эволюция, регламентация, соотношение: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2013. С. 17-18.

ответ на него должен быть отрицательным, поскольку ст. 307 УК РФ (а ее предписание в данном случае является определяющим) предусматривает ответственность за дачу заведомо ложных показаний, а не объяснений.

В УПК РФ не определен статус лица, от которого возможно получение объяснений. Им может быть заявитель, лицо, явившееся с повинной, то есть один из тех субъектов, который упомянут в законе. Но может возникнуть необходимость в получении объяснения от других лиц, например, очевидцев, лиц, пострадавших от преступления, не являющихся заявителем, и др. Участие таких субъектов в проверке сообщения о преступлении не предусмотрено, так же как и не определен их правовой статус. Какие права и обязанности, исходя из требований ч. 1.1 ст. 144 УПК РФ, разъяснять им?

В связи с тем, что законодатель не определил порядок получения объяснений, по рассматриваемому нами вопросу возникает большое число и иных неясностей. Например, обязано ли лицо явиться для дачи объяснения, может ли оно быть подвергнуто принудительному приводу в случае неявки, вправе ли оно давать объяснения на родном языке, могут ли в ходе получения объяснения использоваться технические средства фиксации, какова может быть продолжительность этого процессуального действия и др.? Что будет правоприменитель в данном случае разъяснять в качестве прав и обязанностей и что должен предпринять для возможности осуществления прав человека, остается загадкой.

Существуют и более частные вопросы, например, связанные с обеспечением прав и законных интересов при получении объяснений от несовершеннолетних участников проверки сообщений о преступлении, в том числе пострадавших от противоправного деяния¹.

Ни в одном законе, в том числе и в УПК РФ, не установлена процедура получения объяснений от несовершеннолетних, поэтому на практике достаточно часто возникают следующие вопросы: необходимо ли приглашать педагога при получении объяснений у подростков; имеют ли право законные представители присутствовать при получении таких объяснений? В условиях отсутствия правового регулирования они в правоприменении разрешаются неоднозначно. Исследователи отмечают, что в отдельных случаях при получении объяснений по аналогии применяются правила, установленные ст. 191, 425 УПК РФ, т. е. к участию допускается педагог и законный представитель, в других эти правила не применяются. При этом указать на нарушение закона правоприменителем не представляется возможным². Проведенное нами изучение уголовных дел, а также материалов об отказе в возбуждении уголовного дела показало, что в 17,1 % ситуаций объяснение от подростка было получено в присутствии одного из родителей, в 28,4 % случаев при получении объяснения присутствовал педагог. В остальных случаях какие-либо иные лица в производство этого процессуального действия не вовлекались.

---

¹ *Кирынина Н.А.* Обеспечение прав несовершеннолетних участников уголовного судопроизводства в стадии возбуждения уголовного дела: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. С. 124-126.

² *Кирынина Н.А.* Вопросы обеспечения прав несовершеннолетних при приеме и проверке сообщений о преступлениях // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. С. 260-261.

Это приводит к выводу, что ненадлежащее законодательное регулирование предоставляет большой простор для использования усмотрения следователя, дознавателя, которое не всегда используется во благо обеспечения прав лица, пострадавшего от преступления. Поэтому нет сомнений в том, что эти вопросы необходимо тщательно регламентировать. На наш взгляд, определенную роль здесь могло бы сыграть вовлечение в уголовное судопроизводство дополнительных субъектов. Мы имеем в виду, в первую очередь, законных представителей несовершеннолетних и педагогов.

Единственное, что следует, применительно к рассматриваемому вопросу, сделать при производстве проверочных действий и что предписано ч. 1.1 ст. 144 УПК РФ, это разъяснить право не свидетельствовать против самого себя, своего супруга (своей супруги) и других близких родственников, круг которых определен п. 4 ст. 5 УПК РФ, пользоваться услугами адвоката, а также приносить жалобы на действия (бездействие) и решения дознавателя, органа дознания, следователя, руководителя следственного органа в порядке, установленном гл. 16 УПК РФ, а также право на обеспечение безопасности. Участники проверки сообщения о преступлении могут быть также предупреждены о неразглашении данных досудебного производства в порядке, установленном ст. 161 УПК РФ.

Но и здесь возникают вопросы. Во-первых, закон не устанавливает формы фиксации сведений, полученных в ходе этого проверочного действия. Практика идет по пути письменного отражения этих сведений в специальном документе, именуемом «Объяснение», форма и содержание которого в значительной степени сходны с формой и содержанием протокола допроса. В таком случае факт разъяснения прав и обязанностей может быть отражен в этом документе. А если объяснение будет получено в устной форме, чего закон не запрещает, то опять возникнут неясности.

Во-вторых, в ч. 1.1 ст. 144 УПК РФ имеется многообещающее указание на возможность лица при осуществлении проверочных действий пользоваться услугами адвоката. Однако и здесь не так все просто. В развитие указанного предписания законодатель ввел в ч. 3 ст. 49 УПК РФ, определяющую порядок вступления защитника в производство по уголовному делу, пункт 6 следующего содержания: «с момента начала осуществления процессуальных действий, затрагивающих права и свободы лица, в отношении которого проводится проверка сообщения о преступлении в порядке, предусмотренном статьей 144 настоящего Кодекса». Однако это позволяет утверждать, что правом на участие адвоката в первоначальной стадии уголовного процесса стало обладать только то лицо, в отношении которого производится такая проверка (т.е. потенциальный подозреваемый, обвиняемый). Иных изменений в законе в связи с этим не произошло.

Появилось ли право лица, пострадавшего от преступления, пользоваться услугами адвоката? Если исходить из содержания ч. 1.1 ст. 144 УПК РФ, то формально да. Однако надлежит обратить внимание и на тот факт, что 16 апреля 2013 г. в связи с изменением действующего законодательства было принято Постановление Пленума Верховного Суда РФ № 9 «О внесении изменений в Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 31 октября 1995 г. № 8 «О некоторых вопросах применения судами Конституции Российской Федерации при осуществлении правосудия». В пункте 17 дан-

ного постановления закреплено: «В соответствии с ч. 2 ст. 48 Конституции и на основании п. 6 ч. 3 ст. 49 УПК РФ каждое лицо, в отношении которого проводится проверка сообщения о преступлении в порядке, предусмотренном ст. 144 УПК РФ, имеет право пользоваться помощью адвоката (защитника) с момента начала осуществления процессуальных действий, затрагивающих права и свободы этого лица». К сожалению, в тексте указанного постановления Пленума Верховного Суда РФ не упоминается потерпевший. Создается впечатление, что его процессуальное положение никак не изменилось с принятием Федерального закона от 4 марта 2013 г. № 23-ФЗ и применительно к стадии возбуждения уголовного дела вообще преждевременно говорить о фигуре потерпевшего.

Если же на поставленный нами выше вопрос ответить утвердительно, то возникает следующий – в качестве кого будет выступать такой адвокат? Здесь также возникнут затруднения при применении закона. Применительно к потерпевшему адвокат может выполнять функцию представителя, о чем указано в ст. 45 УПК РФ. Однако буквальное прочтение ст. 45 УПК РФ позволяет утверждать, что представитель потерпевшего может реализовать свои функции только при наличии возбужденного производства по уголовному делу (за исключением дел частного обвинения). Подобные сложности возникают и при участии в предварительной проверке в качестве заявителя юридического лица. Здесь имеет место аналогичная ситуация. Поэтому С.С. Шишкин отмечает, что у потерпевшего юридического лица есть право участвовать в процессе через определенного им представителя, и государственные органы не вправе препятствовать ему в этом. Таким образом, представитель юридического лица может принимать участие в стадии возбуждения уголовного дела путем подачи заявления или сообщения о совершенном или готовящемся преступлении, представлении дополнительных материалов, дачи объяснения. Но такое представительство не будет являться уголовно-процессуальным, так как в этот момент он не наделен соответствующим статусом¹.

Предложения о законодательном закреплении возможности участия представителя, в том числе защитника, в стадии возбуждения уголовного дела уже высказывались на страницах юридической литературы². Причем не только в тех случаях, когда в предварительную проверку вовлекаются несовершеннолетние. Так, Ю.Ю. Чурилов отмечает, что отсутствие в УПК РФ нормы, прямо предусматривающей возможность участия защитника в первоначальной стадии уголовного судопроизводства, является одной из причин допускаемых здесь нарушений прав граждан. Весьма конкретны и предложения автора по совершенствованию законодательства в этой

---

¹ *Шишкин С.С.* Представительство юридического лица в уголовном судопроизводстве: вопросы теории и практики: дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2012. С. 130-131.

² См., напр.: *Кирянина Н.А.* Обеспечение прав несовершеннолетних участников уголовного судопроизводства в стадии возбуждения уголовного дела: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2010. С. 18. *Глушков А.И.* Обеспечение прав и законных интересов несовершеннолетних потерпевших в ходе уголовного судопроизводства // Российская юстиция. 2012. № 12. С. 51-52.

части¹. Теперь мы имеем соответствующую законодательную формулировку, но решена ли проблема?

Не смогут, по нашему мнению, воспользоваться этой новеллой и другие участники проверки сообщения о преступлении, например, очевидцы происшествия, от которых получают объяснения, лица, вовлеченные в производство ревизий, документальных проверок, истребование документов и предметов и др. Таким образом, мы опять имеем, с одной стороны, юридическую фикцию, а с другой – очередное проявление дисбаланса между правовым статусом лица, пострадавшего от преступления, и статусом лица, совершившего это преступление.

Мы рассмотрели проблемные ситуации, которые могут возникнуть в связи с применением положений ч. 1.1 ст. 144 УПК РФ, в основном на примере получения объяснений. Но подобное имеет место и при осуществлении иных проверочных действий. Сложность в обеспечении прав участников предварительной проверки сообщений о преступлении заключается и в том, что УПК РФ не содержит четкой законодательной регламентации действий, которые осуществляются в этих целях. Вследствие этого такая проверка проводится преимущественно непроцессуальными средствами, и здесь следует помнить, что «всякая непроцессуальность граничит с нарушением процессуальных гарантий»². Далее мы рассмотрим отдельные аспекты обеспечения прав и законных интересов лиц, пострадавших от преступления, на примерах осуществления иных действий по проверке сообщений о противоправных деяниях.

Как мы отмечали выше, целью такой проверки является установление наличия (или отсутствия) основания для возбуждения уголовного дела, т.е. получение достаточных данных, указывающих на признаки преступления (ч. 2 ст. 140 УПК РФ). Нередко это связано с установлением характера и размера ущерба, причиненного деянием, и, прежде всего, наличием и размером имущественного или физического вреда. Так, Д.А. Иванов, особо подчеркивая значимость этого вопроса, указывает, что наиболее совершаемыми в отношении юридического лица преступлениями являются: кражи – 61,2 %; мошенничество – 12,4 %; присвоение или растрата – 12,2 %; умышленное уничтожение или повреждение имущества – 5,8 %³. То есть по большинству из этих уголовных дел еще на этапе проверки сообщения о преступлении требовалось установить размер причиненного вреда. Установление размера имущественного вреда в ряде случаев необходимо и для того, чтобы отграничить уголовно наказуемое деяние от административного проступка, а также для определения более точной правовой оценки деяния, когда размер ущерба законодателем применяется в качестве квалифицирующего признака (например, значительный ущерб, крупный размер и т.п.).

---

¹ Чурилов Ю.Ю. Защита на стадии возбуждения уголовного дела // Уголовный процесс. 2008. № 8. С. 49-51. См. также: Мусаев М. Защита интересов потерпевшего в уголовном судопроизводстве РФ. М.: Человек, 2012. С. 20-22.

² Сычев А.А. Дифференциация уголовно-процессуальной формы производства по делам несовершеннолетних: дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2009. С. 130.

³ Иванов Д.А. Защита следователем прав и законных интересов юридических лиц, потерпевших от преступлений. М., 2009. С. 58-59.

Нередко данные о причиненном имущественном вреде предоставляются потерпевшим – юридическим лицом инициативно, причем, иногда одновременно с подачей заявления о преступлении. В этом случае может возникнуть лишь вопрос, связанный с проверкой достоверности сообщенных сведений. Между тем имеют место ситуации, они обычно связаны с совершением экономических преступлений, когда такие данные не только не предоставляются, но и создаются препятствия в их получении. Какими же правовыми средствами располагает следователь (дознатель) для получения указанной информации?

Из перечня проверочных действий, закрепленных в УПК РФ, для этих целей в первую очередь можно использовать возможность производства ревизий и документальных проверок (ч. 1 ст. 144 УПК РФ). Здесь необходимо иметь в виду, что во время документальной проверки выясняется соответствие финансово-хозяйственной деятельности объекта действующему законодательству. При проверке целесообразности и эффективности финансово-хозяйственной деятельности, равно как и отдельных операций, осуществленных проверяемым субъектом, производится ревизия. Она представляет собой более широкое контрольное действие и помимо изучения документов может сопровождаться изучением предметов, обследованием помещений, товарно-материальных ценностей и др. Порядок производства ревизий и документальных проверок регламентируется ведомственными нормативными актами¹. Вместе с тем процедура их назначения и проведения в УПК РФ не определена вообще. Иными словами, эти вопросы оставлены на усмотрение правоприменителя, что не всегда способствует обеспечению прав и интересов лиц (как физических, так и юридических), пострадавших от преступления.

Для этих же целей может быть использовано право истребовать определенные документы, материалы посредством предъявления требований, поручений, запросов (ч. 4 ст. 21 УПК РФ). Однако и для осуществления этих действий законодатель не предусмотрел соответствующих процедур.

В юридической литературе изложены достаточно убедительные соображения, основанные на смысле, духе закона, по поводу оформления решений о назначении ревизий и документальных проверок², факта истребо-

---

¹ См., напр.: Приказ Минфина России, МВД России, ФСБ России от 7 декабря 1999 г. № 89н/1033/717 «Об утверждении Положения о порядке взаимодействия контрольно-ревизионных органов Министерства финансов Российской Федерации с Генеральной прокуратурой Российской Федерации, Министерством внутренних дел Российской Федерации, Федеральной службой безопасности Российской Федерации при назначении и проведении ревизий (проверок)» // Экспресс-закон. 2000. № 25; приказ ФСФР России от 13 ноября 2007 г. № 07-108/пз-н «Об утверждении Положения о проведении проверок организаций, осуществление контроля и надзора за которыми возложено на Федеральную службу по финансовым рынкам» // Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. 2008. № 4.

² *Марфицин П.Г., Рагозина И.Г.* Некоторые рекомендации по проведению и использованию результатов ревизий и документальных проверок // Вестник Управления внутренних дел Ханты-Мансийского автономного округа – Югры. 2004. № 2. С. 36-39; *Кротков Д.С.* Уголовно-процессуальные решения и субъекты их принятия в стадии возбуждения уголовного дела: дис. ... канд. юрид. наук. С. 111-113; *Сумин А.Е.* Досу-

вания необходимых материалов¹. На их основе мы предлагаем ряд авторских суждений по поводу правового регулирования рассматриваемых вопросов.

Считаем, что при проведении ревизий и документальных проверок, а также использовании их результатов целесообразно применять общие правила работы в сочетании с процессуальными способами получения фактических данных. Мы предлагаем использовать следующий порядок при осуществлении рассматриваемых действий.

Решение о назначении ревизии или документальной проверки необходимо оформлять постановлением следователя. Это вполне вписывается в понятие постановления, сформулированное законодателем в п. 25 ст. 5 УПК РФ (постановление – любое решение следователя за исключением обвинительного заключения). Необходимость письменного выражения решения следователя объясняется рядом причин: 1) постановление-документ позволяет правоприменителю четко выразить свою волю по вопросам, касающимся производства указанных действий (где, когда, какие вопросы подлежат выяснению и др.); 2) участники досудебного производства (в том числе и производящие ревизию либо проверку) имеют возможность ознакомиться с данным документом и выразить свое отношение (обжаловать, внести предложение о дополнении и т.п.); 3) решение следователя, изложенное письменно, позволяет требовать его выполнения, а в противном случае – привлечения лиц к ответственности.

В постановлении следователя должны содержаться: основания назначения ревизии или документальной проверки; наименование учреждения (или ФИО специалиста), которому поручается выполнить указанные действия; вопросы, подлежащие выяснению; материалы, предоставляемые для производства ревизии или документальной проверки. При необходимости, по нашему мнению, можно указать и сроки производства ревизии либо документальной проверки.

С постановлением надлежит ознакомить лиц, в связи с деятельностью которых проводятся рассматриваемые действия, при этом следует разъяснить им круг прав, обозначенных в ч. 1 ст. 198 УПК РФ, применительно к производству экспертизы. Считаем возможным также назначение ревизии или документальной проверки по ходатайству лица, пострадавшего от преступления. В этом случае оно также должно быть ознакомлено с указанным постановлением и стать обладателем круга прав, указанных в ч. 1 ст. 198 УПК РФ.

По окончании производства ревизии или документальной проверки необходимо ознакомить этих лиц с их выводами, а также принять и исследовать их объяснения, возражения либо дополнения, дополнительные материалы.

дебное производство по уголовным делам о преступлениях на рынке ценных бумаг: дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2011. С. 68-69.

¹ *Николюк В.В., Кальницкий В.В., Шаламов В.Г.* Истребование предметов и документов в стадии возбуждения уголовного дела. Омск: Омская высшая школа милиции МВД СССР, 1990. С. 25; *Марфицин П.Г., Муравьев К.В.* Возбуждение уголовного дела в отношении лица, подозреваемого в совершении преступления: монография. Омск, 2009. С. 125-128.

В ряде случаев данные о размере имущественного вреда, как мы отмечали выше, могут быть получены посредством осуществления требований, поручений и запросов. При этом, как представляется, следователь может осуществлять как устные, так и письменные обращения к физическим и юридическим лицам. В последнем случае они могут иметь форму делового письма. Именно так в большинстве случаев поступают в правоприменении, что не вызывает возражений. Дополнительной регламентации в рамках УПК РФ, на наш взгляд, этот вопрос не требует.

Вместе с тем на практике существуют ситуации, когда лица, пострадавшие от преступления, в ходе проведения проверки сообщения о преступлении желают предоставить какие-либо дополнительные материалы, в том числе касающиеся определения размера причиненного вреда, либо заявить ходатайства. В отличие от потерпевшего, статус которого позволяет осуществить эти действия (п. 4, 5 ч. 2 ст. 42 УПК РФ), у заявителя такой законодательно закрепленной возможности нет. Однако она имела в УПК РСФСР. Так, часть 2 ст. 70 Кодекса 1960 г. определяла, что доказательства могут быть представлены не только подозреваемым, обвиняемым, защитником, потерпевшим и обвинителем, но и любыми гражданами, предприятиями, учреждениями и организациями. К числу таких лиц было возможным отнести и заявителя.

Аналогичная ситуация сложилась и с возможностью лица, пострадавшего от преступления, заявлять ходатайства. Анализ предписаний, содержащихся в гл. 15 УПК РФ «Ходатайства», не позволяет распространить указанные здесь правила на первоначальный этап уголовного судопроизводства. Об этом свидетельствует перечень субъектов, наделенных правом заявлять ходатайства (ч. 1 ст. 119 УПК РФ), в котором не упоминается ни один из участников стадии возбуждения уголовного дела. Косвенно на это указывают и иные формулировки. Например, в ч. 1 ст. 120 УПК РФ указано: «Ходатайство может быть заявлено в любой момент производства по уголовному делу...». То есть такое возможно по смыслу закона только после решения вопроса о возбуждении уголовного дела.

Лицо, пострадавшее от преступления, не обладает в стадии возбуждения уголовного дела также правом заявлять отводы. Между тем в первоначальной стадии уголовного судопроизводства могут существовать любые обстоятельства, исключающие участие того или иного субъекта (например, следователя, дознавателя, специалиста и др.) в уголовном процессе, указанные в гл. 9 УПК РФ. Отсутствие такой возможности явно противоречит основным началам уголовного судопроизводства в плане обеспечения прав и законных интересов личности. Не позволяет она в полной мере реализовать и предписания, содержащиеся в ч. 1.1 ст. 144 УПК РФ.

УПК РФ не содержит процессуальной формы, в рамках которой может быть проведено исследование, указанное в ч. 1 ст. 144 УПК РФ. По нашему мнению, при отсутствии таковой может быть использован потенциал, заложенный законодателем в ч. 4 ст. 21 УПК РФ. В этой норме указано: «Требования, поручения и запросы прокурора, руководителя следственного органа, следователя, органа дознания и дознавателя, предъявленные в пределах их полномочий, установленных настоящим Кодексом, обязательны для исполнения всеми учреждениями, предприятиями, организациями,

должностными лицами и гражданами». К сожалению, и эти предписания не являются достаточно конкретными. Так, здесь не указано, в какой форме (устной или письменной) могут быть выражены требование, поручение или запрос. Нам представляется, что в этих ситуациях необходимо ориентироваться на то, что уголовное судопроизводство носит удостоверительный характер, а также на правоприменительную практику. И то и другое указывает на предпочтительность письменной формы, однако опять возникает вопрос о том, какие права и обязанности надлежит разъяснить участникам указанных проверочных действий и каким образом при этом будет обеспечена защита их интересов.

Таким образом, подводя итог, считаем возможным констатировать, что предписание, содержащееся в первом предложении ч. 1.1 ст. 144 УПК РФ, является практически невыполнимым, что говорит о его юридической несостоятельности. Степень законодательного регулирования статуса лица, пострадавшего от преступления, на этапе проверки сообщения о преступлении является неудовлетворительной. Это явно не способствует обеспечению защиты его прав и интересов.

Считаем также уместным обратить внимание на то, что новеллы, использованные законодателем, неудачны и в иных аспектах. Например, неясна правовая сущность отдельных проверочных действий, дополненных в тексте УПК РФ Законом от 4 марта 2013 г. Так, в ч. 1 ст. 144 УПК РФ появилась формулировка: «При проверке сообщения о преступлении дознаватель, орган дознания, следователь, руководитель следственного органа вправе ... истребовать документы и предметы, изымать их в порядке, установленном настоящим Кодексом...». Однако изъятие предметов и документов является основным элементом производства таких следственных действий, как обыск и выемка, но их осуществление недопустимо до возбуждения уголовного дела. Встает вопрос, о каком же порядке, установленном УПК РФ, идет речь в данном случае?

В юридической литературе на протяжении нескольких десятилетий высказываются различные суждения о необходимости расширения перечня процессуальных действий, которые могут быть осуществлены для проверки первоначальной информации о преступлениях. Не исключено, что реализация таких предложений в какой-то мере способствовала бы обеспечению прав участников первоначального этапа судопроизводства. Изменения, внесенные законодателем в УПК РФ 4 марта 2013 г., как мы показали выше, не внесли правовой определенности в этот вопрос, оставив неразрешенным ряд проблем и породив при этом новые, поэтому такой подход, на наш взгляд, не является эффективным.

Мы не приветствуем идею переноса на первоначальный этап судопроизводства возможности осуществлять следственные действия и применения в связи с этим к лицам, участвующим в проверке сообщения о преступлении, мер процессуального принуждения. Если учесть весь перечень проверочных действий, существующий на стадии возбуждения уголовного дела, то можно признать его достаточным для решения задач первоначального этапа судопроизводства. Поэтому мы поддерживаем мнение о том, что следователя (дознавателя) необходимо наделить широкими полномочиями

по проверке сообщений о преступлениях, но при этом ограничить их рамками законности¹.

С учетом изложенного выше считаем необходимым *исключить из ч. 1 ст. 144 УПК РФ слово «проверить», дополнить ее фразой следующего содержания: «Изложенные в заявлении обстоятельства могут быть подвергнуты проверке при отсутствии в нем оснований для принятия итогового решения. При проверке сообщения о совершенном или готовящемся преступлении могут быть проведены любые действия, не нарушающие права личности. Производство следственных действий до возбуждения уголовного дела, кроме случаев, указанных в законе, не допускается»* Такой вариант был бы оптимальным и для сферы обеспечения прав участников стадии возбуждения уголовного дела. Он означал бы, что ни одно право субъекта уголовно-процессуальных отношений (в том числе пострадавшего) не должно быть нарушено.

Мы осознаем, что рассмотренное выше положение при его реализации законодателем имело бы сложности в осуществлении. В этом случае правоприменитель должен будет ориентироваться не на конкретный перечень прав и обязанностей, сформулированный в отдельной норме или даже в одном законе, а на весь комплекс прав человека, нашедший закрепление в значительном числе нормативных актов. Поэтому возникновение затруднений в правоприменении будет связано, в первую очередь, с юридической грамотностью правоприменителя. Но, на наш взгляд, совершенствование законодательства не должно быть поставлено в зависимость от того, что современный правоприменитель не сможет его использовать в силу недостаточной юридической грамотности. Кроме того, существуют правовые способы обеспечения прав участников первоначальной стадии уголовного судопроизводства и при существующих ныне условиях.

Для обеспечения реализации предложенного нами подхода необходимо в законе четко определить круг прав, которыми должно обладать лицо, пострадавшее от преступления, в стадии возбуждения уголовного дела. Кстати, эти права можно разъяснять, выполняя предписания ч. 1.1 ст. 144 УПК РФ. В их число необходимо включить право:

- *давать объяснения, делать заявления, заявлять ходатайства, в том числе на родном языке или языке, которым оно владеет, пользоваться бесплатной помощью переводчика;*
- *получать квалифицированную юридическую помощь;*
- *заявлять отводы;*
- *представлять дополнительные материалы;*
- *быть осведомленным о характере действий, выполняемых с его участием, или существенным образом затрагивающих его права и интересы, делать необходимые замечания, подлежащие фиксации в соответствующих уголовно-процессуальных документах;*

---

¹ Кротков Д.С. Уголовно-процессуальные решения и субъекты их принятия в стадии возбуждения уголовного дела: дис. ... канд. юрид. наук. С. 107-109; Кирянина Н.А. Обеспечение прав несовершеннолетних участников уголовного судопроизводства в стадии возбуждения уголовного дела: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. С. 123.

знакомится с документами, отражающими действия, выполненные с его участием, а также со всеми материалами проверки после ее завершения;

приносить жалобы на действия (бездействие) должностных лиц.

Для нормативного закрепления этих прав можно дополнить ст. 141 УПК РФ ч. 8, где и указать их перечень.

§ 3. Обеспечение прав потерпевшего при принятии итоговых решений в стадии возбуждения уголовного дела

Установив, что материальные и процессуальные предпосылки для начала расследования имеются, следовательно, орган дознания, дознаватель обязаны принять решение о возбуждении дела. В случае отсутствия исходных условий для продолжения производства должно быть принято решение об отказе в возбуждении уголовного дела. Других решений, завершающих первоначальную стадию процесса, не предусмотрено¹. Поэтому представляется, что совершенствование законодательства и правоприменительной практики в части обеспечения прав лица, пострадавшего от преступления, на завершающем этапе стадии возбуждения уголовного дела должно осуществляться в двух направлениях, в зависимости от вида итогового решения. Этим и предопределено содержание настоящего параграфа. Мы последовательно рассмотрим сначала проблемные ситуации, связанные с обеспечением прав указанного участника при принятии решения о возбуждении уголовного дела, а затем при отказе в возбуждении уголовного дела.

В соответствии с ч. 2 ст. 140 УПК РФ уголовное дело может быть возбуждено только в тех случаях, когда имеются достаточные данные, указывающие на признаки преступления. В части 2 ст. 21 УПК РФ законодатель, определяя компетенцию правоохранительных органов по осуществлению уголовного преследования, употребляет сходное понятие «обнаружение признаков преступления». Аналогичные положения содержались и в УПК РСФСР 1960 г. (ст. 3, ч. 2 ст. 108). Эти формулировки, как принято считать в теории уголовного процесса, отражают сущность основания для возбуждения уголовного дела. Таким образом, понятие основания для возбуждения уголовного дела содержит три² неразрывно связанных элемента:

¹ Передача сообщения по подследственности не является итоговым решением стадии возбуждения уголовного дела, так как после его принятия производство на данном этапе не заканчивается, хотя в юридической литературе высказывается иная точка зрения. См., напр.: Химичева Г.П., Мичурина О.В., Химичева О.В. и др. Проблемы нарушений уголовно-процессуальных норм при возбуждении и прекращении уголовных дел, способы их устранения: монография. М., 2004. С. 85.

² В юридической литературе иногда выделяют только два элемента этого понятия: наличие признаков преступления и достаточность данных об этом. См., напр.: Белозеров Ю.Н., Рябоконт В.В. Законность и обоснованность возбуждения уголовных дел органами внутренних дел. М., 1988. С. 13; Химичева Г.П., Мичурина О.В., Химичева О.В. и др. Проблемы нарушений уголовно-процессуальных норм при возбуждении и прекращении уголовных дел, способы их устранения. С. 92. Мы считаем, что наличие данных о признаках преступления и достаточность этих данных можно рассматривать как самостоятельные категории.

1) присутствие признаков преступления; 2) наличие данных об этих признаках; 3) достаточность таких данных.

Л. Н. Масленникова и другие авторы справедливо отмечают, что понятие «основание для возбуждения уголовного дела» в уголовно-процессуальном законе подробно не раскрывается¹. Между тем его уяснение не только представляет теоретический интерес, но и имеет большое практическое значение, поскольку юридические понятия обеспечивают единообразное понимание права, придают ему цельность, последовательность². Действительно, содержание деятельности по рассмотрению и разрешению сообщения о преступлении находится в прямой зависимости от толкования понятия «достаточные данные, указывающие на признаки преступления». В такой же зависимости находится и обеспечение при осуществлении этой деятельности, а также принятия итогового решения, прав и законных интересов лица, пострадавшего от преступления. Поэтому каждый из элементов, составляющих рассматриваемое понятие, нуждается в особых пояснениях.

Относительно первого из указанных элементов основания для возбуждения уголовного дела – признаков преступления – обратим внимание, что в науке существуют несколько несовпадающих позиций. В связи с этим предпримем попытку охарактеризовать спорные моменты, которые обусловлены несогласованностью отдельных уголовно-правовых и уголовно-процессуальных норм либо недостатками в их толковании. Считаем необходимым также сделать оговорку о том, что данная категория не привлекла внимания современных ученых, возможно, считающих, что ее активное исследование, имевшее место во второй половине XX в., исчерпало научную дискуссию.

В юридической литературе термин «признаки преступления» используется в нескольких значениях. Г.А. Густов и В.Г. Танасевич считают, что признаки преступления – это «определенные факты реальной действительности, представляющие собой следы преступления, указывающие на возможность совершения конкретного преступления»³. С.П. Митричев, говоря о методике расследования отдельных видов преступлений, подчеркивает, что «следует обращать внимание на *типичные признаки* (выделено нами. – Авт.), имеющие криминалистическое значение, на особенности данного вида преступлений, выражающиеся в способах совершения преступлений, характерных следах, оставляемых на месте преступления, преступных связях,

---

¹ Полностью соглашаясь с суждением автора, отметим, что не всегда и в юридической литературе, специально предназначенной для правоприменителя, удается обнаружить пояснение этого понятия. См., напр.: Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / науч. ред. В.Т. Томин, М.П. Поляков. М., 2012. С. 434.

² Овсянников Ю.В. Основания и мотивы принятия уголовно-процессуальных решений в стадии возбуждения уголовного дела: дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2001. С. 114; Уголовно-процессуальное право Российской Федерации: учеб. / отв. ред. П.А. Лупинская. С. 355; Химичева Г.П., Мичурин О.В., Химичева О.В. и др. Проблемы нарушений уголовно-процессуальных норм при возбуждении и прекращении уголовных дел, способы их устранения: монография. М., 2004. С. 93.

³ Густов Г.А., Танасевич В.Г. Признаки хищений социалистической собственности // Вопросы совершенствования предварительного следствия. Л., 1971. С. 89.

профессиональных и преступных навыках преступника, то есть на все то, что является типичным, общим и включается в криминалистическую характеристику преступлений»¹. Такое понимание признаков преступления характерно для определения их значения как криминалистического.

Л.И. Спиридонов, исследуя уголовно наказуемое деяние как социальный факт, выделяет ряд социологических признаков преступления. Первым, по его мнению, являются общественные отношения, господствующие в данной социально-экономической формации. Второй – специфический способ посягательства на сложившийся социальный порядок. Этим признаком охватываются только такие действия, которые объективно нарушают или могут нарушить господствующие общественные связи. Третий – социологический признак преступления – раскрывает особенности субъекта общественно опасного деяния². И.И. Карпец в книге «Уголовное право и этика» пишет о нравственных аспектах понятия преступления. Рассматривая преступление как деяние и противоправное, и аморальное, он дает понятие признаков преступления в единстве юридической и этической оценок этого явления³.

Нами отмечены признаки преступления в правовом, криминалистическом, социологическом и этическом значениях. С учетом направленности нашего исследования остановимся подробно на уголовно-правовом и уголовно-процессуальном аспектах этого понятия.

Анализируя признаки преступления в уголовно-правовом значении, необходимо отметить, что одним из центральных разделов уголовного права является учение о преступлении в целом и о его признаках, в частности. Признаки преступления предусмотрены в статьях как Общей, так и Особенной частей уголовного законодательства. Значительная доля этих признаков раскрывается в статьях Общей части. Как справедливо отмечает В.Д. Филимонов, «это такие признаки, которые, если пользоваться математической терминологией, вынесены за скобки составов конкретных преступлений. Скобки могут быть раскрыты, и тогда составы, установленные в Особенной части, пополнятся признаками, раскрывающими содержание умысла или неосторожности, возраста уголовной ответственности, вменяемости и др.»⁴.

А.И. Марцев, рассматривая преступление как правовое явление, называет признаки преступления условиями. Он пишет: «Чтобы деяние, как правовое явление, можно было признать преступлением, оно должно обладать определенными признаками (существенными сторонами), закрепленными законом. Эти признаки могут быть названы *условиями*, при наличии которых деяние признается преступлением. Итак, деяние должно быть 1) общественно опасным; 2) противоправным; 3) наказуемым; 4) совершенным виновно; 5) вменяемым физическим лицом; 6) лицом, достигшим возраста уголовной ответственности; 7) причинять или создавать угрозу при-

---

¹ Митричев С.П. Методика расследования отдельных видов преступлений. М., 1973. С. 13.

² Спиридонов Л.И. Социология уголовного права. М., 1986. С. 50-51.

³ Карпец И.И. Уголовное право и этика. М., 1985. С. 78-108.

⁴ Филимонов В.Д. Криминологические основы уголовного права. Томск, 1981. С. 10-11.

чинения существенного вреда личности, обществу, государству. Отсутствие хотя бы одного условия исключает возможность признания за деянием преступления»¹.

Большинство учебных изданий по уголовному праву содержит меньшее количество признаков преступления, но достаточно обстоятельную характеристику каждого из них. Как правило, в таких публикациях к признакам преступления относят общественную опасность, противоправность, виновность, наказуемость деяния².

Анализируя признаки преступления в уголовно-правовом значении, А.М. Ларин пришел к выводу, что их необходимо определять как такие черты, свойства события, по которым оно распознается как общественно опасное и противоправное³.

Следовательно, в уголовно-правовом значении понятие «признаки преступления» содержит в себе совокупность признаков состава преступления и ряда сопряженных с ним условий. Причем эта совокупность на начальном моменте уголовно-процессуальной деятельности может быть различной, т. е. она зависит от первичной информации, содержащейся в поводе для возбуждения уголовного дела и проверочных материалах.

Уголовно-процессуальное значение признаков преступления определяется следующим образом. М.С. Строговичем понятие «признаки преступления», как один из элементов основания для возбуждения уголовного дела, трактовалось «как наличие данных о составе преступления»⁴. А.Р. Михайленко под признаками преступления понимает отдельные черты происшествия, характерные для преступления или для его материальных последствий⁵. Аналогичное мнение высказывал и В.В. Шимановский: «Под признаками преступления понимаются такие отдельные черты события, которые характерны для преступления в целом или для его материальных последствий, в частности, для его объективной стороны. Иначе говоря, под признаками преступления понимаются такие элементы события, которые указывают на общественную опасность последнего и хотя бы в общих чертах отражают ее характер и направленность»⁶.

Л.Н. Масленникова считает, что основание для возбуждения уголовного дела включает данные как о фактическом событии, так и о его уголовно-правовых признаках⁷. В уголовно-процессуальной литературе также от-

---

¹ *Марцев А.И.* Общие вопросы учения о преступлении: монография. Омск, 2000. С. 23.

² Уголовное право России. Часть Общая и Особенная: учеб. / под ред. А.И. Рарога. 7-е изд., перераб. и доп. М., 2012. С. 32-36; Уголовное право Российской Федерации: Общая часть / под ред. Л.В. Иногамовой-Хегай, А.И. Рарога, А.И. Чучаева. 2-е изд. М., 2008. С. 62-65.

³ *Ларин А.М.* Структура института возбуждения уголовного дела // Сов. гос-во и право. 1978. № 5. С. 78.

⁴ *Строгович М.С.* Курс советского уголовного процесса. М., 1970. С. 15.

⁵ *Михайленко А.Р.* Возбуждение уголовного дела в советском уголовном процессе. Саратов, 1975. С. 59.

⁶ *Шимановский В.В.* Законность и обоснованность возбуждения уголовного дела. Л., 1987. С. 13.

⁷ Уголовно-процессуальное право Российской Федерации: учеб. / отв. ред. П.А. Лупинская. С. 357.

мечается, что установление признаков преступления предполагает получение данных о виновном совершении общественно опасного, уголовно наказуемого деяния, предусмотренного определенной нормой Особенной части Уголовного кодекса. Особое внимание необходимо обращать на признаки, позволяющие отграничить уголовно наказуемое деяние от действий, порождающих административные, гражданско-правовые и иные отношения¹.

Из приведенных точек зрения следует, что уголовно-процессуальное значение понятия «признаки преступления» отлично от его понимания в уголовно-правовой науке и охватывает данные о противоправном событии, а также наступивших последствиях.

Вместе с тем между уголовно-правовым и уголовно-процессуальным значениями понятия «признаки преступления» существует и взаимосвязь, аналогичная взаимосвязи между уголовным правом и уголовным процессом. Поэтому мы солидарны с мнением С.В. Бородин, который, говоря о взаимосвязи уголовного и уголовно-процессуального права, отмечает: «При анализе понятия признаков преступления как необходимого элемента основания к возбуждению уголовного дела особенно наглядно проявляется неразрывная связь уголовного и уголовно-процессуального права. Установление признаков преступления предполагает наличие достаточных данных о совершении общественно опасного уголовно наказуемого деяния, предусмотренного определенной нормой уголовного закона»². Но, несмотря на такое соотношение, мы отдаем предпочтение точке зрения Л.М. Карнеевой, которая считала, что термин «признаки преступления» в ст. 108 УПК РСФСР (ныне – ч. 2 ст. 140 УПК РФ) имеет не уголовно-правовое, а уголовно-процессуальное значение³.

Подводя итог изложенному выше анализу, считаем необходимым обратить внимание на следующие обстоятельства.

Во-первых, категория «признаки преступления» используется в науке в нескольких значениях и не имеет однозначного толкования. Во-вторых, термин «признаки преступления» в своей основе уголовно-правовой. В теории уголовного процесса он исследуется только в связи с анализом основания возбуждения уголовного дела. В-третьих, содержание термина «признаки преступления» в формулировке основания для возбуждения уголовного дела правоприменителем воспринимается недостаточно четко, нередко отождествляется с понятием «состав преступления», в связи с чем искажается замысел законодателя о том, что на момент возбуждения уголовного дела нет необходимости устанавливать все элементы состава преступления. Это подтверждает и опрос правоприменителей. Большая часть следователей и дознавателей (63,2 %) считают, что для принятия решения о возбуждении уголовного дела необходимо установить в деянии состав преступления, 18,4 % – называют выявление события преступления, 9,7 % – признаки преступления. Остальные не смогли ответить на поставленный

---

¹ Уголовный процесс: учеб. для вузов / под ред. Б.Б. Булатова, А.М. Баранова. 3-е изд., перераб. и доп. С. 212-213.

² Уголовный процесс: учеб. для вузов / под ред. В.П. Божьева. М., 1998. С. 233.

³ Карнеева Л.М. Привлечение к уголовной ответственности по советскому праву: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1970. С. 37.

вопрос¹. В-четвертых, уголовно-процессуальный закон содержит понятие «событие преступления», которое расшифровывается в п. 1 ч. 1 ст. 73 УПК РФ. В него входят время, место, способ и другие обстоятельства совершения преступления. Представляется, что деятельность на первоначальном этапе уголовного судопроизводства в сознании правоприменителя фактически направлена на установление не абстрактного для него понятия «признаки преступления», а на выявление времени, места, способа и других обстоятельств совершения преступления, т. е. события преступления².

Поэтому считаем, что *содержание ч. 2 ст. 140 УПК РФ предпочтительнее сформулировать следующим образом: «Основанием для возбуждения уголовного дела является наличие достаточных данных, указывающих на событие преступления (время, место, способ и другие обстоятельства его совершения)»*. Такая формулировка будет понятнее и иным участникам первоначальной стадии уголовного процесса, что позволит им эффективнее отстаивать свои права.

В законе указывается, что о признаках преступления должны иметься данные, однако в нем не определяется характер таких данных. В связи с тем, что этот вопрос имеет косвенное отношение к исследуемой нами проблематике, касающейся обеспечения прав лица, пострадавшего от преступления, считаем возможным высказать лишь нашу позицию относительно второго элемента, входящего в понятие «основания для возбуждения уголовного дела».

Поскольку законодатель не связывает решение о возбуждении уголовного дела с наличием доказательств, представляется, что данными, указывающими на признаки преступления, могут быть не только имеющиеся в официальных, в том числе уголовно-процессуальных источниках, но и иные сведения. В юридической литературе упоминаются, как правило, данные, полученные при проведении оперативно-розыскных мероприятий. Кроме того, следует иметь в виду, что эти сведения могут быть получены и предоставлены лицом, пострадавшим от преступления. Это нередко имеет место в правоприменении, особенно когда заявителем является юридическое лицо.

Совокупность данных, свидетельствующих о признаках преступления, должна быть достаточной для принятия решения. Достаточность в таком случае зависит от особенностей исследуемого события, характера полученной информации и др. Поэтому заранее сложно исчерпывающим образом определить объем фактических данных, который необходим для принятия законного и обоснованного решения. В каждом конкретном случае этот вопрос решается лицом, производящим проверку информации о преступлении, по своему внутреннему убеждению, с учетом всей совокупности первичных материалов. Более того, наличие (или отсутствие) достаточно-

---

¹ Подобные данные получены и другими исследователями. См., напр.: Химичева Г.П., Мичурина О.В., Химичева О.В. и др. Проблемы нарушений уголовно-процессуальных норм при возбуждении и прекращении уголовных дел, способы их устранения: монография. М., 2004. С. 93.

² На это же обстоятельство обращает внимание Ю.В. Овсянников. См.: Овсянников Ю.В. Основания и мотивы принятия уголовно-процессуальных решений в стадии возбуждения уголовного дела: дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2001. С. 117-118.

сти данных о признаках преступления чаще всего порождает споры по поводу принятого итогового решения в стадии возбуждения уголовного дела. Возможность использования в этой области субъективного фактора ставит под угрозу надлежащее обеспечение прав и законных интересов лиц, пострадавших от преступления. Кроме того, необходимо отметить, что интересы науки и практики в этих вопросах оказались полярными. С одной стороны, мы имеем большое число научно обоснованных рекомендаций о том, как правильно определять достаточность данных о признаках преступления, с другой – значительное число необоснованных и незаконных решений, завершающих первоначальную стадию уголовного процесса. Попытаемся разобраться в сложившейся ситуации.

Принятие решения о возбуждении уголовного дела всегда порождает дилемму: нужно ли к моменту возбуждения уголовного дела достоверно установить факт совершения преступления, или можно довольствоваться лишь предположением о том, что преступление совершено? Однозначно ответить на этот вопрос затруднительно, потому что выбор того или иного варианта имеет и положительные, и отрицательные стороны. Первые сведения о преступлении часто позволяют лишь предположить, что в данном случае совершено преступление. Возбужденное уголовное дело может быть затем прекращено, если первичные сведения окажутся ошибочными или ложными. Расследование в таком случае будет пустой тратой времени и сил следователя, а также тех, кого он привлеч к участию в следственных действиях.

Теория и практика выработали несколько подходов к разрешению этой ситуации. Один из них был четко выражен еще в 1928 г. в директивном письме Народного комиссариата юстиции и Верховного Суда РСФСР, которым предписывалось «...вести расследование только в тех случаях, когда налицо имеется в достаточной мере *очевидное преступление* (выделено нами. – Авт.), с тем чтобы логическим концом всякого расследования, как правило, был обвинительный приговор... Прежде чем приступить к расследованию, необходимо использовать все прочие возможности для уяснения дела – запросы, истребования объяснений и т.д.»¹. Существует масса примеров того, что и сейчас на практике не изжито стремление к возбуждению уголовных дел, по которым заранее известно, что они закончатся обвинительным заключением и будут направлены в суд².

Законодатель недвусмысленно указывает, что основанием для возбуждения уголовного дела является наличие признаков преступления, а не элементов состава преступления. Поэтому в момент принятия решения о возбуждении уголовного дела не обязательно иметь исчерпывающие сведения о составе преступления (объекте, объективной стороне, субъекте и

---

¹ Рахунов Р.Д. Возбуждение уголовного дела в советском уголовном процессе. М., 1954. С. 45.

² См., напр.: Овсянников Ю.В. Основания и мотивы принятия уголовно-процессуальных решений в стадии возбуждения уголовного дела. С. 60-61; Марфицин П.Г. Усмотрение следователя (уголовно-процессуальный аспект): монография. Омск, 2002. 197-201; Химичева Г.П., Мичурина О.В., Химичева О.В. и др. Проблемы нарушений уголовно-процессуальных норм при возбуждении и прекращении уголовных дел, способы их устранения. С. 76-77, 92-95.

субъективной стороне). Полное и всестороннее установление виновных лиц, формы вины, мотива, способа и других обстоятельств совершения преступления – это задача последующих стадий уголовного процесса. На первоначальном этапе необходимо установить лишь признаки преступления и не более.

Однако практические работники нередко откладывают решение вопроса о возбуждении уголовного дела до установления лица, совершившего преступление. Так, К., руководитель ТОО, занимающегося сборкой холодильных камер, 10 января 2012 г. обратился в ГОВД с письменным заявлением о том, что неизвестный ему мужчина, представившийся как Д. и предъявивший свидетельство о регистрации в качестве предпринимателя без образования юридического лица, заключил с их предприятием договор поставки и получил под реализацию 14 морозильных камер, пообещав произвести расчет через трое суток. В назначенное время расчет произведен не был, а Д. скрылся. Настоящее заявление было зарегистрировано и в тот же день передано на исполнение оперуполномоченному УР, который, проводя проверку заявления, получил в ТОО копии договора поставки, накладной на получение со склада 14 морозильных камер, в соответствующих графах которых рукой Д. были сделаны записи и проставлены подписи. В этих же документах была указана оптовая цена морозильных камер и совокупная их стоимость.

Фактически предварительная проверка была закончена в тот же день. Однако оперуполномоченный не передал материалы в следственное отделение для решения вопроса о возбуждении уголовного дела, а прилагал усилия для установления Д. В ходе оперативно-розыскных мероприятий 25 января 2012 г. Д. был установлен и доставлен в ГОВД. От имени Д. выступал нигде не работающий В., который реализовал морозильные камеры по демпинговым ценам, а вырученные деньги потратил на личные нужды. После того как В. дал объяснение об обстоятельствах дела, 25 января 2012 г. материалы предварительной проверки были переданы в следственное отделение и возбуждено уголовное дело. В личной беседе оперуполномоченный УР пояснил, что прекрасно понимал то, что им были установлены признаки преступления, достаточные для возбуждения уголовного дела, в первый же день. Но руководством отдела установлено негласное правило, в соответствии с которым для принятия решения о возбуждении уголовного дела необходима убежденность в том, что дело будет иметь так называемую судебную перспективу.

Считаем необходимым отметить, что подобное негласное правило установлено во всех без исключения органах расследования, в которых нами изучался рассматриваемый вопрос. Судебную перспективу дела при его возбуждении учитывают 93,3 % опрошенных нами следователей и дознавателей. И именно ее наличие в значительной степени влияет на принятие решения о возбуждении уголовного дела.

Другой подход к определению возможности возбуждения уголовного дела обосновывается представителями уголовно-процессуальной науки. Впервые в советский период существования нашего государства он был выражен М.С. Строговичем: «Уголовное дело возбуждается именно потому, что представляется вероятным, что совершено преступление, хотя в

момент возбуждения уголовного дела еще неизвестно с достоверностью, что так и было в действительности, и дальнейшее следствие должно проверить указание на совершение преступления»¹. Такая точка зрения представляется более верной и до сих пор поддерживается большинством представителей теории уголовного процесса.

Хотя количество данных, указывающих на признаки преступления, варьируется в зависимости от жизненной ситуации, существуют некоторые общие признаки, позволяющие судить о их достаточности.

Во-первых, необходимо учитывать, что традиционно в теории уголовного права составы преступлений подразделяются на формальные и материальные². Объективная сторона формального состава преступления включает только общественную опасность деяния. Например, разбой (ч. 1 ст. 162 УК РФ) является оконченным с момента совершения нападения с целью завладения чужим имуществом, т. е. завладение имуществом в этом случае не является обязательным признаком объективной стороны. Поэтому основание к возбуждению уголовного дела возникает уже тогда, когда имеются данные, свидетельствующие о совершении нападения с целью завладения чужим имуществом.

Объективная сторона материального состава преступления предполагает наличие общественной опасности деяния, наступление определенных общественно опасных последствий и причинной связи между ними. Так, при совершении дорожно-транспортного происшествия (ч. 1 ст. 264 УК РФ) необходимо установить не только наличие деяния, но и наступивший результат.

Последствия преступления могут проявляться в причинении физического, имущественного или морального вреда. Следовательно, для того чтобы решение о возбуждении уголовного дела было обоснованным, надо располагать данными о том, какой вид ущерба причинен, каков его размер и существует ли причинная связь между деянием и указанными последствиями, т.е. то, о чем мы вели речь в предыдущем параграфе. Так, в отдельных случаях по делам о причинении вреда здоровью нельзя считать имеющиеся данные достаточными, если нет сведений о степени тяжести причиненного физического вреда. Это важно потому, что по делам частного обвинения не может быть начато производство по делу без волеизъявления потерпевшего.

Выявление характера и размера причиненного имущественного вреда позволяет отграничить преступные деяния от непроступных. Причиненный вред может быть малозначительным, а совершенное деяние не является уголовно наказуемым. Размер причиненного ущерба может быть недостаточным для квалификации деяния как преступного. Например, по отдельным составам преступлений ответственность возникает лишь при наличии крупного размера ущерба, причиненного потерпевшему (ч. 1 ст. 168 УК РФ).

---

¹ *Строгович М.С.* Материальная истина и судебные доказательства в советском уголовном процессе. М., 1955. С. 87.

² Уголовное право России. Общая часть: учеб. / отв. ред. Б.В. Здравомыслов. М., 1996. С. 104; Уголовное право России. Части Общая и Особенная: учеб. / под ред. А.И. Рарога. 7-е изд., перераб. и доп. С. 59.

Во-вторых, хотя по общему правилу основанием для возбуждения уголовного дела являются достаточные данные, указывающие на признаки преступления, в отдельных случаях важное значение приобретают признаки, характеризующие субъект и субъективную сторону преступления.

Так, при совершении преступления несовершеннолетним (если это будет известно до возбуждения уголовного дела) необходимо располагать точными данными о том, достигло ли это лицо возраста, с которого наступает уголовная ответственность. При этом надо учитывать, что по ряду составов преступлений уголовная ответственность наступает с четырнадцати лет.

В некоторых случаях уголовный закон выделяет специальный субъект преступления. Так, субъектом преступлений, предусмотренных ст. 201 и 204 УК РФ, может быть только лицо, выполняющее управленческие функции в коммерческой или иной организации. Понятие такого субъекта дано в примечании к ст. 201 УК РФ. Субъектом фальсификации избирательных документов, документов референдума или неправильного подсчета голосов (ст. 142 УК РФ) может быть только член избирательной комиссии, инициативной группы или комиссии по проведению референдума.

К субъективной стороне преступления относится вина в форме умысла или неосторожности. По значительной части преступлений исследование формы вины происходит во время производства предварительного расследования. Но в отдельных случаях это имеет значение и при оценке полученных данных в стадии возбуждения уголовного дела. Так, неосторожное причинение легкого вреда здоровью не содержит признаков состава преступления. Не являются преступлением действия, совершенные в состоянии необходимой обороны или крайней необходимости (при соблюдении установленных законом условий).

Существуют и иные ситуации, когда для решения вопроса о возбуждении уголовного дела необходимо определение виновности лица. Например, уголовное дело не было возбуждено в связи с отсутствием виновности лица в следующей ситуации. Водитель А. обратился к водителю Н. с просьбой отбуксировать его автомашину в гараж. Для закрепления буксировочного троса водитель Н. начал подъезжать задним ходом к неисправной автомашине, предварительно поставив для подачи сигнала остановки с левой стороны автомашины водителя А., с правой стороны – привлеченного для этой цели гражданина М. Однако водитель А. сигнала к остановке не подал, а попытался подцепить буксировочный трос во время движения автомашины. В результате он был зажат между автомобилями и от полученных травм скончался¹.

Таковы рекомендации представителей уголовно-процессуальной науки. Однако еще раз подчеркнем, что они нередко не учитываются правоприменителями. При изучении уголовных дел нами было обнаружено, что в 72,3 % случаев основания для их возбуждения были установлены в первые трое суток после поступления сообщения о преступлении. Однако в этот временной промежуток было принято решение лишь по 28,7 % мате-

---

¹ *Николюк В.В., Кальницкий В.В., Марфицин П.Г.* Стадия возбуждения уголовного дела (в вопросах и ответах): учеб. пособие. Омск, 1995. С. 18.

риалов. По остальным итоговое решение первоначальной стадии уголовного судопроизводства принималось в срок до 10 и более суток. Основная причина такого явления – указанное выше желание правоприменителя увидеть судебную перспективу дела. В первую очередь это связано с необходимостью установления лица, совершившего противоправное деяние. Не возбуждая уголовные дела о преступлениях, которые на момент принятия решения остаются нераскрытыми, правоприменители тем самым создают препятствия в части обеспечения прав и законных интересов лиц, потерпевших от противоправного деяния.

В теории уголовного процесса предприняты попытки установить причины рассматриваемого явления. При этом отмечается, что принятие итогового решения в стадии возбуждения уголовного дела в значительной степени связано с ориентацией правоприменителя на ведомственные показатели работы (прекращение уголовного дела, определение судебной перспективы дела, невозможность раскрыть преступление, совершенное в условиях неочевидности и т.д.), негативное влияние которых на правоприменительную практику необходимо преодолевать, в том числе посредством усиления контрольных функций¹.

Рассмотренные выше обстоятельства, связанные с пониманием и установлением основания для возбуждения уголовного дела, как подчеркивалось нами неоднократно, существенно влияют на обеспечение прав и законных интересов лиц, пострадавших от преступления. Однако не только они оказывают негативное воздействие в рассматриваемой области.

В определенной степени возможность реализации прав лицами, пострадавшими от преступления, ограничивается несвоевременностью принятия решения о возбуждении уголовного дела. И причина здесь не только в том, что, как мы отмечали выше, правоприменители искусственно затягивают принятие решения, но и в недостаточно четком законодательном регулировании этого вопроса.

Законодатель в соответствии с ч. 1 ст. 144 УПК РФ определил трехсуточный срок для принятия решения, но позволил увеличивать его до десяти или до тридцати суток (ч. 3 ст. 144 УПК РФ). И если применительно к продлению срока до тридцати суток основания принятия решения об этом понятны – необходимость проведения документальных проверок или ревизий, исследование документов, предметов и трупов или других проверочных действий, указанных в ч. 1 ст. 144 УПК РФ, – то при продлении срока до десяти суток такой ясности в законе не наблюдается. Не оговаривается ни круг обстоятельств, которые следует считать исключительными, ни в чем заключается порядок продления срока от трех до десяти суток, ни ряд других вопросов². Законом от 4 марта 2013 г. была введена новая редакция

---

¹ *Марфицин П.Г.* Усмотрение следователя (уголовно-процессуальный аспект): монография. С. 198-205; *Кротков Д.С.* Уголовно-процессуальные решения и субъекты их принятия в стадии возбуждения уголовного дела: дис. ... канд. юрид. наук. С. 103, 140-145.

² *Марфицин П.Г.* Обеспечение прав и законных интересов личности в стадии возбуждения уголовного дела: дис. ... канд. юрид. наук. С. 132-133; *Арестова Е.Н.* Деятельность органов дознания на этапе возбуждения уголовного дела [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

ч. 3 ст. 144 УПК РФ, но ясности в рассматриваемый нами вопрос она не внесла. Считаем, что такое законодательное регулирование предоставляет большой простор правоприменителю для выбора поведения. Этим и воспользовались практически все работники. Наше исследование показывает, что во всех без исключения отделах внутренних дел, где изучался этот вопрос, руководство ОВД следит лишь за тем, чтобы срок рассмотрения заявлений и сообщений о преступлениях не выходил за пределы десяти суток. Таким образом, исключительный срок превратился в обычный, что приводит к волюнтаризму при принятии решений по информации о преступлении.

Устранить эту причину, на наш взгляд, можно посредством ужесточения требований к содержанию ходатайства о продлении срока предварительной проверки, что заставит правоприменителя обосновывать свое решение. Для этого в ч. 3 ст. 144 УПК РФ после первого предложения необходимо ввести текст следующего содержания: *«В ходатайстве должны быть указаны: дата поступления сообщения о преступлении, осуществленные действия по его проверке, причины, не позволяющие принять решение в установленный законом срок, перечень действий, которые предполагается осуществить, предполагаемый срок окончания проверки».*

Далее. Часть 2 ст. 145 УПК РФ указывает, что о принятом решении в стадии возбуждения уголовного дела должно быть сообщено заявителю, а также разъяснены его право обжаловать данное решение и порядок его обжалования. В части 4 ст. 148 УПК РФ это правило конкретизируется применительно к решению об отказе в возбуждении уголовного дела: *«Копия постановления об отказе в возбуждении уголовного дела в течение 24 часов с момента его вынесения направляется заявителю и прокурору. При этом заявителю разъясняются его право обжаловать данное постановление и порядок обжалования».* На первый взгляд, данное правовое установление в совокупности с предписаниями ст. 123-125 УПК РФ обеспечивает возможность заявителя должным образом защищать свои права и интересы¹. Но это – относительно заявителя. Существуют ситуации, когда лицо, пострадавшее от преступления, заявителем не являлось. Нередко это имеет место в случаях, когда поводом для возбуждения уголовного дела выступало не заявление о преступлении, а рапорт об обнаружении признаков преступления. Формальное отсутствие в уголовно-процессуальных отношениях такого участника, как заявитель, может послужить причиной для неуведомления о принятом решении лица, чьи интересы были нарушены противоправным деянием.

Анализ уголовных дел и материалов об отказе в возбуждении уголовного дела показал, что должностными лицами органов расследования не всегда исполняется обязанность по информированию заявителя. Сообщения о принятом решении в стадии возбуждения уголовного дела были сделаны лишь в 59,4 % случаев. Большая часть из них (86,7 %) касалась отказа в возбуждении уголовного дела, и лишь в 13,3 % возбужденных уголовных

---

¹ Терекян В.А., Филиппов Д.В. Практика рассмотрения судом в порядке ст. 125 УПК РФ жалоб потерпевших // Проблемы уголовно-процессуальной науки XXI века: сб. ст. междунар. науч.-практ. конф., посвященной 75-летию З.З. Зинатуллина. Ижевск, 2013. С. 467-472.

дел содержалась отметка о том, что заявителю сообщено о решении, принятом по его сообщению о преступлении.

Правоприменение имеет и положительные примеры обеспечения прав личности в рассматриваемой сфере. Так, 27 августа 2011 г. в УВД по Приокскому району Нижнего Новгорода поступило сообщение о доставлении в городскую больницу № 35 гр. В. с травмами криминального характера. Пострадавший, от которого оперуполномоченным уголовного розыска было получено объяснение, пояснил, что его избили на автобусной остановке и при этом забрали деньги в сумме 1300 рублей. В материалах уголовного дела в качестве повода для его возбуждения фигурировало не заявление пострадавшего, а рапорт оперуполномоченного об обнаружении признаков преступления. И хотя гр. В. в данном случае не являлся заявителем, копия постановления о принятом решении с разъяснением права на обжалование и порядка обжалования ему была направлена¹. Представляется, что такой подход является рациональным.

Необходимо также учитывать возможности современных средств связи для информирования о принятых по сообщению решениях. Кстати, такие возможности предусматриваются на уровне ведомственного нормативного регулирования. Так, в пункте 100 Административного регламента МВД России предоставления государственной услуги по приему, регистрации и разрешению в территориальных органах МВД России заявлений, сообщений и иной информации о преступлениях, об административных правонарушениях, о происшествиях указано, что информация о принятом решении по заявлению о преступлении, об административном правонарушении и о происшествии, поступившему в форме электронного документа, направляется в форме электронного документа по указанному адресу электронной почты, в письменной форме – по указанному почтовому адресу, а по заявлению, поступившему через единый портал, направляется с использованием информационной системы в личный кабинет заявителя, созданного на указанном портале. Поэтому в данном случае проблемным является не столько форма уведомления, сколько возможность и стремление правоприменителей сделать это.

Для разрешения сложившихся ситуаций *предлагаем в ч. 2 ст. 145 УПК РФ указать на обязательность сообщения о принятом решении всем заинтересованным лицам и разъяснении им права на обжалование этого решения, а также порядка его обжалования.*

Аналогичные изменения необходимо внести и в ч. 4 ст. 148 УПК РФ.

Обратимся к проблематике обеспечения прав лица, пострадавшего от преступления, при принятии решения об отказе в возбуждении уголовного дела и начнем с оснований для принятия этого решения. Вопросы, связанные с основаниями отказа в возбуждении уголовного дела, являются относительно полно разработанными в уголовно-процессуальной науке. Их понимание, как правило, не вызывает затруднений на практике, чего нельзя сказать о четкости применения. Первое объясняется, очевидно, тем, что в ч. 1 ст. 24 УПК РФ достаточно конкретно изложены обстоятельства, исключающие производство по уголовному делу. Второе имеет несколько

---

¹ Уголовное дело № 1/426 // Архив УВД Нижегородской области за 2011 г.

объяснений, которые будут изложены позже. Начнем с рассмотрения вопросов правового характера.

Первое, на что обратим внимание, это отсутствие ясного законодательного предписания о том, что же является основанием для отказа в возбуждении уголовного дела. В части 1 ст. 148 УПК РФ указано: «при отсутствии основания для возбуждения уголовного дела руководитель следственного органа, следователь, орган дознания или дознаватель выносит постановление об отказе в возбуждении уголовного дела». Из этой формулировки следует однозначный вывод о том, что если отсутствуют достаточные данные, указывающие на признаки преступления, то это и является основанием для принятия рассматриваемого решения.

Такое восприятие указанного основания является очень затруднительным. Выше мы рассматривали элементы, входящие в понятие «основание для возбуждения уголовного дела», и обнаружили значительное число сложностей, связанных с его пониманием и применением. Если теперь попытаться идти от противного, т.е. определить ситуации, когда отсутствует основание для возбуждения уголовного дела, то четких формулировок, которыми могли бы воспользоваться правоприменители, найти не получится. Правда, попытки изложить указанным образом комментарий рассматриваемой нормы имеются: «Под отсутствием оснований к возбуждению уголовного дела понимается наличие достаточной совокупности данных, указывающих на то, что содеянное либо не предусмотрено уголовным законом в качестве преступления, либо оно в силу малозначительности не представляет общественной опасности и не может расцениваться как преступление»¹. Такое толкование закона представляется не совсем удачным. Во-первых, авторы указывают на наличие достаточной совокупности данных, необходимых для принятия решения, в то время как в ч. 1 ст. 148 УПК РФ предполагается иное – отсутствие такой совокупности данных. Во-вторых, для иллюстрации данной точки зрения использованы самые простые примеры – ситуации, когда деяние не предусмотрено в УК РФ как преступное. А если у правоприменителя возникли сомнения в том, имело ли место деяние вообще, преступно ли оно и т. п.?

Буквальное толкование практическими работниками отраженных в ч. 1 ст. 148 УПК РФ положений приводит к еще более нежелательным результатам. Так, в ОВД Мещанского района УВД Центрального административного округа г. Москвы поступило заявление гр. Н. с просьбой принять меры к неизвестному мужчине, который в подъезде дома № 13 по Садово-Сухаревской улице пытался ее изнасиловать и похитил кошелек, в котором находилось 17700 руб. Старший оперуполномоченный УР, рассмотрев ее заявление, вынес постановление об отказе в возбуждении уголовного дела на основании того, что установить очевидцев происшествия не представи-

---

¹ Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / науч. ред. В.Т. Томин, М.П. Поляков. М., 2012. С. 451.

лось возможным¹. Анализ этой ситуации позволяет предполагать, что оперуполномоченный рассуждал следующим образом.

Кроме объяснений пострадавшей, которые к тому же еще и непоследовательны, ничего больше не подтверждает факт совершения преступления, значит, достаточные данные, указывающие на признаки преступления (т.е. основание для возбуждения уголовного дела) отсутствуют. Используя формулировку ч. 1 ст. 148 УПК РФ, в этой ситуации можно принять решение об отказе в возбуждении уголовного дела.

Благодаря тому, что не все правоприменители таким образом понимают основания для отказа в возбуждении уголовного дела, указанное выше решение было отменено и по данному факту возбуждено уголовное дело. Однако этот случай не единичен, а наличие подобной практики негативно влияет на надлежащее обеспечение прав лиц, потерпевших от преступления.

Ситуацию спасает то, что в УПК РФ имеется еще одна норма, указывающая на основания для отказа в возбуждении уголовного дела, – ст. 24 УПК РФ. В ней, как отмечалось выше, и указаны конкретные обстоятельства, наличие которых позволяет принять решение об отказе в возбуждении уголовного дела. При этом в юридической литературе, особенно учебного характера, о предписаниях, содержащихся в ч. 1 ст. 148 УПК РФ, как правило, не упоминается. Однако они существуют и, как показано выше, иногда применяются на практике.

Считаем, что для упорядочения законодательства в этой части необходимо изменить формулировку первого предложения, входящего в ч. 1 ст. 148 УПК РФ. Его необходимо изложить в следующей редакции: *«При наличии оснований, предусмотренных частью первой статьи 24 настоящего Кодекса, руководитель следственного органа, следователь, орган дознания, дознаватель выносит постановление об отказе в возбуждении уголовного дела».*

Относительно оснований для отказа в возбуждении уголовного дела, указанных в ч. 1 ст. 24 УПК РФ, отметим следующее. В правоприменительной практике возникают затруднения в разграничении таких обстоятельств, как отсутствие события преступления и отсутствие в деянии состава преступления. При этом следует иметь в виду, что данные основания для отказа в возбуждении уголовного дела наиболее применяемые. Споры о разграничении этих обстоятельств, препятствующих производству по уголовному делу, возникают, как правило, в тех случаях, когда определенное деяние совершено, но оно оказалось полностью или частично правомерным, причем 78 % опрошенных нами следователей и 94 % дознавателей затруднились привести необходимые критерии разграничения данных обстоятельств.

На наш взгляд, достаточно убедительные отличия этих понятий были сформулированы в свое время Верховным Судом СССР в Постановлении

---

¹ Химичева Г.П., Мичурина О.В., Химичева О.В. и др. Проблемы нарушений уголовно-процессуальных норм при возбуждении и прекращении уголовных дел, способы их устранения: монография. М., 2004. С. 102.

Пленума «О судебном приговоре»¹. Однако в обновленном постановлении Пленума Верховного Суда по этому же вопросу в 1996 г. предписаний о разграничении рассматриваемых оснований уже не содержалось². Таким образом, было утрачено единственное официальное толкование рассматриваемых предписаний закона. И хотя сейчас эти положения не имеют нормативного закрепления, они продолжают использоваться практическими работниками и излагаются в научной и учебной литературе³. Например, в Комментарий к УПК РФ под редакцией В.Т. Томина и М.П. Полякова содержится разъяснение, согласно которому отсутствие события преступления предполагает: а) отсутствие самого факта (события), которое могло быть расценено как преступление (например, факта кражи нет, если потерпевший сам переложил ценную вещь в другое место и забыл об этом); б) событие предполагавшегося преступления явилось результатом действия стихийных сил природы (наводнение, землетрясение, удар молнии и т.д.), физиологических, физических или химических процессов, не зависящих от сознания и волевого контроля лиц; в) произошедшее явилось результатом действия самого потерпевшего (самоубийство, несчастный случай на производстве в результате вины самого пострадавшего при отсутствии вины других лиц)⁴.

Отказ в возбуждении уголовного дела по п. 2 ч. 1 ст. 24 УПК РФ может иметь место в случае, когда сам факт деяния, совершенный конкретным лицом, установлен, но оно не предусмотрено либо не расценивается уголовным законом в качестве преступления вследствие того, что: 1) деяние хотя и совершено, но уголовным законом не признается преступным; 2) содеянное лишь формально содержит признаки какого-либо преступления, но в силу малозначительности не представляет общественной опасности; 3) деяние совершено в состоянии необходимой обороны или крайней необходимости; 4) имел место добровольный отказ от совершения преступления и т.д.⁵.

Весьма обстоятельно вопросы разграничения рассматриваемых оснований освещены в монографии Г.П. Химичевой, вышедшей в свет в 2003 г.⁶. Автор отмечает, что различие данных оснований носит не только терминологический характер. Прекращение уголовного дела в связи с отсутствием в

---

¹ Постановление Пленума Верховного Суда СССР от 30 июня 1969 г. № 4 «О судебном приговоре» [Электронный ресурс]: (с изм., внесенными постановлениями Пленума Верховного Суда СССР от 26 апреля 1984 г. № 7 и от 27 июля 1990 г. № 6). URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/usr_7105.htm (дата обращения: 25.09.2012).

² Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29 апреля 1996 г. № 1 «О судебном приговоре» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 1996. № 7.

³ См., напр.: Уголовный процесс: учеб. для вузов / под ред. Б.Б. Булатова, А.М. Баранова. 3-е изд., перераб. и доп. С. 220; Сафронов Д.М. Обстоятельства, исключаящие уголовное преследование: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2003. С. 15-16.

⁴ Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / науч. ред. В.Т. Томин, М.П. Поляков. М., 2012. С. 90.

⁵ Вольнская О.В. Прекращение уголовного дела и уголовного преследования: теоретические и организационно-правовые проблемы: монография. М., 2007. С. 108.

⁶ Химичева Г.П. Досудебное производство по уголовным делам: концепция совершенствования уголовно-процессуальной деятельности: монография. М., 2003. 352 с.

деянии состава преступления не исключает последующей ответственности (дисциплинарной, административной, гражданско-правовой) лица, совершившего данное деяние, что не может иметь место при отсутствии события преступления. Исходя из того, что в широком смысле термин «событие преступления» используется для обозначения совокупности признаков, характеризующих деяние именно как преступление, Г.П. Химичева предлагает предусмотреть в законе не «отсутствие события преступления», а «отсутствие деяния (действия или бездействия)»¹. Но такой вариант, на наш взгляд, не является вполне удачным, поскольку указывает на отсутствие деяния вообще, в то время как Пленум Верховного Суда СССР обоснованно включал сюда ситуации, при которых в ходе действия или бездействия вред причинялся самим пострадавшим.

Считаем, что законодателю необходимо разрешить проблему, порожденную им же и существующую несколько десятилетий. Аккумулируя суждения, высказанные по этому вопросу в теории уголовного процесса, предлагаем п. 1 ч. 1 ст. 24 УПК РФ изложить в следующей редакции: «1) отсутствие события преступления (когда деяние не совершалось либо последствия наступили вследствие действия лица, которому причинен вред, или независимо от чьей-либо воли)».

Таким образом, существует необходимость в некоторой корректировке правовых предписаний, определяющих основания для отказа в возбуждении уголовного дела. Однако проблемность в обеспечении прав и законных интересов лица, пострадавшего от преступления, порождают не столько указанные погрешности нормативного характера, сколько нарушения закона при принятии решений об отказе в возбуждении уголовного дела.

Указанные проблемы исследовались и в период действия УПК РСФСР. При этом авторы отмечали, что, принимая решение об отказе в возбуждении уголовного дела, правоприменители зачастую руководствовались надуманными основаниями, не содержащимися в уголовно-процессуальном законодательстве. Так, Ф.Н. Багаутдинов, классифицируя эти основания по отдельным группам преступлений, писал: «При наличии информации о краже личного имущества при отказе в возбуждении уголовного дела могут использоваться следующие необоснованные выводы:

- потерпевший не принял должных мер к охране утраченного имущества;
- утраченное имущество не представляло существенной ценности;
- материальный ущерб для потерпевшего не является существенным;
- факт наличия утраченного имущества не доказан потерпевшим;
- событие кражи имущества не установлено;
- потерпевший не желает расследования и просит прекратить уголовное дело»².

---

¹ Химичева Г.П. Досудебное производство по уголовным делам: концепция совершенствования уголовно-процессуальной деятельности. С. 245-246.

² Багаутдинов Ф.Н. Особенности прокурорского надзора за законностью основных действий и решений органов дознания и следователей // Организация и методика прокурорского надзора за законностью расследования преступлений органами дознания и следователями МВД: метод. пособие для горрайпрокуроров. М., 1997. С. 47-48.

Авторы, анализирувавшие основания отказа в возбуждении уголовного дела по мотивам нецелесообразности, отмечают, что «подобное основание для отказа в возбуждении уголовного дела в законе не предусмотрено. Ссылка на нецелесообразность произвольна как по существу, так и по форме»¹.

В ходе проведенного нами исследования таких примеров не обнаружено. Возможно, это является результатом многолетнего воздействия ведомственного процессуального контроля и прокурорского надзора на практику принятия решений об отказе в возбуждении уголовного дела. Однако число нарушений здесь значительно. При этом такие действия, как правило, направлены на укрытие преступлений от учета.

Так, 22 мая 2010 г. неизвестный на улице Жуковского в г. Омске открыто похитил у гражданки Б. золотую цепочку стоимостью 4880 руб. По вызову пострадавшей на место происшествия выезжала следственно-оперативная группа. Однако мер по закреплению следов преступления и установлению преступника принято не было. Сотрудники полиции в регистрационном журнале сделали отметку, что информация не подтвердилась. Уголовное дело было возбуждено лишь после вмешательства прокуратуры².

Нередко при производстве предварительной проверки усилия лиц, ее осуществлявших, направлены на то, чтобы показать малозначительность вреда, причиненного деянием, и по этим основаниям в дальнейшем отказать в возбуждении уголовного дела. Способы реализации этой цели различны. Как правило, в объяснении пострадавшего указывается первоначальная стоимость похищенного предмета, а затем перечисляется все, что может снизить эту сумму до минимальных размеров (длительный срок эксплуатации, поломки, дефекты и т.п.). При этом только в редких случаях отражается мнение пострадавшего о значимости для него причиненного вреда. В основном же вывод о малозначительности деяния исходит от органа предварительного расследования и не согласовывается с мнением лица, которому преступлением причинен вред. В изученных отказных материалах имели место ситуации, когда причиненный вред признавался малозначительным при краже автомобильной магнитолы, «купленной три года назад за 5600 руб.», крышки багажника от автомобиля «Лада-Калина», которая с учетом износа стала стоить 320 руб.

Немало случаев, когда пострадавший обращается с заявлением о совершенной у него краже денег или иных материальных ценностей, а позже появляется заявление о том, что деньги (ценности) были утеряны и затем нашлись, либо похищенные предметы не представляют ценности. Например, 7 февраля 2012 г. в Горьковское ЛУВД обратился семнадцатилетний Ш. с заявлением о пропаже у него сотового телефона в момент нахождения в кассовом зале железнодорожного вокзала Нижнего Новгорода. В ходе проведения предварительной проверки от него было получено объяснение и истребован товарный чек, подтверждающий факт покупки телефона, а

---

¹ Афанасьев В., Чувилев А., Белозеров Ю. Незаконные отказы в возбуждении уголовных дел // Соц. законность. 1981. № 7. С. 29-30.

² Материалы прокурорской проверки по жалобе гр. Б. // Архив прокуратуры Ленинского района г. Омска за 2010 г.

также его стоимость. В материалах проверки содержится еще одно заявление подростка, в котором он сообщает, что факт кражи телефона исключает, высказывает предположение о том, что мог потерять его, претензий ни к кому не имеет. В возбуждении уголовного дела отказано по основанию, предусмотренному п. 1 ч. 1 ст. 24 УПК РФ¹.

В другом случае 24 мая 2011 г. в дежурную часть ОВД поступило заявление гр. П об угоне принадлежащей ему легковой автомашины. 28 мая 2011 г. поступило новое заявление, в котором П. просил проверку по факту угона прекратить, объясняя это тем, что соседи, желая «проучить» его за игнорирование неоднократных просьб исправить глушитель, откатали машину за угол дома².

Мы привели простые примеры, но они характерны и знакомы многим работникам правоохранительной системы России, занимающимся рассмотрением заявлений и сообщений о преступлениях. Между тем при детальном изучении материалов об отказе в возбуждении уголовных дел такого рода фальсификации без особого труда могут быть вскрыты надзирающим прокурором и приняты меры по восстановлению нарушенных прав пострадавших. Кроме того, Генеральный прокурор РФ предписал, что в таких случаях необходимо проверять, не использовались ли по отношению к заявителю, изменившему свое первичное обращение или объяснение, незаконные методы воздействия; правильно ли применены нормы материального и процессуального права; уведомлен ли заявитель о результатах разрешения его сообщения; разъяснены ли ему право обжаловать принятое решение и порядок обжалования³.

Настоящая проблема значима, поэтому достаточно часто рассматривается на самом высоком уровне. Так, Генеральный прокурор РФ среди недостатков в деятельности правоохранительных органов назвал многочисленные факты манипулирования статистическими данными, которые прокуроры выявляют в каждом регионе страны и которые привели к тому, что в объективность уголовно-правовой статистики «никто не верит». Ежегодно по требованиям прокуроров восстанавливаются на учет более ста тысяч скрытых посягательств. Например, в 2010 г. они составили 136 тыс., что почти в два раза больше числа преступлений, зарегистрированных в Северо-Кавказском округе. Кроме того, в 2010 г. прокурорами установлено более 2,6 млн нарушений закона в деятельности правоохранительных органов при приеме, регистрации и разрешении сообщений о преступлениях. Все чаще прокуроры стали выявлять факты сокрытия преступлений от учета в действиях следователей, чего в прежние годы практически не было. В 2010 г. только скрытых от учета убийств и причинения тяжкого вреда здоровью, повлекшего смерть потерпевшего, было выявлено 322 случая. «Таким образом, вместо осознания реальной опасности распространения пре-

¹ Отказной материал № 97 // Архив Горьковского ЛУВД за 2012 г.

² Отказной материал № 326 // Архив Красногорского УВД Московской области за 2011 г.

³ Пункт 1.2 приказа Генерального прокурора от 5 сентября 2011 г. № 277 «Об организации прокурорского надзора за исполнением законов при приеме, регистрации и разрешении сообщений о преступлениях в органах дознания и предварительного следствия» // Законность. 2011. № 12.

ступности и принятия адекватных мер создается картина внешнего благополучия, – заявил Юрий Чайка. – У правоохранительных органов появилась самоуспокоенность, которая привела к существенным просчетам и в оперативно-розыскной работе, и при расследовании уголовных дел»¹.

Внимание рассматриваемым вопросам уделяется и на местном уровне. Так, на коллегии прокуратуры Мордовии подведены итоги работы за 2011 г., и при этом говорилось о том, что цифры в отчетах силовых ведомств не отражают полной картины происходящего. Об этом свидетельствуют данные прокурорских проверок, согласно которым примерно десятая часть всех преступлений – 677 эпизодов – не была зарегистрирована. В связи с этим в настоящее время уже возбуждено несколько уголовных дел². Прокуратурой Новгородской области 27 июля 2012 г. проведено заседание коллегии, посвященное подведению итогов работы органов прокуратуры области в первом полугодии 2012 г. При этом отмечалось, что серьезной проблемой, прежде всего в органах внутренних дел, остаются нарушения закона при приеме, регистрации и разрешении сообщений о преступлениях. Горрайпрокурорами в первом полугодии 2012 г. на учет поставлено 972 преступления. Основным способом сокрытия преступлений от учета по-прежнему является необоснованное вынесение постановлений об отказе в возбуждении уголовного дела. Факты умышленного укрытия преступлений выявлены в Валдайском и Любытинском районах, по ним возбуждены два уголовных дела. В связи с этим прокурор области потребовал от руководителей ведомств, осуществляющих прием сообщений о преступлениях, усиления контроля³.

В марте 2012 г. Пермская краевая прокуратура провела проверку в отделе МВД России по Пермскому району, в результате которой были выявлены многочисленные нарушения. Так, прокуратура выявила большое количество укрытых от учета преступлений различной степени тяжести. Полицейскими нарушались сроки ведения доследственных проверок, было вынесено более 500 незаконных постановлений об отказе в возбуждении уголовного дела. В результате к дисциплинарной ответственности привлечены девять сотрудников отдела МВД, в том числе заместитель начальника полиции и руководители подразделений. Кроме того, в прокуратуре Пермского края было возбуждено уголовное дело в отношении старшего оперуполномоченного отдела МВД. Полицейский внес в протокол принятия заявления о преступлении заведомо ложные сведения⁴.

Генеральный прокурор РФ в приказе от 5 сентября 2011 г. № 277 «Об организации прокурорского надзора за исполнением законов при приеме, регистрации и разрешении сообщений о преступлениях в органах дознания

---

¹ Чайка Ю. Без предателей и коррупционеров // Российская газета. 2011. 22 февраля.

² На коллегии прокуратуры Мордовии подведены итоги работы за 2011 год [Электронный ресурс] // Известия Мордовии. URL: http://izvmor.ru/article_15094.html (дата обращения: 07.07.2012).

³ Коллегия прокуратуры Новгородской области по итогам работы в 1 полугодии 2012 года [Электронный ресурс] // Официальный сайт Прокуратуры Новгородской области. URL: <http://www.procuratura.nov.ru/?q=2/1.html> (дата обращения: 10.08.2012).

⁴ Прокуратура выявила в полиции Пермского района сокрытие преступлений от учета [Электронный ресурс]. URL : PRM.RU (дата обращения: 15.08.2012).

и предварительного следствия» настоятельно требует от подчиненных добиваться привлечения к ответственности виновных должностных лиц, в том числе не обеспечивших должного контроля за соблюдением порядка приема, регистрации и разрешения сообщений о преступлениях. При наличии оснований он требует выносить постановления о направлении материалов в следственный орган для решения вопроса об уголовном преследовании должностного лица, допустившего нарушение, содержащее признаки преступления, и при этом принципиально подходить к результатам их рассмотрения.

Изложенное выше свидетельствует о том, что осуществляется деятельность по выявлению укрытых от учета преступлений, в том числе посредством незаконного отказа в возбуждении уголовного дела. Лица, допускающие нарушения в этой области, привлекаются к ответственности, в том числе уголовной. Об этом регулярно сообщают средства массовой информации, изобилует такой информацией и Интернет. Вот пример одного из сообщений: «Евгений Ильин признан виновным в злоупотреблении должностными полномочиями и в служебном подлоге. Судом установлено, сообщает прокуратура Бурятии, что Ильин, занимая должность участкового уполномоченного Хоринского ОВД, в сентябре 2006 г. провел доследственную проверку по заявлению жительницы села Удинск. Ей угрожали убийством. Действуя из личной заинтересованности в целях уменьшения объема работы и используя свои служебные полномочия вопреки интересам службы, милиционер внес в объяснения заявительницы заведомо ложные сведения, на основании которых он вынес незаконное постановление об отказе в возбуждении уголовного дела. Тем самым он укрыв умышленное преступление от учета и регистрации. Хоринский районный суд, согласившись с мнением государственного обвинителя, вынес в отношении Ильина обвинительный приговор. Милиционеру из Хоринска назначено наказание в виде 1 года 2 месяцев лишения свободы условно»¹.

Более того, уже публикуются обобщения региональной судебной практики по делам рассматриваемой категории, что также свидетельствует о значительном количестве таких дел и фактов вынесения обвинительных приговоров за деяния, связанные с нарушениями, допущенными при разрешении сообщений о преступлениях². Однако все эти усилия не дают ожидаемых результатов – количество незаконных актов об отказе в возбуждении уголовного дела практически не сокращается. В результате около 60 % лиц, пострадавших от разного рода преступлений, предпочитают не обращаться в правоохранительные органы, будучи уверенными в том, что защиты от них не получат³.

---

¹ Милиционер осужден за сокрытие преступления от учета [Электронный ресурс]. URL: <http://www.infpol.ru/news/679/9238.php> (дата обращения: 07.07.2012).

² Обобщение судебной практики Псковской области по уголовным делам о злоупотреблении должностными полномочиями и превышении должностных полномочий (ст. 285, 286 УК РФ) [Электронный ресурс] // Официальный сайт Псковского областного суда. URL: <http://oblsud.psk.sudrf.ru/> (дата обращения: 25.07.2012).

³ Проблемы защиты прав потерпевших от преступлений: специальный доклад Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации // Российская газета. 2008. 4 июня.

В теории уголовного процесса данной проблематике уделено значительное внимание. Имеется и большое число предложений по исправлению сложившейся ситуации. Значительная часть из них направлена на усиление контрольно-надзорных функций. Именно этим путем, как было показано выше, идет правоприменение.

То, что прокурорский надзор является важной гарантией прав и законных интересов личности в стадии возбуждения уголовного дела, ни у кого не вызывает сомнения. «Будучи независимым от ведомственных влияний и не ограниченным в поводах проверки законности деятельности поднадзорных органов, он вносит большой вклад в обеспечение требований закона и прав граждан при приеме, регистрации, учете и разрешении заявлений и сообщений о преступлениях»¹. Поэтому мы в большинстве случаев поддерживаем исследователей этого вопроса, которые стремятся возродить эту функцию прокурора, получившую существенные ограничения после корректировки уголовно-процессуального законодательства в 2007 г.

Однако ощутимых результатов в рассматриваемой сфере пока нет. Поэтому нам представляется необходимым поиск дополнительных или альтернативных способов решения рассматриваемой проблемы. Перспективным в этом направлении, на наш взгляд, может быть изучение мотивационной составляющей в действиях следователей и дознавателей, допускающих сокрытие преступлений от учета, в том числе посредством незаконного отказа в возбуждении уголовного дела. Это даст возможность выработать способы воздействия на побудительные начала, которые формируют негативную практику применения права.

Попытка такого исследования в свое время была предпринята Ю.В. Овсянниковым². Автор отмечает, что мотивы отказа в возбуждении уголовного дела в практической деятельности представлены достаточно широко. В ходе проведенного анализа в качестве наиболее типичных были выявлены побудительные начала, связанные с желанием улучшить ведомственные показатели, с невозможностью установить виновного, недостаточностью доказательств, изменением обстановки, нежеланием обременять себя раскрытием преступлений, не представляющих большой общественной опасности, ложным пониманием защиты «чести мундира», нецелесообразностью траты сил и средств, а также, с точки зрения правоприменителя, отсутствием необходимости возбуждать уголовное дело. Результаты проверок, анализ прокурорской практики показывают, что нередко жертвам преступлений отказывают в приеме заявлений, сообщений о преступлениях, а в случае принятия не регистрируют и не рассматривают. Уголовно наказуемые деяния квалифицируются как административные проступки, при очевидных признаках состава преступления принимаются незаконные решения об отказе в возбуждении уголовного дела, подчас учиняются подлоги, фальсифицируются материалы проверок. Все это создает предпосылки для

---

¹ *Попов И.А.* О повышении роли прокурора в защите прав и законных интересов граждан в стадии возбуждения уголовного дела // Охрана прав и свобод человека и гражданина в уголовном судопроизводстве: мат-лы междунар. науч.-практ. конф. М., 2011. С. 383-384.

² *Овсянников Ю.В.* Основания и мотивы принятия уголовно-процессуальных решений в стадии возбуждения уголовного дела: дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2001.

укрывания преступлений от учета, искажения реального положения в сфере борьбы с преступностью, наносит значительный вред делу постановки борьбы с ней, подрывает авторитет правоохранительных органов и доверие граждан государству¹.

По сути, здесь мы имеем те же мотивы, которые существуют при принятии незаконных решений о возбуждении уголовного дела. В первую очередь они связаны с желанием обеспечить лучшие показатели работы при «минимальных затратах» сил и средств. Это еще больше подчеркивает необходимость и актуальность обозначенного направления исследования, которое должно быть осуществлено с использованием положений ряда отраслей знаний, и не только юридических.

После вынесения постановления об отказе в возбуждении уголовного дела лицо, принявшее решение, обязано обеспечить его исполнение. В это, прежде всего, входит направление копии постановления прокурору, уведомление заявителя о принятом решении, разъяснение ему права на обжалование, возвращение документов и предметов, которые были истребованы во время предварительной проверки, и др.

На данном этапе также можно наблюдать некоторые нарушения уголовно-процессуального законодательства. В соответствии с ч. 4 ст. 148 УПК РФ копия постановления об отказе в возбуждении уголовного дела в течение 24 часов с момента его вынесения направляется заявителю и прокурору. При этом заявителю разъясняется его право обжаловать данное постановление и порядок обжалования. Ранее мы обращали внимание на то, что уведомлять о принятом решении необходимо не только заявителя, а всех заинтересованных лиц. Чтобы это стало обязанностью должностных лиц, следует внести соответствующую корректировку в ч. 4 ст. 148 УПК РФ.

Анализ изученных нами отказных материалов показал, что далеко не во всех случаях требование закона в части уведомления заявителя выполняется. Так, из 243 исследованных материалов 13,3 % их не содержали сведения об уведомлении этого участника судопроизводства. Кроме того, в 5,0 % случаев в отказном материале имелась копия «уведомления» заинтересованных лиц, но при проверке выяснилось, что подлинник не отправлялся по почте, а был уничтожен после присвоения уведомлению исходящего номера. Объяснить это можно просто. Поскольку принимается значительное число незаконных и необоснованных постановлений об отказе в возбуждении уголовного дела, то в таких случаях сообщать об этом заявителю рискованно. Он может обжаловать соответствующее постановление, следовательно, вскрыется факт укрывания преступления от учета. Поэтому заявителя лучше держать в неведении. То есть мы вновь видим взаимосвязь нарушений законодательства, которые обусловлены одними и теми же причинами.

В части 4 ст. 148 УПК РФ ничего не говорится о возможности ознакомления заявителя с материалами проверки. Между тем наличие такого

---

¹ Овсянников Ю.В. Основания и мотивы принятия уголовно-процессуальных решений в стадии возбуждения уголовного дела. С. 124-129.

права представляется значимым¹. Во-первых, его реализация будет способствовать формированию у заявителя мнения об объективности или необъективности проверки, что исключило бы необоснованные жалобы. Во-вторых, в ходе ознакомления с проверочными материалами заявитель получит возможность обосновать жалобу, в том числе используя ссылки на соответствующие документы. В-третьих, следовательно, дознаватель, зная, что заявитель сможет ознакомиться с материалами проверки, будет более тщательно подходить к рассмотрению сообщения о преступлении, избегать ошибок и нарушений².

Возможность ознакомления заявителя с материалами предварительной проверки обсуждалась еще в период действия УПК РСФСР 1960 г. Часть 3 ст. 113 этого закона, устанавливающая правила, аналогичные предписаниям ч. 4 ст. 148 УПК РФ, также не содержала права заявителя на ознакомление с отказным материалом. Мнение о том, что заявитель должен обладать такой возможностью, нашло отражение в Определении Конституционного Суда РФ от 6 июля 2000 г. по жалобе гр. Н.М. Луценко как не противоречащее Конституции РФ. Высший орган конституционного надзора отметил, что предписание ч. 3 ст. 113 УПК РСФСР с учетом их конституционно-правового смысла, выявленного в Постановлении Конституционного Суда Российской Федерации от 18 февраля 2000 г. по делу о проверке конституционности п. 2 ст. 5 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации» и указанном определении, не препятствуют лицам, чьи права и свободы затрагиваются постановлением об отказе в возбуждении уголовного дела, в ознакомлении с материалами проверки, проведенной по заявлению или сообщению о преступлении, и не нарушают права граждан. В соответствии с ч. 2 ст. 24 Конституции РФ органы государственной власти и органы местного самоуправления, их должностные лица обязаны обеспечить каждому возможность ознакомления с документами и материалами, непосредственно затрагивающими его права и свободы, если иное не предусмотрено законом. Поскольку ч. 3 ст. 113 УПК РСФСР не содержит каких-либо указаний на ограничение доступа к информации в отношении граждан, чьи права и свободы затрагиваются постановлением об отказе в возбуждении уголовного дела, ее применение должно осуществляться в соответствии с изложенной правовой позицией³.

---

¹ *Лаврешин Ю.И.* Процессуальные гарантии реализации права потерпевшего на участие в уголовном преследовании: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ставрополь, 2009. С. 7.

² *Химичева Г.П., Мичурина О.В., Химичева О.В. и др.* У Проблемы нарушений уголовно-процессуальных норм при возбуждении и прекращении уголовных дел, способы их устранения: монография. М., 2004. С. 112.

³ Постановление Конституционного Суда РФ от 18 февраля 2000 г. № 3-П «По делу о проверке конституционности пункта 2 статьи 5 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации» в связи с жалобой гражданина Б. А. Кехмана» // Российская газета. 2000. 1 марта; Определение Конституционного Суда РФ от 6 июля 2000 г. № 191-О «По жалобе гражданина Луценко Николая Максимовича на нарушение его конституционных прав частью третьей статьи 113 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР» // Российская газета. 2000. 6 сентября.

Однако законодатель в ходе обсуждения и принятия текста УПК РФ не обратил внимания на то, что обозначенная выше позиция Конституционного Суда РФ была проигнорирована составителями текста проекта закона. Более щепетильными в этом вопросе оказались составители отдельных ведомственных нормативных актов. Так, в п. 43 Инструкции о порядке приема, регистрации и проверки сообщений о преступлении в следственных органах (следственных подразделениях) системы Следственного комитета Российской Федерации говорится о том, что в целях исполнения положений Конституции РФ, УПК РФ, федеральных законов и иных нормативных правовых актов, гражданам по их просьбе должна быть предоставлена возможность знакомиться с документами, материалами об отказе в возбуждении уголовного дела и контрольными производствами, имеющимися в следственных органах СК России, которые затрагивают их права и свободы, если иное не предусмотрено законом. Ознакомление с материалами производится только по письменному заявлению гражданина либо его представителя, полномочия которого оформлены доверенностью. При этом могут быть предоставлены для ознакомления только те материалы, в которых непосредственно затрагиваются права и свободы обратившегося с заявлением гражданина.

Для того чтобы устранить погрешность законодателя, на наш взгляд, необходимо в ч. 4 ст. 148 после слова «право» дополнить фразой: «знакомиться с материалами проверки» и далее по тексту.

Завершая рассмотрение вопроса, связанного с обеспечением прав и интересов лица, пострадавшего от преступления, при принятии итоговых решений в стадии возбуждения уголовного дела, обратим внимание на следующие обстоятельства. Во-первых, требуются некоторые корректировки уголовно-процессуального законодательства, регламентирующего отношения в этой сфере. Во-вторых, для позитивных изменений в данной области целесообразно создать такую систему критериев оценки работы правоохранительных органов, которая способствовала бы активизации человеческого фактора путем обеспечения заинтересованности правоприменителя в предупреждении преступлений, в полном выявлении и раскрытии уже совершенных. Посредством изменения критериев оценки деятельности следует сместить акцент в мотивации правоприменителя.

Глава 3. ОБЕСПЕЧЕНИЕ ПРАВ И ЗАКОННЫХ ИНТЕРЕСОВ ПОТЕРПЕВШЕГО В ХОДЕ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ (ОБЩИЕ ПОЛОЖЕНИЯ)

§ 1. Правовой и организационный аспекты участия потерпевшего в процессе доказывания по уголовному делу

Участие потерпевшего в доказывании по уголовным делам широко обсуждается в юридической литературе. По этому поводу высказываются различные, причем, иногда диаметрально противоположные позиции. Как правило, авторские мнения аргументированы и содержат ссылки на отдельные положения закона. Вместе с тем возникает вопрос: а всегда ли нормативные предписания, выступающие подчас важными аргументами при отстаивании той или иной позиции, последовательны, логичны, грамотно вплетены в ткань закона? Возможно, расхождения во мнениях порождены ненадлежащим состоянием законодательного регулирования, в том числе небрежным отношением к используемым терминам и понятиям? Предпринятая нами попытка осуществить исследование данного вопроса дала определенные результаты, которые мы предлагаем вашему вниманию.

Часть 1 ст. 73 УПК РФ начинается словами «При производстве по уголовному делу подлежат доказыванию: ...». Критическое осмысление этого фрагмента позволяет сделать вывод о том, что здесь законодателем использовано безличное предложение, т.е. эта правовая установка не адресована конкретным субъектам уголовно-процессуального права. Кроме того, использовано слово «подлежат», которое можно толковать и как право осуществлять эту деятельность, и как обязанность доказать наличие (или отсутствие) указанных законодателем обстоятельств¹. В связи с этим не ясно, в какой мере эти предписания распространяются на потерпевшего.

Правильно ли поступил законодатель, используя в рассматриваемой норме безличное предложение, и кому может быть адресована фраза «подлежат доказыванию»? То, что она адресована не всем участникам уголовного судопроизводства, очевидно. Не осуществляют доказывания свидетели, эксперты, специалисты, хотя сведения, предоставленные ими, могут быть значимы для уголовного судопроизводства, и если они соответствуют требованиям относимости, допустимости, достоверности, то могут стать доказательствами. Существуют участники уголовного процесса, которые выполняют вспомогательную (по отношению к процессу доказывания) функцию (переводчики, понятые, поручители, залогодатели и др.) и которые имеют еще более опосредованное отношение к доказыванию. Явно, что не этих субъектов имел в виду законодатель, формулируя положения ч. 1 ст. 73 УПК РФ.

---

¹ Подробнее об этом см.: *Синенко С.А., Шанина Ю.Н.* Правовой и организационный аспекты участия потерпевшего в процессе доказывания по уголовному делу // *European Social Science Journal* (Европейский журнал социальных наук). 2013. № 2. С. 512-522; *Шанина Ю.Н.* Доказывание характера и размера вреда, причиненного преступлением: некоторые аспекты толкования части 1 статьи 73 УПК РФ // *Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского*. 2011. № 1. С. 288-294.

Вместе с тем в УПК РФ употребляется термин стороны, под которым понимаются участники уголовного судопроизводства, выполняющие на основе состязательности функцию обвинения (уголовного преследования) или защиты от обвинения (п. 45 ст. 5 УПК РФ). Анализ положений глав 6 и 7 УПК РФ, в которых определен круг и процессуальный статус этих участников, свидетельствует, что именно они заинтересованы в доказывании обстоятельств, поименованных в ст. 73 УПК РФ, и имеют возможность осуществлять эту деятельность. Среди них упомянут и потерпевший. Очевидно, их и надо было указать в ч. 1 ст. 73 УПК РФ, употребив термин «стороны».

Является ли доказывание обстоятельств, изложенных в ст. 73 УПК РФ, юридической обязанностью указанных выше субъектов или это их субъективное право? Анализ положений, содержащихся в ст. 14 УПК РФ, позволяет утверждать, что обязанность доказывания лежит на стороне обвинения, и, напротив, этой обязанностью не обременен обвиняемый. Однако руководствоваться в данном случае только этой нормой, на наш взгляд, было бы неправильным. В статье 21 УПК РФ, поименованной «Обязанность осуществления уголовного преследования», речь идет не обо всех представителях стороны обвинения, а только о прокуроре, следователе, органе дознания, дознавателе, которые должны в каждом случае обнаружения признаков преступления принять предусмотренные законом меры по установлению события преступления, изобличению лица или лиц, виновных в его совершении. Содержание ст. 42, 44, 45 УПК РФ подтверждает вывод о том, что на таких представителях стороны обвинения, как потерпевший, гражданский истец, их представители (в том числе и законные), не лежит обязанности осуществления доказывания по уголовному делу¹. Вместе с тем в этих нормах содержатся указания на право участвовать в этой деятельности². Подобное имеет место и в отношении представителей стороны защиты. В главе 7 УПК РФ многократно указывается на право не только обвиняемого, но и иных участников этой группы (подозреваемого, гражданского ответчика, защитника) участвовать в процессе доказывания, но ни разу не сформулирована такая юридическая обязанность.

Неоднозначно этот вопрос решается в отношении суда, но с учетом направленности нашего исследования мы его касаться не будем.

Считаем возможным согласиться с мнением о том, что субъектов доказывания можно подразделить на две группы: лиц, для которых доказывание является обязанностью, и лиц, для которых участие в доказывании по уголовным делам является правом. Но при этом данные группы не совпадут по своему составу с классификационными группами участников судопроизводства, образованными в зависимости от принадлежности к той или

---

¹ *Смолин А.Ю.* Принцип процессуальной экономии в уголовном судопроизводстве России: дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2010. С. 115-116; *Лазарева В.А.* Проблемы доказывания в современном уголовном процессе России: учеб. пособие / Федеральное агентство по образованию. Самара: Изд-во «Самарский университет», 2007. С. 105.

² *Бахта А.С.* Некоторые аспекты восполнения материалов предварительного и судебного следствия // Совершенствование норм и институтов Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : мат-лы межвуз. науч.-практ. конф. Омск: Омская академия МВД России, 2006. С. 41.

иной стороне¹. Потерпевший, согласно такой классификации, должен быть отнесен ко второй группе вместе с подозреваемым и обвиняемым.

В связи с этим становится объяснимой позиция законодателя, применившего в ч. 1 ст. 73 УПК РФ слово «подлежат», которое можно рассматривать как нейтральное по отношению к праву или обязанности субъекта, допускающее как то, так и другое.

Формулировка ч. 1 ст. 73 УПК РФ заимствована из ранее действовавшего уголовно-процессуального законодательства, но, например, в УПК РСФСР 1960 г. (далее – УПК РСФСР) она выглядела несколько иначе: «При производстве дознания, предварительного следствия и разбирательстве уголовного дела в суде подлежат доказыванию: ...» (ч. 1 ст. 68 УПК РСФСР). В этой фразе указаны, кроме того, этапы уголовного судопроизводства, на которых должно происходить доказывание значимых для уголовного дела обстоятельств. В действующем законе этого нет. Таким образом, анализ современного законодательного предписания порождает вопрос: на каких стадиях уголовного процесса подлежат доказыванию обстоятельства, указанные в ст. 73 УПК РФ?

Текст, содержащийся в ч. 1 ст. 68 УПК РСФСР, в этой части выглядел конкретнее, хотя и требовал толкования. Так, словосочетания «производство дознания» и «предварительное следствие» указывают на одну и ту же стадию производства по уголовному делу – предварительное расследование, которое осуществляется в двух формах (предварительное следствие и дознание). Напротив, фраза «разбирательство уголовного дела в суде» подразумевает несколько этапов уголовного судопроизводства. В пункте 51 УПК РФ поясняется: судебное разбирательство – судебное заседание судов первой, второй и надзорной инстанции. Таким образом, речь идет о трех стадиях уголовного процесса во всех их проявлениях и формах².

Современный законодатель в ч. 1 ст. 73 УПК РФ использовал фразу «при производстве по уголовному делу». Но, к сожалению, в УПК РФ нет указаний о том, что понимать под таким производством, хотя в тексте УПК РФ оно упоминается многократно (ст. 2-4, 7, 11, 234, 236, 238, 319 и др.). Интерес в связи с этим представляет и то, что законодатель не дал определение термину «уголовное дело», а в тексте УПК РФ это словосочетание (в ряде случаев используется и отдельный термин «дело») употребляется более тысячи раз.

Путем системного анализа текста УПК РФ можно установить, что производство по уголовному делу имеет свое начало. Содержание ст. 145, 146, 156 УПК РФ позволяет утверждать, что таким моментом является возбуждение уголовного дела. Используя приемы логики, следует прийти к выводу, что рассматриваемое производство оканчивается либо в момент прекращения уголовного дела, либо в момент вступления приговора в силу. На это косвенно указывают положения ст. 212, 213, 390, 391 УПК РФ. Сле-

---

¹ Курс уголовного судопроизводства: учеб. в 3 т. Т. 1: Общие положения уголовного судопроизводства. М.: Изд-во Московского психолого-социального института; Воронеж: МОДЕК, 2006. С. 556-557.

² Синенко С.А., Шанина Ю.Н. Правовой и организационный аспекты участия потерпевшего в процессе доказывания по уголовному делу // European Social Science Journal (Европейский журнал социальных наук). 2013. № 2. С. 512-522.

дует иметь в виду, что производство по уголовному делу (как прекращенному, так и по которому вступил в законную силу приговор) может быть возобновлено (ст. 214, 401.8, 412.6, 417 УПК РФ). Таким образом, можно утверждать, что производство по уголовному делу имеет место в стадиях предварительного расследования, суде первой, второй и надзорной инстанций. Не осуществляется производство по уголовному делу в стадиях возбуждения уголовного дела и исполнения приговора, хотя при этом имеет место уголовно-процессуальная деятельность (иными словами, юридическое производство). На этапе возобновления производства по уголовному делу ввиду новых или вновь открывшихся обстоятельств вопрос о возобновлении такого производства окончательно разрешается лишь в заключительной части этой стадии уголовного процесса (ст. 417-418 УПК РФ). Поэтому все то, что осуществляется до этого (например, установление повода, возбуждение прокурором производства ввиду новых или вновь открывшихся обстоятельств и др.), производством по уголовному делу не является, хотя имеет с ним сходные черты.

Наряду со словосочетанием «производство по уголовному делу» в УПК РФ многократно употребляется термин «уголовное судопроизводство». В пункте 56 ст. 5 УПК РФ дается его пояснение – это досудебное и судебное производство по уголовному делу. Казалось бы, между этими двумя правовыми категориями можно поставить знак равенства. Но такое предвкушение обманчиво. Причина тому – недостаточно точное использование в тексте УПК РФ законодательных терминов и понятий. Дело в том, что в п. 9 ст. 5 УПК РФ досудебным производством определено уголовное судопроизводство с момента получения сообщения о преступлении до направления прокурором уголовного дела в суд для рассмотрения его по существу. Но эта деятельность, согласно законодательству и научным воззрениям, состоит из двух этапов: стадии возбуждения уголовного дела и стадии предварительного расследования. На первом из них уголовного дела еще нет. Оно появится лишь в завершении этого этапа – в момент принятия решения о возбуждении уголовного дела (как мы отмечали выше, с этого момента и начнется производство по уголовному делу). Или может не появиться вообще, если по результатам проверки сообщения о преступлении будет принято решение об отказе в возбуждении уголовного дела. Отсюда – некорректность определения, содержащегося в п. 56 ст. 5 УПК РФ. Явно диссонирующими в нем являются слова «производство по уголовному делу».

Под уголовным судопроизводством должна пониматься вся деятельность, осуществляемая в рамках уголовно-процессуальных отношений, т.е. отношений, установленных УПК РФ. Именно из этого исходят авторы, сформулировавшие понятие уголовного судопроизводства (уголовного процесса). Отсюда производство по уголовному делу – это не все уголовное судопроизводство, а всего лишь его часть, хотя и весьма значимая.

Вернемся к положению ч. 1 ст. 73 УПК РФ. Действительно ли доказывание, согласно предписанию этой нормы, может (или должно) осуществляться только при наличии осуществляемого производства по уголовному делу или же может иметь место и на других этапах судопроизводства? Ответ на этот вопрос представляется неоднозначным, хотя он напрямую связан с возможностью (невозможностью) участия потерпевшего в доказыва-

нии. Во-первых, анализ положений, содержащихся в разделе XVI УПК РФ, позволяет согласиться с мнением о том, что доказывание обстоятельств, указанных в ст. 73 УПК РФ, не входит в содержание стадии исполнения приговора¹.

Во-вторых, при необходимости разрешения вопроса о возобновлении производства по уголовному делу ввиду новых или вновь открывшихся обстоятельств (гл. 49 УПК РФ) прокурор может вынести постановление о возбуждении производства ввиду новых обстоятельств и направить соответствующие материалы руководителю следственного органа для производства расследования этих обстоятельств и решения вопроса об уголовном преследовании по фактам выявленных нарушений уголовного законодательства. При расследовании новых обстоятельств могут производиться следственные и иные процессуальные действия в порядке, установленном УПК РФ (ч. 4 ст. 415 УПК РФ). Хотя такая деятельность не именуется производством по уголовному делу, она очень схожа с ним и, самое главное, предполагает собирание доказательств путем осуществления следственных и иных процессуальных действий². В других случаях, установленных законом, прокурор своим постановлением возбуждает производство ввиду вновь открывшихся обстоятельств, проводит соответствующую проверку, истребует копию приговора и справку суда о вступлении его в законную силу (ч. 3 ст. 415 УПК РФ). Данная деятельность отлична от предыдущей, и по своему характеру она ближе к проверке сообщения о преступлении.

В-третьих, в юридической литературе является дискуссионным вопрос о возможности осуществления доказывания на стадии возбуждения уголовного дела, хотя он подвергался не только фрагментарным, но и монографическим исследованиям. Одно из них имело место в период действия УПК РСФСР³, другое – после реформирования уголовно-процессуального законодательства⁴. В ряде фундаментальных работ вопросы доказывания на стадии возбуждения уголовного дела рассматриваются обособленно⁵.

Решение этой проблемы существенно для определения возможности участия лица, пострадавшего от преступления, в доказывании уже на первоначальном этапе уголовного судопроизводства.

Основной аргумент противников осуществления доказывания в стадии возбуждения уголовного дела состоит в том, что на этом этапе значительное число сведений о противоправном деянии правоохранительные органы получают в ходе непроцессуальной деятельности (административной, оперативно-розыскной, не предусмотренной законом, и др.). Как отмечает И.Л. Петрухин, в стадии возбуждения уголовного дела посредством полу-

---

¹ Уголовный процесс: учеб. для вузов / под ред. Б.Б. Булатова, А.М. Баранова. 2-е изд. перераб. и доп. М.: Юрайт; Высшее образование, 2012. С. 508.

² Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / науч. ред. В.Т. Томин, М.П. Поляков. М., 2012. С. 1053-1054.

³ Кузнецов Н.П. Доказывание в стадии возбуждения уголовного дела: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Харьков, 1980. 15 с.

⁴ Березина Л.В. Доказывание в стадии возбуждения уголовного дела по УПК Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2003. 25 с.

⁵ Володина Л.М. Проблемы уголовного процесса: закон, теория, практика: монография. М.: Юрист, 2006. С. 233-241.

чения сведений вне процессуальной формы «добываются эрзац-доказательства, которые в суде будут признаны недопустимыми»¹. Между тем доказательственная деятельность осуществляется только в определенной УПК форме и носит уголовно-процессуальный характер. Таким образом, по мнению указанного автора, сведения, полученные при проверке сообщения о преступлении, могут стать доказательствами, но лишь при условии приведения их (а также источников их получения) в соответствие с требованиями УПК РФ, предъявляемыми к доказательствам. Такое может иметь место только после возбуждения производства по уголовному делу.

Анализ закона и правоприменительной практики приводит к выводу, что указанное суждение не может быть принято как безапелляционное. Законодатель допускает в стадии возбуждения уголовного дела осуществление некоторых следственных действий. Причем в последнее время их перечень расширен. Поэтому, как отмечает И.В. Овсянников, к проблеме проверки сообщения о преступлении необходимо подходить с позиций доказательственного права². Кроме того, в УПК РФ предусмотрены иные процессуальные действия, производство которых позволяет в рамках уголовно-процессуальной деятельности получить необходимые сведения о произошедшем событии (ч. 4 ст. 21, ч. 1, 2 ст. 144 УПК РФ). При наличии такого источника доказательств, как «иные документы» (п. 6 ч. 2 ст. 74 УПК РФ), эти сведения имеют право именоваться доказательствами. Таким образом, нам представляется возможным согласиться с мнением о принципиальной возможности получения доказательств в стадии возбуждения уголовного дела³, о наличии доказательственной деятельности «с самого момента возникновения уголовно-процессуальных отношений»⁴, хотя не все, что происходит при проверке сообщения о преступлении, можно именовать доказыванием⁵. Но это оправдано. «Предварительная оценка деяния не есть итог познания, она в ходе расследования еще не раз может быть уточнена, подкорректирована и изменена. Знания, таким образом получаемые в стадии возбуждения уголовного дела, носят вероятностный характер»⁶.

В качестве аргумента в поддержку предложенной точки зрения можно использовать и законодательные новеллы. Так, Федеральным законом от 4 марта 2013 г. № 23-ФЗ в ст. 144 УПК РФ введена часть 1.2, в которой, в частности, говорится, что полученные в ходе проверки сообщения о преступлении сведения могут быть при определенных условиях использоваться в качестве доказательств. И хотя в целом к такому правовому предписа-

---

¹ *Петрухин И.Л.* Теоретические основы реформы уголовного процесса в России. Часть II. М.: Велби, 2005. С. 27.

² *Овсянников И.В.* Рассмотрение сообщений о преступлениях. Процессуальные и криминалистические проблемы: науч.-практ. и учеб. пособие. М.: Юрлитинформ, 2010. С. 72.

³ *Лазарева В.А.* Проблемы доказывания в современном уголовном процессе России: учеб. пособие. Самара: Изд-во «Самарский университет», 2007. С. 153.

⁴ *Березина Л.В.* Доказывание в стадии возбуждения уголовного дела по УПК Российской Федерации. С. 8.

⁵ *Диваев А.Б.* Установление основания для возбуждения уголовного дела о хищениях: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Томск, 2005. С. 11.

⁶ *Володина Л.М.* Проблемы уголовного процесса: закон, теория, практика. С. 239.

нию сложилось неоднозначное отношение, для целей нашего исследования оно может быть оценено как позитивное.

Более того, некоторые авторы настаивают на том, что отдельные обстоятельства, подлежащие выяснению в стадии возбуждения уголовного дела, могут быть установлены только с помощью доказательств. Так, К.В. Муравьев по результатам своего диссертационного исследования пришел к выводу о том, что «основанием для возбуждения уголовного дела в отношении лица является наличие доказательств, достаточных для вероятностного суждения о наличии в общественно опасном деянии признаков состава преступления и причастности к его совершению определенного лица»¹.

В юридической литературе доказывание обозначается как сущность уголовно-процессуальной деятельности по проверке сообщения о преступлении, рассматриваются предмет и пределы доказывания такой проверки². При этом не следует забывать, что деятельность по проверке сообщения о преступлении может закончиться отказом в возбуждении уголовного дела. И если при возбуждении уголовного дела полученные знания о произошедшем событии могут иметь вероятностный характер, то при отказе в возбуждении уголовного дела они должны быть достоверны.

Изложенное выше подтверждается анализом правоприменительной практики. При производстве по уголовному делу (в том числе и в судебных стадиях) достаточно часто в качестве доказательств используются сведения, полученные в ходе проверки сообщения о преступлении. Например, в обвинительных заключениях (актах) и приговорах суда можно встретить ссылки на акты ревизий, документальных проверок, справки о стоимости похищенного имущества, другие документы, которые были получены до решения вопроса о возбуждении уголовного дела. Эта позиция поддерживается и правоприменителями: 84,2 % опрошенных нами следователей и дознавателей высказались за наличие доказывания на рассматриваемом этапе уголовного процесса³.

Таким образом, предмет доказывания является «сквозной» категорией, применяемой на любой стадии судопроизводства. При этом, конечно же, необходимо учитывать, что наряду с ней существуют еще и пределы доказывания, которые определяют необходимую степень доказанности того или иного обстоятельства на конкретном этапе уголовного процесса⁴.

Вывод, который надлежит сделать из наших суждений, следующий: фраза «при производстве по уголовному делу», имеющая место в ч. 1 ст. 73 УПК РФ, не согласуется с рядом положений уголовно-процессуального закона и не соответствует существующей правоприменительной практике.

---

¹ *Муравьев К.В.* Возбуждение уголовного дела в отношении лица: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2005. С. 7.

² *Григорьев В.Н., Победкин А.В., Яшин В.Н. и др.* Проверка сообщения о преступлении как форма уголовно-процессуального доказывания: монография. М.: Московский ун-т МВД России, 2004. С. 29-47.

³ Иные данные (59 %) были получены Л.В. Березиной. См.: *Березина Л.В.* Доказывание в стадии возбуждения уголовного дела по УПК Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2003. С. 14.

⁴ *Лазарева В.А.* Проблемы доказывания в современном уголовном процессе России. С. 110, 116.

Ее можно было бы поменять на словосочетание «при осуществлении уголовного судопроизводства», но, как мы выяснили ранее, этот термин в законе определен недостаточно точно. При условии, что это понятие будет уточнено законодателем, полагаем целесообразным в ч. 1 ст. 73 УПК РФ использовать формулировку «в ходе досудебного и судебного производства».

С учетом изложенного полагаем, что *существует необходимость в корректировке начальной фразы ч. 1 ст. 73 УПК РФ. Она должна иметь следующее содержание: «В ходе досудебного и судебного производства сторонами и судом подлежат доказыванию: ...»*. Иные вопросы, связанные с толкованием этого положения, освещенные нами выше, необходимо довести до сведения правоприменителей посредством комментария к ст. 73 УПК РФ.

Обратимся к вопросам участия потерпевшего в доказывании по уголовным делам, которые вызывают наиболее острые дискуссии. Они тесно взаимосвязаны с рассмотренными выше. Путем толкования закона мы определили, что потерпевший может участвовать в процессе доказывания, причем на протяжении всего уголовного судопроизводства, но остаются невыясненными его возможности в этом процессе и значение тех сведений, которые он получает, познавая обстоятельства совершенного преступления.

Большинство ученых придерживаются мнения о том, что процесс доказывания состоит из собирания, проверки и оценки доказательств. Эту позицию поддержал и законодатель (ст. 85 УПК РФ). Формулируя предписания, регулирующие деятельность в рамках каждого из указанных выше элементов процесса доказывания, законодатель обозначил круг субъектов, наделенных полномочиями собирать, проверять, оценивать доказательства. К числу субъектов проверки и оценки доказательств потерпевший не отнесен (ст. 17, 87, 88 УПК РФ). Таким образом, осуществлять эту деятельность он не может. Однако необходимо сделать оговорку: здесь речь идет об официальном характере этой деятельности и значении ее результатов. При этом мы не исключаем того, что потерпевший, например, может иметь собственное умозаключение об относимости, допустимости, достоверности доказательств, он вправе излагать свою позицию по этим вопросам (причем в разной форме) дознавателю, следователю, суду, иным образом использовать свои суждения, но все это будет оставаться лишь его мнением.

Сложнее определяется роль рассматриваемого субъекта в собирании доказательств. Пункт 4 ч. 2 ст. 42 УПК РФ указывает на наличие у потерпевшего права представлять доказательства. Но в указанной статье закона мы не обнаружим право потерпевшего собирать доказательства. В части 2 ст. 86 УПК РФ говорится о том, что потерпевший вправе собирать и представлять письменные документы и предметы для приобщения их к уголовному делу в качестве доказательств. Сопоставление этих предписаний приводит к выводу о том, что потерпевший вправе представлять доказательства, но не имеет возможности их собирать, в то же время собирать он может документы и предметы, которые не являются доказательствами, а только могут (или не могут) ими стать. Для осмысления, а тем более для применения такие формулировки являются достаточно сложными, поэтому они и порождают научные дискуссии.

Что же собирает и что представляет потерпевший? На наш взгляд, ответ на этот вопрос можно получить посредством использования понятия «доказательство». Хотя и эта категория достаточно активно обсуждается на страницах юридической литературы, в ее содержании есть определенный стержень, который во всех случаях остается неизменным. Суть его состоит в том, что доказательства – это сведения, которые по содержанию и форме отвечают требованиям закона. Содержание при этом определяется через связь этих сведений с предметом доказывания, а форма связана с использованием строго установленных законом источников. Содержание и форма образуют необходимые качества любого доказательства – относимость и допустимость. Кроме того, эти сведения должны быть достоверными.

Если исходить из такого понимания, то следует признать, что придать сведениям статус доказательства могут только дознаватель, следователь, прокурор и суд, т.е. те субъекты, которые указаны в ч. 1 ст. 86 УПК РФ. Потерпевший этого сделать не может в силу того, что он неправомочен придать сведениям соответствующую форму. Не способен этого сделать и обвиняемый, а также его защитник, хотя в ч. 3 ст. 86 УПК РФ последний обозначен как обладатель права собирать доказательства, а не предметы и документы, которые могут таковыми стать¹.

Это позволяет утверждать, что потерпевший вправе собирать лишь документы и предметы, которые посредством деятельности дознавателя, следователя, прокурора или суда могут стать доказательствами в уголовном деле. Такое положение вещей, на наш взгляд, является правильным. Поэтому мы не можем согласиться с предложением о наделении участников уголовного судопроизводства, не относящихся к субъектам обвинительной власти, в том числе потерпевшего, правом собирать доказательства². Следовательно, необходимо признать правильность формулировки, изложенной в ч. 2 ст. 86 УПК РФ, и *необходимость корректировки п. 4 ч. 2 ст. 42 УПК РФ. Он может быть изложен в следующей редакции: «сбирать и представлять документы и предметы для приобщения их к уголовному делу в качестве доказательств».*

Не менее значимым является вопрос о том, какими способами потерпевший может собирать такие сведения. Уголовно-процессуальное законодательство на этот счет никаких предписаний не содержит. Очевидно, что здесь необходимо исходить из общеправового статуса личности. Лицо вправе получать любыми не противоречащими закону способами информацию в виде сведений, документов, предметов, непосредственно затрагивающих его права и свободы. В соответствии со ст. 24 Конституции РФ

---

¹ *Ибрагимов И.М.* Концептуальные проблемы правомерных возможностей защиты прав потерпевшего и вопросы совершенствования законодательства в процессе доказывания в российском уголовном судопроизводстве // Российская юстиция. 2012. № 1. С. 31.

² *Лазарева В.А.* Равенство сторон в уголовном процессе и некоторые проблемы представления доказательств // Охрана прав и свобод человека и гражданина в уголовном судопроизводстве: мат-лы междунар. науч.-практ. конф. М.: МАЭП, 2011. С. 284-290; *Ибрагимов И.М.* Концептуальные проблемы правомерных возможностей защиты прав потерпевшего и вопросы совершенствования законодательства в процессе доказывания в российском уголовном судопроизводстве. С. 30.

предоставление этих сведений является обязанностью государства. Если говорить о частных способах получения информации, то к ним можно отнести: получение предметов, документов и иных сведений; опрос лиц с их согласия; истребование справок, характеристик, иных документов от органов государственной власти, органов местного самоуправления, общественных объединений и организаций, которые обязаны предоставлять запрашиваемые документы или их копии.

Мы здесь умышленно привели дословную формулировку ч. 3 ст. 86 УПК РФ, указывающую на возможность получения такими способами доказательственной информации защитником. Дело в том, что любой из этих приемов может быть использован потерпевшим. В этом вопросе мы солидарны с мнением П.В. Козловского о том, что природа деятельности защитника и иных участников уголовного судопроизводства по собиранию сведений, которые могут быть использованы в доказывании, одинакова¹. Это еще один аргумент в пользу того, что защитник не наделен каким-то особым статусом в сфере доказывания, и того, что он собирает, не является доказательствами. Считаю также необходимым отметить, что перечень способов собирания сведений, содержащийся в рассматриваемой норме, не является исчерпывающим. Их гораздо больше, и главным критерием здесь является не законодательное закрепление права лица получать информацию в том или ином виде, а легитимность средства ее получения.

Исходя из того, что такая деятельность весьма многогранна, у нас имеются определенные опасения по поводу ее регламентирования в уголовно-процессуальном законодательстве. *Создание каких-либо уголовно-процессуальных норм, наделяющих потерпевшего правом получать информацию в том или ином виде, может иметь негативное значение. Например, нечеткость законодательных формулировок приведет к новым научным спорам либо неверному их толкованию правоприменителями. Поэтому здесь была бы уместной фраза «всеми способами, не запрещенными законом».*

Фактически к этому призывает и А.А. Кухта, указывая на то, что «получение участниками процесса доказательств (в смысле «источников доказательств», их внешней оболочки) нужно допустить любыми способами, которые не входили бы в сферу прав личности, другую охраняемую законом тайну»². Такую точку зрения отстаивают и иные ученые³. Кроме того, косвенно эта позиция нашла отражение в п. 11 Постановления Пленума Верховного Суда РФ «О практике применения судами норм, регламентирующих участие потерпевшего в уголовном судопроизводстве». Более того, в данном документе указывается на необходимость оказания правоохранительными органами помощи потерпевшему при собирании сведений, которые могут быть приобщены к уголовному делу в качестве доказательств.

¹ Козловский П.В. Виды доказательств в уголовном судопроизводстве: эволюция, регламентация, соотношение: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2013. С. 20.

² Кухта А.А. Доказывание истины в уголовном процессе: монография. Н. Новгород: Нижегородская академия МВД России, 2009. С. 401.

³ См., напр.: Ибрагимов И.М. Концептуальные проблемы правомерных возможностей защиты прав потерпевшего и вопросы совершенствования законодательства в процессе доказывания в российском уголовном судопроизводстве. С. 29.

Что же касается равномерности уголовно-процессуального регулирования прав потерпевшего, обвиняемого, защитника по участию в процессе доказывания, то здесь мы единодушны с мнением авторов, предлагающих внести определенные корректировки в закон¹. Но в этом вопросе у нас есть собственное суждение. Выше мы отмечали, что положения, отраженные в ч. 3 ст. 86 УПК РФ, фактически могут быть распространены как на потерпевшего, так и на представителей стороны защиты. Более того, они корреспондируют с предписаниями ч. 2, а не ч. 1 рассматриваемой статьи. Указанное в ч. 3 ст. 86 УПК РФ право защитника собирать доказательства является фикцией. Поэтому мы *предлагаем ч. 3 ст. 86 УПК РФ изложить в следующей редакции:*

«3. Лица, указанные в части второй настоящей статьи, вправе собирать сведения для приобщения их к уголовному делу в качестве доказательств путем:

1) истребования справок, характеристик, иных документов от органов государственной власти, органов местного самоуправления, общественных объединений и организаций, которые обязаны предоставлять запрашиваемые документы или их копии;

2) получения предметов и иных сведений;

3) опроса лиц с их согласия;

4) иными способами, не противоречащими закону».

Использование обозначенных выше возможностей по собиранию доказательственной информации будет бессмысленным при отсутствии механизма получения и приобщения этих сведений к материалам уголовного дела. Следует признать, что в действующем российском уголовно-процессуальном законодательстве такой механизм отсутствует, хотя потенциальная возможность для осуществления рассматриваемой деятельности имеет нормативную основу. Это убедительно доказали в своей работе В.В. Николук, В.В. Кальницкий, В.Г. Шаламов². И хотя авторы ориентировали правоприменение на правильное понимание и использование в этой области действующего в тот момент закона – УПК РСФСР, их рекомендации остаются актуальными и в нынешних условиях.

В современной юридической литературе излагаются конкретные предложения по совершенствованию законодательства в рассматриваемой части³. Отдельные из них носят дискуссионный характер, что еще раз подчеркивает сложность рассматриваемого вопроса. Вместе с тем попытка разрешить указанные вопросы предпринята в ряде зарубежных государств. Например, в УПК Республики Узбекистан содержатся главы 24 и 25, по-

---

¹ Считаю необходимым подчеркнуть, что на необходимость решения этой проблемы обращает внимание Уполномоченным по правам человека В. Лукиным. См.: Проблемы защиты прав потерпевших от преступлений: спец. доклад Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации // Российская газета. 2008. 4 июня.

² Николук В.В., Кальницкий В.В., Шаламов В.Г. Истребование предметов и документов в стадии возбуждения уголовного дела. Омск: Омская высшая школа милиции МВД СССР, 1990. 76 с.

³ Ибрагимов И.М. Концептуальные проблемы правомерных возможностей защиты прав потерпевшего и вопросы совершенствования законодательства в процессе доказывания в российском уголовном судопроизводстве. С. 29-32.

именованные, соответственно, «Представление предметов и документов» и «Приобщение к делу предметов и документов в качестве вещественных доказательств и письменных документов», которые устанавливают соответствующую процедуру, в том числе для случаев, когда такие предметы или документы представляются потерпевшим.

Выбрав из указанных выше научных подходов и законодательных установлений рациональное начало, в условиях действующего законодательства считаем необходимым обозначить суть дополнений, в которых нуждается уголовно-процессуальное законодательство. Она состоит в необходимости унификации процессуального порядка получения и оформления предметов и документов, которые истребованы или представлены в соответствии с ч. 4 ст. 21, п. 4 ч. 2 ст. 42, п. 2 ч. 4 ст. 44, п. 4 ч. 4 ст. 46, п. 4 ч. 4 ст. 47, п. 2 ч. 1 ст. 53, п. 7 ч. 2 ст. 54 УПК РФ. При этом следует иметь в виду, что в ходе истребования или представления материалов могут быть получены доказательства как в виде иных документов (например, справки, характеристики и пр.), так и вещественные доказательства. В первом случае с ними необходимо работать по правилам, установленным ст. 84 УПК РФ. Во втором – факт получения предметов, на наш взгляд, следует оформлять протоколом. Исходя из этого, *предлагаем ст. 81 УПК РФ дополнить ч. 5 следующего содержания: «5. Получение предметов и документов, которые истребованы или представлены в соответствии с частью четвертой статьи 21, пунктом 4 части второй статьи 42, пунктом 2 части четвертой статьи 44, пунктом 4 части четвертой статьи 46, пунктом 4 части четвертой статьи 47, пунктом 2 части первой статьи 53, пунктом 7 части второй статьи 54 настоящего Кодекса, должно быть оформлено протоколом в соответствии со статьями 166 и 167 настоящего Кодекса».*

В части 1 ст. 86 УПК РФ указано несколько способов собирания доказательств. Выше мы вели речь об участии потерпевшего в тех из них, которые можно объединить названием «производство иных процессуальных действий», но общепризнано, что основным способом получения доказательств является осуществление следственных действий. В этой сфере уголовно-процессуальной деятельности существует значительное число проблемных вопросов как правового, так и тактического характера, в том числе касающихся обеспечения прав и законных интересов потерпевшего. Мы умышленно не рассматривали их в рамках данного параграфа. Эти вопросы настолько масштабны и актуальны, что их освещению посвящена следующая глава настоящей работы.

Таким образом, *потерпевший является полноправным участником процесса доказывания, обладающим правом (но не обязанностью) участвовать в этом процессе, получая и представляя предметы и документы, которые могут быть использованы в качестве доказательств. Вместе с тем для повышения качества обеспечения прав и законных интересов этого участника судопроизводства необходимо внести ряд корректировок в действующее уголовно-процессуальное законодательство, повысить эффективность правоприменения.*

§ 2. Деятельность следователя по возмещению вреда, причиненного потерпевшему преступлением

Указанная в наименовании настоящего параграфа деятельность, на наш взгляд, складывается из нескольких составляющих. В первую очередь, это доказывание характера и размера вреда, причиненного преступлением. Во-вторых, действия, направленные на обнаружение, изъятие объектов материального мира, которые были предметом преступного посягательства, с последующим возвращением их владельцу. В-третьих, обеспечение возможности возмещения вреда, причиненного преступлением, в рамках гражданского иска. Для защиты прав и законных интересов потерпевшего в равной степени имеет значение любой из обозначенных компонентов. Мы рассмотрим их, хотя прежде хотим подчеркнуть, что нередко указанная выше деятельность оказывается настолько переплетенной, что четкую грань между ее видами провести затруднительно¹. В частности, П.Г. Сычев указывает на то, что к мерам обеспечения гражданского иска можно отнести: розыск похищенного имущества; следственные и процессуальные действия по доказыванию характера и размера вреда, причиненного преступлением; наложение ареста на имущество². На наш взгляд, перечень таких мер гораздо шире, и мы постараемся показать больший их спектр, но с учетом тематики нашего исследования.

При подготовке проекта Постановления Пленума Верховного Суда РФ «О практике применения судами норм, регламентирующих участие потерпевшего в уголовном судопроизводстве» в перечень вопросов, который направлялся во все суды субъектов Федерации для проработки, был включен следующий: *Всегда ли при производстве предварительного расследования принимаются меры к доказыванию характера и размера вреда, причиненного преступлением (п. 4 ч. 1 ст. 73 УПК)?* Положительный ответ на этот вопрос не пришел ни из одного региона. В ряде субъектов Российской Федерации суды, обобщив практику, привели весьма неутешительные выводы.

Так, изучение судебной практики Санкт-Петербурга показало, что при производстве предварительного расследования почти никогда органы расследования не принимают меры к доказыванию характера и размера вреда, причиненного преступлением. Стоимость похищенного и поврежденного имущества часто устанавливается со слов потерпевших. Документы, подтверждающие стоимость имущества, крайне редко приобщаются к материалам уголовного дела. Подобным образом дела обстоят в Иркутской области и Красноярском крае. Несколько мягче был изложен ответ на указанный вопрос в справках, поступивших из городов Омска, Челябинска, Хабаровска. Представители этих регионов указали, что в целом органы

---

¹ Лившиц Ю.Д., Тимошенко А.В. Обеспечение гражданского иска в стадии предварительного расследования // Следователь. 2002. № 9. С. 10; Парфёнова М.В., Конах Е.И. Процессуальные права потерпевшего и их реализация в досудебных стадиях уголовного судопроизводства: науч.-метод. пособие. М., 2006. С.110.

² Сычев П.Г. Особенности участия и гарантии прав организаций (юридических лиц) на досудебных стадиях уголовного судопроизводства: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2008. С. 171-172.

предварительного расследования эту функцию выполняют, вместе с тем существует множество примеров, где имели место проблемы по доказыванию обстоятельств, относящихся к характеру и размеру вреда, причиненного преступлением. Остается, как правило, недоказанной либо недостаточно доказанной стоимость похищенного имущества. Размер ущерба органом расследования по большому количеству дел определяется со слов потерпевшего и признается следствием достоверным. Следствием не истребуются сведения о стоимости такого же (аналогичного) имущества в торговой сети на момент совершения преступления, не производится оценка (экспертиза) для установления стоимости похищенного имущества¹.

В справке об изучении судебной практики применения судами Омской области норм уголовно-процессуального закона, регулирующих участие потерпевшего в уголовном судопроизводстве, отмечается, что нередко следователи (дознаватели) лишь формально разъясняют потерпевшему (гражданскому истцу) положения ст. 42 и 44 УПК РФ, при этом не раскрывают суть предусмотренных законом прав и обязанностей по возможности взыскания размера причиненного имущественного вреда, материальных затрат на лечение, возможности и порядка взыскания морального вреда. Не разъясняется, в чем конкретно выражается роль гражданских истцов по доказыванию заявленных гражданских исков: как практически доказать заявленные требования, какие документы необходимо представить следствию и суду и пр.

В подтверждение этого приведен ряд примеров. Вот один из них. Дело по обвинению Кийко А.П. в совершении преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 264 УК РФ: исковые требования Даниловой Г.М. о возмещении расходов, необходимых для проведения восстановительных ортопедических операций на общую сумму 209 390 руб., а также о возмещении суммы упущенной выгоды от неквалифицированного управления принадлежащим потерпевшей магазином в размере 201 754 руб., суд оставил без рассмотрения, признав за гражданским истцом право на удовлетворение гражданского иска и передачи вопроса о размере возмещения гражданского иска для рассмотрения в порядке гражданского судопроизводства.

В уголовном деле отсутствовали доказательства в обоснование исковых требований потерпевшей о возмещении ей убытков, связанных с невозможностью квалифицированно управлять принадлежащим ей магазином из-за полученных в результате дорожно-транспортного происшествия травм.

В подтверждение стоимости расходов на проведение двух восстановительных ортопедических операций представлены лишь справки главного менеджера ООО «Компания «Отечество», с указанием стоимости комплектов плечевого и локтевого суставов «Zimmer» (США). Вместе с этим в материалах уголовного дела отсутствуют какие-либо документы, подтверждающие необходимость проведения данных операций с установкой протезов, указанных в справках, а также документов, подтверждающих то, что

---

¹ Справки об изучении судебной практики применения судами норм уголовно-процессуального закона, регулирующих участие потерпевшего в уголовном судопроизводстве // Архив Верховного Суда РФ за 2010 г.

потерпевшей Даниловой Г. М. медицинским учреждением указанные расходы не могут быть произведены за счет страховых выплат, в том числе из средств фонда социального страхования¹.

Приведем еще несколько типичных примеров, содержащихся в указанных документах и отражающих недостатки в рассматриваемой нами сфере деятельности.

По уголовному делу по обвинению Красновой М. П. в совершении преступлений, предусмотренных ст. 158 ч. 3 п. «а», 158 ч. 2 п. «в», 158 ч. 3 п. «а», 158 ч. 3 п.п. «а, в» УК РФ, в ходе проведения предварительного слушания Кировским районным судом г. Хабаровска установлено, что в нарушение п. 4 ч. 1 ст. 73 УПК РФ в материалах дела каких-либо данных, кроме показаний потерпевших, о стоимости похищенного имущества не представлено, что может повлечь вынесение незаконного и необоснованного решения суда. Указанная причина, помимо иных установленных судом нарушений уголовно-процессуального закона по делу, явилась основанием для возвращения уголовного дела прокурору района для их устранения.

По уголовному делу в отношении Антипова А.И., обвиняемого в совершении преступлений, предусмотренных ст. 161 ч.2 п. «а, г» УК РФ, потерпевшим Кузнецовым А.С. заявлен гражданский иск на сумму 200 000 руб., который Индустриальным районным судом г. Хабаровска оставлен для рассмотрения в порядке гражданского судопроизводства, поскольку суду не представлены какие-либо доказательства, подтверждающие размер заявленного гражданского иска. Из заявления Кузнецова А.С. следует, что у него похищен автомобиль 1996 г. выпуска стоимостью 200 000 руб., однако согласно документам (ПТС), представленным потерпевшим, автомобиль «Тойота Чайзер», принадлежащий Кузнецову А.С., фактически выпущен в 1985 г., что значительно влияет на его стоимость. Суд самостоятельно произвести расчет фактической стоимости автомобиля не имеет возможности.

Мировой судья судебного участка Кировского района г. Хабаровска, вынося приговор по уголовному делу по обвинению Глазатова П. Э. в совершении преступления, предусмотренного ст. 167 ч. 1 УК РФ, оставил иск без удовлетворения в связи с тем, что органами предварительного расследования не были приняты меры к доказыванию размера вреда, причиненного преступлением².

По уголовному делу в отношении Фляшинского Ю.В., Копылова Д.П., Пищевского С.В., Августманова А.В., Петрова И.Ф. гражданский иск Коневского В.А. о взыскании морального вреда в сумме 1 000 000 руб. оставлен без рассмотрения с признанием за ним права на удовлетворение требований в порядке гражданского судопроизводства, поскольку последним

---

¹ Справка об изучении судебной практики применения судами Омской области норм уголовно-процессуального закона, регулирующих участие потерпевшего в уголовном судопроизводстве // Архив Верховного Суда РФ за 2010 г.

² Справка об изучении судебной практики применения судами Хабаровского края норм уголовно-процессуального закона, регулирующих участие потерпевшего в уголовном судопроизводстве // Там же.

не представлены доказательства, обосновывающие сумму иска, а суд был лишен возможности провести по нему необходимые расчеты¹.

Приговором Кировского районного суда г. Красноярск от 8 сентября 2009 г. по делу Гончаровой-Островской О.Н., осужденной по п. «в» ч. 2 ст. 158 УК РФ, признан доказанным ущерб, причиненный потерпевшему Пекарскому В. А., только на 12 420 рублей, а следствием обвиняемой вменялось хищение на 29 920 рублей².

На данное обстоятельство обратил внимание и Уполномоченный по правам человека В. Лукин в своем докладе «Проблемы защиты прав потерпевших от преступлений». В частности, он отмечает, что более трети потерпевших лишены возможности возмещения вреда. При этом особое недовольство высказывается по поводу компенсации морального вреда, причиненного преступлением. Полное и адекватное возмещение такого вреда остается пока редкостью для российского уголовного судопроизводства.

Неудовлетворительное состояние дел в рассматриваемой сфере подтвердилось и при проведении нами анализа деятельности по доказыванию отдельных видов вреда. Осветим некоторые проблемы правового и организационного характера, выявленные в этой области.

Доказывание имущественного вреда, причиненного преступлением, в значительной степени детерминировано характером совершенного деяния, поэтому следует вполне обоснованно говорить об особенностях доказывания по делам о хищениях, преступлениях против экономической деятельности, иных преступлениях. Особенности доказывания может предопределить наличие регрессного иска, требование о компенсации расходов, понесенных в связи с восстановлением здоровья, и др.

Установление причинения деяниями обвиняемого имущественного вреда и его размера предполагает доказывание большей части обстоятельств, указанных в ст. 73 УПК РФ: события преступления, причастности обвиняемого к его совершению, его вины, а для составов преступления, являющихся материальными, еще и причинной связи между деянием обвиняемого и причиненными убытками³.

Ряд авторов обращают внимание на то, что деятельность по доказыванию характера и размера вреда, причиненного преступлением, имеет место уже в стадии возбуждения уголовного дела⁴. Анализ следственно-судебной практики подтверждает, что достаточно часто факт причинения имущественного вреда и его размер содержатся уже в сообщении о престу-

---

¹ Справка об изучении судебной практики применения судами Иркутской области норм уголовно-процессуального закона, регулирующих участие потерпевшего в уголовном судопроизводстве // Архив Верховного Суда РФ за 2010 г.

² Справка об изучении судебной практики применения судами Красноярского края норм уголовно-процессуального закона, регулирующих участие потерпевшего в уголовном судопроизводстве // Там же.

³ Шанина Ю.Н. Некоторые вопросы доказывания имущественного вреда, причиненного преступлением // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2011. № 2 (15). С. 263.

⁴ Усков В.М. Деятельность органов предварительного расследования по обеспечению возмещения материального вреда, причиненного преступлением: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1974. С. 19.

плении. Поэтому нередко на этапе проверки первоначальной информации о противоправном деянии предпринимаются отдельные действия (истребование товарных чеков, получение объяснений, осмотр места происшествия и др.), направленные на подтверждение наличия вреда, причиненного преступлением, и конкретизацию его размера.

В ходе предварительного расследования возможности доказывания размера имущественного вреда, причиненного преступлением, гораздо шире. Анализ правоприменения показал, что в качестве доказательств здесь были использованы: показания потерпевших (в 100 % случаев), показания свидетелей (51,2 %), вещественные доказательства (66,7 %), заключение эксперта (7,4 %). В меньшей степени и в разных сочетаниях использовались иные средства доказывания: показания подозреваемого (обвиняемого), заключения специалистов, протоколы следственных и судебных действий, иные документы.

Вместе с тем при изучении правоприменения нами были выявлены факты переложения на потерпевшего обязанности доказывания размера имущественного вреда. На это обстоятельство обращают внимание и другие исследователи¹. Так, Приокским районным судом г. Н. Новгорода Д. признан виновным в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 264 УК РФ. В ходе предварительного расследования потерпевшим К. был заявлен гражданский иск по возмещению расходов на лекарственные препараты в размере 1706 руб., а также на предварительную оплату санаторно-курортного лечения в сумме 48 000 руб. и о компенсации морального вреда в сумме 400 000 руб. Судом исковые требования К. удовлетворены только частично: в отношении расходов на лекарственные препараты – в сумме 1706 руб., а также компенсации морального вреда – в размере 20000 рублей. Остальные требования оставлены без рассмотрения, поскольку «в суд не было представлено точных сведений и расчетов, подтверждающих исковые требования»².

В приговоре Октябрьского районного суда г. Омска в отношении Т. и Н., отказывая в удовлетворении исковых требований, суд указал, что потерпевшим не были представлены документы о составе его семьи и совокупном среднемесячном доходе³. Обязанность по доказыванию характера и размера вреда в уголовном процессе, как мы отмечали выше, лежит не на потерпевшем или гражданском истце, а на государственных органах, представляющих сторону обвинения. Между тем в нерасторопности суд обвинил первых, а не вторых, что, на наш взгляд, является неправильным.

В изучаемой нами области имеются и иные нарушения. Отдельные из них заключаются в несвоевременном признании лица потерпевшим или гражданским истцом. Как показал анализ правоприменения, иногда указан-

---

¹ *Кривошеков Н.В.* Некоторые вопросы гражданского иска в уголовном процессе // Совершенствование норм и институтов Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: мат.-лы межвуз. науч.-практ. конф. Омск, 2006. С. 156; *Шанина Ю.Н.* Некоторые вопросы доказывания имущественного вреда, причиненного преступлением. С. 264.

² Уголовное дело № 1-206 // Архив Приокского районного суда г. Н. Новгород за 2010 г.

³ Уголовное дело № 1-47 // Архив Октябрьского районного суда г. Омска за 2011 г.

ные решения принимаются со значительным опозданием. В 14,3 % изученных нами уголовных дел лицо было признано потерпевшим спустя более 10 суток после начала расследования, в 5,8 % – более 30 суток, в 2,5 % – более 50 суток. В то же время анализ обстоятельств уголовных дел указывал на то, что такие решения могли быть приняты гораздо раньше¹. Такая проблематика находит отражение на страницах юридической литературы, однако, на наш взгляд, здесь не требуется проведения масштабных научных изысканий. Причина этих нарушений банальна. Она состоит в недобросовестном исполнении требований закона. И устранить ее можно путем усиления ведомственного процессуального контроля или прокурорского надзора. Не лишней была бы и реакция судов на такие нарушения посредством внесения частных постановлений и определений.

Отдельные проблемы, связанные с обеспечением возмещения имущественного вреда, причиненного преступлением, связаны с тем, что в соответствии с положениями ч. 1 ст. 42 УПК РФ правовой статус потерпевшего сориентирован только на уголовно-правовой аспект доказывания характера и размера вреда, причиненного преступлением. Если потерпевший посчитает необходимым добиться возмещения вреда, он должен приобрести правовой статус гражданского истца. Для этого необходимы определенные в ст. 44 УПК РФ условия, однако при этом потерпевший не преобразуется, как отмечает Т.М. Секретарева, «в новую фигуру в уголовном процессе – гражданского истца»². Он приобретает акцессорный процессуальный статус. Причем, такие преобразования полностью зависят от воли потерпевшего. Он может не предъявлять исковых требований и при этом не утратит своего основного статуса.

К сожалению, большинство лиц, пострадавших от преступления, не искушены в юриспруденции и поэтому не знают об указанных выше нюансах. Анализ правоприменения показал, что потерпевшим, которым противоправным деянием был причинен имущественный вред, не всегда разъяснялось их право обратиться с исковым заявлением. Мы ведем речь именно о разъяснении этого права. В правоприменении являются распространенными ситуации, когда потерпевший знакомится с принадлежащими ему правами формально. Нередко следователь (дознатель) ограничивается лишь получением подписи лица, удостоверяющей, что ознакомление с соответствующими правами состоялось. То есть мы имеем явное нарушение требований ч. 1 ст. 11 УПК РФ.

---

¹ В научной литературе данная проблема является достаточно обсуждаемой. См., напр.: *Колдин С.В.* Защита прав и законных интересов потерпевшего по Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2004. С. 89; *Дмитриева А.А.* Участие адвоката – представителя потерпевшего в российском уголовном процессе: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2002. С. 13; *Тетерина Т.В.* Проблемы обеспечения имущественных, иных прав и законных интересов потерпевшего в уголовном процессе: дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2004. С. 27-29.

² *Секретарева Т.М.* Проблемы регламентации понятий «потерпевший» и «гражданский истец» в современном уголовном процессе // *Российская юстиция.* 2011. № 12. С. 68.

Более того, исковые заявления указанных лиц длительное время находятся без рассмотрения. Так, в 28,6 % изученных нами материалов между обращением лица с иском и признанием его гражданским истцом прошло более 20 суток, хотя вполне очевидно, что чем раньше предъявлен гражданский иск, тем больше вероятность того, что он будет удовлетворен. Это означает, что гражданский иск должен быть предъявлен, когда имеются оперативные возможности по розыску похищенного имущества, наложению ареста на него, а также на иное имущество обвиняемого или подозреваемого в целях обеспечения удовлетворения гражданского иска. В судебном заседании такие возможности значительно сужаются¹. Поэтому, на наш взгляд, следует согласиться с предложением об установлении срока для принятия решения о признании лица гражданским истцом².

Ранее мы указывали, что деятельность следователя по обеспечению возмещения вреда, причиненного преступлением, состоит не только в доказывании характера и размера такого вреда, но и в обнаружении похищенного имущества, обеспечении гражданского иска. Эти вопросы, как было отмечено, тесно переплетены.

Розыск похищенного имущества в ходе расследования уголовного дела является достаточно сложным и нередко длительным по времени. Между тем это необходимо не только потому, что обнаружение и возвращение потерпевшему похищенного имущества является одной из форм защиты его интересов. В данном случае изъятые и приобщенные к уголовному делу предметы выступают в качестве вещественных доказательств, то есть эта деятельность направлена на изобличение обвиняемого в совершении преступления. Уже это свидетельствует о ее большой значимости.

Однако анализ правоприменительной практики в этой части показал значительное число недостатков. При расследовании более половины преступлений (58,7 %), в ходе которых было похищено имущество физических или юридических лиц, предметы, на которые были направлены преступные действия, не обнаружены. Мы принимали в расчет только те уголовные дела, которые относятся к категории раскрытых. Если же учесть, что раскрываемость имущественных преступлений на протяжении многих лет не превышает 40 %, то можно констатировать, что надежды потерпевших на возвращение похищенного имущества практически несбыточны.

Причины такого явления глобальнее, нежели рассматриваемая нами проблематика. Они связаны с ненадлежащей эффективностью работы правоохранительных органов в целом, поэтому раскрывать их в рамках настоящей работы не представляется возможным. Акцентируя внимание на

---

¹ Сычев П.Г. Особенности участия и гарантии прав организаций (юридических лиц) на досудебных стадиях уголовного судопроизводства: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2008. С. 165.

² Азаров В.А., Абдрахманов М.Х., Сафаралеев М.Р. Юридические лица в уголовном процессе России: теоретические основы, законодательство и практика: монография. Омск, 2010. С. 263; Колдин С.В. Защита прав и законных интересов потерпевших по Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2004. С. 89; Тетерина Т.В. Проблемы обеспечения имущественных и иных прав и законных интересов потерпевшего в уголовном процессе: дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2004. С. 27-29.

обеспечении при этом прав и законных интересов потерпевших, еще раз обратим внимание на то, что в таких ситуациях было бы разумным государству взять на себя обязанность по возмещению имущественного и компенсации морального вреда, причиненного преступлением.

Изучение уголовных дел позволило обнаружить негативные проявления и в доказывании наличия, а также размера морального вреда, причиненного преступлением. Считаем необходимым отметить, что в этой сфере нами не было выявлено ни одного примера, достойного подражания. Ошибки и нарушения, допускаемые следователями и дознавателями в этой сфере, по сути, те же, что и при доказывании размера имущественного вреда.

Здесь также имеет место неразъяснение соответствующих прав потерпевшему и необеспечение возможности реализовать их. Более того, нами были обнаружены случаи введение потерпевшего в заблуждение. Приведем один из них. 14 сентября 2011 г. около 01 часа П. и Л., находясь в развлекательном центре «Этажи», напали на гр. С. Применяв насилие, опасное для жизни и здоровья, они похитили его имущество на сумму 14 000 руб. В ходе расследования была осуществлена судебно-медицинская экспертиза, которая установила, что потерпевшему нанесены неизгладимые повреждения лица. Исковые требования о компенсации морального вреда были обозначены потерпевшим только в ходе судебного разбирательства¹. Причиной этого в данном случае и других подобных случаях явилось то, что потерпевшим в ходе предварительного расследования не только не разъяснялось их право подачи искового заявления, но и объяснялось, что такое заявление надлежит сделать в суде². При изучении всего массива уголовных дел было выявлено, что в большинстве случаев (73,2 %) исковые требования о компенсации морального вреда выражались потерпевшими только в ходе судебного заседания, в то время как анализ значительного числа материалов позволял сделать вывод о том, что волеизъявление потерпевших было неспонтанным. Мы не беремся утверждать, что каждая из указанных ситуаций была связана с лукавством следователя или дознавателя, но считаем, что удельный вес таких случаев достаточно велик.

Указанное поведение следователя, связанное с переложением бремени доказывания размера компенсации морального вреда, причиненного преступлением, чревато своими последствиями. Во-первых, он освободил себя от обязанности доказывать это обстоятельство, а поэтому в материалах уголовного дела соответствующих доказательств не содержится. Во-вторых, обратившийся к суду с исковыми требованиями потерпевший не готов и не в состоянии (в первую очередь по причине отсутствия необходимых знаний) предоставить каких-либо доказательств, подтверждающих размер компенсации рассматриваемого вреда. Содержание протоколов судебных заседаний это явно подтверждает. Возможно, поэтому размер компенсации морального вреда, определенный судом, в реальном правоприменении, как правило, в разы меньше по сравнению с заявленным. В приве-

---

¹ Уголовное дело № 1-205 // Архив Нижегородского районного суда г. Н. Новгорода за 2012 г.

² Об этом мы узнали в ходе частных бесед с потерпевшими.

денном нами примере он был снижен со 100 000 до 20 000 руб. И это типично для подобных случаев.

Мы вновь обратим внимание на то, что не обнаружили никакой реакции надзорных и контролирующих органов на ошибки и нарушения, допущенные следователем (дознавателем). Такое положение дел не озаботило ни начальника органа дознания, ни руководителя следственного органа (мы не обнаружили в уголовных делах их указаний по данному поводу). Не вызвало оно недовольства прокурора при решении вопроса об утверждении обвинительного заключения (акта). Ни разу такие ошибки и нарушения не побудили судей воспользоваться предоставленным им правом внесения частного определения в порядке ч. 4 ст. 29 УПК РФ.

Это еще раз *подтверждает изложенный нами выше вывод об отсутствии надлежащего контроля и надзора за реализацией права потерпевшего на возмещение (компенсацию) вреда, причиненного преступлением.*

Но причина не только в этом. Объяснили ненадлежащее осуществление деятельности по доказыванию размера компенсации морального вреда своей загруженностью 81,3 % следователей и дознавателей. Это тем более становится понятным, если исходить из того, что законодатель к доказыванию обстоятельств, связанных с гражданско-правовыми притязаниями, относится как к факультативной деятельности, осуществляемой в рамках уголовного судопроизводства. Именно так она именуется и авторами некоторых учебных изданий¹. При этом следует иметь в виду, что доказанность размера физического или имущественного вреда может каким-то образом влиять на квалификацию деяния, объем обвинения, что не позволяет проигнорировать данные обстоятельства. Доказывание же размера компенсации морального вреда таких последствий не влечет. От этого и соответствующее отношение к данной деятельности.

Указанное обстоятельство влечет за собой существование еще одного последствия – отсутствия опыта применения закона в этой сфере. Данную причину в свое оправдание указали 16,8 % респондентов. И их тоже понять можно. Анализ значительного числа уголовных дел, где стоял вопрос о компенсации морального вреда, не выявил ни одного примера, который можно было бы рекомендовать в качестве положительного опыта работы следственных органов.

Такие причины, существенно влияющие на качество обеспечения прав и законных интересов потерпевших, мы склонны относить к числу организационных. Соответствующими должны быть и меры по их устранению. Кроме усиления контрольно-надзорной деятельности, о которой мы писали выше, здесь возможно использовать и другие приемы, например, разработку соответствующих методических рекомендаций, нацеленных на повышение тактической грамотности следователей, введение спецкурсов, которые преподавались бы в рамках повышения квалификации практических работников, и пр.

---

¹ Курс уголовного судопроизводства: учеб.: в 3 т. Т. 1: Общие положения уголовного судопроизводства. М.: Изд-во Московского психолого-социального института; Воронеж: МОДЕК, 2006. С. 765; *Смирнова И.С.* Досудебное производство по сложному уголовному делу: дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2013. С. 62.

Имеется в рассматриваемой проблематике и юридическая составляющая. Она, в первую очередь, связана с отсутствием должных критериев определения размера компенсации морального вреда.

В уголовном и уголовно-процессуальном законах каких-либо предписаний по этому вопросу не содержится. Критерии определения морального вреда содержатся в ГК РФ (ст. 151, 1101). К их числу относятся: фактические обстоятельства, при которых был причинен вред; характер причиненных потерпевшему физических и нравственных страданий; степень вины причинителя вреда; индивидуальные особенности личности потерпевшего. Указывается также, что при определении размера компенсации морального вреда необходимо учитывать требования разумности и справедливости, однако единообразного понимания этих положений в правоприменительной практике, и в частности в уголовном судопроизводстве не сложилось.

Среди вопросов, поставленных высшим судебным органом перед судами субъектов Российской Федерации в ходе подготовки Постановления Пленума Верховного Суда РФ «О практике применения судами норм, регламентирующих участие потерпевшего в уголовном судопроизводстве», был следующий: *«Какие конкретные обстоятельства учитываются судом при определении размера компенсации причиненного потерпевшему (гражданскому истцу) морального вреда?»*. Анализ ответов на этот вопрос выявил их существенное различие. Так, из Свердловского областного суда сообщили, что при определении размера компенсации морального вреда, причиненного потерпевшему, судьями учитываются: характер наступивших последствий; тяжесть вреда, причиненного здоровью потерпевшего; характер и объем причиненных лицу физических и нравственных страданий; степень вины подсудимого; требования разумности и справедливости; материальное положение виновного лица. В Благовещенске при определении размера компенсации причиненного потерпевшему морального вреда судом учитываются следующие обстоятельства: степень вины лица, причинившего вред; его материальное положение; наличие у него иждивенцев; его возраст; отношение к заявленному иску (признает или нет и в каком объеме); степень родства между лицом, причинившим вред, и потерпевшим; степень физических и нравственных страданий, связанных с индивидуальными особенностями потерпевшего; необратимость последствий причиненного потерпевшему вреда, необходимость в дальнейшем лечении потерпевшего; степень влияния причиненного вреда на привычное течение жизни потерпевшего; требования разумности и справедливости.

В Красноярском крае при определении размера компенсации причиненного потерпевшему морального вреда судами, как правило, принимаются во внимание: конкретные обстоятельства по делу; степень вины каждого из причинителей вреда в конкретном случае; характер и объем причиненных истцу нравственных или физических страданий; требования разумности и справедливости; материальное положение обвиняемого. В г. Санкт-Петербурге при определении размера компенсации морального вреда суд учитывает:

- характер и степень нравственных и физических страданий потерпевшего, его индивидуальные особенности. В каждом конкретном случае

проверяется соответствие заявленных требований степени физических и нравственных страданий, причиненных потерпевшему;

- материальное положение подсудимого, наличие возможности выплатить заявленную сумму¹.

Приведенные выдержки из справок явно свидетельствуют о полном отсутствии в судебной практике единых критериев определения компенсации рассматриваемого вреда, что не позволяет говорить о единстве правоприменения, а следовательно, обеспечения прав и законных интересов потерпевших. В подтверждение этого приведем наиболее типичные примеры, имеющие место в правоприменении.

По уголовному делу по обвинению Косяна А.А. в совершении преступления, предусмотренного ст. 105 ч. 1 УК РФ, иск о возмещении причиненного смертью сына морального вреда удовлетворен в полном объеме. Приговором Московского районного суда Санкт-Петербурга в пользу потерпевшей Ярославовой Т.Б. был взыскан 1 000 000 руб. При этом судом учтено, что смертью сына Ярославовой Т.Б. был причинен моральный вред, выразившийся в нравственных страданиях и переживаниях, связанных с потерей единственного сына, являющегося кормильцем. Суд исходил из возраста матери потерпевшего, состояния ее здоровья и необратимости наступивших последствий – смерти сына, материального положения подсудимого, его возраста, материального положения его семьи.

Приговором Орджоникидзевского районного суда г. Магнитогорска Челябинской области от 21 декабря 2009 г. Алехин был осужден по п. «а» ч. 2 ст. 166 УК РФ и Фаизов был осужден по п. «а» ч. 2 ст. 166, п. «г» ч. 2 ст. 161 УК РФ. Потерпевшим Гиндой был заявлен гражданский иск о возмещении морального вреда в сумме 300 000 руб. Данные требования суд посчитал завышенными и с учетом материального положения подсудимых, один из которых нигде не работал, а второй работал дорожным рабочим, а также принимая во внимание нравственные страдания потерпевшего и принцип соразмерности возмещения вреда, удовлетворил иск частично на сумму 5000 руб.

Отменяя приговор Солнечной постоянной сессии Советского районного суда г. Красноярска в отношении Зимонина А.А., Корнышева В.С., осужденных за разбой с причинением тяжкого вреда здоровью потерпевшего, в части решения по гражданскому иску о возмещении морального вреда в пользу потерпевшего Лобанова В.А., судебная коллегия по уголовным делам в определении указала, что суд первой инстанции не достаточно учел характер физических и нравственных страданий потерпевшего, поскольку потерпевшему был причинен тяжкий вред здоровью, он длительное время проходил лечение, стал инвалидом, потерял высокооплачиваемую работу. Как указано в определении судебной коллегии, взысканная судом сумма в размере 60 000 руб. не соответствует перенесенным потерпевшим физическим и нравственным страданиям.

---

¹ Справки об изучении судебной практики применения судами норм уголовно-процессуального закона, регулирующих участие потерпевшего в уголовном судопроизводстве // Архив Верховного Суда РФ за 2010 г.

Из приведенных примеров видно, насколько велико субъективное начало при разрешении рассматриваемых вопросов. Возможно, им и порождено отсутствие единообразного и четкого применения норм права.

Представителями науки внесен определенный вклад в понимание рассматриваемых вопросов. К сожалению, большинство этих работ посвящено рассмотрению сугубо теоретических вопросов. Но имеются и труды, в которых содержатся рекомендации правоприменителям. Например, А.М. Эрделевским предложены условия, необходимые для должного обеспечения реализации данной деятельности¹. Рассматривая их с учетом тематики нашего исследования, а также учитывая мнение иных авторов², мы посчитали возможным сформулировать те обстоятельства, которые необходимо выявлять, доказывая размер компенсации морального вреда, причиненного преступлением.

1. Неправомерность действий причинителя вреда.

2. Претерпевание морального вреда. При этом необходимо доказать именно факт претерпевания потерпевшим нравственных или физических страданий, влияющих на его психологическое состояние.

3. Причинная связь между преступными действиями и моральным вредом.

4. Виновность причинителя вреда.

Кроме того, как требует закон, следует подтвердить соразмерность, разумность, справедливость размера компенсации морального вреда.

Но для реального правоприменения и такие формулировки выглядят абстрактными, поэтому нужен четкий механизм определения размера компенсации морального вреда. Создать его можно. Во всяком случае, зарубежный опыт подтверждает это. Так, в Великобритании для решения вопросов компенсации морального вреда создана и функционирует специальная комиссия, которая в своей деятельности руководствуется тарифной схемой, принятой еще в 1994 г. В этой схеме детально описаны условия и суммы выплат компенсации в зависимости от конкретных обстоятельств дела. В Германии при определении размеров компенсации морального вреда используется принцип прецедента³. Остается ждать волевого решения законодателя о наведении порядка в этой сфере.

Обратим внимание еще на одно обстоятельство. В уголовно-процессуальном законодательстве, по нашему мнению, не содержится достаточных предписаний, побуждающих следователя к надлежащему осуществлению деятельности, связанной с доказыванием факта причинения вреда преступлением и его размера. Мы не отрицаем того, что отдельные из них имеются. Достаточно вспомнить формулировку п. 4 ч. 1 ст. 73 УПК РФ. Ранее мы говорили о том, что установление размера вреда, причиненного здоровью, органически связано с квалификацией преступного деяния, т.е. должны быть выявлены в ходе доказывания такие обстоятельства, как со-

---

¹ Эрделевский А.М. Моральный вред и компенсация за страдания: науч.-практ. пособие. М., 1997. С. 16-22.

² Адаменко В.Д. Моральный вред в уголовном деле. Кемерово, 1998. С. 13-14.

³ Проблемы защиты прав потерпевших от преступлений: спец. доклад Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации // Российская газета. 2008. 4 июня.

бытие преступления, виновность лица в совершении преступления (п. 1, 2 ч. 1 ст. 73 УПК РФ). Однако следователи пытаются обойти эти вопросы стороной. Все это, к сожалению, не формирует целостной установки органов предварительного расследования на надлежащее установление характера и размера вреда, причиненного преступлением.

Считаем, что для этого можно использовать несколько приемов. Во-первых, для того чтобы побудить следователя надлежащим образом разъяснять потерпевшему его право на обращение с исковым заявлением, следует установить в законе правило, в соответствии с которым данное действие будет оформляться отдельным протоколом. Кроме того, в данном документе следует отражать волеизъявление потерпевшего. В случае отказа от исковых притязаний в протоколе необходимо указать причины такого отказа. Подобный прием не является новеллой. Законодатель использует его в ряде случаев. Например, в ч. 2 ст. 167 УПК РФ лицу, отказавшемуся подписать протокол следственного действия, предоставлено право объяснить причины этого отказа. Подобное положение содержится в ч. 7 ст. 172 УПК РФ. В части 1 ст. 215 УПК РФ предписано составлять протокол уведомления обвиняемого об окончании предварительного расследования и разъяснении ему права на ознакомление с материалами уголовного дела. Реализация сформулированного нами предложения позволит избежать тех ситуаций, когда следователь вводит в заблуждение потерпевшего по поводу момента обращения с исковым заявлением, и в какой-то мере будет побуждать осуществлять доказывание исковых требований.

Во-вторых, необходимо усилить акцент на этих вопросах в предписаниях, определяющих содержание обвинительного заключения (обвинительного акта). В статье 220 УПК определены требования к этому документу, указано, что в нем необходимо отразить существо обвинения (место, время совершения преступления, мотив, цели, способ его совершения и пр.), формулировку обвинения (с указанием квалификации деяния), краткое содержание доказательств, подтверждающих указанные выше обстоятельства, и др. И наряду с этим в п. 8 ч. 1 ст. 220 УПК РФ предписано, что в обвинительном заключении надо указать «данные о потерпевшем, характере и размере вреда, причиненного ему преступлением». Такой подход уже указывает на второстепенность обстоятельств, связанных с характером и размером причиненного потерпевшему вреда. На наш взгляд, от следователя необходимо потребовать обосновать в обвинительном заключении размер вреда, причиненного преступлением, а также изложить краткое содержание доказательств, подтверждающих эти обстоятельства. Подобные дополнения следует сделать и относительно обвинительного акта (обвинительного постановления). На наш взгляд, это будет побуждать правоприменителя в ходе осуществления расследования более тщательно выявлять рассматриваемые обстоятельства и, что самое важное, подтверждать их доказательствами.

Завершая рассмотрение настоящего вопроса, обобщим наши суждения и сформулируем конкретные предложения по оптимизации деятельности следователя (дознателя), связанной с доказыванием размера вреда, причиненного преступлением, а также обеспечением прав и законных интересов потерпевшего. Для этого считаем необходимым:

- 1) осуществить ряд организационных мероприятий и, в частности:
- принять меры по усилению ведомственного процессуального контроля и прокурорского надзора за надлежащим разъяснением потерпевшему возможности отстаивания исковых требований в рамках производства по уголовному делу, своевременным наделием лица процессуальным статусом гражданского истца, осуществлением доказательственной деятельности по установлению размера причиненного вреда. Этому, на наш взгляд, будет способствовать издание ведомственных нормативных актов, предписывающих руководителям органа дознания, следственного органа, прокурору усилить контроль в рассматриваемой сфере;
  - рекомендовать судам реагировать на факты ненадлежащего осуществления деятельности органов расследования в сфере доказывания характера и размера вреда, причиненного преступлением, обеспечения при этом прав и интересов потерпевших посредством внесения частных определений или постановлений в порядке ч. 4 ст. 29 УПК РФ. Соответствующим указанием может быть дополнено Постановление Пленума Верховного Суда РФ «О практике применения судами норм, регламентирующих участие потерпевшего в уголовном судопроизводстве»;
  - подготовить методические рекомендации, направленные на повышение уровня знаний правоприменителями приемов и способов доказывания размера компенсации морального вреда;
- 2) внести изменения в уголовно-процессуальное законодательство:
- дополнить ч. 3 ст. 42 УПК РФ следующей фразой: «Факт разъяснения потерпевшему предусмотренных законом прав и возможностей по взысканию вреда, причиненного преступлением, отражается в протоколе, составляемом по правилам, установленным статьей 166 настоящего Кодекса. При отказе от исковых требований в протоколе делается соответствующая отметка с объяснением причин такого отказа»;
  - дополнить ч. 1 ст. 44 УПК РФ текстом следующего содержания: «Решение о признании лица гражданским истцом должно быть принято не позднее пяти суток с момента поступления искового заявления»;
  - из пункта 8 ч. 1 ст. 220 УПК РФ исключить слова «характер и размер вреда, причиненного ему преступлением»;
  - дополнить ч. 1 ст. 220 УПК РФ п. 10, изложив его следующим образом: «10) характер и размер вреда, причиненного преступлением, доказательства, на которых основываются исковые требования, размер иска»;
  - аналогичные изменения внести в ч. 1 ст. 225 УПК РФ, а также скорректировать ч. 1 ст. 226.7 УПК РФ.

§ 3. Правовые и организационные вопросы применения в отношении потерпевшего мер безопасности

Вопросы, касающиеся обеспечения безопасности потерпевших, свидетелей, иных участников уголовного судопроизводства, в последние десятилетия находятся под пристальным вниманием ученых-процессуалистов. В этой области осуществлен ряд диссертационных исследований как кан-

дидатского¹, так и докторского уровня². Локально исследуются отдельные фундаментальные и частные вопросы теоретического характера³. В целом они проработаны достаточно глубоко. Подготовлена нормативная основа осуществления этой деятельности, в которую входят предписания УПК РФ, Закона «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства»⁴ (далее – Закон о защите), ряда постановлений правительства, иных нормативных актов⁵. Принята и обновляется государственная программа обеспечения безопасности потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства⁶. Причем в соответствии с этой программой должна быть разработана и внедрена система показателей эффективности мер государственной защиты, методики и критерии ее оценки. Вместе с тем анализ правоприменения показывает, что *большая часть этих научных разработок и существующих нормативных предписаний оказываются невостребованными*. Это побудило нас в настоящем параграфе акцентировать внимание именно на проблемах реализации мер обеспечения безопасности потерпевшего.

---

¹ См., напр.: *Марченко С.Л.* Обеспечение безопасности участников уголовного процесса: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1994. 20 с.; *Авдеев М.А.* Теоретические и правовые основы обеспечения личной и имущественной безопасности участников уголовного судопроизводства: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2008. 24 с.; *Бабкина Е.В.* Обеспечение безопасности свидетелей при производстве предварительного расследования по УПК РФ: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Владимир, 2009. 27 с.

² См., напр.: *Зайцев О.А.* Теоретические и правовые основы государственной защиты участников уголовного судопроизводства в Российской Федерации: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1999. 446 с.; *Брусницын Л.В.* Теоретико-правовые основы и мировой опыт обеспечения безопасности лиц, содействующих уголовному правосудию: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2002. 462 с.

³ См., напр.: *Зеленский В.С., Куркин Н.В.* Обеспечение безопасности субъектов уголовного процесса. Харьков, 2008; *Епихин Е.А.* Обеспечение безопасности личности в уголовном судопроизводстве. СПб., 2004; *Москаленко А.В.* К вопросу о понятии государственной защиты участников судебного разбирательства // Современный человек и общество: сб. ст. междунар. науч.-практ. конф. Т. II: Право. М.: МАЭП, 2010; *Васин В.Н.* Концептуальные основы обеспечения безопасности лиц, потерпевших вред от преступных посягательств // Охрана прав и свобод человека и гражданина в уголовном судопроизводстве: мат.-лы междунар. науч.-практ. конф. М.: МАЭП, 2011. С. 65-73.

⁴ Федеральный закон от 20 августа 2004 г. № 119-ФЗ «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства» (с послед. изм.) // Собрание законодательства РФ. 2004. № 34. Ст. 3534.

⁵ См., напр.: Постановление Правительства РФ от 27 октября 2006 г. № 630 «Об утверждении Правил применения отдельных мер безопасности в отношении потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства» (в ред. от 7 декабря 2011 г.); Постановление Правительства РФ от 21 сентября 2012 г. № 953 «Об утверждении Правил применения меры безопасности в виде переселения защищаемого лица на другое место жительства в отношении потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства».

⁶ Государственная программа на 2009-2013 годы «Обеспечение безопасности потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства»: утв. Постановлением Правительства РФ от 2 октября 2009 г. № 792 // Собрание законодательства РФ. 2009. № 41. Ст. 4778.

Актуальность данной проблематики эпизодически обозначается в юридической литературе¹, при этом приводятся данные эмпирических исследований. Так, А.В. Сумачев, осуществив опрос свыше тысячи граждан в семи регионах Российской Федерации, отмечает, что более половины респондентов (58,2 %) считают, что право потерпевшего на защиту (безопасность) от давления со стороны обвиняемого и его окружения практически не обеспечивается². М.А. Авдеев указывает, что по результатам его исследования 48 % свидетелей и потерпевших меняют свои показания по соображениям собственной безопасности под влиянием шантажа, угроз. Заявили о наличии реальных опасений за свою безопасность в связи с содействием правосудию 67 % опрошенных³.

Аналогичные данные получены и нами. В частности, проанкетировав 218 граждан в пяти субъектах нашей страны, мы убедились, что 16,3 % потерпевших испытывали реальную угрозу своей безопасности. В 76,8 % случаев такая угроза была связана с причинением вреда здоровью, в остальных – с уничтожением имущества либо тем и другим. В 9,2 % угроза была реализована. Только 31,6 % потерпевших обращались в правоохранительные органы по вопросу обеспечения своей защиты. Удовлетворены действиями, направленными на обеспечение безопасности, оказались всего 2,1 %. У 61,3 % опрошенных нет уверенности в том, что их безопасность при оказании содействия правосудию будет осуществлена надлежащим образом. Ранее мы писали о том, что и Уполномоченный по правам человека в Российской Федерации акцентирует внимание на этих же вопросах.

Вновь обратимся к материалам, содержащим анализ судебной практики, который был осуществлен во время подготовки проекта Постановления Пленума Верховного Суда РФ «О практике применения судами норм, регламентирующих участие потерпевшего в уголовном судопроизводстве». В перечень вопросов, который направлялся во все суды субъектов Федерации для проработки, были включены следующие: *Принимались ли органами предварительного расследования или судом в отношении потерпевшего, его близких родственников, родственников или близких лиц меры безопасности (ч. 3 ст. 11 УПК РФ)? Какие обстоятельства учитывались при выборе конкретной меры их защиты?* В 69,4 % ответов, полученных из обла-

---

¹ См., напр.: Мичурина О.В., Перетокин С.Н. Охрана прав и свобод человека и гражданина при прекращении уголовного дела. Смоленск, 2008. С. 44; Зайцев О.А. Государственная защита потерпевшего как необходимое условие выполнения назначения уголовного судопроизводства // Охрана прав и свобод человека и гражданина в уголовном судопроизводстве: мат-лы междунар. науч.-практ. конф. М.: МАЭП, 2011. С. 191-199; Базюк М.Л. О некоторых аспектах обеспечения безопасности участников уголовного судопроизводства как элемента принципа охраны прав и свобод человека и гражданина // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. Вып. 1. Иркутск, 2008. С. 62-63.

² Сумачев А.В. Пояснительная записка к проекту Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации «О некоторых вопросах, связанных с учетом волеизъявления потерпевших при применении уголовного и уголовно-процессуального законодательства» // Российский судья. 2004. № 1. С. 39.

³ Авдеев М.А. Теоретические и правовые основы обеспечения личной и имущественной безопасности участников уголовного судопроизводства. С. 4.

стных и равных им судов, было указано, что случаев, когда органами предварительного расследования или судом в отношении потерпевшего, его близких родственников, родственников или близких лиц применялись меры безопасности (ч. 3 ст. 11 УПК РФ), установлено не было.

В 27,1 % лица, осуществившие анализ правоприменительной практики за 2009 г., указали на наличие единичных случаев применения органами предварительного расследования мер безопасности в отношении потерпевшего¹. Причем и меры эти были также единичными. Так, в Благовещенске органами предварительного расследования в отношении потерпевшего, его близких родственников, родственников или близких лиц меры безопасности принимались по одному делу, рассмотренному в 2009 г. в отношении Поповича В.В. и других обвиняемых по ч. 3 ст. 321 УК РФ, где 46 потерпевших (лица, отбывающие наказание) были допрошены в порядке ч. 9 ст. 166 УПК РФ с сохранением в тайне подлинных данных о них. Такие же меры по данному делу принимались и судом. По уголовному делу в отношении Белозерцева О.М., признанного виновным и осужденного приговором по п. «в» ч. 4 ст. 162, п. «з» ч. 2 ст. 105 УК РФ к 19 годам лишения свободы в исправительной колонии строгого режима, рассмотренному Омским областным судом в 2009 г., имело место применение органами предварительного расследования мер безопасности в отношении потерпевшего, личность которого была засекречена, в связи с наличием достаточных данных об имевших место угрозах убийством в его адрес и адрес его близких родственников. В Ставрополе в 2009 г. имелся единичный случай, когда органами предварительного расследования в отношении потерпевшего принимались меры безопасности: по уголовному делу по обвинению М. в совершении преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 127, ч. 2 ст. 330 УК РФ, была применена личная охрана потерпевшего.

И лишь в небольшом числе регионов такие меры применялись неоднократно. В частности, в Санкт-Петербурге органами предварительного расследования и судом в отношении потерпевшего, его близких родственников или близких лиц были реализованы следующие меры безопасности: вынесение постановлений о засекречивании данных указанных лиц, присвоение им псевдонимов; проведение опознания в условиях, исключающих визуальное наблюдение опознающего; назначение судом закрытого разбирательства либо отдельного судебного заседания; допрос в судебном заседании указанных лиц в условиях, исключающих визуальное наблюдение с изменением их голоса. При выборе конкретной меры защиты указанных лиц учитывалась квалификация преступления, его тяжесть, доводы и факты, представленные сторонами. Но особо подчеркнем, что это те меры, которые предписаны уголовно-процессуальным законодательством; содержащиеся же в специальном законе, очевидно, являются настолько эксклюзивными, что в рассматриваемых документах они даже не упоминаются.

Выше мы обозначили не все вопросы, которые исследовались при подготовке проекта постановления Пленума Верховного Суда РФ. Были и

---

¹ Справка об изучении судебной практики применения судами норм уголовно-процессуального закона, регулирующих участие потерпевшего в уголовном судопроизводстве // Архив Верховного Суда РФ за 2010 г.

другие. Например: «В соответствии с ч. 6 ст. 278 УПК РФ по обоснованному ходатайству стороны суд вправе предоставить сторонам возможность ознакомления с подлинными сведениями о потерпевшем, давшем показания под псевдонимом или в условиях, исключающих его визуальное наблюдение другими участниками судебного разбирательства. Имелись ли в практике такие случаи и какие при этом обстоятельства принимал во внимание суд, учитывалось ли мнение потерпевшего?». Или: «Указывают ли потерпевшие, допрошенные в суде под псевдонимом, в своей кассационной (апелляционной) жалобе подлинные сведения о себе (п. 2 ч. 1 ст. 363 и п. 2 ч. 1 ст. 375 УПК РФ)?». Ответы на них были еще более лаконичными. Очевидно, поэтому в окончательном тексте документа результаты их изучения отражения не нашли. Суждения общего характера, не содержащие элементов толкования закона или обобщения практики его применения, изложены в п. 15 и 16 указанного постановления. Особого значения для правоприменения, на наш взгляд, они не имеют. Не исключаем, что причина кроется в недостаточности эмпирического материала. Это еще раз подтверждает наш вывод о том, что нормы рассматриваемого правового института остаются нереализованными.

Осуществленное нами изучение дел, производство по которым осуществлялось в иной временной период (2010-2012), дало практически те же результаты, поэтому обобщение практики, тем более позитивной, не получилось, хотя отдельные интересные примеры все же выявлены были. Так, согласно постановлению Благовещенского городского суда от 18 ноября 2011 г. по уголовному делу в отношении Махмудова В.М., Позднякова В.С., обвиняемых в совершении преступлений, предусмотренных п. «а, в» ч. 2 ст. 126, ч. 1 ст. 115, ч. 1 ст. 119, п. «а» ч. 2 ст. 161 УК РФ, в суд обратился потерпевший Василевский А.В. с ходатайством о применении в отношении его мер безопасности, указав, что неоднократно по телефону ему звонили неизвестные лица, требуя изменить показания в суде, угрожая физической расправой ему и его семье, в связи с чем он опасается участвовать в судебном заседании и давать показания, просит на время участия его в судебном заседании обеспечить личную безопасность. Особо подчеркнем, что потерпевший обратился с такой просьбой в тот момент, когда уголовное дело находилось уже в суде. Нам не удалось достоверно установить, были ли такие обращения сделаны к органу предварительного расследования. Но, очевидно, что указанная угроза образовалась не в одночасье.

Судом удовлетворено ходатайство потерпевшего Василевского А.В., при этом суд учел тяжесть предъявленного подсудимым обвинения, доводы потерпевшего об угрозах физической расправы в его адрес и адрес его семьи с целью изменения им показаний в суде. Но суд не определил, какая именно мера безопасности должна быть избрана в отношении потерпевшего. Это в принципе не противоречит положениям ст. 18 Закона о защите, но характеризует судебное решение как незавершенное. Орган, исполняющий решение суда (УВД по г. Благовещенску), избрал меру безопасности в виде личной охраны.

Чем же объясняется такое положение дел? Изучение данного вопроса обозначило несколько основных причин ненадлежащего обеспечения безопасности потерпевшего в ходе уголовного судопроизводства. Во-первых,

отсутствие должной осведомленности участников судопроизводства о средствах и механизме обеспечения их безопасности. Ранее мы отмечали, что из-за формального подхода правоприменителей к реализации положений ч. 1 ст. 11 УПК РФ большинство потерпевших не имеют четких представлений даже о содержании самой ст. 42 УПК РФ, не говоря о закрепленных в ней правах данного участника судопроизводства. Основные действия следователя в этой сфере проявляются, как правило, в получении подписи потерпевшего в постановлении о признании его таковым, в том числе удостоверяющей факт ознакомления с правами, и, что самое важное, разъяснений их. Соответственно, это касается и п. 21 ч. 2 указанной статьи, где и обозначено право потерпевшего ходатайствовать о применении мер безопасности в соответствии с ч. 3 ст. 11 УПК РФ. В.И. Комиссаров, ссылаясь на данные, полученные ЦОГЗ при ГУВД Саратовской области, отмечает, что только треть следователей разъясняют потерпевшим данное право¹. Результаты нашего исследования гораздо скромнее – 8,3 %. При этом в ходе интервьюирования мы акцентировали внимание респондентов именно на разъяснении этого права, а не на ознакомлении с перечнем прав, принадлежащих потерпевшему.

Считаем необходимым отметить, что в 28 штатах США (стране, где рассматриваемый нами правовой институт наиболее развит) предусмотрено обязательное информирование каждого потерпевшего о шагах, которые он может предпринять в случае угрозы со стороны обвиняемого².

Для устранения указанной причины в юридической литературе предлагается несколько вариантов. Один из них – вручение памятки, в которой были бы отражены все права и обязанности потерпевшего, либо указание на них в повестке, вручаемой лицу при вызове к следователю, дознавателю³. Другой заключается в составлении отдельного документа – протокола разъяснения прав и обязанностей потерпевшего, включающего в себя полный перечень прав и обязанностей этого участника судопроизводства⁴. Оба этих варианта имеют рациональное начало. Но остаются опасения в том, что и такие подходы следователем могут быть реализованы формально, например, получение подписи потерпевшего в указанном протоколе без соответствующего разъяснения сути указанных там прав, возможности их реализации и пр. Поэтому реализация этих предложений может не привести к ожидаемым результатам.

На наш взгляд, усилить эффективность деятельности в этой сфере можно посредством повышения правовой грамотности и активности граждан, а также ориентации правоприменителей на четкое, неформальное ис-

---

¹ Комиссаров В.И., Славгородская О.А. Гарантии прав потерпевшего в уголовном судопроизводстве // Охрана прав и свобод человека и гражданина в уголовном судопроизводстве: мат-лы междунар. науч.-практ. конф. М.: МАЭП, 2011. С. 241.

² Кухта К.И., Махов В.Н. Правовой статус жертвы преступления (потерпевшего) в уголовном процессе США. М.: Юрлитинформ, 2008. С. 81.

³ Такой подход мы рассматривали в предыдущей главе относительно разъяснения прав заявителя.

⁴ Комиссаров В.И., Славгородская О.А. Гарантии прав потерпевшего в уголовном судопроизводстве. С. 241. Такой подход предлагается использовать и в отношении отдельных прав потерпевшего, например, положений свидетельского иммунитета.

полнение своих обязанностей. Желательно, чтобы оба эти процесса развивались одновременно. Вот только правовыми средствами добиться воплощения их в жизнь достаточно сложно, а вторгаться в область психологии мы в настоящей работе не планировали. Тем более, что процесс получения значимых результатов в этой сфере долговременный.

Вторая причина ненадлежащей реализации обеспечения безопасности потерпевших имеет правовой характер. Она, по нашему мнению, заключается в некорректной формулировке оснований применения мер безопасности. В соответствии с ч. 3 ст. 11 УПК РФ фактическими основаниями для этого являются достаточные данные о том, что потерпевшему, другим участникам судопроизводства угрожают убийством, применением насилия, уничтожением или повреждением их имущества либо иными опасными противоправными деяниями. В статье 16 Закона о защите это понятие излагается несколько иными словами: «Основаниями применения мер безопасности являются данные о наличии реальной угрозы убийства защищаемого лица, насилия над ним, уничтожения или повреждения его имущества в связи с участием в уголовном судопроизводстве, установленные органом, принимающим решение об осуществлении государственной защиты». В обоих случаях понятие оснований включает в себя термин «данные», т.е. предполагается наличие необходимых сведений для принятия соответствующего решения¹. Но термин «данные» усилен в первом случае словом «достаточные», во втором – словосочетанием «о наличии реальной угрозы». Кроме того, во втором случае указано, что эти данные должны быть установлены органом, уполномоченным на осуществление государственной защиты.

Указанные формулировки в юридической литературе в основном получили однозначное понимание. Так, авторы одного из комментариев УПК РФ (а подобным образом поступает большинство ученых) указывают, что рассматриваемые формулировки свидетельствуют о необходимости получения таких сведений, которые позволяют сформировать обоснованное предположение о наличии опасности для жизни и здоровья свидетеля или потерпевшего. Далее, разъясняя действия следователя, регламентированные ч. 9 ст. 166 УПК РФ, они указывают, что в соответствующем постановлении должны быть приведены обоснованные фактические данные, указывающие на наличие угрозы, угроза должна быть реальной, а не мнимой и т.п.². И.М. Ибрагимов считает, что сформулированные в законе основания применения мер безопасности являются правомерными³. Утверждая такое, особенно посредством использования выражения «правомерные основания», авторы, на наш взгляд, не видят опасности, которая таится в формулировке рассматриваемого основания.

В реальной жизни признаки возникновения опасности для жизни и здоровья потерпевшего со стороны обвиняемого или лиц из его окружения

---

¹ Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / науч. ред. В.Т. Томин, М.П. Поляков. М., 2012. С. 51.

² Там же. С. 51, 489.

³ *Ибрагимов И.М.* Охрана безопасности потерпевшего как инициатора уголовного судопроизводства // Современное право. 2008. № 1. С. 11.

могут не сформировать каких-либо данных в той совокупности, которая будет твердо убеждать в наличии угрозы. Например, угроза потерпевшему может быть высказана однократно. При этом подтвердить этот факт будет проблематично. Не просто выявить лиц, которые непосредственно угрожали потерпевшему (при условии, что в этом не участвовал обвиняемый). Ни они, ни обвиняемый, как правило, не подтвердят в своих показаниях факт высказывания угрозы, тем более намерения реализовать ее. Свидетелей этого события обычно не бывает либо получить их показания также весьма затруднительно. Остается полагаться только на показания потерпевшего. Достаточно ли таких данных для того, чтобы принять решение о применении мер безопасности? Конечно, ответить на этот вопрос однозначно, без учета конкретных жизненных обстоятельств, затруднительно, но с учетом законодательных формулировок оснований применения мер безопасности можно утверждать, что в этом случае у правоприменителя есть основания отказать в применении рассматриваемых мер. За такое разрешение указанной выше ситуации высказались 100 % опрошенных нами следователей и дознавателей.

В жизни имеют место и иные ситуации, позволяющие потерпевшему испытывать опасность для своей жизни, здоровья, уничтожения имущества, например, ощущение слежки, ночные звонки, при которых вызывающий абонент молчит, фотографирование на улице незнакомыми людьми и пр. У нас имеются большие сомнения в том, что в этих случаях правоохранительные органы примут решение о применении мер безопасности.

Несколько мягче эти вопросы регламентируются в законодательстве других стран. Так, в соответствии с ч. 1 ст. 99 УПК РК орган, ведущий уголовный процесс, обязан принять меры безопасности потерпевшего, свидетеля, обвиняемого, других лиц, участвующих в уголовном процессе, а также членов их семей и близких родственников, если в связи с производством по уголовному делу имеется реальная угроза совершения в отношении них насилия или иного запрещенного уголовным законом деяния. В формулировке оснований для применения таких мер отсутствует словосочетание «достаточные данные». Кроме того, в законе определено, что меры безопасности применяются на основании устного (письменного) заявления потерпевшего или по собственной инициативе органов расследования, это заявление должно быть рассмотрено в течение 24 часов, заявитель вправе обжаловать отказ в применении мер безопасности и обратиться с подобным ходатайством повторно. Аналогичных установлений в УПК РФ не содержится, что явно его не красит.

В целях обеспечения прав и законных интересов потерпевших, на наш взгляд, для этих участников наиболее благоприятной была бы следующая формулировка основания для принятия рассматриваемых решений: «По требованию потерпевшего следователь, орган дознания, дознаватель обязаны принять меры его безопасности». Конечно, в этом случае есть риск того, что требования этого участника судопроизводства могут быть необоснованными, надуманными. Но, во-первых, нам представляется, что здесь неприемлема категория избыточности. Иными словами, лучше защитить потерпевшего от мнимой угрозы, чем допустить причинение ему вреда со стороны обвиняемого. И, во-вторых, законодательство содержит

достаточный перечень мер безопасности, которые могут применяться избирательно, с учетом как раз мнения органа расследования о реальности (нереальности) существующей угрозы. Представляется, что интересы потерпевшего, а через них и отношение граждан к правосудию в этих вопросах, должны быть приоритетными. Поэтому, на наш взгляд, абсолютно прав А.Д. Бойков, утверждая, что если жизнь человека, его здоровье и собственность не имеют надежной защиты со стороны государства, то следствием этого является не только падение престижа власти, рост правового и нравственного нигилизма, но и бесперспективность экономических реформ, что чувствует каждый из нас¹.

Для оптимальной реализации мер обеспечения безопасности потерпевших необходима максимальная оперативность в проверке сообщений о предполагаемых противоправных посягательствах на их жизнь и здоровье. Однако, как отмечает О.А. Зайцев, следственно-судебная практика и статистические данные свидетельствуют о том, что нередко по фактам преступного воздействия на потерпевших и других участников уголовного судопроизводства уголовные дела не возбуждаются. Если и принимается решение об осуществлении расследования по данным фактам, то спустя длительное время после поступления информации о совершенном на потерпевшего преступном посягательстве. Очень редко такие дела доходят до суда². Это указывает еще на одну причину неэффективности деятельности по обеспечению безопасности участников уголовного судопроизводства, в том числе потерпевших, а именно нежелание правоприменителей принимать соответствующие меры. При этом надо иметь в виду не только уже совершенные противоправные деяния, создавшие угрозу жизни, здоровью, уничтожению имущества потерпевших, но и предупреждение этих правонарушений. Подтверждение тому – приведенный нами обзор следственно-судебной практики, сложившейся на территории всей Российской Федерации.

Отсутствие желания правоприменителей применять в отношении потерпевших меры безопасности имеет свою мотивацию. Здесь можно говорить о большой загруженности следователей, об отсутствии необходимых знаний и практических навыков, отношении к рассматриваемой деятельности, как ко второстепенной, не имеющей особого значения, отсутствии стимулов для ее осуществления и др. Показательными в этом плане являются следующие результаты опроса практических работников (дознавателей, следователей, судей): 99,6 % респондентов сочли неэффективными меры безопасности потерпевшего, 97,1 % указали на отсутствие опыта применения таких мер не только ими, но и сотрудниками подразделения, где они работают, 42,7 % указали на отсутствие технических возможностей применения этих мер.

Большая часть рассматриваемой проблемы также находится в сфере психологии, но есть и ее юридический спектр, который, по нашему мнению, не вполне проработан. Так, в Законе о защите содержится специальная

---

¹ Бойков А.Д. Адвокатура и адвокаты. М., 2006. С. 153.

² Зайцев О.А. Государственная защита участников уголовного процесса. М., 2002. С. 298.

глава (пятая), посвященная ответственности за нарушение требований данного закона. Но она состоит всего из трех статей, содержание которых весьма лаконично. В статье 25 «Ответственность должностного лица за нарушение требований по обеспечению государственной защиты» говорится о том, что должностное лицо органа, обеспечивающего государственную защиту, виновное в непринятии решения об осуществлении государственной защиты или в ненадлежащем ее осуществлении, несет ответственность, предусмотренную законодательством Российской Федерации. Вместе с тем при наличии некорректных формулировок оснований для применения мер безопасности, о чем мы говорили выше, становится невозможным наказать правоприменителя за допущенное бездействие. Кроме того, в рассматриваемой норме не указаны ни инициатор привлечения к ответственности, ни порядок этой деятельности. Очевидно, поэтому предпринятая нами попытка выявить факты привлечения следователей, дознавателей к ответственности за непринятие мер безопасности в отношении потерпевшего положительных результатов не дала.

Существуют и иные причины неэффективности рассматриваемой нами деятельности. В частности, Уполномоченный по правам человека в Российской Федерации В. Лукин обращает внимание на недостаточное финансирование программы по защите потерпевших, свидетелей и других участников уголовного судопроизводства, недостаточность размеров компенсации вреда, причиненного противоправными действиями обвиняемого, а также на ненадлежащее решение организационных вопросов в этой сфере¹. Можно обсуждать проблематику, связанную с техническим потенциалом, например, производства предъявления для опознания лица в условиях ограниченного визуального контакта, участия потерпевшего под псевдонимом в судебном разбирательстве и др. Все это и иное, вне всяких сомнений, создает определенные препятствия для обеспечения безопасности потерпевшего. Мы остановились на рассмотрении только тех причин, которые, на наш взгляд, подлежат устранению в первоочередном порядке. Наши предложения законодателю обусловлены этим же обстоятельством.

В связи с изложенным, предлагаем:

- часть 3 ст. 11 УПК РФ изложить в следующей редакции: «3. При наличии угрозы убийства, применения насилия, уничтожения или повреждения имущества либо иного опасного противоправного деяния в отношении потерпевшего, свидетеля или иного участника уголовного судопроизводства, а также их близких родственников, родственников или близких лиц по их ходатайству, разрешенному в порядке статьи 122 настоящего Кодекса, суд, прокурор, руководитель следственного органа, следователь, орган дознания и дознаватель принимают в пределах своей компетенции в отношении указанных лиц меры безопасности, предусмотренные статьями 166 частью девятой, 186 частью второй, 193 частью восьмой, 241 пунктом 4 части второй и 278 частью пятой настоящего Кодекса, а также иные меры безопасности, предусмотренные законодательством Российской Федерации»;

---

¹Российская газета. 2008. 4 июня.

- часть 2 статьи 21 УПК РФ дополнить фразой следующего содержания: «а также меры безопасности потерпевшего, свидетеля, обвиняемого, других лиц, участвующих в уголовном процессе, членов их семей и близких родственников, если в связи с производством по уголовному делу имеется угроза совершения в отношении них насилия или иного запрещенного уголовным законом деяния»;

- в часть 2 статьи 37 УПК РФ включить пункт 1.2 в следующей редакции: «1.2) проверять исполнение требований федеральных законов, иных нормативных актов об обеспечении безопасности потерпевшего, свидетеля, обвиняемого, других лиц, участвующих в уголовном процессе, а также членов их семей и близких родственников»;

- статью 122 УПК РФ дополнить частью 2 следующего содержания: «2. Ходатайство потерпевшего, свидетеля или иного участника уголовного судопроизводства, а также их близких родственников, родственников или близких лиц о применении мер безопасности, указанных в части третьей статьи 11 настоящего Кодекса, рассматриваются не позднее двадцати четырех часов с момента их получения. Отказ в принятии мер безопасности не препятствует повторному обращению с ходатайством о принятии указанных мер, если возникли обстоятельства, не нашедшие отражения в ранее поданном ходатайстве»;

- статью 228 УПК РФ дополнить пунктом 5.1, изложив его в следующей редакции: «5.1) приняты ли меры по обеспечению безопасности потерпевшего, свидетеля, обвиняемого, других лиц, участвующих в уголовном процессе, а также членов их семей и близких родственников».

§ 4. Правовые и организационные вопросы представительства интересов потерпевшего

Теоретические вопросы представительства интересов потерпевшего были достаточно изучены в советский период развития нашего государства. Уделено им значительное внимание и современными исследователями. Новый всплеск научной активности в этой сфере произошел в связи с законодательной возможностью признания потерпевшим юридического лица. Научная общественность по этому поводу откликнулась целым рядом работ, в том числе и диссертационного уровня¹. С учетом направленности нашего исследования, для которого приоритетным является реальное обеспечение прав и законных интересов потерпевшего, теоретическая составляющая этого вопроса была смещена на второй план, хотя не исключена совсем. В большей степени мы обратили внимание на препятствия правового и организационного характера, которые не позволяют в полной мере обеспе-

---

¹ См., напр.: *Азаров В.А., Абдрахманов М.Х., Сафаралеев М.Р.* Юридические лица в уголовном процессе России: теоретические основы, законодательство и практика: монография. Омск: Изд-во Омского гос. ун-та, 2010. 400 с.; *Шишкин С.С.* Представительство юридического лица в уголовном судопроизводстве: вопросы теории и практики: дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2012. 227 с.; *Сычев П.Г.* Особенности участия и гарантии прав организаций (юридических лиц) на досудебных стадиях уголовного судопроизводства: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2008. 231 с.

чить права рассматриваемого участника судопроизводства. Этим и объясняется наименование настоящего параграфа.

Начнем с анализа законодательного определения представителя потерпевшего. Сразу отметим, что вступление представителя в уголовное судопроизводство возможно не ранее признания представляемого лица потерпевшим. На это обращается особое внимание в юридической литературе. Однако авторы не всегда связывают это с отложенным правом лица, фактически пострадавшего от уголовно наказуемого деяния, иметь представителя и, в частности, посредством этого получать квалифицированную юридическую помощь. Данное обстоятельство нами обсуждалось в предыдущей главе, где шла речь о невозможности заявителя заручиться поддержкой в лице представителя при отстаивании своих прав и интересов на первоначальном этапе уголовного судопроизводства, поэтому здесь мы можем констатировать наличие еще одного аргумента в пользу высказанной нами ранее точки зрения.

Необходимо обратить внимание на еще одно обстоятельство. Поскольку юридическое лицо можно назвать одновременно и искусственным, и коллективным образованием, в уголовном процессе оно способно реализовать свои права только через физических лиц, т.е. представителей¹. Об этом имеется прямое указание в законе (ч. 9 ст. 42 УПК РФ). Поэтому значимость представительства такого потерпевшего многократно повышается.

В соответствии с ч. 1 ст. 45 УПК РФ представителями потерпевшего, гражданского истца и частного обвинителя могут быть адвокаты, а представителями гражданского истца, являющегося юридическим лицом, также иные лица, правомочные в соответствии с ГК РФ представлять его интересы. По постановлению мирового судьи в качестве представителя потерпевшего или гражданского истца могут быть также допущены один из близких родственников потерпевшего или гражданского истца либо иное лицо, о допуске которого ходатайствует потерпевший или гражданский истец. Из этой формулировки следует, что представлять интересы потерпевшего, за исключением дел, находящихся в производстве у мирового судьи, может только адвокат. И в то же время возможности гражданского истца и гражданского ответчика, если ими является юридическое лицо, гораздо шире.

Считаем, что нам нет необходимости излагать аргументы о несостоятельности законодательного подхода, изложенного выше. Это многократно сделано другими авторами². Более того, о конституционно-правовом смысле ч. 1 ст. 45 УПК РФ имеется несколько решений высшего органа конституционного надзора (например, определения Конституционного Суда РФ от 5 декабря 2003 г. № 446-О, от 5 декабря 2003 г. № 447-О, от 5 февраля 2004 г. № 25-О). В одном из них, в частности, отмечено, что лишение потерпевше-

---

¹ *Сычев П.Г.* Особенности участия и гарантии прав организаций (юридических лиц) на досудебных стадиях уголовного судопроизводства: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2008. С. 42.

² *Мусаев М.* Защита интересов потерпевшего в уголовном судопроизводстве. М.: Человек, 2012. С. 18-19; *Сычев П.Г.* Особенности участия и гарантии прав организаций (юридических лиц) на досудебных стадиях уголовного судопроизводства. С. 128; *Дежнев А.С.* Охрана интересов семьи и несовершеннолетних в уголовном процессе России: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Омск, 2013. С. 22-24.

го по уголовным делам, подсудным федеральным судам, права обратиться к другим лицам, способным оказать, по их мнению, квалифицированную юридическую помощь, фактически привело бы к понуждению этих участников уголовного судопроизводства использовать только один способ защиты, что не согласуется с ч. 2 ст. 45 Конституции РФ. Такое ограничение, вопреки ч. 1 ст. 48 Конституции РФ, значительно сузило бы возможности потерпевшего свободно выбирать способ защиты своих интересов, а также право на доступ к правосудию, что гарантировано ч. 1 ст. 46 Основного закона страны. В резолютивной части этого определения указано: «Часть первая статьи 45 УПК Российской Федерации, в ее конституционно-правовом смысле предполагает, что представителем потерпевшего и гражданского истца могут быть адвокаты и иные лица, в том числе близкие родственники, о допуске которого ходатайствует потерпевший или гражданский истец. Конституционно-правовой смысл части первой статьи 45 УПК РФ, выявленный Конституционным Судом РФ в Определении от 5 декабря 2003 г. и настоящем Определении, является общеобязательным и исключает любое иное ее истолкование в правоприменительной практике»¹.

В пункте 7 Постановления Пленума Верховного Суда РФ «О практике применения судами норм, регламентирующих участие потерпевшего в уголовном судопроизводстве» также указано, что по смыслу ч. 1 ст. 45 УПК РФ представителями потерпевшего могут выступать не только адвокаты, но и иные лица, способные, по мнению этих участников судопроизводства, оказать им квалифицированную юридическую помощь.

Представляется, что этих аргументов вполне достаточно для того, чтобы признать рассматриваемую нами законодательную формулировку неудачной и изменить ее. Однако она продолжает иметь место и может вводить в заблуждение как лиц, получающих юридические знания, так и правоприменителя. Например, авторы одного из комментариев УПК РФ указывают, что, исходя из буквального смысла текста ч. 1 ст. 45 УПК РФ, следует сделать вывод, что представителем потерпевшего может быть только адвокат. Далее они отмечают, что такое решение видится не совсем оправданным, но при этом не указывают позицию Конституционного и Верховного судов РФ по данному вопросу, не поясняют, как надлежит поступать в реальном правоприменении². На наш взгляд, такой подход в изложении комментария закона является некорректным.

Отчасти в сложившейся ситуации виноват и законодатель. Свою позицию по рассматриваемому вопросу Конституционный Суд РФ высказал более десяти лет назад, однако до сих пор соответствующих изменений в ч. 1 ст. 45 УПК РФ не внесено. Причем таких примеров пренебрежительного отношения законодателя к решениям высшего органа конституционного

---

¹ Определение Конституционного Суда РФ от 5 февраля 2004 г. № 25-О «По жалобе гражданки Ивкиной Валентины Оноприевны на нарушение ее конституционных прав частью первой статьи 45 и статьей 405 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // Вестник Конституционного Суда РФ. 2004. № 6.

² Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / науч. ред. В.Т. Томин, М.П. Поляков. М., 2012. С. 208.

надзора достаточно много¹. Предлагается даже установить ответственность законодателя за невыполнение решений Конституционного Суда РФ². Мы ограничимся лишь высказыванием В.П. Божьева о том, что такая затянувшаяся реакция законодательного органа не может быть оправданной³.

Не исключаем того, что в качестве представителя потерпевшего может выступать адвокат. В этом есть определенные положительные стороны. В частности, в таком случае у следователя и суда будет достаточная степень уверенности, что права и интересы данного участника отстаиваются профессионально. Очевидно, этим и руководствовался законодатель, определяя круг лиц, способных осуществить представительство. Более того, в этом случае он применил практически ту же схему, что и для определения круга лиц, способных выполнить функцию защитника обвиняемого. Но появление адвоката в качестве представителя потерпевшего, в отличие от защитника обвиняемого, происходит, как правило, только по воле потерпевшего и за его счет⁴. В связи с этим в реальном правоприменении также возникают проблемы.

Во-первых, потерпевшие редко обращаются к адвокатам по вопросам представительства. Это подтверждается и данными эмпирического исследования. На вопрос «Как часто Вам приходилось выступать в качестве представителя потерпевшего?» 73,6 % опрошенных нами адвокатов ответили, что ни разу, 16,2 % – указали, что такие случаи были единичными. Респонденты обратили также внимание на то, что у них и не возникает желания представлять интересы потерпевшего. При этом подчеркнули, что причины кроются в ограниченности возможностей по защите прав данного участника уголовного судопроизводства, а также в отсутствии материальной заинтересованности.

Наличие первой причины при уровне развития современного уголовно-процессуального законодательства вполне объяснимо. Поскольку статус представителя корреспондирует с правовым статусом потерпевшего (ч. 3 ст. 45 УПК РФ), то и объем прав данного участника судопроизводства состоит в том же дисбалансе с правами защитника, в котором находятся статусы потерпевшего и обвиняемого. Обеспечивать защиту прав и законных интересов представляемого в такой ситуации действительно гораздо сложнее адвокату – представителю потерпевшего, нежели адвокату – защитнику обвиняемого, поэтому формулируя предложения по ликвидации дисбаланса правового положения потерпевшего и обвиняемого, мы одновременно

---

¹ *Бахта А.С.* Механизм уголовно-процессуального регулирования: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2011. С. 128-133. *Ткачев И.В.* Досудебное производство в России: правовое регулирование и правоприменительная практика. М.: Российская криминологическая ассоциация, 2008. С. 47.

² *Ларионов В.Н.* Источники уголовно-процессуального права и роль судебных решений в регулировании уголовно-процессуальных отношений: дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2006. С. 11.

³ *Божьев В.* Пятилетие Уголовно-процессуального кодекса // Законность. 2007. № 1. С. 12.

⁴ *Мусаев М.* Защита интересов потерпевшего в уголовном судопроизводстве. М.: Человек, 2012. С. 17; Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / науч. ред. В.Т. Томин, М.П. Поляков. С. 207.

предпринимаем попытки ликвидировать его и между представителем потерпевшего, а также защитником.

Со стороны потерпевших причины необращения к адвокатам по поводу представительства в уголовном судопроизводстве также различны. Прежде всего, это отсутствие желания и возможности нести дополнительные расходы, которые в дальнейшем могут быть некомпенсированными. Таким образом, и у адвокатов, и у потерпевших имеется общая точка соприкосновения (или, точнее, несоприкосновения) в этом вопросе – материальная (финансовая) составляющая.

Отсюда вторая проблемная ситуация, которая в значительной степени связана с компенсацией расходов потерпевшего на представительство. В соответствии с ч. 3 ст. 42 УПК РФ потерпевшему обеспечивается возмещение расходов, понесенных в связи с его участием в ходе предварительного расследования и в суде, включая расходы на представителя. При этом в данной норме содержится отсылка к ст. 131 УПК РФ.

Действительно, в ст. 131 УПК РФ «Судебные издержки» указано значительное число ситуаций, в ходе которых потерпевший может претендовать на компенсацию расходов. Это и расходы, связанные с явкой к месту производства процессуальных действий, а также проживанием, и недополученная заработная плата, и суммы, выплачиваемые за отвлечение от обычных занятий, и другие расходы. Применительно к рассматриваемой нами ситуации из этих предписаний могут быть учтены только два. В пункте 1 ч. 2 ст. 131 УПК РФ предусмотрены выплаты адвокату, участвующему в уголовном деле по назначению дознавателя, следователя или суда, на покрытие расходов, связанных с явкой к месту производства процессуальных действий и проживанием (расходы на проезд, наем жилого помещения и дополнительные расходы, связанные с проживанием вне места постоянного жительства). Кроме того, в п. 5 этой же нормы указаны суммы, выплачиваемые адвокату за оказание им юридической помощи в случае его участия в уголовном судопроизводстве по назначению. И в той, и в другой ситуации речь идет об участии адвоката по назначению, что не характерно для представительства потерпевшего (подробнее об этом мы выскажемся позже). Иных законодательных установлений о возможности возмещения потерпевшему расходов на представителя в УПК РФ не содержится. С учетом этого можно констатировать, что обозначенные нами положения, содержащиеся в ч. 3 ст. 42 УПК РФ, реализованы быть не могут. Такой же вывод содержится в докладе Уполномоченного по правам человека в РФ В. Лукина «Проблемы защиты прав потерпевших от преступлений».

Очевидно, осознавая это, Пленум Верховного Суда РФ в п. 34 Постановления «О практике применения судами норм, регламентирующих участие потерпевшего в уголовном судопроизводстве» указал: «Суду необходимо учитывать, что указанные расходы, подтвержденные соответствующими документами, в силу п. 9 ч. 2 ст. 131 УПК РФ относятся к иным расходам, понесенным в ходе производства по уголовному делу, которые взыскиваются с осужденных или возмещаются за счет средств федерального бюджета как процессуальные издержки (ч. 1 ст. 132 УПК РФ)». Правильность такого толкования у нас вызывает сомнение. Употребляя в п. 9 ч. 2 ст. 131 УПК РФ словосочетание «иные расходы», законодатель имел в виду

такие из них, которые не указаны в других пунктах данной статьи. Это бесспорно. Поэтому попытку Пленума Верховного Суда РФ разрешить сложившуюся ситуацию следует признать оправданной, но сделано это было от безысходности.

Мы отчасти согласны с мнением о том, что решения высших судебных инстанций имеют правообразующее значение, поскольку они формируют единообразное понимание и применение закона¹, могут расширять содержание толкуемой нормы права², создавать новые правила регулирования общественных отношений³. Но в данном случае необходимо полноценное законодательное разрешение этого вопроса. Прежде чем сформулировать предложение по совершенствованию законодательства, надо определиться, кто будет компенсировать эти траты.

В соответствии с ч. 1 ст. 132 УПК РФ процессуальные издержки взыскиваются с осужденного или возмещаются за счет средств федерального бюджета. В этой же статье имеется ряд оговорок. Например, в ч. 4 указано, что если обвиняемый заявил об отказе от защитника, но отказ не был принят и защитник участвовал в деле по назначению, то расходы на оплату его труда возмещаются за счет средств федерального бюджета. Обратим внимание на то, что здесь речь идет только о защитнике подозреваемого, обвиняемого. Следовательно, эту норму нельзя распространить на адвоката – представителя потерпевшего. Во-вторых, хотя законодатель и употребил здесь слово «по назначению», он изложил одну из частных ситуаций такой процедуры. Она гораздо объемнее (ст. 50-51 УПК РФ), и во всех случаях, когда защитник участвует по назначению, расходы по оплате его труда должны компенсироваться за счет средств федерального бюджета (ч. 5 ст. 50 УПК РФ).

Относительно представителя потерпевшего ситуация иная. Этот участник также может действовать по назначению. В приведенных нами формулировках ст. 131 УПК РФ говорится об адвокате, участвующем по назначению, хотя эти случаи ограничены законодателем. Такой вывод проистекает из содержания ч. 2 ст. 45 УПК РФ, где указано, что для защиты прав и законных интересов потерпевших, являющихся несовершеннолетними или по своему физическому или психическому состоянию лишенных возможности самостоятельно защищать свои права и законные интересы, к обязательному участию в уголовном деле привлекаются их законные представители или представители. В связи с этим мы не можем согласиться с мнением авторов одного из комментариев УПК РФ о том, что уголовно-процессуальное законодательство не знает случаев обязательного участия

---

¹ *Слепченко Е.В.* Конституционное судопроизводство: понятие, особенности // Юридический мир. 2009. С. 23.

² *Ковтун Н.Н.* Вопросы производства в суде апелляционной инстанции: комментарий к Постановлению Пленума Верховного Суда РФ от 23 декабря 2008 г. № 28 // Уголовный процесс. 2009. № 3. С. 9, 12.

³ *Даровских С.М.* К вопросу о правовой природе решений Верховного Суда Российской Федерации // Охрана прав и свобод человека и гражданина в уголовном судопроизводстве: мат-лы междунар. науч.-практ. конф. М.: МАЭП, 2011. С. 155.

представителя потерпевшего¹. В пункте 8 Постановления Пленума Верховного Суда РФ «О практике применения судами норм, регламентирующих участие потерпевшего в уголовном судопроизводстве» также подтверждена обязательность участия представителя, в том числе и законного, в случаях, предусмотренных ч. 2 ст. 45 УПК РФ. Проведя параллель с положениями, содержащимися в ст. 132 УПК РФ, можно сделать вывод, что и в случае участия представителя потерпевшего по назначению, оплата его труда должна происходить из средств федерального бюджета, но пока это всего лишь научная точка зрения, а не предписания закона.

Следуя логике закона, в случаях, когда представительство потерпевшего было договорным, понесенные расходы могут быть как взысканы с обвиняемого, так и возмещены за счет бюджетных средств. Первый из вариантов мы не считаем предпочтительным, даже если он будет иметь четкую законодательную регламентацию, состоится судебное решение о взыскании с осужденного соответствующих издержек, у нас есть большие сомнения, что эту сумму получит потерпевший. Причина может быть банальной – отсутствие у осужденного денежных средств или иных источников, посредством которых можно удовлетворить иски притязания. В жизни чаще всего так и бывает. Это наглядно демонстрирует практика возмещения вреда, причиненного преступлением. А если судебного решения не будет (например, производство по делу прекращено на стадии предварительного расследования), то ситуация видится еще более сложной.

Мы являемся сторонниками подхода, согласно которому потерпевший при производстве по уголовному делу должен обеспечиваться бесплатной квалифицированной юридической помощью², несмотря на то, что разрешить этот вопрос не так легко, как это может показаться на первый взгляд. Здесь имеется и правовая, и финансовая составляющие. С первой из них определиться проще. Но, тем не менее, авторы законопроектов о потерпевшем от преступления обходят его стороной. Считаем необходимым отметить, что имеется и противоположная точка зрения – о введении в уголовное судопроизводство института обязательного участия адвоката – представителя потерпевшего³. И это, на наш взгляд, очередная крайность.

В связи с изложенным, изменения необходимо внести не только в УПК РФ, но и в Федеральный закон «Об адвокатской деятельности и адвокатуре», Постановление Правительства Российской Федерации от 4 июля 2003 г. № 400 «О размере оплаты труда адвоката, участвующего в качестве защитника в уголовном судопроизводстве по назначению органов дознания, органов предварительного следствия, прокурора или суда»⁴, приказ Министерства юстиции и Министерства финансов Российской Федерации

---

¹ Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / науч. ред. В.Т. Томин, М.П. Поляков. М., 2012. С. 208.

² Мусаев М. Защита интересов потерпевшего в уголовном судопроизводстве. М.: Человеческий капитал, 2012. С. 23.

³ Тарло Е. Г. Проблемы профессионального представительства в судопроизводстве России: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2005. С. 9; Демченко Е.В. Участие потерпевшего и его представителя в доказывании: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2001. С. 18.

⁴ Собрание законодательства РФ. 2003. № 28. Ст. 2925.

от 6 октября 2003 г. № 257/89н «Об утверждении порядка расчёта оплаты труда адвоката, участвующего в качестве защитника в уголовном судопроизводстве по назначению органов дознания, органов предварительного следствия, прокурора или суда, в зависимости от сложности уголовного дела»¹, т.е. иные нормативные акты, регулирующие вопросы оплаты труда адвокатов, представляющих интерес участников уголовного судопроизводства по назначению.

Мы позиционировали себя как сторонники широкого понимания представителя потерпевшего, то есть, по нашему мнению, таковым может быть любое лицо, которого выбрал потерпевший. При этом и ответственность за качество работы представителя возлагается, в первую очередь, на потерпевшего. Не исключено, что представителем будет являться адвокат. Выше мы в большей степени говорили именно о нем. Но если список лиц, способных выступить представителем потерпевшего, оставлять открытым, то об этом надо указать в законе.

В части 1 ст. 45 УПК РФ, желая показать это применительно к производству у мирового судьи, законодатель использовал следующую фразу: «По постановлению мирового судьи в качестве представителя потерпевшего или гражданского истца могут быть также допущены один из близких родственников потерпевшего или гражданского истца либо иное лицо, о допуске которого ходатайствует потерпевший или гражданский истец». На наш взгляд, не вполне удачным здесь является указание на одного из близких родственников. Во-первых, было бы неправильным ограничивать число представителей одним субъектом. Так же как и обвиняемый вправе пригласить несколько защитников (ч. 1 ст. 50 УПК РФ), потерпевший должен обладать возможностью вовлекать в судопроизводство несколько представителей. Таковыми могут быть и близкие родственники. Считаем необходимым отметить, что именно этим путем идет зарубежный и, в частности, европейский законодатель. Так, согласно ст. 117 УПК Франции, потерпевший (во Франции он именуется гражданским истцом) вправе иметь представителя и может в любой момент следствия сообщить об избранном представителе следственному судье. Количество представителей при этом не ограничено².

Во-вторых, в изложенном выше тексте имеются слова «либо иное лицо... о допуске которого ходатайствует потерпевший». Возникает вопрос: если представителем может быть любое лицо, то какой смысл был в том, чтобы отдельно упоминать близкого родственника? Кстати, подобная схема использована законодателем и в ч. 2 ст. 49 УПК РФ, определяющей круг лиц, допускаемых в качестве защитника, и в ч. 1 ст. 55 УПК РФ, где речь идет о представителе гражданского ответчика. Отчасти законодателя понять можно. Использование выражения «иное лицо» предполагает указание на то, по отношению к кому оно является иным. Но в данном случае разумнее было бы построить фразу так, чтобы «иным» лицо было по отноше-

---

¹ Российская газета. 2003. 21 октября.

² *Осинкин В.Н.* Потерпевший. СПб.: Санкт-Петербургский институт Генеральной прокуратуры Российской Федерации, 1998. С. 27.

нию к адвокату, что имеет принципиальное значение, а не к близкому родственнику, который как раз и входит в число иных лиц.

Считаем значимым указание в приведенном нами фрагменте из ч. 1 ст. 45 УПК РФ на то, что статус представителя «иное лицо» получает на основании постановления мирового судьи. Это позволяет обеспечить определенный контроль за качеством юридической помощи, оказываемой потерпевшему. Но таким образом перечень лиц, способных осуществлять представительство потерпевшего, не настолько уж открыт. Данные ограничения, на наш взгляд, вполне оправданы. И что не менее важно, указанное обстоятельство обеспечивает единообразие законодательного регулирования. Именно такой подход применен в отношении защитника (не являющегося адвокатом) подозреваемого, обвиняемого, их законного представителя (ч. 1 ст. 426 УПК РФ), представителя гражданского ответчика. В период досудебного производства вопрос о допуске иных лиц в качестве представителя должен решаться следователем, дознавателем, осуществляющим производство по уголовному делу.

В связи с этим выскажем свое несогласие с позицией ряда авторов, которые при изучении правоприменения обнаружили в некоторых уголовных делах постановления следователей о допуске представителя потерпевшего – юридического лица для участия в производстве по уголовному делу, и оценили эту ситуацию как негативную. Основным аргументом при этом было то, что юридическое лицо, приобретая процессуальный статус потерпевшего, становится полноправным участником уголовного судопроизводства и не нуждается в каких-либо представителях, поскольку от его имени в силу занимаемой должности выступает руководитель¹. Во-первых, такой подход противоречит предписаниям ч. 9 ст. 42 УПК РФ. Во-вторых, с определением представителя юридического лица все гораздо сложнее, чем это может показаться на первый взгляд, например, руководить организацией может коллегиальный исполнительный орган. В теории уголовного процесса многократно предпринимались попытки выяснить, кто же конкретно должен представлять интересы юридического лица². Большинство данных изысканий выполнены на достаточно высоком уровне. Нам представляется, что при наличии бланкетности положений ч. 1 ст. 45 УПК РФ эти вопросы следует рассматривать в рамках гражданского права и процесса. В уголовном судопроизводстве можно использовать данные гражданско-правовые категории как уже готовый продукт, поэтому мы не будем вторгаться в эту сферу.

Что же касается имеющих в правоприменении постановлений следователя о допуске представителя потерпевшего – юридического лица, то

---

¹ *Азаров В.А., Абдрахманов М.Х., Сафаралеев М.Р.* Юридические лица в уголовном процессе России: теоретические основы, законодательство и практика: монография. С. 129.

² В последние годы этому вопросу был посвящен ряд монографических работ. См., напр.: *Шишкин С.С.* Представительство юридического лица в уголовном судопроизводстве: вопросы теории и практики: монография. М.: Юрлитинформ, 2013. С. 94-135; *Сычев П.Г.* Особенности участия и гарантии прав организаций (юридических лиц) на досудебных стадиях уголовного судопроизводства: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2008. С. 132-148.

это обстоятельство еще раз подтверждает правильность предложенной нами выше процедуры, поскольку она уже воспринимается правоприменительной практикой. Такое явление мы наблюдали в 17,4 % изученных уголовных дел, где фигурировали представители потерпевшего.

Поскольку уголовное судопроизводство носит удостоверительный характер, для участия представителя потребуется подтверждение того, что именно этому лицу потерпевший доверил выполнять данную функцию. Для этого можно было бы использовать фразу «о допуске которого ходатайствует потерпевший», содержащуюся в ч. 1 ст. 45 УПК РФ. С учетом положений ст. 120 УПК РФ ходатайство может быть заявлено в любой момент производства по уголовному делу, а также в устной или письменной форме.

Иначе этот вопрос решается в случаях, когда потерпевшим является юридическое лицо. Относительно представителя гражданского истца законодатель в ч. 1 ст. 45 УПК РФ указал, что таковыми являются лица, правомочные в соответствии с ГК РФ представлять его интересы. На наш взгляд, также необходимо определиться и с представителем потерпевшего – юридического лица. Аналогичным образом поступил и Пленум Верховного Суда РФ. В пункте 6 Постановления «О практике применения судами норм, регламентирующих участие потерпевшего в уголовном судопроизводстве» он указал, что в случае, когда потерпевшим признано юридическое лицо, его права и обязанности осуществляет представитель, полномочия которого должны быть подтверждены доверенностью, оформленной надлежащим образом. Когда в судебном заседании участвует руководитель предприятия, учреждения (организации), его полномочия должны быть удостоверены соответствующей доверенностью или другими документами.

Рассматриваемые нами вопросы интересуют и других ученых, и не только их. Ранее мы отмечали, что депутатом Государственной Думы И.А. Яровой внесен на рассмотрение проект закона «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях совершенствования прав потерпевших в уголовном судопроизводстве»¹. Автор законопроекта, в частности, поддерживает аналогичную нашей позицию о необходимости расширения перечня лиц, способных осуществить представительство интересов потерпевшего. Исходя из этого, она предложила в ч. 1 ст. 45 УПК РФ фразу «по постановлению мирового судьи» заменить на «в качестве». Мы не можем согласиться с таким вариантом и не потому, что он кажется достаточно простым. Если представить все содержание ч. 1 ст. 45 УПК РФ после внесения предлагаемых изменений, то оно не станет более точным и четким.

Наши предложения по совершенствованию законодательства в рассмотренной сфере состоят в следующем:

*- часть 1 ст. 45 УПК РФ изложить в следующей редакции:
«1. Представителями потерпевшего, гражданского истца и частного обвинителя могут быть адвокаты, а также иные лица, о допуске которых*

---

¹ Проект закона «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях совершенствования прав потерпевших в уголовном судопроизводстве» [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 14.03.2013).

ходатайствует потерпевший, гражданский истец или частный обвинитель. Представителем потерпевшего или гражданского истца, являющегося юридическим лицом, могут быть лица, правомочные в соответствии с Гражданским кодексом Российской Федерации представлять его интересы. Полномочия представителя в этом случае должны быть подтверждены доверенностью, оформленной надлежащим образом. При участии в производстве по делу руководителя юридического лица его полномочия должны быть удостоверены соответствующей доверенностью или другими документами. В качестве представителя лицо допускается по постановлению дознавателя, следователя, судьи или определению суда»;

- дополнить часть 2 ст. 131 УПК РФ пунктом 5.1, изложив его следующим образом: «5.1) суммы, израсходованные потерпевшим на представителя».

Глава 4. УЧАСТИЕ ПОТЕРПЕВШЕГО В ПРОИЗВОДСТВЕ ОТДЕЛЬНЫХ СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ: УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫЙ И КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ

§ 1. Значение уголовно-процессуального и криминалистического аспектов обеспечения прав и законных интересов потерпевшего при производстве следственных действий

Осуществляя изучение обозначенной в наименовании настоящей работы проблематики, автор неоднократно убеждался в том, что обеспечение прав и законных интересов потерпевшего происходит не только посредством использования положений уголовно-процессуального законодательства. Весьма значима в этом роль криминалистики, на что частично обращалось внимание в ранее изложенных результатах настоящего исследования. Это подтверждается рядом обстоятельств.

В правоприменении имеется немало примеров, когда участие потерпевшего или его представителя способствовало собиранию доказательств, имеющих значение для уголовного дела, установлению всех обстоятельств совершенного деяния и привлечению виновных к ответственности¹. Все это, несомненно, оказывает положительное воздействие на обеспечение прав и законных интересов потерпевшего.

В криминалистике значительное внимание уделяется изучению личности потерпевшего. Общеизвестным является то, что выявление и изучение криминалистически значимых особенностей личности рассматриваемого участника судопроизводства, его поведения дают возможность глубже разобраться во многих обстоятельствах преступления, его мотивах, а при невыясненном преступнике точнее очертить круг лиц, среди которых его следует искать². Все это совпадает со сферой интересов потерпевшего в уголовном судопроизводстве.

В криминалистической литературе имеется немало работ, посвященных методике изучения личности потерпевшего. Так, например, В.Я. Рыбальская определяет следующие цели и задачи изучения личности потерпевшего:

- установление психологического контакта с потерпевшим;
- определение тактики допроса и проведения других следственных действий;
- проверка версий и выдвижение новых;
- проверка и оценка показаний потерпевшего;
- объяснение действий потерпевшего в динамике механизма совершения преступления;
- определение степени виктимности с целью установления обстоятельств, способствующих совершению преступления³.

---

¹ *Иванов Д.А.* Защита следователем прав и законных интересов юридических лиц, потерпевших от преступлений. М., 2009. С. 82.

² *Яблоков Н.П.* Криминалистика: учеб. М.: Юрайт; ИД Юрайт, 2011. С. 32.

³ *Рыбальская В.Я.* Методика изучения личности потерпевшего. Иркутск, 1975. С. 19.

Однако считаем необходимым высказать некоторые суждения по данному вопросу. Во-первых, невольно напрашивается еще одна задача изучения личности потерпевшего с целью недопущения повторного совершения преступления против него. Думается, что своевременное выявление виктимного поведения рассматриваемого субъекта, уяснение его природы позволит устранить провоцирующие преступление элементы жизнедеятельности потерпевшего, а в некоторых случаях и его окружения. Значимость этой задачи подтверждает тот факт, что на ее решение в Инструкции о деятельности органов внутренних дел по предупреждению преступлений, утвержденной приказом МВД России от 17 января 2006 г. № 19, нацелены все подразделения дознания органов внутренних дел. Дознавателям предписывается «осуществлять профилактическую деятельность среди лиц, потерпевших от преступных посягательств, в целях изменения их виктимного поведения»¹.

Во-вторых, несмотря на довольно широкий спектр вопросов, подлежащих выяснению в процессе исследования личности потерпевшего, в работе необоснованно упускаются задачи по оказанию практической помощи следствию со стороны потерпевшего. Трудно отрицать тот факт, что большинство потерпевших ожидают от органов расследования установления и наказания виновных в преступлении лиц, нанесших моральный, физический и материальный вред. С этих позиций, естественно, потерпевшие желают успеха органам расследования в их деятельности и в силу этого по природе своей являются союзниками органов, ведущих борьбу с преступностью. Остается только нацелить их, подтолкнуть к союзническим действиям, и соответствующий орган может получить реальную поддержку и помощь со стороны потерпевшего.

В-третьих, как нам представляется, нельзя проводить аналогию между потерпевшим и обвиняемым даже по методике исследования этих двух важных, но противоположных фигур, прежде всего, по целям, а также правам и обязанностям в уголовном процессе. Их порою резко выраженная антагонистическая противоположность и противоборствующая деятельность исключает аналогию в абсолютном большинстве сравнений.

Есть основания предполагать, что в этом заключается одна из конкретных причин недооценки личности потерпевшего. Это, прежде всего, выражается в том, что в уголовно-процессуальной и криминалистической литературе потерпевший нередко рассматривается на уровне свидетеля. Такое можно наблюдать практически во всех учебниках по криминалистике. Даже в фундаментальных работах авторов А.Н. Васильева и Л.М. Карнеевой потерпевшие по существу олицетворяются со свидетелями, и в тактических приемах допроса не отображаются их существенные различия². Некоторое исключение в этом отношении составляет работа А.Б. Соловьева, в которой автор выделяет в отдельную главу тактические особенности допроса потерпевших и несовершеннолетних на том основании, что «специфическое психическое состояние потерпевшего, связанное с совершени-

---

¹ Инструкция о деятельности органов внутренних дел по предупреждению преступлений: утв. приказом МВД России от 2006 г. № 19.

² *Васильев А.Н., Карнеева Л.М.* Тактика допроса. М.: Юрид. лит., 1970. С. 75-100.

ем в отношении его преступлением, накладывает определенный отпечаток на формирование его показаний, особенно в случаях, когда преступное посягательство направлено против жизни, здоровья и достоинства личности»¹. Далее автор анализирует психологическое состояние потерпевшего в период совершения преступления, правильно подчеркивая различие психологических процессов свидетеля и потерпевшего.

Заслуживает внимание в этом плане также учебное пособие В.С. Бурдановой и В. М. Быкова, авторы которого предприняли попытку рассмотреть личность потерпевшего в комплексе его психологических черт и процессуальных прав, а также заинтересованности органов дознания и следствия в участии потерпевших в производстве некоторых следственных действий². Подобным образом можно оценить методические указания Н.Р. Божкова³.

В последние годы научные изыскания в этой области несколько оживились. Так, в 2002 г. О.А. Лакаевой было завершено диссертационное исследование особенностей допроса потерпевших от преступлений, совершаемых организованными группами⁴. Положительным является то, что наряду с основным вопросом автором рассмотрены также правовые и криминалистические аспекты защиты потерпевшего в стадии предварительного расследования, показания потерпевшего как объект криминалистического анализа. В этом же году была защищена диссертация на тему «Криминалистическая характеристика различных типов потерпевших и особенности тактики допроса», где обозначены основные проблемы изучения личности потерпевшего, психолого-криминалистическая характеристика различных типов потерпевших, общие и частные вопросы тактики допроса потерпевшего⁵. Имеются и иные исследования подобного плана, но, к сожалению, в криминалистической литературе преобладают иные, указанные выше подходы.

Причинами сложившейся ситуации отчасти является состояние правового регулирования. В дореформенном уголовно-процессуальном законодательстве при регламентировании, в частности, вопросов, касающихся допроса, такой участник, как свидетель, «преобладал» над потерпевшим. Глава 29 УПК РСФСР 1960 г. именовалась «Допрос свидетеля и потерпевшего». Даже в наименовании этой части закона свидетель был обозначен первым. В структуре указанной главы содержались нормы, поименованные «Порядок вызова свидетеля» (ст. 155), «Место допроса свидетеля» (ст. 157), «Порядок допроса свидетеля» (ст. 158) и др. Причем их содержание было адекватным наименованию. И только статья 161 УПК РСФСР содержала в своем названии термин «потерпевший». Содержание ее было весьма лако-

---

¹ Соловьев А.Б. Допрос свидетеля и потерпевшего. М.: Юрид. лит., 1974. С. 94.

² Бурданова В.С., Быков В.М. Виктимологические аспекты криминалистики: учеб. пособие. Ташкент: ТВШ МВД СССР, 1981. 79 с.

³ Божков Н.Р. Использование виктимологических данных при расследовании преступлений. Саратов, 1987. 71 с.

⁴ Лакаева О.А. Особенности допроса потерпевших от преступлений, совершаемых организованными группами: дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2002. 196 с.

⁵ Веснина С.Н. Криминалистическая характеристика различных типов потерпевших и особенности тактики допроса: дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2002. 201 с.

ничным: «При вызове потерпевшего, его допросе и составлении протокола допроса применяются правила статей 155-160 настоящего Кодекса». Несомненно, это оказало влияние и на развитие научных воззрений в криминалистике.

Текст современного уголовно-процессуального закона в этой части гораздо корректнее. В аналогичной главе УПК РФ (2) термин «свидетель» не так ярко доминирует над «потерпевшим». Законодатель чаще использует словосочетание «допрашиваемое лицо», несмотря на то, что статья, устанавливающая порядок вызова на допрос, начинается словами «свидетель, потерпевший вызывается ...» (ст. 188 УПК РФ). Но если учесть наличие стереотипов, сложившихся за многие годы действия УПК РСФСР 1960 г., существующая ситуация становится вполне объяснимой. Поэтому и современная криминалистическая литература (в том числе учебная) страдает указанными выше изъянами. Так, в учебнике, вышедшем в свет в 2011 г., имеется параграф, поименованный «Тактика допроса свидетелей и потерпевших». Содержание этой части учебника, как и следовало ожидать, в большей степени касается допроса первого из указанных участников уголовного судопроизводства¹.

Изложенное свидетельствует, что в криминалистике имеются определенные попытки не только обособленно рассмотреть личность потерпевшего, определить особенности тактики производства следственных действий с его участием, но и поднять его роль, значение в процессе раскрытия и расследования преступлений. Но они явно недостаточны. Думается, что очередной задачей в этом плане является необходимость в обобщении научной и практической информации о правах, роли и значении потерпевшего в расследовании преступлений, а также дальнейшее более углубленное исследование в рамках криминалистики всего проблематичного комплекса, касающегося потерпевшего.

Рассматривая данную проблематику, мы затронули вопросы криминалистической тактики. Представляется, что это вполне закономерно, поскольку она, являясь составной частью криминалистики, представляет собой систему теоретических положений, сформировавшуюся на основе научно-практического изучения организационно-управленческих и оценочно-поведенческих аспектов объектов криминалистики и разрабатывающую систему тактических рекомендаций по планированию, организации и проведению следственных действий и операций (комбинаций) при расследовании и предупреждении преступлений. Ее основной задачей является обеспечение наиболее эффективной организации и проведения следственных и иных действий, взаимодействие участников криминалистической деятельности. Предметом познания криминалистической тактики являются закономерности логико-психологического и иного характера в поведении субъектов преступления, иных лиц, включая потерпевшего, попавших в орбиту следствия, и действий лиц, осуществляющих расследование².

---

¹ Криминалистика. Полный курс: учеб. / под общей ред. А.Г. Филиппова. 4-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт; ИД Юрайт, 2011. С. 366-368.

² Яблоков Н.П. Криминалистика: учеб. М.: Юрайт; ИД Юрайт, 2011. С. 167.

На наш взгляд, было бы естественным в рамках этой части криминалистики обособить тактику обеспечения прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства и, в первую очередь, потерпевшего. Однако этого пока не произошло. Более того, предлагая тактику производства того или иного следственного действия, ученые не всегда помнят о том, что ее положения должны быть согласованы с уголовно-процессуальным законодательством, в том числе положениями, обеспечивающими защиту прав личности. Чтобы не быть голословными, проиллюстрируем это на отдельных примерах.

Уголовно-процессуальное законодательство детально регламентирует порядок производства следственных действий. Сделано это посредством формулирования как положений общего характера, например, общих правил производства следственных действий (ст. 164 УПК РФ), общих требований к протоколу следственного действия (ст. 166 УПК РФ) и других, так и частных предписаний, касающихся осуществления конкретного следственного действия (гл. 24-27 УПК РФ). Точность и правильность этих предписаний, их жизнеспособность подвергаются глубокому исследованию со стороны представителей уголовно-процессуальной науки. Эти же вопросы, но несколько в ином аспекте, с позиции тактики выполнения следственного действия как в целом, так и отдельных его элементов, являются предметом изучения другой науки – криминалистики. Связь между указанными науками очевидна и весьма значима. Это хорошо выражено следующими словами: «Процессуальная наука разрабатывает процедуру процессуальных действий. Криминалистическая тактика в рамках этой процедуры обеспечивает эффективность процессуального действия путем разработки оптимальных приемов действий и линии поведения лица, его осуществляющего»¹. Сущность «всякого тактического приема заключается в том, что это научная рекомендация, рассчитанная на то, что следователь, исходя из оценки ситуации, из обстоятельств дела, из особенностей психики людей, во взаимосвязи с которыми проводится следственное действие, выбирает тактический прием, который является наиболее целесообразным для данного случая»².

Мы задались целью выяснить, всегда ли в рассматриваемой сфере совпадают взгляды представителей двух родственных отраслей знаний по ключевым вопросам. Для иллюстрации этого выбрали одно из следственных действий – допрос потерпевшего.

Криминалисты практически едины во мнении, что этапами, определяющими последовательность проведения следственных действий, являются: подготовка к их проведению; само проведение; фиксация хода и результатов; оценка полученных результатов и определение их роли в системе собранных доказательств по расследуемому делу. Подчеркнем, что речь идет именно об этапах (некоторые авторы употребляют термин «стадия») выполнения этих действий, то есть последовательно сменяющих друг друга частях. Такой же подход применен и при освещении порядка проведения

---

¹ *Аверьянова Т.В., Белкин Р.С., Корухов Ю.Г. и др.* Криминалистика: учеб. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Норма, 2008. С. 448.

² *Васильев А.Н., Яблоков Н.П.* Предмет, система и теоретические основы криминалистики. М.: Юрид. лит., 1984. С. 22.

собственно следственного действия. Например, в допросе обозначаются стадии: предварительная; свободного рассказа; вопросно-ответная; фиксации показаний. Такая позиция является настолько утвердившейся, что отдельные авторы данную стадийность относят к общим положениям тактики осуществления всех следственных действий¹ либо используют в качестве структуры монографического исследования².

В уголовно-процессуальной науке последовательность производства следственных действий не рассматривается через стадийность выполнения определенных операций. Чем же объясняется такое различие в подходах?

Стремление представителей криминалистики понять можно, и они благие. Придание структурности, технологичности той или иной деятельности позволяет рассматривать в деталях каждую ее составляющую и получать целостную картину производимых действий. Но достигается ли этим поставленная цель?

Согласно ч. 1 ст. 166 УПК РФ, протокол следственного действия составляется в ходе проведения этого действия или непосредственно после его окончания. Сопоставив данное предписание с указанными выше постулатами криминалистической тактики, можно сделать вывод о том, что последняя не способствует полному и четкому восприятию законодательных установлений. Ознакомление исключительно с тактическими приемами может привести к формированию у правоприменителя представления о том, что протокол можно составить только на заключительном этапе производства следственного действия.

Вызывает некоторое несогласие и размещение оценки результатов следственного действия в конце технологической цепочки. Если говорить об оценке результатов всего действия, то, очевидно, авторы правы, хотя и не всегда. Так, не обнаружив при выемке искомого предмета, следователь может оценить значимость этого действия еще до его окончания (например, до составления протокола). Но оценка, как часть процесса доказывания в уголовном судопроизводстве, нередко представляется в виде сквозного элемента, пронизывающего всю деятельность, связанную с получением, закреплением, проверкой доказательств³. Исходя из этого, криминалистический аспект оценки может иметь место и непосредственно в ходе проведения допроса потерпевшего, например, основываясь на результатах оценки свободного рассказа допрашиваемого, следователь формулирует последующие вопросы, корректирует тактику допроса в целом и т.д.

---

¹ См., напр.: Криминалистика. Полный курс: учеб. / под общей ред. А.Г. Филиппова. 4-е изд., перераб. и доп. С. 319.

Мы умышленно в данной работе приоритет отдали ссылкам на учебно-методические издания, поскольку они в первую очередь используются при подготовке юристов и именно из них обучаемые получают представление о правилах осуществления следственных действий.

² См., напр.: Макаренко И.А. Система тактических приемов допроса несовершеннолетнего обвиняемого с учетом следственных ситуаций и психологических свойств допрашиваемого: дис. ... канд. юрид. наук. Уфа, 1998. 250 с.

³ Курс советского уголовного процесса. Общая часть / под ред. А.Д. Бойкова и И.И. Карпеца. М.: Юрид. лит., 1989. С. 621; Уголовно-процессуальное право Российской Федерации: учеб. / отв. ред. П.А. Лупинская. М.: Юрист, 2007. С. 251.

Анализ правоприменения показывает, что в ходе допроса не всегда применяется схема «свободный рассказ → вопросно-ответная часть». Иногда получение показаний происходит только с использованием последней.

Изложенное выше указывает на то, что стадийность тактики производства следственных действий необходимо воспринимать как условную категорию, допускающую определенную гибкость в использовании, либо составные части производства следственного действия именовать не этапами (стадиями), а элементами, что не будет подчеркивать строгого использования всего их набора, а также очередности осуществления. Второе нам представляется предпочтительным.

Согласования требуют и иные позиции, выработанные уголовно-процессуальной наукой и криминалистикой относительно элементов производства следственных действий и, в частности, допроса потерпевшего. Такой вывод проистекает из анализа характеристики этих элементов, представленной в смежных отраслях знаний.

Авторы одного из учебников криминалистики следующим образом излагают тактику производства следственного действия. При подготовке к проведению процессуального действия уясняются и формулируются задачи процессуального действия, решаются вопросы, связанные с моментом его проведения и кругом участников, использованием технико-криминалистических приемов и средств, определением формы и пределов использования оперативных возможностей, помощью общественности и специалистов. При проведении процессуального действия реализуется намеченный план, решаются те задачи, которые ставил перед собой следователь. В ходе фиксации хода и результатов действия максимально полно и верно отражается содержание процессуального действия. При оценке полученных результатов и определении их значения выявляются допущенные ошибки, последствия, к которым они привели, решается вопрос о повторном его проведении¹.

Применительно к допросу потерпевшего эти общие положения конкретизируются. При этом, в частности, отмечается, что подготовка к допросу включает: а) собирание исходных данных; б) тактическое обеспечение; в) выбор момента и места, определение способа вызова на допрос; г) техническое обеспечение. Сам допрос свидетеля и потерпевшего делится на четыре этапа: установление психологического контакта; свободный рассказ; постановка вопросов; ознакомление допрашиваемого с протоколом². Подобный подход в подаче материала является преобладающим в учебниках криминалистики, хотя иногда набор действий, включаемых в тот или иной этап, конкретизируется или рассматривается шире, но при этом сохраняется общая схема. Так, к подготовительной части нередко относят: формулирование вопросов, определение последовательности их постановки³, составление плана проведения следственного действия⁴ и др.

¹ *Аверьянова Т.В., Белкин Р.С., Корухов Ю.Г. и др.* Криминалистика: учеб. М.: Норма, 2008. С. 457-459.

² Там же. С. 576, 580.

³ Криминалистика: учеб. / под ред. В.А. Образцова. М.: Норма, 1995. С. 328.

⁴ Криминалистика: учеб. для вузов МВД России. Волгоград, 1994. Т. 2: Техника, тактика, организация и методика расследования преступлений. С. 165-166.

Сопоставление изложенных выше рекомендаций с нормативными предписаниями, регламентирующими производство допроса, позволяет выявить ряд несогласований.

Так, часть 5 ст. 164 УПК РФ предписывает следователю удостовериться в личности лица, явившегося для производства следственного действия, разъяснить ему права, ответственность, а также порядок производства данного действия. Участвующие в следственном действии лица должны быть предупреждены о применении технических средств (ч. 5 ст. 166 УПК РФ). Следует реализовать и иные требования уголовно-процессуального закона, значительная часть которых направлена на обеспечение прав и законных интересов допрашиваемого. Однако выполнение таких действий не охватывается предложенной выше тактикой допроса. При этом неясно, в какой части рассматриваемой тактики должны выполняться эти действия – при подготовке к допросу или при его производстве? Сохраняется убежденность лишь в том, что и в этих действиях имеется тактическая составляющая. Иными словами, вполне можно сформулировать ряд рекомендаций о приемах, касающихся разъяснения прав участника допроса, порядка проведения следственного действия, линии поведения лиц, осуществляющих допрос, и др.

Нередко представители криминалистики в качестве самостоятельного элемента самого допроса обозначают установление психологического контакта с допрашиваемым. Не умаляя значимости этой процедуры, поставим под сомнение ее местоположение в структуре допроса. Н.П. Яблоков отмечает, что для установления психологического контакта имеют значение правильно выбранные формы оптимизации контактных отношений (обмен репликами, мнениями, монолог, диалог, дискуссия по различному кругу вопросов, возбуждение логического аппарата мышления и т.д.)¹. Имеют место и более детальные рекомендации. Так, Л.Ю. Аксенова и П.Я. Мазунин, освещая тактику допроса несовершеннолетнего, предлагают проинформировать допрашиваемого о полномочиях судебно-следственных органов вообще и полномочиях следователя в частности, разъяснить ему роль следователя в решении вопросов, связанных с расследованием, ознакомить с основными положениями уголовного и уголовно-процессуального законов и т.п.².

Между тем законодатель, хотя и предоставляет следователю свободу в выборе тактики допроса (ч. 2 ст. 189 УПК РФ), в то же время обязывает записать в протокол все вопросы (в том числе и те, которые были отведены следователем или на которые отказалось отвечать допрашиваемое лицо) и ответы на них, и именно в той последовательности, которая имела место в ходе допроса (ч. 2 ст. 190 УПК РФ). Исполнение этого требования приведет к тому, что обмен репликами, мнениями, монолог, диалог, дискуссия по различному кругу вопросов и т.д., имевшие место в ходе допроса, будут отражены в уголовно-процессуальном документе. Очевидно, что такие действия должны быть выполнены в подготовительной части допроса, что позволит не отражать их в соответствующем протоколе.

---

¹ Яблоков Н.П. Криминалистика: учеб. М.: Юрайт; ИД Юрайт, 2011. С. 205.

² Аксенова Л.Ю., Мазунин П.Я. Тактика допроса по преступлениям, совершенным несовершеннолетними // Законодательство и практика. 2008. № 2. С. 16.

Указанные выше обстоятельства побуждают обратиться к вопросу об определении момента начала допроса. Ни представители криминалистики, ни представители уголовно-процессуальной науки свою позицию об этом не обозначали. УПК РФ четкий ответ на этот вопрос также не дает, однако выяснить его можно посредством толкования закона. В соответствии с ч. 1 ст. 189 УПК РФ следователь перед допросом выполняет предписания ч. 5 ст. 164 УПК РФ, т.е. удостоверяется в личности допрашиваемого, разъясняет ему права и ответственность, порядок производства следственного действия и т.п. Это дает основание утверждать, что сам допрос начинается с постановки вопроса (вопросов) допрашиваемому. И именно с этого момента все происходящее должно быть отражено в протоколе (ч. 1 ст. 190 УПК РФ). Изложенное суждение позволяет установить психологического контакта с допрашиваемым отнести к подготовительной части допроса, т.е. представления криминалистов об этом элементе следственного действия привести в соответствие с требованиями уголовно-процессуального законодательства.

Ознакомление с тактическими приемами подготовки и проведения допроса показывает, что в них нередко заложено искаженное понимание и толкование уголовно-процессуального законодательства. Так, авторы одного из учебников указывают, что «из числа предусмотренных законом способов вызова на допрос (по телефону, телеграммой, повесткой, приводом) свидетелей, потерпевших... следователь избирает тот, который в данной ситуации оптимально содействует установлению психологического контакта с допрашиваемым...»¹. Между тем части 1 и 2 ст. 188 УПК РФ устанавливают единственный способ вызова на допрос свидетеля или потерпевшего – повесткой. Другое дело, что в правоприменении для этого используются и иные способы, в том числе вызов по телефону, телеграммой и др. Они не предусмотрены законом, но не являются и противозаконными. Поэтому следователи нередко пользуются этими средствами. Но при этом они должны помнить, что в случае неявки потерпевшего на допрос правовые последствия, например в виде привода, могут иметь место только в той ситуации, когда вызов был осуществлен в предусмотренном законом порядке. Представляется, что тактика вызова на допрос должна основываться на таких суждениях, а не на приведенных выше. Здесь же отметим, что привод потерпевшего, который авторы пытаются обозначить как способ вызова на допрос, является одной из мер уголовно-процессуального принуждения, состоящей в принудительном доставлении лица (ч. 2 ст. 113 УПК РФ).

Нередко в учебниках по криминалистике весьма некорректно объясняется место производства допроса. Приведем типичную для этих случаев формулировку: «Место допроса – как правило, кабинет следователя, однако по усмотрению следователя и в силу конкретных обстоятельств допрос может производиться и в ином месте – в лечебном учреждении, по месту работы допрашиваемого, в его квартире»². Часть 1 ст. 187 УПК РФ устанавливает, что «допрос производится по месту производства предварительного следствия. Следователь вправе, если признает это необходимым, провести

¹ Аверьянова Т.В., Белкин Р.С., Корухов Ю.Г. и др. Криминалистика: учеб. С. 579.

² Криминалистика. Полный курс: учеб. / под общей ред. А.Г. Филиппова. С. 364.

допрос в месте нахождения допрашиваемого». Сопоставление этих двух формулировок дает основание подозревать, что криминалисты под местом производства предварительного следствия понимают кабинет следователя. Но такое толкование данного словосочетания является неправильным. Чтобы уяснить его значение, необходимо обратиться, в первую очередь, к положениям ст. 152 УПК РФ («Место производства предварительного расследования»). Системное толкование закона позволяет определить, что место расследования необходимо соотносить с границами территории, которую обслуживает конкретный орган предварительного расследования. Границы такой территории могут совпадать с границами административно-территориальных образований (район, город, область, край и т.п.), определяться иными границами (например, при производстве расследования следователями органов внутренних дел на транспорте)¹. Исходя из этого понимания, допрос, осуществленный следователем в кабинете, в лечебном учреждении, в квартире и т.п., будет считаться выполненным по месту производства предварительного следствия, если эти объекты расположены на соответствующей территории. А вот в случае необходимости производства следственного действия в другом месте («на чужой территории») следователь вправе произвести его лично либо поручить соответствующему следователю или органу дознания (ч. 1 ст. 152, ч. 1 ст. 187 УПК РФ).

Очевидно, указанные выше несогласования ощущают авторы некоторых учебников по криминалистике. Возможно, поэтому они структурно рассматривают в одной главе, но в разных параграфах особенности тактики производства следственных действий и процессуальный порядок их осуществления². Но это, в свою очередь, вызывает дополнительные вопросы. Во-первых, зачем в учебнике по криминалистике дублировать материал, который освещается в учебниках по уголовному процессу? Во-вторых, свидетельствует ли такой подход о том, что позиции представителей двух смежных наук согласованы? И, наконец, в-третьих, способны ли авторы преподнести тактику производства следственного действия, не отделяя ее от уголовно-процессуальной материи?

Мы начали рассматривать настоящий вопрос с утверждения о том, что *уголовный процесс и криминалистика являются родственными, взаимообусловленными науками, поэтому наличие рассмотренных выше несогласований – явление нежелательное, подлежащее искоренению. Это особо актуально в условиях, когда уголовный процесс и криминалистика оказались искусственно разделенными в номенклатуре научных специальностей, что явно не будет способствовать их сближению.*

---

¹ Марфицин П.Г. Общие условия производства предварительного расследования: учеб.-практ. пособие. Омск: Юрид. ин-т МВД России, 1996. С. 16-17; Уголовный процесс: учеб. для вузов / под ред. Б.Б. Булатова, А.М. Баранова. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт; Высшее образование, 2012. С. 235; Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / науч. ред. В.Т. Томин, М.П. Поляков. М., 2012. С. 460.

² См., напр.: Криминалистика. Полный курс: учеб. / под общей ред. А.Г. Филиппова. С. 356-359, 366-368; Аверьянова Т.В., Белкин Р.С., Корухов Ю.Г. и др. Криминалистика: учеб. С. 530, 575.

В рамках вопроса о значении уголовно-процессуального и криминалистического аспектов обеспечения прав и законных интересов потерпевшего при производстве следственных действий считаем возможным коснуться еще одной проблематики.

В криминалистической литературе отдельно и глубоко не рассматривалась проблема сотрудничества органов расследования с потерпевшими в процессе предупреждения и расследования преступлений. В середине прошлого века потерпевшего в этом плане относили к представителям общест-венности, который может способствовать раскрытию и расследованию пре-ступлений. Несмотря на это, Л.Б. Зусь уже тогда выделял потерпевшего из ряда представителей общественности и считал, что взаимодействие с по-терпевшим не должно сводиться к его содействию органам следствия, ко-торые также должны союзничать с лицом, потерпевшим от преступления, в реализации его прав¹.

Относить потерпевших к категории общественности в настоящее время будет неправильным, так как это противоречит принципу обяза-тельности уголовного процесса, основанного на равенстве сторон. Потер-певший является самостоятельным субъектом в уголовном судопроизвод-стве, наделенным самостоятельными функциями, главной из которых явля-ется обвинительная. В то же время только потерпевшему принадлежит дис-позитивная функция, поскольку только он обладает правом в указанных за-коном случаях на примирение с виновным в совершении преступления ли-цом. Таким правом не обладает даже государственный обвинитель – проку-рор. Это положение указывает на большую значимость потерпевшего при расследовании уголовных дел и необходимость не только понимания его интересов, но и сотрудничества с ним.

Между тем умелое нахождение союзника в процессе поиска крими-налистической информации для раскрытия и расследования преступлений является значимой тактической системой в ряду иных криминалистических приемов. На этом особо заострял внимание Г. Гросс в своем классическом труде². Представляется, что науке еще предстоит всесторонне изучить эту сферу деятельности органов дознания и следствия.

Мировая и отечественная практика знает многочисленные формы со-трудничества органов расследования с лицами, совершившими преступле-ние. Такое сотрудничество может возникнуть с подозреваемым, обвиняе-мым и подсудимым по различным причинам. Чаще всего это вызвано рас-каянием и осознанием противоправности деяния, а также жалости к потер-певшему и другими причинами, в основном субъективного характера. Не-обходимо отметить, что в последние годы законодатель активно развивает систему мер поощрения положительного послепреступного поведения. Созданы и функционируют институты деятельного раскаяния, особого по-

---

¹ Зусь Л.Б. Характер взаимодействия субъектов уголовно-процессуальных отношений // Ученые записки: мат-лы XV науч. конф. профессорско-преподавательского состава ДВГУ. Владивосток: Дальневосточный гос. ун-т, 1970. Вып. 41. С. 52; Зусь Л.Б. Проб-лемы правового регулирования в сфере уголовного судопроизводства. Владивосток: Дальневосточный гос. ун-т, 1978. С. 19.

² Гросс Г. Руководство для судебных следователей как система криминалистики. Смо-ленск, 1895. С. 162.

рядка проведения судебного заседания, заключения досудебного соглашения с обвиняемым и др. В криминалистической тактике и методике расследования отдельных видов преступлений разработан ряд приемов, направленных на побуждение подозреваемых к раскаиванию в совершенных преступных деяниях, а следовательно, и предоставление информации о преступлении как в виде дачи правдивых показаний, так и в виде выдачи материальных носителей информации: вещественных доказательств, похищенных ценностей и др.

В свете сотрудничества органов расследования с участниками уголовного процесса в области раскрытия преступлений очень выгодно выглядит фигура потерпевшего. Независимый, объективный, не имеющий оснований вступать с кем бы то ни было в сговор или сделку, потерпевший, в силу своего психологического настроения, может являться активной фигурой противостояния не только конкретному преступнику, но и вообще всякой преступности как личность, испытавшая на себе всю негативную глубину антисоциальной и аморальной природы преступления. То обстоятельство, что у потерпевших, ведущих, как правило, положительный образ жизни, их бытовое окружение менее насыщено криминальной информацией, не всегда обуславливает получение от них менее значимой для органов расследования информации. При надлежащих методах работы с ними в период роста преступности от потерпевших можно ожидать поступления не менее важных сведений, чем от судимых или подозреваемых лиц¹.

По нашему мнению, потерпевший от преступления является перспективным союзником органов расследования в борьбе с преступностью. Приходится лишь сожалеть о том, что практика не смогла реализовать большой потенциал потерпевших в деле противостояния преступности. Более того, потерпевший в качестве участника уголовного процесса в прошлом был сведен по существу к второстепенной личности в системе правосудия. Какие порой потенциальные возможности упускают органы расследования, не привлекая потерпевших, можно показать на примере, опубликованном в газете «Комсомольская правда» под заголовком «Я сам нашел убийцу внука». В ней повествуется о том, как 74-летний потерпевший, дедушка убитого, не стал ожидать раскрытия этого тяжкого преступления органами расследования. Упорно, день за днем, он следил за поведением всех лиц, могущих иметь причастие к убийству, в том числе за коммерческим компаньоном погибшего и даже за невесткой – бывшей женой внука. При этом он не скрывал своих действий, не останавливался перед угрозами и запугиванием и тем самым лишь приводил в смятение противников – убийц. Не выдержав, они подослали к потерпевшему киллера, который был задержан. Через него стало возможным выйти на убийц². Подобные примеры не единичны. Природу их надлежит обобщать, изучать, а затем способствовать и поощрять деятельность потерпевших в оказании помощи органам расследования.

---

¹ *Синенко С.А.* Участие потерпевшего в расследовании преступлений: монография. Владивосток: Изд-во Дальневосточного ун-та, 2007. С. 61-62.

² *Комов С.* Я сам нашел убийцу внука // Комсомольская правда. 1997. 24-31 октября.

Считаем, что потерпевший должен получить процессуальное «раскрепощение», чтобы в новом качестве, как один из главных участников уголовного процесса, смог проявить себя действительным союзником органа расследования, поскольку интересы у них единые, и лишь за редким исключением между ними возникают противоречия.

Надо отметить, что международное сообщество в лице многих структур и ведомств более активно в отношении привлечения потерпевших к сотрудничеству с правоохранительными органами. Отечественная правовая наука следует перенять опыт зарубежной практики. Так, Комитет министров Совета Европы рекомендует государствам-членам в рамках уголовного права и уголовного процесса в равной мере укреплять доверие потерпевшего к уголовному правосудию и склонять его к сотрудничеству¹. Склонить к доверию потерпевших – одна из основных задач в деятельности органов, ведущих борьбу с преступностью. При этом нельзя рассчитывать на легкость достижения успеха, поскольку достаточно длительное время потерпевшему от преступления не уделялось надлежащего внимания.

Непростой проблемой являются формы совместной деятельности структур уголовного правосудия с потерпевшим. До настоящего времени криминалистика и теория оперативно-розыскной деятельности, а также уголовно-процессуальное право специально не рассматривали этого вопроса, хотя разработка этой проблемы крайне необходима. В этом отношении снова обратимся к практике Комитета министров Совета Европы, который в этом направлении на одном из своих заседаний рекомендовал делать больший упор на совершенствовании отношений с общественностью, особенно на удовлетворении особых потребностей и запросов пользователей системы уголовного правосудия, средств массовой информации, добровольных организаций (например, ассоциаций пострадавших, отдельных граждан и их демократических институтов, парламентов, местных органов власти)².

Завершая рассмотрение настоящего вопроса, особо подчеркнем: *в обеспечении прав и законных интересов потерпевшего при производстве следственных действий в равной степени значимы как уголовно-процессуальная, так и криминалистическая составляющие. Их комплексное исследование имеет большое научное значение, поскольку позволяет посредством связи теории уголовного процесса и криминалистики согласовать отдельные научные подходы, определить перспективы изучения частных направлений, являющихся проблемными. Не менее значимы эти вопросы для реального правоприменения. Их изучение позволяет разработать научно обоснованные рекомендации для следователей и дознавателей по обеспечению прав и законных интересов потерпевшего посредством использования криминалистической тактики, осуществить деятельное вовлечение потерпевшего в процесс раскрытия и расследования преступления, что повысит эффективность его доступа к правосудию, позволит проявить активную позицию.*

---

¹ Рекомендация NR (85) 11: принята Комитетом министров 28 июня 1985 г. на 387-м заседании заместителей министров // Российская юстиция. 1997. № 7. С. 6.

² Там же. С. 4.

§ 2. Допрос потерпевшего и его участие в проведении очной ставки

Рассматривая значение уголовно-процессуального и криминалистического аспектов обеспечения прав и законных интересов потерпевшего при производстве следственных действий, мы частично касались проблематики правового регулирования допроса потерпевшего и тактики его производства. Но круг проблем, существующих в этой сфере, гораздо шире. Обратимся к исследованию тех, которые нами ранее не освещались.

В пункте 2 ч. 2 ст. 42 УПК РФ обозначено право потерпевшего давать показания. В части 5 этой же статьи указано, что потерпевший не вправе давать заведомо ложные показания или отказываться от дачи показаний. На основании этого в юридической литературе обоснованно подчеркивается, что дача показаний – это и право потерпевшего, и его обязанность¹. Однако считаем необходимым отметить, что для исполнения рассматриваемой обязанности законодателем сделано многое, а вот для реализации указанного права не предпринято практически ничего. Так, в уголовно-процессуальном законе установлены правила вызова лица на допрос (ст. 188 УПК РФ), указано на недопустимость уклоняться от явки по вызову дознавателя, следователя, суда (п. 1 ч. 5 ст. 42 УПК РФ), предусмотрены меры принуждения на тот случай, если потерпевший не будет являться по вызову без уважительной причины (ст. 112, 113 УПК РФ), наконец, определена уголовная ответственность за отказ от дачи показаний и дачу заведомо ложных показаний (ст. 307, 308 УК РФ). В то же время в законе не содержится обязанность дознавателя, следователя, суда, корреспондирующая праву потерпевшего давать показания. Из текста закона неясно, как должен действовать потерпевший, изъявивший желание дать показания в условиях, когда дознаватель или следователь не желают такие показания получить.

Рассматривая подходы к решению этого вопроса с позиций общих положений теории права и теории уголовного процесса, А.С. Бахта отмечает, что нормы уголовно-процессуального права имеют представительного-обязывающий характер. Как бы ни была сформулирована норма уголовно-процессуального права – в виде запрета или дозволения, предписания или ограничения, – она всегда в конечном счете, указывает на то, как может (должен) вести себя участник уголовного процесса в определенной процессуальной ситуации. В этом смысле нормы уголовно-процессуального права являются совокупностью установленных государством юридических возможностей и обязанностей субъектов уголовного процесса. Такие права и обязанности представляют собой две неразрывно взаимосвязанные стороны единого целого, ибо не существует ни одного процессуального права, осуществление которого не означало бы выполнение коррелятивной обязанности².

В органическом сочетании уголовно-процессуальных прав и обязанностей состоит двуединый (правообязывающий) характер любой уголовно-

---

¹ Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / науч. ред. В. Т. Томин, М. П. Поляков. М., 2012. С. 183.

² Бахта А.С. Механизм уголовно-процессуального регулирования: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2011. С. 146.

процессуальной нормы¹. Здесь имеется в виду не форма закрепления уголовно-процессуальной нормы, не та или другая статья УПК, а ее содержание как определенное правило поведения участника уголовного судопроизводства. Что же касается законодательного оформления норм уголовно-процессуального права, то поскольку объем и структура каждой из них не всегда совпадают с объемом и структурой закрепляющего ее нормативного акта, то отыскать в законе коррелятивные права и обязанности, составляющие содержание той или иной нормы, бывает нелегко.

Однако при обстоятельном изучении норм уголовно-процессуального права всегда можно обнаружить соответствующие права и обязанности, содержащиеся в каждой норме. Властные полномочия государственных органов и соответствующих должностных лиц не исключают, а, наоборот, предполагают систему многочисленных процессуальных прав всех участников уголовного судопроизводства, в том числе потерпевшего. Более того, система процессуальных прав участников процесса возлагает на органы, осуществляющие уголовное судопроизводство, известные обязанности – не только по разъяснению этих прав, но и по их реальному обеспечению (ч. 1 ст. 11 УПК РФ). С точки зрения П.С. Элькин, и с этим необходимо согласиться, отрицать двуединый характер уголовно-процессуальных норм – значит не только извращать существо таких норм, но и изображать уголовно-процессуальную деятельность компетентных органов государства и соответствующих должностных лиц, а также участников уголовного судопроизводства как носителей одних только процессуальных обязанностей, лишенных процессуальных возможностей по охране своих прав и законных интересов².

Мы привели теоретические суждения о том, что праву потерпевшего давать показания соответствует обязанность должностных лиц обеспечить реализацию этого права, причем эта обязанность находится где-то в тексте УПК РФ и ее необходимо отыскать или вывести логическим путем. Но такой вариант поведения достаточно сложен для современного правоприменителя, который готов исполнять только четкие и конкретные предписания закона. Поэтому во избежание разночтений в понимании текста и смысла закона предлагаем *п. 2 ч. 2 ст. 42 УПК РФ дополнить фразой: «дознатель, следователь, суд не могут отказать потерпевшему в реализации права давать показания».*

Рассмотренное нами субъективное право и юридическая обязанность потерпевшего давать показания воспринимается без особых затруднений, когда речь идет о физическом лице, потерпевшем от преступления. Но в соответствии с ч. 1 ст. 42 УПК РФ потерпевшим может быть признано юридическое лицо. Как в этом случае будут реализованы (исполнены) рассматриваемые право и обязанность?

---

¹ Юридическая процессуальная форма: теория и практика. М.: Юрид. лит., 1976. С. 246-247; *Божьев В.П.* Недостатки системного характера в регулировании процесса доказывания по уголовному делу // *Фундаментальные и прикладные проблемы управления расследованием преступлений: сб. науч. тр.: в 2 ч. Ч. 1.* М.: Академия управления МВД России, 2005. С. 7.

² *Элькин П.С.* Толкование и применение норм уголовно-процессуального права. М.: Юрид. лит., 1967. С. 18-20.

Ответ на этот вопрос И.Л. Петрухин сформулировал следующим образом: «... у потерпевших физических и юридических лиц сходные, однако не во всех случаях совпадающие по содержанию процессуальные интересы. В силу объективных причин они обладают не вполне одинаковыми правами. Различают и их обязанности. Во многом такое различие обусловлено особенностями оснований приобретения своего процессуального статуса указанными субъектами. Следует отметить и то, что они по-разному принимают участие в процессе доказывания. Так, потерпевший – физическое лицо ценно своими показаниями. Потерпевший – юридическое лицо показаний не дает. Если юридическое лицо имеет в уголовном процессе представителя, то он может давать суду объяснения»¹. В целом с данной позицией можно согласиться, тем более что она поддерживается и другими учеными-процессуалистами².

Вместе с тем возникает вопрос о форме сообщения сведений, имеющих значение для дела, представителем юридического лица. И.Л. Петрухин считает, что такой формой являются объяснения представителя. На наш взгляд, данный вариант является не совсем удачным, поскольку в уголовном судопроизводстве нет такого вида доказательств, как объяснения. И тем самым мы лишаем потерпевшего права представлять доказательства посредством сообщения устных сведений, имеющих значение для уголовного дела.

Как показало проведенное нами исследование, в правоприменении в таких ситуациях представителя потерпевшего допрашивают по-разному. В одних случаях он выступает в качестве свидетеля (38,4 %), в других – его допрашивают как потерпевшего (12,2 %). Имеет место также допрос этого участника в качестве представителя потерпевшего (49,4 %). Каждый из этих вариантов небезупречен с точки зрения закона, поэтому они получили неоднозначную оценку в юридической литературе. В частности, отмечается, что уголовно-процессуальное законодательство не предусматривает такого доказательства, как показания представителя, хотя имеются предложения о наделении его таким статусом³. Допрашивать представителя в качестве потерпевшего нет возможности, поскольку он потерпевшим не является. А право давать показания – личное, неотъемлемое право потерпевшего⁴.

Многие исследователи склоняются к тому, что в данном случае наиболее приемлемым является допрос такого участника в качестве свидетеля. Это суждение основывается на понятии свидетеля, сформулированном

---

¹ Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / под ред. И.Л. Петрухина. М.: Проспект, 2002. С. 79.

² Орлова А.А. Процессуальная деятельность следователя по взаимодействию с защитником, адвокатом, представителем // Предварительное следствие в органах внутренних дел: курс лекций / под ред. В.М. Мешкова. М.: Книжный мир, 2004. С. 144; Данышина Л.И. Возбуждение уголовного дела и предварительное расследование в уголовном процессе России: учеб. пособие для вузов. М.: Экзамен, 2003. С. 155.

³ Танцерева М.В. Потерпевший и его функция в уголовном процессе России: дис. ... канд. юрид. наук. Томск, 1999. С. 48; Иванов Д.А. Защита следователем прав и законных интересов юридических лиц, потерпевших от преступлений. М., 2009. С. 85.

⁴ Иванов Д.А. Защита следователем прав и законных интересов юридических лиц, потерпевших от преступлений. С. 85.

в ч. 1 ст. 56 УПК РФ. Действительно, представителю известны какие-то сведения, имеющие значение для дела, и поэтому предложенный подход может показаться разумным. Однако свидетель законодателем отнесен к числу иных участников судопроизводства, в то время как потерпевший – это участник со стороны обвинения. Исходя из этого, сведения, сообщенные представителем потерпевшего, необходимо расценивать как доказательства, полученные не от заинтересованного представителя стороны обвинения, а участника, не имеющего якобы в деле никакого интереса. Но это неверно. Кроме того, при данном подходе потерпевший – юридическое лицо лишается рассмотренного нами выше права давать показания. Это не соответствует положению о том, что статус потерпевшего един.

Выход, как нам представляется, может быть найден иным путем. В уголовном судопроизводстве потерпевший не всегда участвует как очевидец преступления. Нередко он может сообщить сведения только, например, о похищенном имуществе, его приметах, стоимости и пр. Такие показания, действительно, ближе к свидетельским. Тем не менее, лицо, пострадавшее от преступления, допрашивается в качестве потерпевшего, а в уголовном деле, соответственно, имеется доказательство, именуемое «показания потерпевшего». Подобное имеет место и при допросе представителя потерпевшего. И это, на наш взгляд, не должно быть препятствием для получения аналогичного доказательства. Кроме того, в ч. 8 ст. 42 УПК РФ законодатель предусмотрел ситуацию, когда вместо лица, фактически пострадавшего от преступления, потерпевшим может выступать один из его близких родственников. В этом случае такое лицо будет допрашиваться в качестве потерпевшего. Но его фактическое положение также близко к представителю юридического лица, которому непосредственно деянием вред не причинен, но которое призвано защищать интересы представляемого юридического лица. Проведя указанные выше параллели, мы посчитали возможным предложить включить в ст. 42 УПК РФ ч. 8.1 следующего содержания: *«8.1. При признании потерпевшим юридическое лицо правом давать показания потерпевшего обладает его представитель».*

Существенные ошибки в правоприменении связаны с реализацией положений уголовно-процессуального закона, получивших наименование «свидетельский иммунитет». Дело в том, что ни предписания ст. 51 Конституции РФ, ни аналогичные установления УПК РФ не дают ответа на массу вопросов, возникающих на практике. Например, неясно, с какого момента лицо является обладателем права не свидетельствовать против себя и близких родственников; всем ли свидетелям и потерпевшим необходимо разъяснять это право; надо ли предупреждать их при этом об уголовной ответственности за отказ от дачи показаний и дачу заведомо ложных показаний и др. Достаточно грамотные ответы на эти вопросы разработаны кафедрой уголовного процесса Омской академии МВД России. Более того, этим научным коллективом разработан и внедрен в практику протокол разъяснения положений ст. 51 Конституции РФ¹. Остается только сожалеть, что этот передовой опыт оставлен без внимания руководством следст-

---

¹ *Кальницкий В.В.* Следственные действия: учеб. пособие. Омск: Омская академия МВД России, 2003. С. 29-30.

венных аппаратов и не распространен повсеместно. Такие положения могли бы быть учтены и законодателем, но, к сожалению, этого также не произошло.

Потерпевший является одним из основных источников вербальной информации о совершенном преступлении, поэтому защита его прав и интересов во многом предопределяется объемом сообщенных на допросе сведений, имеющих значение для дела¹. Задача его допроса состоит в том, чтобы как можно полнее реализовать возможности пострадавшего на выдачу органам расследования криминалистической информации с учетом того, что в психологическом аспекте он находится под влиянием различных негативных обстоятельств субъективного и объективного характера.

Основными из этих обстоятельств с объективной стороны является материальная обстановка, а с субъективной стороны – астеническое состояние его психики, возникшее во время совершения преступления и длящееся зачастую на протяжении всего производства по уголовному делу².

Общим правилом допроса потерпевшего должно стать взаимопонимание и последующее взаимодействие. Никакого высокомерия, пренебрежения к личности и мнению потерпевшего проявлять недопустимо. Анализ материалов служебных расследований, произведенный П.В. Сердюк и А.Т. Тимербаевым, показал, что неумение установить психологический контакт с допрашиваемым, а также избрание высокомерного, указательного для допрашиваемого тона является одной из распространенных причин типикового исхода при решении следственных и оперативных задач³. Ошибочно полагать, что потерпевший, ищущий защиты своих прав у органов расследования, по причине своей зависимости вынужден занимать приниженную роль в процессе расследования преступления. Кроме того, такое неравное взаимодействие невыгодно для дела, так как оно не способствует развитию активности у потерпевшего.

С другой стороны, нельзя приравнивать положение потерпевшего к подозреваемому или обвиняемому. Между этими участниками уголовного процесса не может быть равенства. Подозреваемый и обвиняемый, как правило, защищаются от предъявляемого им обвинения, а потерпевший, как лицо, пострадавшее от их деяний, инициирует обвинение, и поэтому он обвинитель. К тому же потерпевший чаще всего является основным носителем информации о случившемся событии, и потому исключить его из круга своеобразных свидетелей невозможно. Кроме того, как правило, своим заявлением с просьбой о привлечении к уголовной ответственности лиц, совершивших преступление, потерпевший и себя обязывает участвовать в доказывании обстоятельств дела, хотя он может и не проявлять чрезмерную активность в этом, а ограничиться лишь минимальным участием, поскольку

---

¹ Курс уголовного судопроизводства: учеб.: в 3 т. Т. 2: Досудебное и судебное производство. М.: Изд-во Московского психолого-социального ин-та; Воронеж: МОДЕК, 2006. С. 177.

² Дулов А.В. Судебная психология. Минск, 1975. С. 318; Криминалистика. Полный курс: учеб. / под общей ред. А.Г. Филиппова. С. 359-363.

³ Сердюк П.В., Тимербаев А.Т. Психологические аспекты расследования преступлений. Хабаровск, 1993. С. 3.

бремя доказывания закон в конечном итоге возлагает на органы расследования и прокурора.

Регуляция указанного поведения сложна и требует от органов расследования познаний в психологии человека и умения пользоваться ими в интересах дела, что порой не удается даже подготовленным следователям.

Знание психологии человека позволяет решать многие проблемы, возникающие в процессе расследования при проведении допросов, в том числе потерпевшего. Однако наряду с традиционными, часто применяемыми тактическими приемами допроса, для достижения его целей, то есть получения полной и достоверной информации, порой предлагаются другие средства и методы, основанные на психических процессах, происходящих в человеке. По этому поводу в литературе описываются некоторые нетрадиционные способы получения правдивых показаний, допустимость которых вызывает спор у ученых-юристов. Например, с целью получения правдивой информации в случаях умышленной дачи ложных показаний либо при затруднении вспомнить обстоятельства преступного события В.А. Образцов и С.Н. Богомолова, анализируя накопленный зарубежный и отечественный опыт, поддерживают использование и предлагают тактику применения таких средств и методов, как полиграф, гипноз и хронобиология (биоритмология)¹.

С точки зрения допроса потерпевшего, хотелось бы остановиться на использовании гипноза для выявления полной и достоверной информации у жертвы преступления, которая желает ее предоставить, но в силу состояния своей психики не может этого сделать. Совершение преступления, тем более, если оно имеет насильственный характер, вызывает у человека аффективное состояние, которое сопровождается глубокими нарушениями функций в организме. Причем максимальные изменения происходят в «высших нервно-психических процессах: мышлении, скорости и правильности ответов организма, распределении и устойчивости его внимания»². Эти и другие процессы могут пагубно повлиять на способность потерпевшего вспомнить обстоятельства преступления. Как показывает практика, опрос потерпевшего, находящегося в гипнотическом состоянии, позволяет восстановить в его памяти обстоятельства и даже мелкие особенности преступления. Безусловно, такая практика вдохновляет пострадавшее лицо согласиться и даже инициировать введение его в состояние гипноза для того, чтобы, погружившись в него, вспомнить, что с ним произошло и, главное, приметы преступника. Поэтому В.И. Комиссаров и О.А. Лакаева правильно считают, что «при решении вопроса об использовании гипноза в процессе расследования уголовного дела, в частности, в конфликтной ситуации, необходимо также учитывать стремление потерпевшего оказать посильное содействие в раскрытии и расследовании преступления. На наш взгляд, следует создавать все условия для потерпевших, желающих помочь следственным орга-

---

¹ *Образцов В.А., Богомолова С.Н.* Криминалистическая психология. М.: ЮНИТА-ДАНА, Закон и право, 2002. С. 246-301.

² *Лурия А.Р.* Психология в определении следов преступления // Научное слово. М. – Л., 1928. С. 3.

нам, даже если информация будет получена нетрадиционным способом»¹. Вступая в продолжающийся спор, в котором сторона, признающая гипноз, по нашему представлению, явно превалирует, отметим, что отказываться от него, а тем более в вышеуказанных ситуациях, нельзя. Более того, следует совершенствовать тактику его применения.

Сторонниками криминалистической гипнологии предлагаются обстоятельные технологии применения гипноза при допросах. В частности, они считают, что гипноз может применяться только в отношении потерпевших и только с их письменного согласия, а в исключительных случаях – при допросе подозреваемых и обвиняемых, но только при наличии их письменного ходатайства. Названные авторы также считают, что показания под гипнозом не могут оцениваться в качестве доказательств, но служат надежным ориентиром при решении следственных задач.

Надо отметить, что проблема возможности использования гипноза при допросах в уголовном судопроизводстве появилась еще в начале советского периода. Большинство процессуалистов и некоторые криминалисты отнеслись к применению гипноза отрицательно. Одним из принципиальных противников применения гипноза в следственной деятельности был А.М. Ларин. В одном из своих трудов по криминалистике он писал: «В гипнотическом состоянии человек беспомощен, не способен контролировать ситуацию, отстаивать свои права, осуществлять обязанности, а потому не несет ответственности за высказывания и поступки. Подчиняясь внушению гипнотизера, он может наговорить что угодно на себя и на других, поэтому показания под гипнозом нельзя допускать в качестве доказательств по уголовному делу. Это может привести к опасным судебным ошибкам. Применение гипноза в иных целях, помимо медицинских, производство его «специалистом-гипнотизером, имеющим юридическую подготовку», а не врачом опасно для здоровья гипнотизируемого»².

В приведенной цитате уважаемого всеми криминалистами ученого явно видится необоснованное упрямство, как, впрочем, и в прежних его трудах по теме применения гипноза. Никто из сторонников гипноза, как ранее, так и теперь, не предлагал использовать показания, полученные под гипнозом, в качестве доказательств. Речь идет о получении дополнительной, хотя и непроцессуальной, информации, дефицит в которой постоянно испытывает следствие. Как и прежде, автор рассматривал применение гипноза при допросе только под углом зрения инициативы следственных органов, что оборачивается в форму обязанности допрашиваемого подвергнуть себя гипнозу. Однако сторонники гипноза никогда не настаивали на принуждении участников уголовного процесса подвергнуть себя гипнозу. Они всегда считали, что решение о применении гипноза может быть принято только лишь после согласия на это допрашиваемого. Такой подход, на наш взгляд, согласовывается с положениями ст. 9 УПК РФ, где, в частности, указывается, что недопустимы действия, создающие опасность для жизни и здоровья лица, участвующего в уголовном судопроизводстве. Аналогичные

---

¹ Комиссаров В.И., Лакаева О.А. Тактика допроса потерпевших от преступлений, совершаемых организованными группами лиц. М.: ЮНИТА-ДАНА, 2004. С. 113.

² Ларин А.М. Криминалистика и паракриминалистика. М.: Юрид. лит., 1986. С. 133.

установления имеются в ч. 4 ст. 164 УПК РФ, определяющей общие правила производства следственных действий.

Что касается допроса потерпевшего, то в русле поставленных нами проблем надо иметь в виду, что потерпевший от преступления вместе с органом расследования является обвинителем в состязательном процессе и заинтересован в доказывании преступления. Поэтому для достижения этой цели мобилизация всех его возможностей, направленных на пополнение информации о преступнике и его действиях, оправдана.

Немаловажным в обозначенной нами дискуссии является вопрос о правовой основе использования гипноза при допросе потерпевшего. С одной стороны, лицо, способное применить гипноз, с точки зрения уголовного судопроизводства является специалистом. Участие такого субъекта законом допускается, причем в основу принятия решения об этом, как правило, положено усмотрение следователя. Он же выбирает конкретное лицо, обладающее необходимыми знаниями. В нормах, регламентирующих допрос потерпевшего, не говорится о возможности привлечения к участию в этом действии специалиста, однако такое дозволение предусмотрено общими предписаниями. Так, в части 1 ст. 168 УПК РФ говорится, что следователь вправе привлечь к участию в следственном действии специалиста в соответствии с требованиями ч. 5 ст. 164 УПК РФ. При этом законодатель не дает перечня следственных действий, т.е. надо полагать, что это предписание относится к любому из них. В части 5 ст. 164 УПК РФ изложены, скорее, процедурные моменты, которые необходимо соблюдать при привлечении специалиста к производству следственного действия. Там, что для нас также важно, нет запрета обращаться к помощи специалиста при осуществлении допроса. В некоторых ситуациях участие специалиста при осуществлении допроса является обязательным (например, педагог или психолог при допросе несовершеннолетнего). Нередко следователи при осуществлении допроса пользуются помощью специалиста, который оказывает содействие в применении аудио- или видеозаписи. И сомнений в законности подобных действий не возникает. Они появляются только тогда, когда речь заходит об использовании гипноза.

С учетом изложенного у нас есть основания считать, что причиной настороженного отношения к применению гипноза при допросе потерпевшего является не специфика использования таких специальных знаний, а недоверие к полученным таким образом результатам. Наглядно это продемонстрировал в своих работах А.М. Ларин¹. Но недоверие (с точки зрения достоверности) может возникнуть к любому доказательству. Поэтому в ст. 17 УПК РФ законодатель указал, что доказательства должны оцениваться по внутреннему убеждению, основанному на совокупности имеющихся в уголовном деле доказательств, руководствуясь при этом законом и совестью. И, самое главное, никакие доказательства не имеют заранее установленной силы. Если исходить из этих фундаментальных положений, то использование гипноза при допросе потерпевшего не представляется угрозой для уголовного судопроизводства.

---

¹ Ларин А.М. Криминалистика и паракриминалистика. М.: Юрид. лит., 1986.

Пока идет спор о целесообразности применения гипноза при допросах, правоприменители обязаны решать задачи информационного обеспечения уголовного расследования в рамках совершенствования существующих процессуальных норм и допустимых тактических приемов допроса, и в частности потерпевшего. Действующее уголовно-процессуальное законодательство полностью приравнивает потерпевшего в период допроса к свидетелю. Выше подчеркивалось, что отождествлять свидетеля и потерпевшего как участников уголовного процесса при допросе недопустимо. Особенно недопустимо такое отождествление, когда получение вербальной информации сочетается с реализацией субъективных прав допрашиваемого. Потерпевший не только источник криминальной информации, но одновременно с этим:

- субъект, по волеизъявлению которого, как правило, возникло производство по конкретному уголовному делу;
- участник уголовного процесса, от волеизъявления которого в известных случаях зависит его прекращение;
- участник уголовного судопроизводства, от волеизъявления которого зависит возобновление приостановленного или прекращенного производства по уголовному делу;
- наконец, самое главное – это участник, наделенный правом и возможностью участвовать в процессе доказывания обстоятельств совершенного преступления.

Из этого можно сделать вывод, что допрос потерпевшего должен отличаться от допроса свидетеля. Такое отличие особенно проявляется в начале допроса, когда производящее допрос должностное лицо обязано сначала разъяснить права и обязанности потерпевшего не только в объеме ст. 307, 308 УК РФ, но главным образом в аспекте его прав и значения в период расследования уголовного дела. В правоприменении состояние дел в этой сфере выглядит далеко не лучшим образом. Проведенный нами опрос лиц, пострадавших от преступления, показал, что ни одному из потерпевших его права и обязанности не были разъяснены должным (с точки зрения респондентов) образом¹. При этом отмечено, что дознаватели и судьи даже не предпринимали попыток сделать это. Отдельные из них позволяли прочитать перечень этих прав, отраженных в бланке постановления о признании потерпевшего (24,7 %), другие называли некоторые из прав, после чего просили поставить подпись в документе (47,3 %), и третьих интересовала только подпись в постановлении о признании потерпевшим (28 %).

В свете обширных прав потерпевшего следователь или дознаватель должен разрабатывать тактику допроса для решения двойственной задачи: 1) наиболее полного обеспечения защиты прав и интересов потерпевшего; 2) активизации усилий и возможностей потерпевшего для установления обстоятельств по делу, указанных в ст. 73 УПК РФ.

Тактика допроса потерпевшего, на наш взгляд, должна основываться на следующих положениях:

---

¹ Интервьюирование проводилось в городах Владивостоке, Екатеринбурге, Омске, Н. Новгороде.

1. Надлежит выяснить позицию потерпевшего – насколько она активна и твердо направлена на отыскание и наказание преступника. Следует возбудить в нем желание действовать и при этом выяснить, какие возможности имеются у потерпевшего по содействию органам расследования. Важно разъяснить, что его права и обязанности во многом совпадают с интересами и задачами органов расследования.

2. Если потерпевший не может указать на подозреваемого, надлежит выяснить его версии о совершенном преступлении, его механизме в целях их предстоящей проверки и организации розыска преступника.

В следственной тактике обоснованно бытует мнение о правомерности существования версий потерпевших¹. В свое время мнение по этому поводу высказал А.Ф. Реховский, который считает, что о версии потерпевшего можно говорить лишь условно². Однако, на наш взгляд, при современном формировании статуса потерпевшего как обвинителя в уголовном процессе условность, указанная А.Ф. Реховским, может быть снята. В связи с этим у нас имеется некоторая неудовлетворенность предписаниями, содержащимися в п. 2 ч. 2 ст. 75 УПК РФ, где говорится, что недопустимыми являются показания потерпевшего, основанные на догадке и предположении. С одной стороны, такие сведения и не могут быть доказательствами. Это всего лишь предположения и догадки. Более того, приговор суда никогда не должен быть основан на предположениях (ч. 4 ст. 14 УПК РФ). Сомнения в доброкачественности таких показаний возникают не в связи с нарушениями закона, допущенными при получении показаний, а в связи с соответствием реальной действительности, то есть достоверности. Поэтому считать их недопустимыми ошибочно. Что же касается оценки достоверности таких показаний, то ее надо осуществлять в совокупности с иными доказательствами. С другой стороны, данными формулировками законодатель заблокировал возможность участия потерпевшего в формировании предположений, версий, о значимости которых мы говорили выше. При этом наблюдается и некоторая непоследовательность законодательного регулирования. В части 3 ст. 80 УПК РФ законодатель определяет заключение специалиста как его суждение, то есть мнение, предположение, догадку. Таким образом, почему-то предположение специалиста является доказательством, а предположение потерпевшего к таковым не относится. В связи с этим, *представляется необходимым исключить из ч. 2 ст. 75 УПК РФ пункт 2.*

Заканчивая допрос, дознавателю, следователю следует согласовать с потерпевшим два важных, на наш взгляд, вопроса. Во-первых, надлежит выяснить, не планирует ли потерпевший производить какую-либо самостоятельную деятельность в отношении случившегося. И в связи с этим следует предупредить, чтобы без уведомления и согласия органов следствия никаких действий не производилось, потому что они могут принести вред расследованию дела (например, разглашение тайны следствия и пр.).

---

¹ Криминалистика / под ред. Р.С. Белкина, Г.Г. Зуйкова. М.: Юрид. лит., 1980. С. 37; Бурданова В.С. Выдвижение и проверка версий защиты при расследовании преступлений. Л.: Прокуратура СССР, Институт усовершенствования следственных работников, 1983. С. 32.

² Реховский А.Ф. Теоретические основы учения о криминалистических версиях. Владивосток, 1996. С. 33.

Во-вторых, известно, что преступники, особенно участники организованных преступных групп или родственники подозреваемых и обвиняемых, принимают меры по уговору, подкупу, угрозе и даже применяют насилие в отношении свидетелей и потерпевших, препятствуя им в даче правдивых показаний следствию и суду. Поскольку потерпевшие более подвержены такому давлению, органы расследования обязаны разъяснить возможности правоохранительных органов по обеспечению их защиты и договориться, что в каждом случае подобных действий они немедленно должны сообщить органу расследования для принятия соответствующих мер.

Не менее важной из следственных действий и тактически сложной является очная ставка, направленная на устранение существенных противоречий в показаниях ранее допрошенных лиц. Поскольку принято считать, что очная ставка является разновидностью допроса, то ее проведение осуществляется по правилам, регламентирующим допрос¹. При этом актуальны все те положения, которые мы ранее высказали по поводу осуществления этого следственного действия. Однако для достижения требуемого результата проведения очной ставки следователь, дознаватель должны обладать высокими профессиональными качествами, иначе очная ставка, «как правило, приносит больше вреда, чем пользы»². В рамках данного исследования хотелось бы отметить, что очная ставка выделяется среди других следственных действий тем, что в ней часто участвует потерпевший. Это значит, что активный, правдивый и принципиальный потерпевший может играть весомую роль при установлении фактических обстоятельств дела. Поэтому, как нам представляется, задача органа расследования заключается в умелом и правильном использовании его потенциала. Смысл очной ставки, – отмечает В.В. Кальницкий, – состоит во взаимном психологическом воздействии ее участников друг на друга путем дачи показаний непосредственно перед лицом «оппонента» («глаза в глаза»)³.

Очная ставка проводится при наличии существенных противоречий в показаниях участников уголовного процесса с целью установления их причин и устранения. Такие противоречия достаточно часто и возникают между подозреваемым (обвиняемым) и потерпевшим. Природа их, как правило, конфликтная, возникающая от того, что подозреваемый или обвиняемый защищаются от обвинительных показаний потерпевшего. При этом они не гнушаются применением методов напористого наступления, доходящего до наглости, угроз, оскорблений, или, наоборот, применить слезливые просьбы.

Изобличение лжи, установление достоверной информации об обстоятельствах преступного события при производстве очной ставки для следователя иногда проходит в сложной обстановке. Существенную помощь здесь может оказать потерпевший как лицо, чаще более склонное к даче правдивых показаний и установлению истины. И эту помощь целесообразно использовать. Это не означает, что следователь должен вступить с по-

---

¹ Семенцов В.А. Следственные действия: учеб. пособие. Екатеринбург: Изд-во Ур-ГЮА, 2003. С. 71.

² Зорин Г.А. Руководство по тактике допроса. М.: Юрлитинформ, 2001. С. 12.

³ Кальницкий В.В. Следственные действия: учеб. пособие. Омск: Омская академия МВД России, 2003. С. 57.

терпевшим в сговор. Относиться к показаниям потерпевшего следует так же, как и к другим, оценивая их критически, сопоставляя с имеющимися доказательствами по делу. И, тем не менее, заботясь о выполнении поставленных задач расследования, следователь должен побеспокоиться о недопущении воздействия на потерпевшего его оппонента, желающего склонить к изменению или отказу от правдивых показаний.

Следует согласиться с А.В. Дуловым и П.Д. Нестеренко, что «очная ставка организуется для усиления психического воздействия на лицо, дающее ложное показание. ... При такой очной ставке второй ее участник является специфическим средством воздействия»¹. Наиболее воздействующим участником в данном случае является потерпевший. Правильно указывается авторами на недопустимость того, что для указанной роли потерпевшего необходимо подготовить². Такое утверждение без специального пояснения может быть истолковано по-разному. Думается, нет ничего плохого в том, что некоторых потерпевших, например, пострадавшую, накануне ее встречи с насильником, не касаясь ее показаний, можно убедить в том, чтобы она успокоилась, не робела, объяснить, что она находится под защитой органа расследования и ей ничего не угрожает.

В части 9 ст. 166 УПК РФ указано, что при необходимости обеспечить безопасность потерпевшего, его представителя, свидетеля, их близких родственников, родственников и близких лиц следователь вправе в протоколе следственного действия, в котором участвуют потерпевший, его представитель или свидетель, не приводить данные об их личности. В этом случае следователь с согласия руководителя следственного органа выносит постановление, в котором излагаются причины принятия решения о сохранении в тайне этих данных, указывается псевдоним участника следственного действия и приводится образец его подписи, которые он будет использовать в протоколах следственных действий, произведенных с его участием. Постановление помещается в конверт, который после этого опечатывается и приобщается к уголовному делу. Данное правило распространяется, в частности, на производство очной ставки. Однако, по нашему мнению, оно безопасность потерпевшему не обеспечивает. Какой смысл в том, что данные о потерпевшем не будут указаны в протоколе очной ставки, в то время когда сам потерпевший должен предстать перед обвиняемым в момент ее осуществления? Обоснованность таких сомнений подтверждается и анализом правоприменения. Существуют ситуации, когда потерпевший, давший детальные показания о произошедшем событии, не решается повторить их во время очной ставки с обвиняемым именно из-за боязни наступления неблагоприятных для него последствий и, в частности, угроз со стороны обвиняемого или лиц из числа его окружения. По мнению опрошенных нами дознавателей и следователей, с таким явлением они сталкиваются в 27,3 % случаев.

Законодателем учтены подобные ситуации, но только применительно к другому следственному действию – предъявлению лица для опознания. В части 8 ст. 193 УПК РФ говорится о том, что в целях обеспечения безо-

---

¹ Дулов А.В., Нестеренко П.Д. Тактика следственных действий. Минск, 1971. С. 100.

² Там же. С. 99.

пасности опознающего предъявление лица для опознания по решению следователя может быть проведено в условиях, исключающих визуальное наблюдение опознающего опознаваемым. Но, как мы отметили выше, подобные ситуации характерны и для очной ставки. В связи с этим, по нашему мнению, необходимо подобные меры предусмотреть и в процедуре производства рассматриваемого следственного действия. Для этого следует дополнить ст. 192 УПК РФ частью 7 следующего содержания: «7. В целях обеспечения безопасности участников очной ставки она по решению следователя может быть проведена в условиях, исключающих визуальное наблюдение допрашиваемыми друг друга».

Следователю выгодно, чтобы потерпевший во время очной ставки вел себя активно и наступательно. Таким поведением он поможет решить задачу следственного действия, склоняя подозреваемого или обвиняемого к даче правдивых показаний. Но одного этого недостаточно. Другим тактическим приемом для изобличения во лжи на очной ставке является установление очередности дачи показаний. В литературе зачастую рекомендуется начинать очную ставку с показаний лица, которое дает правдивое показание¹. Такой порядок, по нашему мнению, не всегда поможет решить задачу получения правдивых показаний. Дело в том, что, выслушивая в первую очередь правдивые показания, изобличаемый убеждается в своей невыгодной позиции и невольно выбирает выгодные для себя варианты ответов, ведет подготовку к ним, оставаясь на своей прежней позиции. При этом никто не возмущается этим его поведением. Очная ставка идет спокойно. Другое дело, когда в начале очной ставки перед потерпевшим проходят ложные оправдательные показания, которые у честного, к тому же обиженного человека, не могут не вызвать возмущение и гнев. Тогда у потерпевшего невольно повышается его мобилизационное состояние, желание выразить, опровергнуть и доказать, что происходило на самом деле.

В связи с изложенными задачами и тактикой проведения очной ставки с потерпевшим закономерно возникает потребность объяснить, какое значение в системе доказывания должны занять результаты проведенной очной ставки в случае, когда дающее ложные показания лицо будет поставлено на объективные, правдивые позиции своего поведения? Ведь само по себе признание обвиняемого или подозреваемого в современных условиях действия демократических принципов в уголовном процессе могут быть и не приняты за истину. Но если после признаний подозреваемый или обвиняемый в их подтверждение показывает, в каком месте, например, им закопан труп, оружие или иные вещественные доказательства, то такие признательные показания, овеществляясь, являются надежными указателями на лицо, совершившее преступление.

Здесь рассмотрена лишь одна, наиболее часто повторяющаяся ситуация очной ставки. В практической деятельности их значительно больше. Надо сказать, что и в других случаях можно мобилизовать усилия потерпевших для изобличения виновных лиц и установления истины по делу.

Имеется некоторая специфика в тактике проведения очной ставки с участием несовершеннолетнего потерпевшего. Принимая решение о произ-

---

¹ Криминалистика. Полный курс: учеб. / под общей ред. А.Г. Филиппова. С. 381-382.

водстве такого следственного действия, следователь должен учитывать возрастные особенности, в том числе особенности психики, способности подростка, а также их влияние на ход и результаты очной ставки¹. В основе очной ставки лежит получение показаний в условиях, когда могут быть поставлены под сомнение показания несовершеннолетнего, поэтому рекомендуется к участию в этом действии привлекать специалиста. Кроме того, А.Б. Соловьев указывает на необходимость очень взвешенно подходить к принятию решения о выполнении такого следственного действия. И, в частности, полагает, что малолетние в возрасте до 7 лет не должны быть участниками очных ставок ни при каких обстоятельствах. Очная ставка с участием несовершеннолетних в возрасте от 7 до 16 лет возможна только в исключительных случаях, когда были использованы и не дали результатов другие способы установления истины по спорным обстоятельствам². На наш взгляд, такое мнение может быть учтено в реальном правоприменении, но к нему не следует относиться как к категоричному. Жизненные ситуации настолько многообразны, что исключить полностью возможность осуществления очной ставки между малолетним и взрослым не представляется возможным. Тем более, что и криминалистика, и уголовно-процессуальный закон предоставляют этому участнику определенные гарантии обеспечения его прав и интересов.

Таким образом, *допрос потерпевшего и его участие в производстве очной ставки являются основными способами получения от этого субъекта вербальной информации, а также непосредственного контакта со следователем при приобретении необходимой для производства расследования информации. Активная позиция потерпевшего в ходе осуществления этих действий – залог успеха в обеспечении его прав и законных интересов. Вместе с тем для эффективного выполнения этой задачи необходимо устранение ряда законодательных погрешностей и восполнения пробелов в праве, а также совершенствование отдельных элементов криминалистической тактики.*

§ 3. Участие потерпевшего в осмотре и освидетельствовании

В рамках настоящего вопроса мы решили выяснить наличие возможности, а также необходимость участия потерпевшего в осмотре и освидетельствовании, впрочем, как и в других следственных действиях, и значение этого для обеспечения прав и законных интересов рассматриваемого участника уголовного процесса.

Первый вопрос возник потому, что УПК РСФСР не оговаривал ситуаций, связанных с участием потерпевшего в производстве следственных действиях, хотя в правоприменении они имели место и разрешались по-разному. В УПК РФ законодатель использовал иной подход. Его-то мы и посчитали необходимым проанализировать.

---

¹ Зайнуллин Р.И. Присутствие педагога при проведении очной ставки с участием несовершеннолетнего обвиняемого // Закон и право. 2007. № 4. С. 77.

² Соловьев А.Б. Очная ставка на предварительном следствии. М., 2007. С. 19.

Несмотря на отсутствие необходимой правовой базы в дореформенный период, криминалисты рассматривали потерпевшего в качестве активного участника следственных действий. Такого взгляда придерживались и придерживаются в настоящее время многие авторы. Так, например, участие потерпевшего в осмотре места происшествия с позиции следственной тактики в ряде случаев считается вполне допустимым и даже необходимым. Это мнение высказывают авторы учебного пособия по расследованию отдельных видов преступлений¹. На аналогичной позиции находятся авторы «Руководства для следователей», которые высказывали точку зрения о возможности участия в осмотре места происшествия многих субъектов уголовного процесса. По их мнению, потерпевший и его представитель могут с пользой для дела принимать участие в осмотре места происшествия².

Некоторые авторы не без оснований рассматривают участие потерпевшего в осмотре места происшествия не только как его право, но и обязанность. В частности, Н.А. Селиванов и В.И. Теребилов полагали, что следователь обязан привлекать к участию в освидетельствовании обвиняемого, подозреваемого, потерпевшего, свидетеля³. С.А. Шейфер отмечал, что при проведении любого следственного действия роль участников должна определяться с учетом их правового статуса, регламентация которого выходит за пределы отдельных норм о допросе, осмотре и т.д.⁴. Авторы екатеринбургского учебника по криминалистике также признавали право следователя привлекать к осмотру места происшествия потерпевшего⁵.

Как мы отметили выше, современный законодатель предпринял некоторые попытки урегулировать такие ситуации. В пункте 9 ч. 2 ст. 42 УПК РФ среди прав потерпевшего он указал: «участвовать с разрешения следователя или дознавателя в следственных действиях, производимых по его ходатайству либо ходатайству его представителя». Статья 53 УПК РСФСР 1960 г., регламентирующая понятие и правовой статус потерпевшего, подобных предписаний не содержала, тем самым потерпевший на законодательном уровне получил возможность участвовать в следственных действиях. Обратим внимание на то, что в данном случае законодатель не ограничил круг следственных действий, на которые распространяется данное правило. Однако рассматриваемое право потерпевшего может быть реализовано только при наличии двух условий: 1) следственное действие осуществляется по ходатайству потерпевшего или его представителя; 2) следователь разрешил присутствовать потерпевшему при производстве этого действия. На наш взгляд, эти оговорки, а смысл их вытекает из положений п. 9 ч. 2 ст. 42 УПК РФ, делают рассматриваемое право потерпевшего ограниченным. Возможно, это побудило И.М. Ибрагимова настаивать на том, что для реальной защиты своих прав и законных интересов потерпевший должен иметь возможность присутствовать или даже участвовать по своему жела-

¹ Расследование отдельных видов преступлений. Воронеж, 1986. С. 87.

² Руководство для следователей. М.: Норма, 1998. С. 266.

³ Селиванов Н.А., Теребилов В.И. Первоначальные следственные действия. М.: Юрид. лит., 1969. С. 18.

⁴ Шейфер С.А. Следственные действия: система и процессуальная форма. М.: Юристъ, 2001. С. 122.

⁵ Криминалистика / под ред. И.Ф. Герасимова и Л.Я. Драпкина. М., 1994. С. 341.

нию во всех следственных действиях¹. Здесь же поясним, что таким правом, в силу предписаний ч. 3 ст. 45 УПК РФ, пользуется и представитель потерпевшего, что особо актуально, когда потерпевшим является юридическое лицо.

Из приведенных выше законодательных предписаний неясен механизм получения потерпевшим разрешения следователя на участие в следственном действии. Осуществляя анализ материалов уголовных дел, мы ни в одном из них не обнаружили каких-либо следов разрешения этого вопроса, поэтому было неясно, почему в одних случаях потерпевший участвовал в следственном действии, в других – нет. Опрос дознавателей и следователей убедил нас, что в решении таких вопросов преобладает субъективизм, хотя в ряде случаев сочетающийся с целесообразностью. Для того, чтобы оставаться в правовом поле, данные ситуации, на наш взгляд, необходимо разрешать посредством использования правового института ходатайств. Иными словами, потерпевшему, обращающемуся к следователю с ходатайством о производстве отдельного следственного действия, в этом документе следует одновременно изложить просьбу о допуске его к производству данного действия. Следователь, разрешая такое ходатайство в порядке гл. 15 и ст. 159 УПК РФ, может положительно отреагировать на обе просьбы, т.е. принять решение о производстве следственного действия и допустить к этой процедуре потерпевшего. Может удовлетворить только просьбу о производстве следственного действия либо отказать в удовлетворении ходатайства. Данный способ, на наш взгляд, будет носить официальный характер, находить отражение в материалах уголовного дела, позволять более обоснованно и аргументированно (со ссылкой на постановление следователя об отказе в удовлетворении ходатайства) обжаловать решение должностного лица. *Считаем, что именно такой вариант поведения должен быть выработан в правоприменительной практике.*

Возвращаясь к предписаниям п. 9 ч. 2 ст. 42 УПК РФ, считаем необходимым отметить, что здесь обнаруживается не только право потерпевшего, но и потенциал следователя привлечь данного субъекта к участию в следственном действии, который, по нашему мнению, можно определить как право, а не обязанность. Причем такое право следователя детерминировано теми же условиями, что и право потерпевшего: оно может быть реализовано в отношении любого следственного действия, о производстве которого заявлено ходатайство потерпевшим.

Несколько иное смысловое значение мы обнаруживаем в положениях ч. 5 ст. 164 УПК РФ. Здесь говорится, что «следователь, привлекая к участию в следственных действиях участников уголовного судопроизводства, указанных в главах 6-8 настоящего Кодекса, удостоверяется в их личности, разъясняет им права, ответственность, а также порядок производства соответствующего следственного действия. Если в производстве следственного действия участвует потерпевший, свидетель, специалист, эксперт или пере-

---

¹ *Ибрагимов И.М.* Концептуальные проблемы правомерных возможностей защиты прав потерпевшего и вопросы совершенствования законодательства в процессе доказания в российском уголовном судопроизводстве // Российская юстиция. 2012. № 1. С. 31.

водчик, то он также предупреждается об ответственности, предусмотренной статьями 307 и 308 Уголовного кодекса Российской Федерации».

Это предписание также не содержит перечня следственных действий, на которое оно распространяется, т.е. область его применения широка. Однако в этом случае привлечение потерпевшего к участию в следственном действии не связано с его ходатайством о проведении данного действия. Словосочетание «следователь, привлекая ...» мы склонны понимать как дозволение, т.е. право, предоставленное законодателем. Исходя из предложенных суждений, можно констатировать, что уголовно-процессуальное законодательство наделяет следователя правом привлечь потерпевшего к участию в любом следственном действии.

Считаем необходимым особо подчеркнуть, что с позиции криминалистической тактики и более глубокого всестороннего познания обстоятельств преступления участие потерпевшего в следственном действии представляется выгодным и полезным для следователя. Разумеется, данное правило нельзя признать абсолютным для всех случаев без исключения, так как в период следствия могут складываться и такие ситуации, когда интересы следствия и потерпевшего расходятся. Но подобные случаи следует отнести к исключениям¹.

Полезность участия потерпевшего в производстве следственных действий, и в частности в осмотре, отмечают многие авторы, хотя значимость этого определяется по-разному. Так, по мнению М.В. Игнатъевой, участие потерпевшего в следственных действиях в ряде случаев должно стать обязательным, что позволит: 1) быстрее и эффективнее произвести следственное действие; 2) лучше выяснить мотивы, предпосылки и условия совершенного преступления; 3) избежать недоработок на предварительном следствии, в том числе путем проведения следственных действий по ходатайствам потерпевшего и его представителя, проверки выдвинутых ими версий произошедшего, установления его механизма и участников². По мнению иных авторов, в этой области должны существовать разумные начала, не препятствующие осуществлению правосудия в целом³.

Для уяснения этого вопроса, в первую очередь, обратимся к предписаниям закона, регламентирующим производство осмотра. В зависимости от объекта осмотра законодатель называет несколько видов такого действия: осмотр места происшествия, местности, жилища, иного помещения, предметов, документов, трупа. В юридической литературе принято считать, что особым видом следственного осмотра является осмотр живых людей – освидетельствование. При этом отмечается, что ввиду его отчетливо выраженной специфики освидетельствование может рассматриваться как самостоятельное следственное действие, хотя правильнее считать его разновид-

¹ Подробнее об этом см.: *Синенко С.А.* Участие потерпевшего в расследовании преступлений: монография. Владивосток: Изд-во Дальневосточного ун-та, 2007. С. 81-83.

² *Игнатъева М.В.* Процессуальные и организационные вопросы соблюдения прав и законных интересов потерпевших и обеспечение их личной безопасности: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2000. С. 102-103.

³ *Жеребятъев И.В.* Личность потерпевшего в современном уголовном судопроизводстве России: монография. Оренбург: РИК ГОУ ОГУ, 2004. С. 150-152.

ностью осмотра¹. Несколько особым является и осмотр места происшествия, поскольку таковым может быть и жилище, и иное помещение, и местность. Иногда на месте происшествия находится труп, который может осматриваться в рамках основного или самостоятельного следственного действия.

Законодатель указывает, что осмотр жилища (в том числе, если оно является местом происшествия) производится только с согласия проживающих в нем лиц или на основании судебного решения (ч. 5 ст. 177 УПК РФ). Нередко местом происшествия является жилище потерпевшего. В таком случае производство данного следственного действия должно быть согласовано с этим субъектом. Порождает ли это возникновение права потерпевшего (а следовательно, корреспондирующую обязанность следователя) на участие в этом следственном действии? Представляется, что нет. Иными словами, следователь может отказать потерпевшему участвовать в осуществлении осмотра его жилища. Такая ситуация представляется несколько абсурдной.

Иначе подобная ситуация должна быть разрешена, если речь идет об осмотре помещения организации, т.е. когда потерпевшим может выступать юридическое лицо². В соответствии с ч. 6 ст. 177 УПК РФ осмотр помещения (имеется в виду и осмотр места происшествия, произошедшего в этом помещении) организации производится в присутствии представителя администрации соответствующей организации³. И лишь в случае невозможности обеспечить его участие следователь может поступить иначе. Таким образом, мы имеем дело с правообязывающим предписанием. Иначе говоря, здесь сформулирована обязанность следователя допустить представителя потерпевшего к участию в следственном действии.

Изложенное выше демонстрирует некоторый дисбаланс в правовом статусе потерпевшего – физического лица и потерпевшего – юридического лица. Поскольку такое несоответствие ничем не оправдано и не объяснено, по нашему мнению, оно должно быть ликвидировано. Однако в данном случае, как нам кажется, нельзя безоговорочно установить в законе обязанность следователя привлекать потерпевшего к осмотру его жилища. Нечто подобное законодатель предусмотрел для производства обыска, указав, что в осуществлении этого следственного действия должно участвовать лицо, в помещении которого производится обыск, или совершеннолетние члены его семьи (ч. 11 ст. 182 УПК РФ). Такое предписание породило проблемы в

---

¹ *Кальницкий В.В.* Следственные действия: учеб. пособие. Омск: Омская академия МВД России, 2003. С. 78; Криминалистика. Полный курс: учебник / под общей ред. А.Г. Филиппова. С. 332.

² *Сычев П.Г.* Особенности участия и гарантии прав организаций (юридических лиц) на досудебных стадиях уголовного судопроизводства: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2008. С. 134.

³ Поэтому мы не можем согласиться с мнением Д.А. Иванова о том, что уголовно-процессуальный закон не предусматривает каких-либо особых условий производства осмотра относительно физического или юридического лица. См.: *Иванов Д.А.* Защита следователем прав и законных интересов юридических лиц, потерпевших от преступлений. М., 2009. С. 94.

правоприменении¹. Относительно участия потерпевшего в осмотре его жилища, по нашему мнению, надо соотносить обязанность следователя с желанием и возможностью самого потерпевшего. Поэтому представляется целесообразным ч. 5 ст. 177 УПК РФ дополнить текстом следующего содержания: «По просьбе потерпевшего он должен быть допущен к производству осмотра, осуществляемого в его жилище».

Сложнее все изложенное выше применить к осмотру места происшествия или освидетельствованию, проводимому до возбуждения уголовного дела. В таких условиях указанные следственные действия осуществляются достаточно часто (особенно осмотр места происшествия). Однако здесь еще нет процессуальной фигуры потерпевшего, а также его представителя. Поэтому изложенные нами суждения, в том числе предпринятые попытки комментария уголовно-процессуального закона, применимы быть не могут. Можно было бы и по этому поводу сформулировать предложения по совершенствованию закона, в частности ст. 164 УПК РФ, однако наша концепция основывается на необходимости фактического понимания статуса потерпевшего, о чем мы неоднократно заявляли ранее, в том числе рассматривая вопросы обеспечения прав и законных интересов лица, пострадавшего от преступления, на первоначальном этапе уголовного судопроизводства.

В юридической литературе отмечается, что самым сложным и трудоемким видом осмотра является осмотр места происшествия. В то же время он имеет огромное значение для расследования преступления². Проведенное нами исследование показало, что такой вид осмотра является и наиболее распространенным. Он осуществлялся по 47,6 % уголовных дел. При этом в 62,4 % случаев в производстве данного следственного действия участвовал потерпевший. Поэтому при дальнейшем изложении материала мы в большей степени будем акцентировать внимание на указанном следственном действии.

А.И. Трусов указывает: «Осмотр представляет собой систематическое обследование разного рода объектов в целях обнаружения следов преступления, предметов, могущих служить вещественными доказательствами, выяснения обстановки происшествия и иных значимых для дела обстоятельств»³. Аналогичной точки зрения придерживаются В.С. Шадрин⁴, М.С. Дьяченко⁵ и многие другие ученые. Считаю необходимым с таким мнением согласиться.

Профессор И.А. Попов считает, что осмотр может быть составной частью таких следственных действий, как обыск, выемка, наложение ареста на почтово-телеграфные отправления, их выемка, следственный экспери-

---

¹ Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / науч. ред. В.Т. Томин, М.П. Поляков. М., 2012. С. 523.

² Криминалистика. Полный курс: учеб. / под общей ред. А.Г. Филиппова. С. 333.

³ Уголовный процесс: учеб. для студентов юрид. вузов и факультетов / под ред. К.Ф. Гуценко. М.: Норма, 2005. С. 340.

⁴ Уголовный процесс: учеб. для студентов вузов, обучающихся по специальности «Юриспруденция» / под ред. В.П. Божьева. М.: Юрайт, 2002. С. 336.

⁵ Уголовно-процессуальное право Российской Федерации: учеб. / отв. ред. П.А. Лупинская. М.: Юристъ, 2003. С. 392.

мент, проверка показаний на месте, контроль и запись переговоров¹. О том, что осмотр может быть составной частью иных следственных действий, пишут и другие ученые-процессуалисты. При этом они отмечают, что он является вспомогательным и направлен на достижение целей иных действий следователя². С таким мнением, на наш взгляд, также следует согласиться, но только в той части, что в процессе производства какого-либо следственного действия: обыска, выемки, следственного эксперимента и пр. – следователь вынужден обнаруживать и фиксировать идентифицирующие признаки тех или иных изымаемых предметов.

Исходя из этого, и в частности цели осмотра, необходимо определить роль потерпевшего в его производстве, а также влияние этого участия на обеспечение прав и законных интересов рассматриваемого участника уголовного судопроизводства.

Различают следующие этапы осмотра: подготовительный, рабочий (или исследовательский), заключительный. На каждом из них роль потерпевшего является значимой. Подготовительный этап состоит в основном из организационных мероприятий, осуществляемых следователем (обеспечение техническими средствами, своевременный выезд на место осмотра, особенно если речь идет об осмотре места происшествия, подбор участников этого следственного действия и др.), которые в связи с тематикой настоящей работы мы детально рассматривать не будем, тем более, что такие действия, кроме подготовки к осмотру места происшествия, выполняются, как правило, без уведомления и участия потерпевшего. Применительно к осмотру места происшествия отметим, что должностное лицо, принявшее сообщение или заявление о совершенном преступлении, должно рекомендовать заявителю не нарушать на месте происшествия обстановку после совершенного преступления, не допускать вхождение на объект, подлежащий осмотру, любых лиц, объяснив при этом, что подобные действия осложнят поиск преступников.

Кроме того, на этом этапе происходит сбор необходимой для осмотра информации, где участие потерпевшего может принести ощутимые результаты. Здесь следователь может и должен получить сведения, которые помогут определить тактику осмотра. Если объектом осмотра является место происшествия, то важно решить вопрос об исходной точке осмотра, что позволит выбрать соответствующий метод выполнения данного следственного действия. Для этого, в частности, от потерпевшего могут быть получены сведения о способе проникновения на объект (если речь идет о совершенной краже или разбойном нападении, произошедших в жилище или ином помещении), о наличии предметов, где наверняка могут быть обнаружены следы преступления (например, сейф). При осмотре предметов и документов на этом этапе потерпевший также может помочь избежать ошибки в выборе предмета осмотра, например, одежды, которая была на нем в момент совершения преступления, соответствующих бухгалтерских докумен-

---

¹ Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / отв. ред. Д.Н. Козак, Е.Б. Мизулина. М.: Норма, 2003. С. 363.

² Курс уголовного судопроизводства: учеб.: в 3 т. Т. 2. М., 2006. С. 207-208.

тов и др. Потерпевшим может быть предоставлена и иная ориентирующая информация.

На подготовительном этапе следователь также должен принять решение об участии потерпевшего в осмотре и, если такое решение положительное, разъяснить данному участнику его права и обязанности, уточнить его роль.

Предложенные нами рекомендации носят общий характер. В криминалистической тактике и методике для более успешного применения они должны быть конкретизированы. Например, если вести речь об осмотре места совершенной кражи, то можно рекомендовать следователю получить от потерпевшего следующие сведения: когда жильцами оставлена квартира; кто последний покинул ее; каким путем преступники проникли в помещение (при помощи взлома, подбора ключей или каким-либо другим образом); кто видел или мог видеть уходящих из квартиры и дома жильцов; кто в это время находился во дворе, у дома; кому было известно, что жильцы квартиры должны были уйти; не было ли ранее попытки проникновения в квартиру и др. Это повлияет на выбор одного из методов организации осмотра, к которым относятся осмотр по узлам, эксцентрический и концентрический, фронтальный, по участкам и пр. Здесь же можно отметить, что осмотр места квартирной кражи лучше всего производить субъективным методом, который предполагает следование по пути вероятного передвижения преступника. Начальной точкой осмотра должно быть место проникновения преступника (преступников) в помещение. Но это, как мы отметили выше, частные вопросы, которые весьма значимы для криминалистики, однако не могут быть рассмотрены нами в настоящей работе в связи с направленностью настоящего исследования и по причине ограниченности ее объема.

На втором этапе осмотра – исследовательском – участие потерпевшего, на наш взгляд, состоит не только в предоставлении ориентирующей информации, но и в оказании содействия в обнаружении следов преступления, иных доказательств. Относительно осмотра места происшествия отметим, что ситуация является благоприятной для поиска следов преступления, если потерпевшие лица не входили в помещение до приезда следователя. Оставляя в стороне процессуальные требования, предъявляемые к осмотру места происшествия, отметим, что следователь должен входить в помещение вместе с потерпевшим, который по мере продвижения будет пояснять, какие разрушения дверей, окон, проемов и т.д. произошли, что изменилось в квартире, что исчезло, в каком месте находилось исчезнувшее имущество, какие предметы, ранее не принадлежавшие жильцам, появились.

Известно, что по уголовным делам, квалифицируемым как квартирные кражи, распространенными являются следы орудий взлома, следы рук, следы обуви и фактические данные исчезновения вещей, а также появление материальных объектов, не принадлежащих жильцам. Следователь при помощи потерпевшего может проделать указанную работу с лучшими результатами.

Что касается предметов, то на месте кражи они фигурируют в двух видах: а) похищенные и унесенные ценности и б) различного рода принесенные предметы. К последним относятся: оставленные на месте орудия

преступления, одежда, окурки, предметы туалета и многое другое. Подробную информацию об отсутствующих и принесенных объектах может предоставить потерпевший. При этом следует иметь в виду, что иногда похищенные объекты рассматриваются преступником в виде приглянувшейся и необходимой для него вещи, хотя и недорогой. Так, в одном случае потерпевшая сообщила, что вместе с ценными вещами унесены женские прокладки, из чего был сделан вывод, что в краже участвовала женщина. Это обстоятельство способствовало установлению и задержанию преступников. В другом случае потерпевший обратил внимание следователя на то, что из гаража, где была совершена кража, пропала старая солдатская шинель. Именно она впоследствии была обнаружена в квартире подозреваемого, и данный факт стал решающим в раскрытии преступления. Поэтому потерпевшего необходимо настроить на проверку и сообщение обо всех исчезнувших предметах, даже незначительных и малоценных.

Однако в связи с указанным выше, считаем необходимым обратить внимание на следующее обстоятельство. Наличие принесенных (вновь появившихся) предметов должно фиксироваться в протоколе осмотра места происшествия. В то же время в юридической литературе обоснованно указывается, что при составлении протокола недопустимо домысливать ситуацию, делать умозаключения, отражать то, что не наблюдалось при производстве данного следственного действия¹, поэтому в протоколе осмотра должен фиксироваться только факт наличия и местонахождение этого предмета, а не его появление в данном помещении в связи с совершенным преступлением. Кроме того, недопустимыми в протоколе осмотра будут формулировки типа: «на столе, где стоял похищенный телевизор...», «в шкафу, из которого похищены деньги...». Правильнее указать, например, «на столе... отсутствуют какие-либо предметы». А информацию о том, где находилось похищенное имущество, о его приметах и другие необходимые данные следует после отразить в протоколе допроса потерпевшего. Это будет указывать на то, что следователь правильно понимает сущность осмотра – восприятие объективной реальности.

Кроме того, потерпевший может указать следователю на предметы, местонахождение которых было изменено. Естественно, что на них также могут быть оставленные следы, на обнаружение и фиксацию которых необходимо обратить особое внимание.

При осмотре предмета или документа потерпевший может обратить внимание на детали, имеющие, на его взгляд, значение для уголовного дела. При этом потерпевший может обладать специальными знаниями, необходимыми для производства такого следственного действия. Представляется, что в этих случаях его замечания и пожелания могут иметь место как наряду с консультациями специалиста, участвующего в таком действии, так и вместо него. На такую возможность, в частности, обращает внимание А.Е. Сумин при исследовании особенностей производства следственных дейст-

---

¹ Кальницкий В.В., Марфицин П.Г. Производство следственных действий, сопряженных с ограничением конституционных прав граждан: учеб. пособие. Омск: Омская академия МВД России, 2004. С. 62.

вий по уголовным делам о преступлениях, совершенных на рынке ценных бумаг¹.

Закон не рассматривает в качестве самостоятельного объекта осмотра животных, хотя потребность в производстве такого действия имеется². Данный осмотр осуществляется по правилам осмотра предметов. При этом устанавливаются: вид животного; порода, масть, пол, возраст; признаки принадлежности его определенной организации или физическому лицу (клеймо, наличие на животном своеобразных предметов и др.); индивидуальные и анатомические признаки. Для производства такого осмотра целесообразно привлекать не только специалиста (ветеринара или зоотехника), но и потерпевшего (настоящего или бывшего владельца животного)³.

Участие потерпевшего дает положительные результаты и при осуществлении иных видов осмотра, в том числе являющихся составной частью других следственных действий, например, при осмотре фонограмм, в рамках осуществления контроля и записи переговоров (ст. 186 УПК РФ) потерпевший может дать необходимые пояснения, позволяющие следователю правильно определить предмет осмотра, зафиксировать в протоколе необходимую информацию⁴.

Представляется, что на рабочем (исследовательском) этапе осмотра потерпевший осуществляет еще одну функцию. Непосредственно участвуя в осмотре, он может сформировать мнение о том, насколько тщательно и грамотно осуществляется данное следственное действие, оценив при этом не только действия следователя, но и специалиста, иных субъектов. В связи с этим происходит формирование мнения о способности органов предварительного расследования раскрыть и расследовать преступление, привлечь виновных к ответственности. Об этом должен помнить следователь, поскольку из отдельных частных ситуаций складывается общее представление российских граждан о состоянии правосудия. На сегодняшний день, как мы отмечали ранее, оно является, скорее, негативным, нежели положительным. Анализ правоприменения позволяет сделать предположение, что для формирования такого мнения есть все основания. Приведем лишь один пример, который в данном случае, на наш взгляд, является весьма показательным. При осмотре автомобиля, из салона которого была совершена кража имущества, в том числе магнитолы, не было обнаружено и изъято ни одного отпечатка пальцев рук. Следователь объяснил это тем, что преступники, вероятно, работали в перчатках. Однако потерпевшему было непонятно, почему в ходе осмотра не были обнаружены отпечатки его пальцев рук, а также членов его семьи при условии, что эти лица систематически пользовались автомобилем. В результате уже при выполнении первоначального следственного действия – осмотра места происшествия – у потерпевшего сформировалось убеждение, что при таком отношении к делу данное преступление раскрыто не будет. И это действительно оказалось так.

---

¹ *Сумин А.Е.* Досудебное производство по уголовным делам о преступлениях на рынке ценных бумаг: дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2011. С. 147-155.

² См., напр.: *Семенцов В.А.* Следственные действия: учеб. пособие. Екатеринбург: Изд-во УрГЮА, 2003. С. 41.

³ *Криминалистика. Полный курс: учеб. / под общей ред. А.Г. Филиппова.* С. 350.

⁴ *Семенцов В.А.* Следственные действия. С. 42.

На заключительном этапе осмотра происходит фиксация его хода и результатов. Главное средство такой фиксации – протокол, к которому уголовно-процессуальным законом предъявляются определенные требования (ст. 166, 180 УПК РФ). В криминалистике к таким требованиям также относят: полноту и объективность; точность и последовательность описания; целеустремленность; соответствие процессуальной форме; наличие необходимых реквизитов¹.

У потерпевшего имеется возможность контролировать и этот процесс. В частях 6 и 7 ст. 166 УПК РФ указано, что такой протокол предъявляется для ознакомления всем лицам, участвовавшим в следственном действии. При этом указанным лицам разъясняется их право делать подлежащие внесению в протокол замечания о его дополнении и уточнении. Все внесенные замечания о дополнении и уточнении протокола должны быть оговорены и удостоверены подписями этих лиц. Протокол подписывается следователем и лицами, участвовавшими в следственном действии. Таким образом, и здесь осуществляется функция так называемого социального контроля.

Осмотр как следственное действие предполагает изъятие предметов и документов, причем к числу таковых относятся не только сохранившие на себе следы преступления в узком значении этих слов (следы рук, обуви и др.), но и любые иные вещественные объекты. Непременным условием изъятия таких предметов и документов является их очевидная или в высокой степени вероятная относимость к делу². Такое суждение основывается на уяснении положений ч. 3 ст. 177 УПК РФ, где говорится, что изъятию подлежат только те предметы, которые имеют отношение к уголовному делу. Указанное предписание – дискреционное, и его реализация во многом зависит от усмотрения следователя. Вместе с тем не все изъятые предметы в дальнейшем станут вещественными доказательствами. А среди них могут быть и ценные вещи, изъятые, например, при осмотре обворованной квартиры. У потерпевшего может возникнуть желание получить такие вещи обратно. Подтверждающим документом в этом случае может служить протокол осмотра, в котором в соответствии с требованиями ч. 3 ст. 177 УПК РФ должен содержаться перечень предметов, изъятых при осмотре. Но данный документ изготавливается в одном экземпляре и хранится в уголовном деле, что может создать определенные неудобства для потерпевшего. Другое дело при обыске. Там законодатель прямо указал, что копия протокола данного следственного действия вручается лицу, в помещении которого был произведен обыск (ч. 15 ст. 182 УПК РФ). На наш взгляд, подобная формулировка должна иметь место в предписаниях, регламентирующих осуществление осмотра. В связи с этим *предлагаем ст. 180 УПК РФ дополнить ч. 4, которую следует изложить в следующей редакции: «4. Если при осмотре имело место изъятие предметов, имеющих отношение к уголовному делу, то лицу (организации), в чьем помещении находились эти предметы, должна быть вручена копия протокола осмотра».*

---

¹ Криминалистика. Полный курс: учеб. / под общей ред. А.Г. Филиппова. С. 343-344.

² Кальницкий В.В., Марфицин П.Г. Производство следственных действий, сопряженных с ограничением конституционных прав граждан: учеб. пособие. С. 60.

Ранее мы отмечали, что особым видом осмотра является освидетельствование. Данное следственное действие осуществляется для обнаружения на теле человека особых примет, следов преступления, телесных повреждений, выявления состояния опьянения или иных свойств и признаков, имеющих значение для уголовного дела, если для этого не требуется производство судебной экспертизы. Применительно к тематике нашего исследования необходимо отметить еще одну особенность. Закон допускает освидетельствование как подозреваемого и обвиняемого, так и потерпевшего. Таким образом, если при осуществлении этого действия в отношении первых двух участников участие потерпевшего возможно, то при освидетельствовании последнего оно обязательно (ч. 1 ст. 179 УПК РФ).

Вместе с тем возникает вопрос о пределах принуждения потерпевшего при осуществлении освидетельствования. Авторы одного из комментариев УПК РФ отмечают, что физическое принуждение, которое также может сопровождать рассматриваемое следственное действие, должно отвечать определенным условиям. Во-первых, оно является крайней мерой, к которой следует прибегать в исключительных случаях. Во-вторых, оно должно быть минимально необходимым, не унижающим чести и достоинства личности. В-третьих, что для нас наиболее важно, оно должно дифференцироваться с учетом процессуального положения освидетельствуемого и его позиции в деле¹. В связи с этим нам представляется, что следователь может и должен отказаться от производства освидетельствования потерпевшего, если такое действие невозможно осуществить без применения жестких мер физического принуждения. По крайней мере, решение об отказе от производства освидетельствования при указанных выше условиях не противоречит назначению и принципам уголовного судопроизводства.

Участие потерпевшего в осуществлении данного следственного действия ограничено еще и тем, что оно может быть связано с обнажением лица другого пола. При этом понятие «обнажение» является оценочным, и следователь при его определении должен исходить из общих, желательно, самых консервативных представлений о нравственности. В этом случае при наличии ходатайства потерпевшего о проведении данного следственного действия и участии в нем, в последней части просьбы этого участника может быть отказано.

Завершая рассмотрение настоящего вопроса, отметим, что *участие потерпевшего в осмотре и освидетельствовании допустимо и, как правило, желательно. Принимая решение об этом, следователь должен исходить из того, что потерпевший, участвуя в осуществлении рассматриваемых действий, может предоставить значимую для дела информацию, связанную с получением доказательств, либо ориентировать следователя на обнаружение источников такой информации. Кроме того, участие в проводимом следственном действии позволяет потерпевшему оценить объективность и полноту деятельности следователя, что имеет важное социальное значение.*

---

¹ Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / науч. ред. В.Т. Томин, М.П. Поляков. М., 2012. С. 515-516.

§ 4. Участие потерпевшего в предъявлении лица для опознания

Предъявление для опознания – это следственное действие, в ходе которого опознающий в предусмотренном законом порядке сравнивает запечатлевшийся у него мыслительный образ ранее наблюдаемого лица или объекта с лицами или объектами, представленными следователем. Цель этого действия – установление тождества или различия между указанными лицами или объектами¹.

В зависимости от объекта данного следственного действия принято различать опознание живого человека, его фотографии, трупа, предмета. На практике имеют место случаи предъявления для опознания животных, строений, участков местности². Более того, судебно-следственная практика допускает предъявление для опознания голоса (речи) человека, звуков, издаваемых животными, видеозаписи и иных объектов, в предъявлении которых возникает необходимость. В юридической науке это подвергается комплексным исследованиям, в связи с чем вносятся предложения по совершенствованию законодательства³. Для опознания можно при соблюдении требований закона предъявить комплекс объектов, когда, например, одновременно узнаются внешность человека и его функциональные признаки (походка, характерные жесты), голос⁴.

В соответствии с ч. 1 ст. 193 УПК РФ опознающим может быть потерпевший, свидетель, подозреваемый или обвиняемый. Исходя из этого, существует значительное число вариантов осуществления опознания. Анализ правоприменения в этой части показал, что чаще всего опознающим выступает потерпевший (46,3 %), а объектом опознания является подозреваемый или обвиняемый (68,85). Таким образом, вопросы, связанные с обеспечением прав и законных интересов потерпевшего при осуществлении рассматриваемого следственного действия, являются достаточно актуальными, причем исследовать их необходимо в правовом и криминалистическом аспектах.

В части 1 ст. 193 УПК РФ указано: «Следователь может предъявить для опознания ...». То есть необходимость в производстве (или непроизводстве) опознания определяется следователем, но было бы неверным считать, что он полностью свободен в своем выборе.

Решение следователя в такой ситуации зависит от ряда обстоятельств. Так, В.А. Семенцов указывает на невозможность предъявления для опознания, если: у опознающего лица есть физические или психические недостатки, препятствующие опознанию; у опознаваемого объекта отсутствуют свойства, позволяющие его опознать (например, сахарный песок без упаковки); опознающий еще до возбуждения уголовного дела или в ходе

¹ Кальницкий В.В. Следственные действия: учеб. пособие. Омск: Омская академия МВД России, 2003. С. 40.

² Криминалистика. Полный курс: учеб. / под общей ред. А.Г. Филиппова. С. 421-422.

³ См., напр.: Михайлов А.Е. Предъявление для опознания: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Владимир, 2011. С. 7.

⁴ Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / науч. ред. В.Т. Томин, М.П. Поляков. М., 2012. С. 548.

предварительного расследования уже узнавал ранее наблюдаемый объект; опознающий хорошо знает объект опознания и четко перечисляет признаки, не вызывающие сомнений в принадлежности их этому объекту; имеются сведения об объекте, с очевидностью устанавливающие его тождество (например, номер на часах соответствует номеру, зафиксированному в техническом паспорте)¹.

Не отрицая значимости этих обстоятельств, отметим, что в рамках рассматриваемого вопроса нас в большей степени могут заинтересовать следующие условия, влияющие на принятие решения о производстве (непроизводстве) рассматриваемого следственного действия. Во-первых, обстоятельства дела (например, у следователя есть опасения, что из-за боязни во время производства опознания потерпевший не укажет на лицо, совершившее преступление), во-вторых, требование закона о достаточности доказательств для привлечения лица в качестве обвиняемого (ст. 171 УПК РФ). И, в-третьих, складывающаяся правоприменительная практика, согласно которой уголовное дело может быть возвращено на дополнительное расследование, в частности, в связи с неполнотой осуществленного расследования.

Справедливости ради следует отметить, что усмотрение следователя в рассматриваемой ситуации может быть сведено практически до минимума при наличии ходатайства кого-либо из участников уголовного процесса о производстве опознания.

Приведенные ситуации показывают, что следователь далеко не свободен в выборе своего поведения. Именно этим можно объяснить имеющие место в уголовных делах «изобретенные» практикой документы типа «Постановление о непроизводстве опознания».

Подобным образом, как представляется, должны разрешаться случаи, когда потерпевший отказывается участвовать в предъявлении для опознания. Такие ситуации в правоприменении имеют место. При этом возникает вопрос: обязан ли потерпевший участвовать в рассматриваемом следственном действии? С одной стороны, такая обязанность вытекает из общих предписаний закона. Так, в части 4 ст. 21 УПК РФ указано, что требования следователя, предъявленные в пределах его полномочий, установленных законом, обязательны для всех учреждений, предприятий и граждан. Уже эта формулировка может быть истолкована как обязанность потерпевшего принять участие в осуществлении опознания.

В то же время заслуживает внимания и мнение Е.И. Демченко, которая считает, что потерпевший вправе отказаться от участия во всех следственных действиях, и это следует рассматривать как его отказ от участия в доказывании, от выполнения функции обвинения². Такую точку зрения час-

---

¹ Семенцов В.А. Следственные действия: учеб. пособие. Екатеринбург: Изд-во Ур-ГЮА, 2003. С. 73.

² Демченко Е.И. Участие потерпевшего в доказывании на предварительном следствии // Проблемы защиты жертв преступлений: мат-лы расширенного заседания ученого совета НИИ проблем укрепления законности и правопорядка при Генеральной прокуратуре РФ. М., 1999. С. 73.

тично отстаивает и И.В. Жеребятьев¹. Мы также являемся сторонниками взглядов на то, что потерпевший должен обладать правом в определенных ситуациях отказываться от участия в следственных действиях. Но, на наш взгляд, это не обязательно связано с его отказом от участия в уголовном преследовании. Потерпевший может в силу каких-либо объективных или субъективных причин отказаться от участия в определенном следственном действии (например, по религиозным мотивам – от участия в освидетельствовании, из-за боязни причинения ему вреда – в осуществлении опознания и т.п.), не отказываясь при этом от участия в других следственных действиях и не устранившись от реализации функции обвинения.

Аргументом в рассматриваемой дискуссии как раз может послужить производство предъявления для опознания. Представляется, что при несогласии потерпевшего участвовать в данном следственном действии никакие меры принуждения не позволят осуществить его успешно.

Отказ потерпевшего от участия в производстве опознания может быть вызван различными причинами. Основная из них – обеспечение собственной безопасности, защита от угроз причинения насилия, уничтожения или повреждения имущества и других действий, которые могут быть осуществлены обвиняемым или лицами из его окружения. Учитывая это, современный законодатель предусмотрел возможность проведения опознания в условиях, исключающих визуальное наблюдение опознающего опознаваемым (ч. 8 ст. 193 УПК РФ). Представляется, что включение в закон таких предписаний является позитивным шагом на пути обеспечения прав и законных интересов личности. Однако реализация этих правил требует некоторых пояснений.

Представляется, что даже наличие указанных законодательных установлений не должно лишать потерпевшего права отказаться от участия в производстве данного следственного действия. Такой вывод проистекает из суждения о том, что в ходе расследования преступления необходимо обеспечить не только реализацию прав и свобод рассматриваемого участника, но и защитить его интересы. А интересы потерпевшего могут быть различными, при этом приоритетными являются не всегда те, которые адекватны интересам правосудия. Это связано, на наш взгляд, прежде всего, со степенью доверия потерпевшего к системе уголовного судопроизводства и органам, его осуществляющим. Мы неоднократно отмечали, что уровень такого доверия в современных условиях явно недостаточный. Поэтому потерпевший, несмотря на убеждения следователя в том, что во время опознания подозреваемый (обвиняемый) его не увидит и будут приняты иные меры безопасности, может не верить этим обещаниям и ощущать реальную угрозу своей жизни и здоровью.

На то, что вера граждан в действенность защиты их законных прав и интересов достаточно мала, обращают внимание многие авторы². В частно-

---

¹ Жеребятьев И.В. Личность потерпевшего в современном уголовном судопроизводстве России: монография. Оренбург: РИК ГОУ ОГУ, 2004. С. 117.

² См., напр.: Зайцев О.А. Государственная защита потерпевшего как необходимое условие выполнения назначения уголовного судопроизводства // Охрана прав и свобод человека и гражданина в уголовном судопроизводстве: мат-лы междунар. науч.-практ. конф. М.: МАЭП, 2011. С. 194.

сти, А.В. Сумачев на основе проведенного исследования отмечает, что только 1,8 % потерпевших от преступления были удовлетворены обеспечением своих прав, 58,2 % считают, что их право на защиту (безопасность) от давления со стороны преступника (его близких, друзей и т.д.) практически не обеспечивается¹. Производить предъявление для опознания в таких условиях, как мы отмечали выше, бессмысленно, и следовательно целесообразно отказаться от этого.

Однако может иметь место ходатайство обвиняемого или его защитника о выполнении данного действия, а для отказа в его удовлетворении в таких ситуациях современный законодатель оснований не содержит. Именно для этих целей, как нам представляется, необходимо, законодательно закрепить право потерпевшего на отказ от участия в предъявлении для опознания в качестве опознающего. Это же положение будет служить основанием для отказа в удовлетворении обозначенных выше ходатайств. Данное предложение может быть реализовано посредством *дополнения ч. 8 ст. 193 УПК РФ фразой следующего содержания: «Предъявление для опознания не может быть осуществлено в случае, если потерпевший отказывается участвовать в нем в качестве опознающего».*

Если указанные выше опасения потерпевшего будут частично преодолены, то, вне всяких сомнений, следует воспользоваться положениями, отраженными в ч. 8 ст. 193 УПК РФ, и осуществить опознание в условиях, исключающих визуальное наблюдение опознающего опознаваемым. Однако законодатель ограничился лишь этой формулировкой и не уточнил деталей производства следственного действия при таких условиях. Вместе с тем, чтобы быть правильно понятыми, сделаем оговорку. Указанное выше – это не упрек законодателю. Мы не сторонники того, чтобы в законе были указаны все средства, способы, приемы осуществления опознания в условиях ограниченного визуального наблюдения, поэтому степень полноты рассматриваемого законодательного предписания, на наш взгляд, является достаточной. Остальное – во власти следователя.

К сожалению, каких-либо значимых рекомендаций по этому вопросу в юридической литературе обнаружить не удалось. Не содержатся они, в том числе, в учебниках криминалистики и комментариях уголовно-процессуального законодательства, хотя попытки сформулировать такие рекомендации имеются. Вот как, например, они изложены в одном из учебников криминалистики, которым пользуются будущие юристы, в том числе и следователи: «При подготовке к предъявлению для опознания в условиях, когда опознаваемый не должен видеть опознающего и слышать его голос, необходимо, прежде всего, подобрать соответствующее помещение. Для этой цели идеально подходит большая комната, разделенная на две части звуконепроницаемой перегородкой; верхняя часть перегородки должна быть закрыта тонированным стеклом, позволяющим из одной части комнаты хорошо видеть, что происходит в другой. В этой части помещения рас-

---

¹ Сумачев А.В. Пояснительная записка к проекту Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации «О некоторых вопросах, связанных с учетом волеизъявления потерпевшего при применении уголовного и уголовно-процессуального законодательства» // Российский судья. 2004. № 1. С. 33.

полагаются следователь, опознающий и понятые. В другой части помещения должны находиться еще один следователь или оперативный работник, опознаваемый и двое статистов. Защитник, если он участвует в следственном действии, также должен находиться вместе с опознаваемым. В обеих частях комнаты должны быть телефоны, чтобы следователь мог попросить предъявляемых изменить позу, встать, повернуться и т.д.»¹. Ознакомившись с такими рекомендациями, реальный правоприменитель может подумать, что прочитал сценарий очередного детективного сериала, поскольку все изложенное может существовать только в воображении следователя, а не в той действительности, в которой осуществляется предварительное расследование.

В реальном правоприменении практически нет указанных выше условий для проведения рассматриваемого следственного действия. Вместе с тем можно предпринять иные действия, которые позволят обеспечить предъявление лица для опознания при ограниченном визуальном контакте. Для этого можно использовать, например, экран с тонированным стеклом, ширму, какие-либо атрибуты одежды, скрывающие или искажающие внешность человека (маски, балахоны и т.п.), наконец, применить компьютерные технологии. Однако следователи изобретательность в этом вопросе не проявляют, что свидетельствует об их пассивной позиции.

На наш взгляд, альтернативным в этом случае может быть проведение опознания личности по фотографии. Такую возможность допускает формулировка ч. 5 ст. 193 УПК РФ, где говорится, что «при невозможности предъявления лица опознание может быть проведено по его фотографии». Законодатель не поясняет, что означает словосочетание «при невозможности». Авторы юридических изданий, в том числе и учебной литературы, также избегают комментариев этого установления², но отмечают, что несоблюдение данного условия влечет признание результатов следственного действия недопустимыми, ссылаясь при этом на судебную практику³.

В связи с этим считаем необходимым сделать некоторые уточнения. Во-первых, в опубликованной судебной практике всего лишь единожды упоминается о несоблюдении условий предъявления для опознания по фотографии. В Постановлении Президиума Верховного Суда РФ говорится: «... в нарушение требований закона следователь проводил опознание Платонова свидетелем Перфиловым и потерпевшим Натаровым по фотографии, хотя не было каких-либо объективных препятствий к предъявлению им для опознания самого Платонова, так как в это время он находился в прокуратуре и перед проведением следователем опознания Платонова по фотографиям местонахождение его было известно»⁴. Обратим внимание на то, что в данном судебном решении речь идет о физической невозможности непосредственно предъявить лицо для опознания. Действительно, в момент

¹ Криминалистика. Полный курс: учеб. / под общей ред. А.Г. Филиппова. С. 426.

² См., напр.: Курс уголовного судопроизводства: учеб.: в 3 т. Т. 2. С. 189-194; Смирнов А.В., Калиновский К.Б. Следственные действия в российском уголовном процессе: учеб. пособие. СПб. : СПбГИЭУ, 2004.

³ См., напр.: Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / науч. ред. В.Т. Томин, М.П. Поляков. М., 2010. С. 548.

⁴ Бюллетень Верховного Суда РФ. 1995. № 6. С. 8.

вынесения этого акта можно было рассматривать только такую составляющую данного словосочетания. Забота законодателя об обеспечении безопасности участников уголовного судопроизводства проявилась только в нормах УПК РФ, т.е. после 2001 г. Это позволяет усомниться в правильности использования в современных условиях позиции высшего судебного органа, сформировавшейся в период действия законодательства, утратившего силу. Поэтому мы солидарны с мнением В.В. Кальницкого, который отмечает, что на практике в современных условиях не исключена более широкая трактовка понятия «невозможность предъявления лица». Наряду с физической невозможностью, сюда следует отнести и невозможность, основанную на высокой степени нецелесообразности, например, из соображений безопасности¹. Именно такой подход в понимании словосочетания «невозможность предъявления лица» поддержали почти все (98,6 %) опрошенные нами следователи. Более того, 21,4 % отметили, что они хотя бы единожды проводили опознание лица в таких условиях в целях обеспечения безопасности опознающего. В связи с этим необходимо на основе научного исследования данного феномена дать правоприменителю четкие официальные разъяснения.

По причине отсутствия ясных рекомендаций, а также возможности и желания реализовать рассматриваемые предписания закона, очевидно, мы не имеем и необходимого для исследования массива практики проведения опознания в условиях ограниченного визуального контакта. Ни в одном из изученных нами 378 материалов уголовных дел, расследование которых осуществлялось в 7 регионах России, мы не обнаружили примеров выполнения рассматриваемого следственного действия, которые могли бы быть рекомендованы как эталон поведения следователя (дознвателя). Это явно указывает на *необходимость научной разработки тактики проведения предъявления для опознания в условиях, исключающих визуальное наблюдение опознающего опознаваемым*.

Ранее мы отмечали, что наиболее часто на практике осуществляется предъявление опознания, в ходе которого потерпевший опознает подозреваемого (обвиняемого). Это ставит перед органом расследования еще один вопрос: сможет ли потерпевший опознать предъявленное лицо как человека, который совершил преступление?

Уголовно-процессуальный закон подробно определяет алгоритм действий, связанных с предъявлением для опознания. Рассматривая его лишь в плане участия в опознании потерпевшего, отметим, что начинается оно уже при допросе этого участника судопроизводства, в ходе которого следователь выясняет, сможет ли потерпевший опознать преступника, то есть идентифицировать образ предъявленной личности с тем образом, который наблюдался им в период совершенного преступления, и по каким признакам он сможет это сделать.

Нет нужды доказывать, что органы расследования заинтересованы, чтобы опознание было возможным и безошибочным, исключаящим принятие за преступника невиновного человека, не имеющего отношения к рас-

---

¹ Кальницкий В.В. Следственные действия: учеб. пособие. Омск: Омская академия МВД России, 2003. С. 62.

следуемому событию. Надо иметь в виду, что для избежания недопустимых ошибок процессуальный закон предусматривает пригодным для доказывания лишь аналитическое (сукцессивное) опознание¹, по которому опознающее лицо вообще не заявит об опознании личности, а наряду с этим укажет конкретные признаки личности, которые сохранились в его памяти в момент совершения преступления.

Одна из основных задач допроса потерпевшего состоит в том, чтобы он мобилизовал все возможности своей памяти и назвал индивидуальные анатомические и динамические приметы лица, которые отложились в его памяти и на которые ему предстоит указать в период проведения опознания. Сделать это, как правило, весьма затруднительно, поскольку потерпевший не обладает знаниями в области габитоскопии и, в частности, закономерностей формирования внешнего облика человека, запечатления его свойств, элементов, их признаков и т.п.². В данном случае большое значение имеет оказание помощи потерпевшему со стороны лица, ведущего расследование. Следователь, дознаватель при этом могут помочь описать облик подозреваемого (обвиняемого) посредством использования известных им классификаций элементов внешнего облика человека, их признаков, используя разработанные криминалистикой приемы собирания информации о внешнем облике человека, иные знания. Посредством таких действий можно получить достаточно точное представление о фигуре подозреваемого в целом, волосяном покрове головы, форме, контуре лица, бровей, глаз и других элементах внешности.

Криминалистическая тактика рекомендует для восстановления в памяти деталей события использовать при допросе метод когнитивного интервью, разработанный американскими специалистами Рональдом Фишером и Эдвардом Гейзельманом³. Аналогичные методики допросов разрабатывались и нашими отечественными криминалистами. В частности, в работах А.Р. Ратинова, А.В. Дулова, В.А. Образцова также рассматривались подобные схемы когнитивного подхода к допросу свидетелей и потерпевших с целью разработки поисково-познавательного портрета разыскиваемого преступника⁴.

В период подготовки к производству опознания рекомендуется объяснить потерпевшему задачу, которая стоит перед ним, заострить важность воспроизведения им в памяти образа преступника, возбуждая в нем процесс воспоминания. Начало этого процесса должно исходить из описания обстановки восприятия потерпевшим окружающей материальной среды в период нападения или другого контакта потерпевшего с преступником. Еще А.Р. Лурия об-

---

¹ Подробнее см.: *Синенко С.А.* Участие потерпевшего в расследовании преступлений: монография. Владивосток, 2007. С. 100-101.

² Криминалистика. Полный курс: учеб. / под общей ред. А.Г. Филиппова. М., 2011. С. 196.

³ *Образцов В.А., Богомолова С.Н.* Криминалистическая психология. М.: Юристь, 2002. С. 383-416.

⁴ *Ратинов А.Р.* Методологические вопросы юридической психологии // Психологический журнал. Т. 4. 1983. № 4. С. 107-118; *Дулов А.В.* Судебная психология. Минск, 1975. С. 164-165; *Образцов В.А., Богомолова С.Н.* Криминалистическая психология. М.: Юнита-Дана, Закон и право, 2002. С. 132-141.

ращал внимание на то, что иногда незначительная деталь материальной обстановки может вызвать многие ассоциативные воспоминания¹.

Разумеется, многое зависит от психического и физиологического состояния наблюдавшего, а также направленности его внимания. Следовательно, подготавливающий производство опознания, должен предварительно выяснить указанные возможности потерпевшего и поступать, сообразуясь с ними.

Важными условиями, влияющими на восприятие объекта, а в дальнейшем могущими способствовать воспоминанию, являются степень освещения и видимости на месте преступления, расстояние до объекта, скорость передвижения, ракурс наблюдаемых людей или отдельного человека и другое. Именно при перечислении и обсуждении этих обстоятельств могут всплыть в памяти потерпевшего внешние признаки лиц, совершивших преступление.

Потерпевший не должен встречаться с опознаваемым до производства следственного действия. Обеспечение этого условия требует, чтобы потерпевший и опознаваемый вызывались не одновременно. Следовательно необходимо подумать, кого из них вызвать первым, и создать условия, чтобы они не виделись до производства следственного действия. Требования ст.193 УПК РФ при производстве указанного следственного действия должны выполняться безукоризненно, так как любые отступления от порядка предъявления для опознания могут послужить поводом для того, чтобы признать его результаты недопустимыми для процесса доказывания, что в целом может негативно сказаться на обеспечении прав потерпевшего. Более того, поскольку сложная процедура этого следственного действия предполагает присутствие многих участников, отдельные моменты, имеющие значение, необходимо особо донести до каждого из присутствующих. Так, например, следует предупредить об ответственности за дачу заведомо ложных показаний потерпевшего лучше после того, когда он будет приглашен к опознаваемым, обратить особое внимание понятых на то, что подозреваемому было предложено выбрать любое место среди статистов и др.

Помогая потерпевшему идентифицировать образ ранее наблюдаемого преступника, следователь должен как можно полнее продемонстрировать предъявленных для опознания лиц. Это может проявляться в том, что опознаваемым будет предложено встать (или сесть), повернуться в профиль, предложить пройтись, снять головной убор и т.п.

При осуществлении предъявления для опознания следует активно применять технические средства (фотографирование, видеозапись) фиксации хода и результатов опознания. Это позволяет укрепить достоверность результатов следственного действия, показать, насколько правильными были действия следователя, например, требование процессуального закона о подборе предъявляемых для опознания лиц, по возможности, схожих по внешности с опознаваемым, может быть наиболее полно и объективно подтверждено фотоснимком или видеозаписью. Между тем приведенное условие, которое подлежит обязательному выполнению, наиболее часто подвер-

---

¹ Лурия А.Р. Психология в определении следов преступления // Научное слово. 1928. № 3. С. 7.

гается сомнению со стороны защиты. Опрос следователей показал, что все они настроены применять при предъявлении лица для опознания технические средства фиксации. Сдерживающим фактором в этой области является отсутствие таких средств. Очевидно, поэтому в изученных нами уголовных делах только в 68,7 % случаев эти средства применялись.

Современная психология делит опознание на два вида: сукцессивное и симультанное¹. Сукцессивным признается такое опознание, которое осуществляется путем нахождения и выделения в предъявленном объекте отдельных индивидуальных элементов, признаков, которые затем синтезируются в общий образ. Иначе этот вид опознания называют аналитическим.

Под симультанным опознанием подразумевается такое, когда вывод о тождестве делается опознающим мгновенно путем общего восприятия объекта, минуя сознательно проведенный анализ признаков предъявленного объекта, моментально и в совокупности схватывая образ объекта без фиксации в сознании наблюдаемого отдельных специфических признаков. Поэтому симультанное опознание иногда называют синтетическим.

Впервые в криминалистику понятия сукцессивного и симультанного опознания были введены П.П. Цветковым², и не напрасно. Дело в том, что на практике часто возникают ситуации, когда потерпевшее лицо, а также свидетель не могут указать ни на один конкретно запомнившийся ему признак наблюдавшегося при совершении преступления человека, однако выражает согласие (а потерпевший иногда даже настаивает) осуществить опознание.

Как мы отмечали выше, нормы уголовного процесса, регулирующие предъявление лица для опознания, судя по их содержанию, имеют в виду сукцессивное опознание, при котором опознающий, заведомо, до производства следственного действия, назовет отдельные признаки-приметы, по которым он собирается опознать предъявленное для опознания лицо. В связи с этим возникает вопрос: как поступать в случае симультанной ситуации, когда потенциальный опознающий не может назвать конкретных примет ранее наблюдаемого им человека, но не возражает участвовать в производстве следственного действия?

По этому поводу существуют различные мнения. В.А. Образцов, например, считает, что для опознания предъявляется только тот объект, признаки которого отразились в памяти потенциального опознающего³. Думается, к правильному выводу по этой частной проблеме можно прийти только при более внимательном подходе к природе симультанного опознания, в основе которого находится короткое, одномоментное предыдущее наблюдение. Такие наблюдения встречаются в практическом общении между людьми часто.

Симультанное опознание играет немаловажную роль в производственной и бытовой жизни людей, поэтому психологи уделяют этому виду

---

¹ См., напр.: *Смирнов А.В., Калиновский К.Б.* Следственные действия в российском уголовном процессе: учеб. пособие. СПб.: СПбГИЭУ, 2004. С. 42.

² *Криминалистика* / под ред. проф. И.Ф. Крылова. Л., 1975. С. 394.

³ *Образцов В.А.* Подготовка и производство предъявления для опознания // Следственные действия. М., 1999. С. 167.

опознания заслуженное внимание. Они отмечают, что «в последние годы все более широко развиваются исследования, посвященные сокращению перцептивных процессов. Важным моментом, во многом обусловившим получение позитивных материалов, явилось создание объективных методов регистрации проявления этих процессов, в первую очередь регистрации движения глаз»¹.

Важно отметить, что симультанное запечатление и формирование образа не является окончательным. В известных условиях оно может перерасти в сукцессивное. Такими условиями, толчками могут быть: а) напряженное представление отобразившегося в сознании образа. Причиной подобного напряжения может оказаться как раз работа со следователем по воссозданию портрета искомой личности, а также б) появление перед опознающим ранее наблюдаемого объекта, групповой образ которого возбуждает деятельность памяти, в которой объективно возрождается процесс бывшего наблюдения с многими его конкретными особенностями, которые за пределами первоначального воспоминания выпадали из числа значимых. А.Р. Лурия обращал внимание именно на этот эффект памяти².

«В психологии, – писал С.Д. Смирнов, – широко распространено представление о восприятии как деятельности; и если такое словопотребление не является метафорой, то оно необходимо предполагает участие целостного объекта в процессе восприятия, включенность в него активности субъективного уровня. Одним из способов проверки этого утверждения может послужить создание такой экспериментальной ситуации, в которой циклы восприятия и мыслительной обработки, полученные в ходе восприятия данных, перемещались бы во времени»³.

Приведенные доводы позволяют прийти к выводу, что вполне допустимо производство опознания в той ситуации, когда потерпевший на первых допросах не в состоянии припомнить какие-либо индивидуальные приметы ранее наблюдаемого лица, но общая морфологическая типовая совокупность его образа запечатлелась в его памяти, и он считает, что опознание для него возможно.

В этом случае на функции дознавателя или следователя возлагается еще большая обязанность – сделать все необходимое для реализации возможностей потерпевшего. Ранее мы рассмотрели отдельные действия следователя, которые могут быть направлены на восстановление (или систематизацию) в памяти потерпевшего информации о внешних признаках опознаваемого. Эти действия должны осуществляться исключительно в рамках закона, их воплощение реализуется в приемах, зависящих от конкретных ситуаций преступления. Если, например, имел место нередкий в практике случай, когда водитель автомобиля подсаживает к себе попутчицу, а затем неожиданно для нее заводит в безлюдное место и насилует, то следователю полезно проанализировать показания потерпевшей, наблюдавшей преступника с различных дистанций, в

---

¹ Подольский А.И. Формирование симультанного опознания. М., 1978. С. 7.

² Лурия А.Р. Психология в определении следов преступления // Научное слово. 1928. № 3. С. 31.

³ Смирнов С.Д. Психология образа: проблема активности психического отражения. М.: Юрид. лит., 1985. С. 192.

движении, в уравновешенном состоянии, при восприятии образа сидящего водителя сбоку, в профиль и др. Кроме того, следует также учитывать и то обстоятельство, что при движении автомобиля интенсивность освещения в салоне автомобиля изменялась в зависимости от внешней среды.

Высказывается также мнение о том, что если опознающее лицо и не придет к категорическому выводу о личности, представленный для опознания, указав при этом лишь на сходство с разыскиваемой личностью, то такие результаты так или иначе служат существенным вкладом в доказывание преступления, поскольку являются по существу результатом родовой, видовой идентификации с вытекающими отсюда выводами. В частности, эту мысль высказал в своей работе П.П. Цветков¹. По нашему мнению, результаты такого опознания в процессе доказывания следует учитывать при выдвижении версий, организации розыска, однако ни в коем случае они не могут рассматриваться в качестве доказательств.

Близкую позицию к обозначенной выше точке зрения отстаивают авторы одного из комментариев УПК РФ. Они указывают: «Наличие оснований к предъявлению для опознания нельзя ставить в зависимость от степени вероятности узнавания объекта в ходе предъявления для опознания. В этой связи слова «по которым они его могут опознать» нельзя толковать буквально. Если, например, в деле имеются сведения о том, что потерпевший видел или должен был видеть обвиняемого, следователь не вправе отказать стороне защиты в ходатайстве о проведении предъявления для опознания по мотивам отсутствия оснований»². Мы считаем, что как раз в этом случае и можно говорить об отсутствии оснований для производства опознания. В противном случае факт неузнавания потерпевшим обвиняемого будет использован стороной защиты как весомый аргумент невиновности обвиняемого или, по крайней мере, как обстоятельство, порождающее сомнение в его виновности. Поэтому следователь во время допроса потерпевшего должен достоверно установить, может ли предъявление для опознания быть результативным. Если в этом вопросе есть сомнения, то в протоколе допроса целесообразнее указать на невозможность узнавания, что будет являться основанием для отказа в производстве рассматриваемого следственного действия. Представляется, что такой вариант поведения в большей степени позволит обеспечить права и интересы потерпевшего, нежели указанный выше.

Некоторую специфику имеет производство опознания с участием несовершеннолетнего потерпевшего. Прежде всего, необходимо решить вопрос о том, может ли подросток в силу своего интеллектуального развития участвовать в проведении такого следственного действия, проверить возможность узнавания им определенных объектов, понимания происходящего. Несовершеннолетний возраст характеризуется спецификой формирования мышления и интеллекта, поэтому для компенсации психической неустойчивости, характерной для лиц данного возраста, необходимо в производство данного следственного действия вовлекать педагога. При этом, на

---

¹ Цветков П.П. Предъявление для опознания в советском уголовном процессе. Л., 1962. С. 10.

² Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / науч. ред. В.Т. Томин, М.П. Поляков. М., 2012. С. 547.

наш взгляд, следует согласиться с мнением. А.Н. Бычкова о том, что желательно привлечение того педагога, который присутствовал при допросе, так как ему будет легче определить последовательность показаний подростка либо наличие в них изменений, корректно выяснить причину изменения показаний¹.

Таким образом, *при производстве предъявления для опознания возникает ряд правовых и организационных вопросов, не позволяющих должным образом обеспечить защиту прав и законных интересов потерпевшего. Их решение возможно как посредством совершенствования законодательства, так и разработки необходимых рекомендаций, направленных на совершенствование тактики осуществления данного следственного действия.*

§ 5. Участие потерпевшего в проведении обыска и выемки

Обыск – это следственное действие, целью которого является принудительное обследование принадлежащих кому-либо помещений, местности или самих граждан для обнаружения и изъятия орудий преступления, иных предметов, документов и ценностей, имеющих значение для уголовного дела, а также обнаружения разыскиваемых лиц и трупов². Выемка – это комплекс познавательных и удостоверительных операций, выполняемых в целях изъятия в определенном месте или у определенного лица имеющих значение для уголовного дела предметов и документов, обладающих индивидуально-определенными признаками³. Исходя из сущности этих следственных действий, легко обнаруживается одна из целей, присущая и тому, и другому – принудительное изъятие предметов и документов, имеющих значение для дела.

Круг таких предметов и документов весьма широк. Ими, в первую очередь, являются те, которые впоследствии станут вещественными доказательствами. Естественно, потерпевший как субъект, действующий со стороны обвинения, заинтересован в обнаружении и изъятии любых из этих предметов: орудий преступления, предметов, сохранивших на себе следы преступления, иных предметов и документов, которые могут служить средствами для обнаружения преступления и установления обстоятельств уголовного дела. Но для этого участника наиболее значимым является обнаружение и изъятие предметов, на которые были направлены преступные действия, и, в частности, имущества, похищенного в ходе противоправного деяния, а также денег, ценностей и иного имущества, полученного в результате преступной деятельности. Такая заинтересованность вполне объяснима. Обнаруженное имущество, незаконно отчужденное в ходе совершения преступления, впоследствии может быть возвращено потерпевшему.

---

¹ Бычков А.Н. Некоторые вопросы предъявления опознания с участием несовершеннолетних // Российское законодательство в современных условиях: мат-лы IV ежегодной науч.-практ. конф. Брянск, 2006. С. 24-28.

² Семенцов В.А. Следственные действия: учеб. пособие. Екатеринбург: Изд-во УрГЮА, 2003. С. 47.

³ Руководство для следователей / под общ. ред. В.В. Мозякова. М.: Экзамен, 2005. С. 340.

На деньги, ценности и иное, добытое преступным путем имущество, может быть наложен арест, в том числе в целях исполнения приговора в части гражданского иска (ч. 1 ст. 115 УПК РФ). И в том, и в другом случае у потерпевшего появляется надежда, что ему хотя бы в какой-то части будет возмещен вред, причиненный преступлением. Заинтересованность потерпевшего в результатах проведения обыска может иметь место и в тех случаях, когда это следственное действие осуществляется в целях обнаружения трупа или живых лиц (например, по делам о захвате заложников, незаконном лишении свободы и др.).

Изложенные выше обстоятельства побуждают представителей как уголовно-процессуальной науки, так и криминалистики обращать внимание на вопросы участия потерпевшего в ходе осуществления обыска и выемки¹. И мы не оставим их без внимания, но сделаем это в контексте обеспечения прав и законных интересов данного участника судопроизводства. При этом сразу хотим отметить, что здесь преобладают вопросы криминалистики, нежели права.

Актуальность исследования этой сферы обуславливается также анализом правоприменения, свидетельствующим о том, что производство рассматриваемых следственных действий не всегда оправдывают надежды потерпевших, хотя, формулируя данное суждение, мы не хотим, чтобы оно воспринималось категорично. В зависимости от вида рассматриваемых действий (обыск или выемка), сферы их применения, очевидно, может быть сформулирован и другой вывод. Так, П.Г. Сычев, осуществив исследование вопросов, связанных с особенностями участия и гарантиями прав организаций (юридических лиц) на досудебных стадиях уголовного судопроизводства, отмечает, что выемка является наиболее распространенным следственным действием при расследовании преступлений, совершенных в отношении юридических лиц или при участии юридических лиц. При этом автор отмечает, что изучение 60 уголовных дел в 6 главных следственных управлениях по субъектам Российской Федерации показало, что по каждому уголовному делу производилось от 8 до 36 выемок финансово-хозяйственной документации в различных организациях. Наиболее часто производились выемки в банковских учреждениях, и результаты этих выемок составляли до 70 % изъятой по уголовному делу документации². Оспаривать такие результаты не будем, поскольку мы изучали другие категории уголовных дел. А там картина выглядела иначе.

По мнению одного из выдающихся пионеров русской криминалистики С.Н. Трегубова, «обыск является краеугольным камнем предварительно-

---

¹ См., напр.: *Василенко Н.Н.* Правовое положение потерпевшего в уголовном процессе России: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2005. С. 82-87; *Жеребятьев И.В.* Процессуально-правовое положение личности потерпевшего в современном уголовном процессе России: дис. ... канд. юрид. наук. Оренбург, 2004. С. 124-131; *Иванов Д.А.* Защита следователем прав и законных интересов юридических лиц, потерпевших от преступлений. М., 2009. С. 86-89.

² *Сычев П.Г.* Особенности участия и гарантии прав организаций (юридических лиц) на досудебных стадиях уголовного судопроизводства: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2008. С. 198.

го следствия»¹. Это, действительно, так. Однако, по данным исследования Н.И. Газетдинова, результативность обыска по уголовным делам, отнесенным к категории общеуголовных, составляет 77,6 %². Эти данные были получены в конце прошлого века. Результаты нашего исследования скромнее. Анализ материалов уголовных дел показал, что в целом обыск был результативным только в 62,3 % случаев. Изъятие же в ходе обыска предметов, которые мы выше обозначили как наиболее значимые для потерпевшего, имело место гораздо реже (37,5 %).

Невысокую результативность обыска можно объяснить многими причинами. Одними из наиболее распространенных являются непопулярность этого следственного действия среди следственных работников в связи с принадлежностью обыска к так называемой полевой криминалистике³ и, в частности, осуществление деятельности за пределами места службы, а также необходимость проведения кропотливых и порой неприятных поисковых действий вплоть до «разборки грязного белья». Такое отношение к рассматриваемому следственному действию, естественно, порождает нежелание его проведения. Это объяснение выбрали из предложенных нами вариантов при анкетировании 46,1 % следователей. Поэтому действия по производству обыска следователи (особенно женщины) нередко поручают менее ответственным, а иногда тактически не подготовленным для осуществления этого следственного действия сотрудникам органов дознания. Думается, что складывающаяся практика должна быть изменена, во-первых, потому, что следователь, соблюдая криминалистические требования производства обыска, которые ему известны, имеет больше шансов получить положительные результаты, и, во-вторых, сотрудники органа дознания больше внимания уделяли бы непосредственно деятельности в своем направлении борьбы с преступностью. При этом мы высоко оцениваем деятельность в рассматриваемой сфере, когда она основана на четком и слаженном взаимодействии следователя и органа, осуществляющего оперативно-розыскную деятельность.

Другой, на наш взгляд, причиной непопулярности обыска служит отсутствие необходимой специальной техники, в частности поисковых приборов, либо несоответствие ее технических характеристик предъявляемым требованиям, без применения которой трудно достичь высоких результатов при обыске. В некоторых руководствах для следователей или методических рекомендациях по тактике производства обыска делается акцент на зависимость его результатов от технической оснащенности следственно-оперативной группы. Например, в одном из руководств для следователей в разделе подготовки технических и научно-технических средств указывается, что для обыска необходимо не только подготовить следственный чемодан, но также «осветительные средства, измерительные приборы, шупы, ручную дрель, инструменты для раскопки и вскрытия хранилищ, багры,

---

¹ *Трегубов С.Н.* Основы уголовной техники, научно-технические приемы расследования преступлений. М.: ЛексЭст, 2002. С. 230.

² *Газетдинов Н.И.* Деятельность следователя по возмещению материального ущерба. Казань, 1990. С. 34.

³ *Турчин Д.А., Чижииков И.С.* Полевая криминалистика и ее практическое применение. М.: Юрлитинформ, 2006. С. 122.

«кошки», магнитный искатель, металлоискатель, электронно-оптический преобразователь, ультрафиолетовый осветитель, переносной рентгеновский аппарат, специальное приспособление для обнаружения закопанных троп, лупу, интроскоп, зеркало для осмотра труднодоступных мест, средства упаковки изымаемых предметов, спецодежду для работы в загрязненных условиях и др.»¹. Несомненно, такая оснащенность значительно повышает поисковые возможности, но, как показывает практика, подобный арсенал техники даже для столичного следственного органа редкость, не говоря уже о низших уровнях органов следствия и дознания. А ведь известно, что следственная деятельность по производству обыска строится на трех криминалистических основах: организационной, технической и психологической, которые взаимосвязаны и неотделимы друг от друга, и именно техническая основа является связующим звеном двух остальных. Она лишь в них может наиболее полно и эффективно реализоваться.

Поскольку обыск является наиболее полным выразителем поисково-познавательной следственной деятельности, то вполне возможно говорить об инструментальных методах поиска доказательств в уголовном процессе как отдельной отрасли криминалистической техники.

К сожалению, касаясь наиболее существенной стороны научно-технического обеспечения, многие авторы не ставят перед собой задачу попытаться рассмотреть возможные источники образования научно-технической базы практических органов следствия, которые в них очень нуждаются, но в связи с ограниченным материальным состоянием не имеют возможности решить эту важную проблему за счет собственных средств. Так поступили составители указанного выше руководства для следователей, а также авторы труда «Криминалистическое обеспечение предварительного расследования»², В.А. Волынский³ и некоторые другие.

В существующих экономически сложных условиях выполнения своих задач органы расследования вынуждены изыскивать не только бюджетные каналы технико-криминалистического обеспечения деятельности по расследованию преступлений, но и пользоваться иными доступными возможностями пополнения своего научно-технического потенциала. Первым источником такого пополнения является общественность, которая в истории прошлых лет борьбы с преступностью играла немалую роль в оказании помощи органам расследования. Правильно замечено, что «когда говорят об участии или содействии общественности в борьбе с преступностью, под этим следует понимать действия, осуществляемые добровольно лицами или группой лиц, которые не несут обязанности оказывать содействие или участвовать в выполнении определенной работы. Речь может идти только о чувстве долга и моральной обязанности»⁴. Надо заметить, что людей с чувством долга и моральной обязанностью существует немало, и поэтому, как

¹ Руководство для следователей / под ред. Н.А. Селиванова и В.А. Снеткова. М.: ИНФРА-М, 1998. С. 294.

² Криминалистическое обеспечение предварительного расследования / под ред. В.А. Образцова. М.: Юрайт, 1992. 265 с.

³ Волынский В.А. Техничко-криминалистическое обеспечение раскрытия и расследования преступлений. М.: Норма, 1994. 312 с.

⁴ Криминалистика / под ред. И.Ф. Герасимова, А.Я. Драпкина. М.: Юрайт, 1994. С. 80.

и прежде, необходимо вовлекать их в дело помощи и материально-технического вооружения, пусть несложных, но необходимых технических средств. Д.А. Турчин привел случай из собственной практики, когда группа работников органов расследования во главе с прокурором района проводила обыск у расхитителя государственных средств. На исходе дня к окончанию осмотра огорода возникла острая необходимость исследовать недавно вскопанную грядку, но имеющаяся в следственном чемодане щуп-спица оказалась непригодной для этой цели. Тогда прокурор направил оперативного работника в механический цех завода с просьбой срочно изготовить несколько прочных щупов длиной не менее метра, что и было сделано¹. Произошло это тридцать с лишним лет назад. Отношения в обществе тогда были иными. И отношение к следователю, как представителю государственной власти, тоже было иным. Хотя существует мнение, что в изготовлении подобных несложных инструментов редко когда откажут следователю и в наше время. Подобным же образом можно приобрести магнитные подъемники, тралы и многих другой инструментарий².

Но самой перспективной и серьезной в этом отношении может являться помощь, оказываемая потерпевшими лицами, как физическими, так и юридическими. При этом участие и помощь потерпевших субъектам уголовно-процессуальной деятельности может рассматриваться с двух сторон: а) общей, правосознательной, не имеющей непосредственного отношения к конкретному преступлению; б) частной, имеющей место в рамках конкретного уголовно-процессуального производства.

В последнем случае, как нам представляется, потерпевший не будет представителем общественности, хотя в криминологическом плане является выразителем социального отношения общества к совершению преступлений. Эта личность может взаимодействовать в качестве субъекта уголовного процесса самостоятельно, а также через своего представителя. В процессе делового сотрудничества и совместного решения общих задач потерпевшее лицо, в большей степени юридическое, может оказывать следствию определенную помощь в приобретении, использовании различного рода материальных, технических средств. Такая деятельность не исключается и со стороны потерпевших физических лиц. И здесь, наверное, не будет уместной фраза «спасение утопающих – дело рук самих утопающих», поскольку оказание помощи следствию необходимо рассматривать как гражданскую позицию человека, пусть даже она и направлена на обеспечение реализации собственных интересов.

В последнее время потерпевшие по собственной инициативе создают различные фонды, в том числе и для оказания помощи органам расследования. Например, в Нижнем Новгороде по делу о вандализме на еврейском кладбище потерпевшие, создав материальный фонд помощи органам расследования, собрали значительные суммы для поощрения оперативных и следственных работников. И таких случаев в следственной практике встре-

---

¹ Турчин Д.А. Расследование хищений государственного и общественного имущества. Владивосток, 1978. С. 77.

² Подробнее об этом см.: Синенко С.А. Участие потерпевшего в расследовании преступлений: монография. Владивосток, 2007. С. 108.

чается немало. Более того, сведения о них достаточно часто размещаются в средствах массовой информации и Интернете. Обращение к этим источникам позволяет узнать, что фонд содействия расследованию образован, например, при Центре финансовых расследований – специализированной экспертной организации, учрежденной Финансовым университетом при Правительстве Российской Федерации; организация взаимовыгодного сотрудничества бизнеса и власти на разном уровне, в том числе в сфере правоохранительной деятельности, является одной из целей фонда содействия стратегическим инвестициям; имеют место фонды более частного назначения, например, в Северодвинске существовал Фонд содействия расследованию убийства депутата.

Что касается обыска, то потерпевший нередко способствует и непосредственно помогает органу расследования достичь положительных результатов при его производстве¹. Эффективность защиты прав потерпевших от преступлений, возмещения причиненного преступлением вреда в большей части зависит от их собственной инициативы². Современные исследователи отмечают положительные изменения в этой сфере. Так, В.П. Божьев указывает, что «с принятием Конституции РФ (1993 г.) в уголовно-процессуальном законодательстве России появилась тенденция к повышению влияния потерпевшего на ход и исход производства по делам не только частного (что было и прежде), но и публичного обвинения»³. Л.Н. Масленникова пишет: «Активная позиция потерпевшего при реализации предоставленных ему прав позитивно влияет на процесс раскрытия преступления, изобличения преступника, обеспечения возмещения ущерба»⁴.

Осуществленный нами анализ правоприменения подтверждает указанное выше и показывает, что, действительно, роль рассматриваемого участника судопроизводства при производстве по уголовному делу в целом и в осуществлении таких следственных действий, как обыск и выемка, может быть весьма значительной. Во-первых, при возникновении необходимости производства обыска потерпевший в зависимости от механизма совершения преступления может подробно перечислить и обозначить объекты, которые подлежат обнаружению и изъятию при обыске и выемке в качестве вещественных доказательств. Во-вторых, участие потерпевшего при производстве обыска надлежит признать эффективным криминалистическим тактическим приемом следствия, о чем следует сказать подробнее.

Дело в том, что целью обыска и выемки является, в первую очередь, отыскание материальных объектов – вещественных носителей информации о совершенном преступлении, однако распознавание указанных материальных объектов в качестве носителей криминалистической информации во

---

¹ *Василенко Н.Н.* Правовое положение потерпевшего в уголовном процессе России: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2005. С. 82.

² *Сычев П.Г.* Особенности участия и гарантии прав организаций (юридических лиц) на досудебных стадиях уголовного судопроизводства: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2008. С. 120.

³ Уголовный процесс: учеб. для студентов вузов, обучающихся по специальности «Юриспруденция» / под ред. В.П. Божьева. М.: Юрайт, 2002. С. 129.

⁴ Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / отв. ред. Д.Н. Козак, Е.Б. Мизулина. М.: Норма, 2003. С. 149.

время обыска без потерпевшего не всегда доступно по многим причинам¹. Иногда они к моменту обыска оказываются уже измененными. Часто потерпевшие в своих показаниях не придают значения малоценным предметам и не упоминают о них. Так, при обыске по делам об убийствах у подозреваемых и обвиняемых могут оказаться принадлежащие пострадавшему кошелек, авторучка, зажигалка, брелок и многое другое, что не фигурирует в показаниях потерпевших и их близких родственников. Потерпевшие могут указать на эти предметы только тогда, когда они попадут в поле их зрения. Такая ситуация складывается, в частности, при производстве обыска у обвиняемых и подозреваемых в квартирных кражах, когда воры вместе с ценностями уносят из квартиры или служебного помещения какие-либо предметы, имеющие в уголовном процессе лишь информационное значение. Показательной в этом случае является следующая ситуация. При производстве обыска в частном доме, принадлежащем подозреваемой в кражах П., было обнаружено значительное число предметов одежды и домашнего обихода. Они могли быть как собственностью П., так и относиться к числу похищенных, поскольку ввиду отсутствия четкого описания индивидуальных признаков их принадлежность определить было затруднительно. Следователь распорядился доставить к месту обыска двух потерпевших, проживающих поблизости, что и было сделано. В ходе осуществления поисковых действий в стиральной машине были обнаружены женские вещи, которые одна из потерпевших тут же опознала как принадлежащие ей, указав при этом их приметы. В протоколе обыска было указано не только местонахождение данных предметов, их индивидуальные признаки, но и факт узнавания потерпевшей, что способствовало раскрытию преступления.

Имеют место они и в других случаях. Например, при производстве расследования краж автомобилей у следователя возникла необходимость осуществить обыск в гараже, принадлежащем одному из подозреваемых, где осуществлялась разборка автомашин. К производству обыска были привлечены трое потерпевших по разным эпизодам совершенных преступлений. Прибыв к месту осуществления следственного действия, следователь понял, что имеет дело с непростой ситуацией. В гараже находилось огромное количество деталей от автомашин, при этом определить их криминальное происхождение не представлялось возможным ввиду отсутствия индивидуальных признаков. Подозреваемый настаивал на том, что эти детали он приобрел в разное время и у разных лиц с целью перепродажи. Выходов из такой ситуации было несколько. Например, изъять все и затем в ходе производства других следственных действий (в частности, предъявления для опознания) устанавливать принадлежность этих деталей конкретным лицам (но по указанным выше причинам результативность такого опознания была сомнительной), либо не изымать ничего. Ситуацию спас случай. Один из потерпевших, осматривая гараж, обнаружил карбюратор, который находился на похищенном у него автомобиле. Идентифицирован это

---

¹ О значении распознавания в поисково-познавательной криминалистической деятельности см.: *Образцов В.А.* Криминалистическое распознавание: состояние, тенденции, перспективы // Проблемы криминалистического распознавания. Иркутск-М., 1999. С. 3-19.

предмет был по нестандартной головке одного из болтов, который потерпевший использовал сам, осуществляя ремонт этой детали. Естественно, что следователь, осуществляющий данное следственное действие, не знал об этом, а значит, не обратил бы внимание на указанный предмет. Кроме того, наступательный характер поведения потерпевшего позволил получить признание подозреваемого уже в ходе проведения обыска¹.

Из приведенного выше можно сделать вывод о том, что роль потерпевшего в производстве обыска или выемки может быть весьма значимой, но анализ правоприменения свидетельствует о том, что следователи редко привлекают рассматриваемого участника к производству указанных следственных действий. Изучение материалов уголовных дел показало, что это имело место только в 0,7 % случаев. Основными причинами этого являются указанная нами выше мотивация отказа от проведения обыска вообще, а также нежелание обременять себя лишней работой, связанной с вызовом потерпевшего, согласованием с ним места, времени и иных деталей производства данного следственного действия. Представляется, что такое положение дел не способствует эффективному осуществлению судопроизводства, а также обеспечению прав и законных интересов потерпевшего.

Не менее актуален вопрос о возможности участия в производстве обыска и выемки представителя потерпевшего, особенно юридического лица. Принято считать, что представитель потерпевшего может во многих случаях заменить его при реализации процессуальных функций. Из этого логически вытекает вывод о том, что вместо потерпевшего или совместно с ним в производстве обыска может участвовать, например, адвокат.

Вопросы участия представителей потерпевших при производстве обыска имеют тактическое значение, так как среди них (особенно представляющих интересы потерпевшего – юридического лица) могут оказаться лица, хорошо подготовленные для поисковой деятельности, в прошлом работники правоохранительных органов, лица, обладающие знаниями в сфере бухгалтерского учета, и др. Такое положение представляет для органа расследования дополнительные возможности в поисковой деятельности при производстве обыска и выемки. Указанные потенциальные возможности следователь должен выяснить и воспользоваться ими. Особенно это касается производства одновременных обысков, проводящихся в разных местах, в связи с чем задействуется в больших количествах транспорт, техника связи, фиксации и другие материальные и технические средства. При всех положительных сторонах рассмотренной выше деятельности она не получила широкого применения. Участие представителя потерпевшего, особенно лица, имеющего необходимую подготовку в сфере осуществления поисковой деятельности, – явление редкое для российского уголовного судопроизводства. Это, очевидно, объясняется и общей позицией правоприменителей относительно участия в производстве по уголовному делу представителя потерпевшего. Так, В.Г. Ульянов утверждает, что подавляющее большинство (78 %) анкетированных им следователей и дознавателей считают, что пред-

---

¹ Приведенные примеры были выявлены при интервьюировании следователей, работающих в следственных подразделениях г. Н. Новгорода.

ставитель потерпевшему абсолютно не нужен¹. И хотя следователи в процессе проводимого нами интервьюирования соглашались с преимуществами предложенного выше подхода, на практике мы обнаружили всего две ситуации (что составило 0,6 % от изученных материалов уголовных дел), когда такие действия реально осуществлялись.

В связи с этим возникают и правовые вопросы, в частности, могут ли представителем потерпевшего выступать указанные выше лица? Исходя из авторской концепции, отраженной нами в последнем параграфе предыдущей главы, а также из конституционно-правового смысла ч. 1 ст. 45 УПК РФ, можно утверждать, что потерпевший вправе поручить любому лицу участвовать в производстве обыска и, в частности, представителю детективного или охранного агентства, юрисконсульту, бухгалтеру и т.п. Такая позиция поддерживается и другими исследователями². Н.Н. Василенко, в частности, констатирует, что «потерпевшие, особенно юридические лица, помогая следствию, иногда по собственной инициативе привлекают для розыска имущества должников частные детективные организации, а также самостоятельно проводят сбор необходимой информации»³.

Представляется, прав Д.А. Иванов, когда отмечает, что относительно представителя потерпевшего вопрос в большей степени заключается не в том, какое лицо будет представлять его интересы, а в том, каким образом это лицо будет наделено таким правом⁴. Поскольку мы ведем речь о так называемом договорном представительстве, то осуществляться оно должно в строгом соответствии с нормами гражданского права и удостоверяться либо гражданско-правовым договором (соглашением), либо доверенностью, либо иным, предусмотренным законом, образом⁵.

Одновременно с обыском или выемкой может быть осуществлено наложение ареста на имущество при условии получения судебного решения для применения этой меры уголовно-процессуального принуждения. Наложить арест на имущество, в том числе на ценные бумаги, после проведения обыска или выемки, по нашему мнению, нецелесообразно, так как практика подсказывает, что обвиняемые и другие заинтересованные лица принимают после выполнения указанных действий различные меры сокрытия имущества от ареста в целях избежания их последующей конфискации и реализации для удовлетворения гражданского иска.

Как нам представляется, основными задачами возмещения имущественного вреда, причиненного преступлением, являются: а) своевременное установление, розыск и наложение ареста на все имущество и ценные бума-

---

¹ Ульянов В.Г. Реализация прав потерпевшего в российском уголовном процессе: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 1998. С. 15.

² См., напр.: Иванов Д.А. Защита следователем прав и законных интересов юридических лиц, потерпевших от преступлений. М., 2009. С. 87.

³ Василенко Н.Н. Правовое положение потерпевшего в уголовном процессе России: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2005. С. 85.

⁴ Иванов Д.А. Защита следователем прав и законных интересов юридических лиц, потерпевших от преступлений. С. 90.

⁵ Шишкин С.С. Представительство юридического лица в уголовном судопроизводстве: вопросы теории и практики: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2012. С. 10-11.

ги должника; б) обеспечение сохранности арестованного с целью его дальнейшей реализации после соответствующего постановления суда. В этом плане своевременное осуществление обыска способствует обеспечению имущественных интересов потерпевшего.

Подводя итог, отметим, что *возможность эффективного использования активности потерпевших и их представителей в ходе производства обыска и выемки очевидна, что подтверждается научными исследованиями. Однако в реальном правоприменении этот потенциал в силу различных, как правило, субъективных причин следователями и дознавателями не используется, что негативно сказывается как на достижении назначения уголовного судопроизводства в целом, так и на обеспечении прав и законных интересов потерпевших, в частности.*

§ 6. Участие потерпевшего в назначении и производстве экспертиз

Анализ правоприменения показывает, что редко, когда расследование преступления обходится без назначения и производства судебных экспертиз, позволяющих установить обстоятельства события, для познания которых требуются специальные знания. На это обращают внимание практически все авторы, посвятившие свои труды правовой регламентации и осуществлению следственных действий. По результатам нашего исследования, экспертиза осуществлялась по 86,3 % изученных уголовных дел, в том числе по 37,8 % она проводилась два и более раза. Исходя из этих обстоятельств, материалов, предоставляемых для исследования, и целей расследования, потерпевший достаточно часто вовлекается в такую деятельность, но, несмотря на это, в уголовно-процессуальной и криминалистической литературе внимание участию рассматриваемого субъекта судопроизводства в данном следственном действии уделено значительно меньше, чем подозреваемого и обвиняемого. Так, например, известный криминалист А.В. Дулов, указывая на «заинтересованных участников уголовного процесса» и их участие в проведении экспертиз на предварительном следствии, ограничился лишь обвиняемым, подозреваемым, гражданским истцом и ответчиком и обошел вниманием потерпевшего, который, как нам представляется, является не менее заинтересованным, чем другие участники уголовного процесса, в установлении истины по делу¹.

Судебная экспертиза представляет собой комплекс правоотношений, возникающих между государственными органами и другими участниками судопроизводства в связи с осуществлением соответствующего исследования². Эти отношения весьма многогранны, поэтому мы остановимся лишь на рассмотрении тех из них, которые непосредственно связаны с обеспечением прав и законных интересов потерпевшего.

Анализ норм УПК РФ, регламентирующих производство судебной экспертизы, показывает, что процессуальное нормирование использования

---

¹ Дулов А.В. Права и обязанности участников судебной экспертизы. Минск, 1962. С. 200.

² Уголовный процесс: учеб. для вузов / под ред. Б.Б. Булатова, А.М. Баранова. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт; Высшее образование, 2012. С. 293.

специальных знаний в действующем уголовном судопроизводстве не отвечает основным постулатам состязательного процесса, а также интересам потерпевшего как одного из важных субъектов этой деятельности, права которого защищает государство в лице органов расследования. Ранее мы неоднократно подчеркивали, что отношения с данным участником судопроизводства должны строиться на основе сотрудничества, поскольку современный потерпевший – обвинитель, что во многих случаях объединяет его стремления с интересами следователя и прокурора.

Основным и существенным недостатком процессуальной регламентации производства судебной экспертизы в ходе досудебного производства, на наш взгляд, является то, что потерпевший, как представитель стороны обвинения, значительно ограничен в участии и влиянии на ее проведение. В отличие от потерпевшего, права подозреваемого и обвиняемого шире, например, представители стороны обвинения имеют право знакомиться с постановлением о назначении экспертизы, при этом на следователя возложена обязанность разъяснить им дополнительные права, возникающие в связи с производством данного следственного действия. Неудовлетворенные таким положением дел авторы одного из комментариев УПК РФ пишут: «Думается, что не будет нарушением закона, если следователь по конкретному делу в целях установления баланса между процессуальными статусами стороны защиты и стороны обвинения предоставит потерпевшему и его представителю те же процессуальные права, которые в ч. 1 ст. 198 УПК РФ прописаны лишь для подозреваемого, обвиняемого и их защитников. Следователь не обязан, однако вправе это сделать»¹. Такой позиции придерживаются и другие ученые².

Между тем закон содержит на этот счет некоторые оговорки. Так, в части 2 ст. 198 УПК РФ указано, что потерпевший, в отношении которого производилась судебная экспертиза, вправе знакомиться с заключением эксперта, а также с постановлением о назначении судебной экспертизы, заявлять отвод эксперту или ходатайствовать о производстве экспертизы в другом экспертном учреждении.

Прежде всего, обратим внимание на некоторую непоследовательность данных предписаний. Статья 198 УПК РФ, в которой они содержатся, поименована «Права подозреваемого, обвиняемого, потерпевшего, свидетеля при назначении и производстве судебной экспертизы». Между тем приведенное нами выше положение закона в части ознакомления потерпевшего с заключением эксперта касается деятельности, которая должна быть реализована после осуществления данного следственного действия. Такая процедура регламентируется иным предписанием, содержащимся в ст. 206 УПК РФ «Предъявление заключения эксперта». Здесь содержится другая формулировка: «Если судебная экспертиза проводилась по ходатайству потерпевшего либо в отношении потерпевшего и (или) свидетеля, то

---

¹ Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / науч. ред. В.Т. Томин, М.П. Поляков. М., 2012. С. 559.

² См., напр.: Курс уголовного судопроизводства: учеб.: в 3 т. Т. 2: Досудебное и судебное производство. М.: Изд-во Московского психолого-социального ин-та; Воронеж: МОДЕК, 2006. С. 269-270.

им также предъявляется заключение эксперта» (ч. 2 ст. 206 УПК РФ). Остается неясным, зачем законодатель дважды закрепил одно и то же правило, тем более, что в первом случае оно выглядит неуместным.

Кроме того, рассматриваемая нами ситуация является нелогичной в том плане, что представитель своей (относительно следователя, дознавателя) стороны – потерпевший – по общему правилу остается в неведении о назначенной судебной экспертизе, в то время как представители противоположной стороны об этом должны быть уведомлены. Очевидно, поэтому авторы указанного нами выше комментария УПК РФ предпочли высказать свое мнение по этому вопросу, но они сформулировали всего лишь пожелание, которым может воспользоваться следователь. Нам же представляется, что в этом случае должно существовать четкое законодательное установление, направленное на обеспечение прав и законных интересов потерпевшего. Несколько позже мы его сформулируем. Здесь же отметим, что такие предложения имеются. В частности, они содержатся в законопроекте «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях совершенствования прав потерпевших в уголовном судопроизводстве», внесенном И.А. Яровой на рассмотрение в Государственную Думу¹. Однако мы их оцениваем как весьма лаконичные и неспособные полностью разрешить рассматриваемую проблему.

Из изложенных в ч. 1 ст. 198 УПК РФ прав подозреваемого, обвиняемого, его защитника при назначении и производстве судебных экспертиз, где им разрешается: 1) знакомиться с постановлением о назначении судебной экспертизы; 2) заявлять отвод эксперту или ходатайствовать о производстве судебной экспертизы в другом экспертном учреждении; 3) ходатайствовать о привлечении в качестве экспертов указанных ими лиц либо о производстве судебной экспертизы в конкретном экспертном учреждении; 4) ходатайствовать о внесении в постановление о назначении судебной экспертизы дополнительных вопросов эксперту; 5) присутствовать с разрешения следователя при производстве судебной экспертизы давать объяснения эксперту; 6) знакомиться с заключением эксперта или сообщением о невозможности дать заключение, а также с протоколом допроса эксперта, потерпевший обладает лишь двумя первыми, и то в ограниченных законом случаях, что само по себе, даже не вдаваясь в суть каждого из прав, подтверждает неравенство в правовом статусе представителей сторон защиты и обвинения, а именно потерпевшего и подозреваемого (обвиняемого), которые с точки зрения принципа состязательности должны быть равны. По нашему мнению, в этом вопросе должен быть достигнут соответствующий баланс в правовых статусах представителей стороны защиты и обвинения.

В связи с этим мы не можем согласиться с научным подходом И.В. Быкова, который на основе исследования вопросов, касающихся особенностей производства судебной экспертизы в присутствии субъектов уголовно-процессуальных отношений, пришел к выводу, что потерпевший,

---

¹ Проект закона «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях совершенствования прав потерпевших в уголовном судопроизводстве» [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 14.03.2013).

вовлеченный в осуществление данного следственного действия, должен обладать только теми правами, которые обозначены в п. 1, 2, 5 ч. 1 ст. 198 УПК РФ¹. Мы не можем согласиться и с мнением Д. А. Харченко, высказанным по этому вопросу. Данный автор предлагает наделить потерпевшего всеми правами, содержащимися в ч. 1 ст. 198 УПК РФ, что соответствует нашим представлениям. Но он настаивает на том, чтобы этот же объем прав принадлежал свидетелю². Поскольку последний не принадлежит к сторонам, на наш взгляд, он не имеет той же степени заинтересованности, что потерпевший и обвиняемый, поэтому предлагаемый для свидетеля объем прав будет избыточным, а это может не только не способствовать обеспечению прав личности, но и осложнять осуществление производства по уголовному делу.

Считаем необходимым отметить, что подобных проблем не возникает при назначении и производстве экспертизы в ходе рассмотрения уголовного дела судом первой инстанции. Порядок назначения экспертизы, определенный ст. 283 УПК РФ, полностью учитывает состязательные основы рассмотрения уголовного дела, предоставляя потерпевшему право ходатайствовать о назначении этого действия, участвовать в формулировании вопросов эксперту, быть ознакомленным с заключением эксперта. Кроме того, в п. 8 Постановления Пленума Верховного Суда РФ «О судебной экспертизе по уголовным делам» подчеркивается, что «исходя из положений, указанных в пунктах 5, 9, 11 части 2 статьи 42, статьи 198 УПК РФ, суду надлежит обеспечить потерпевшему возможность знакомиться с постановлением о назначении судебной экспертизы независимо от ее вида и с полученным на ее основании экспертным заключением либо с сообщением о невозможности дать заключение; право заявлять отвод эксперту или ходатайствовать о производстве судебной экспертизы в другом экспертном учреждении, о привлечении в качестве эксперта указанного им лица либо о производстве судебной экспертизы в конкретном экспертном учреждении, о внесении в определение (постановление) о назначении судебной экспертизы дополнительных вопросов эксперту»³. На фоне этого дисбаланс прав потерпевшего и обвиняемого при назначении и производстве экспертизы в период досудебного производства выглядит еще более необъяснимым.

Кроме этого, анализ перечисленных прав обвиняемого и подозреваемого, а равно потерпевшего в рассматриваемой сфере вызывает ряд общих и частных замечаний. Прежде всего, речь идет о праве перечисленных лиц ходатайствовать о производстве судебной экспертизы в другом экспертном учреждении. Однако уголовно-процессуальный закон конкретно не указы-

---

¹ *Быков И.В.* Особенности производства судебной экспертизы в присутствии субъектов уголовно-процессуальных отношений: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2008. С. 11.

² *Харченко Д.А.* Судебная экспертиза в российском уголовном судопроизводстве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Иркутск, 2006. С. 10. Аналогичная точка зрения высказана О.Г. Дьяконовой. См.: *Дьяконова О.Г.* Процессуальные проблемы назначения и производства психиатрических и психологических экспертиз по уголовным делам в отношении живых лиц: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Оренбург, 2008. С. 11.

³ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 21 декабря 2010 г. № 28 «О судебной экспертизе по уголовным делам» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2011. № 2.

вает, какие учреждения органы расследования имеют право привлекать для экспертного исследования. По этому поводу Федеральный закон РФ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» уточнил, что все виды судебных экспертиз в уголовном процессе могут быть произведены государственными судебно-экспертными учреждениями и государственными судебными экспертами. Также разрешается производство экспертиз и вне государственных учреждений. Их, за исключением судебно-психиатрических и судебно-медицинских экспертиз живых лиц, могут произвести специалисты, не являющиеся государственными судебными экспертами, но обладающие специальными познаниями¹. Возникает вопрос: значит ли это, что последние должны выступать как индивидуальное лицо, не представляясь учреждением, в котором они ведут свою профессиональную деятельность? Дело в том, что экспертные исследования в уголовном процессе иногда имеют серьезный научно-исследовательский характер и требуют применения высокочувствительной и сложной техники, а также хорошо подготовленных в специальных научных исследованиях ученых.

Есть все основания рассматривать решение этого вопроса в свете аналогии, которая иногда применяется в уголовном процессе и криминалистике². Закон допускает привлечение в качестве эксперта физических лиц, работающих вне экспертного учреждения (ч. 4 ст. 199 УПК РФ). Надо полагать, что отличие одного человека от группы лиц научного учреждения заключается лишь в количественном показателе и может положительно влиять на качественные показатели. Кроме того, руководитель неэкспертного научного учреждения лучше следователя знает возможности своих научных сотрудников и может обеспечить, таким образом, проведение экспертизы на более высоком уровне, тем более, что обеспечить правовой статус, позволяющий руководителю организовывать производство судебных экспертиз, как считает Ю.Г. Плесовских, не сложно, потому что «ничто не мешает приобрести похожий статус и руководителям негосударственных судебно-экспертных учреждений. Для этого необходимо предусмотреть соответствующие положения в учредительных документах»³. Кроме того, правовые основания привлечения негосударственных экспертных учреждений для производства экспертизы имеются в УПК РФ. Согласно ч. 4 ст. 21 УПК РФ требования, поручения и запросы следователя по находящемуся у него в производстве уголовному делу обязательны для исполнения всеми предприятиями, учреждениями, организациями, должностными лицами и гражданами.

Зарубежная практика судопроизводства уже давно пошла по этому пути. В США, например, широко привлекаются для проведения экспертиз

---

¹ Федеральный закон от 31 мая 2001 г. № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2001. № 23. Ст. 2291.

² Турчин Д.А. Аналогия в уголовном процессе и криминалистике // Дальневосточные криминалистические чтения. Владивосток, 2000. Вып. 5. С. 3-12.

³ Плесовских Ю.Г. Судебная экспертиза: правовые, теоретические и методологические основы производства. Владивосток: Изд-во Дальневосточного ун-та, 2003. С. 30-31.

как представители государственных экспертных учреждений, так и различных негосударственных научных лабораторий¹.

Но если единое право для обеих сторон, на введении которого мы настаиваем, ходатайствовать о производстве экспертизы в другом экспертном учреждении и заявлять отвод эксперту не будет нарушать состязательности, то значительное усиление этого права для подозреваемого и обвиняемого в п. 3 ч. 1 ст. 198 УПК РФ, где им разрешается самим выбирать конкретного эксперта и конкретное экспертное учреждение, опять ставит потерпевшего в худшее правовое положение. Более того, подозреваемый и обвиняемый, помимо того, что укажут, кто по их желанию будет производить экспертизу, еще имеют право включить в постановление дополнительные вопросы. По существу, они получили некоторую возможность назначать нужную им экспертизу в удобном им месте и таким образом отстаивать свою позицию в уголовном деле. По нашему мнению, этот существенный перекокс в правах потерпевшего и подозреваемого (обвиняемого) должен быть устранен, причем это должно быть достигнуто не лишением рассматриваемых прав подозреваемого или обвиняемого, а распространением их и на потерпевшего.

В пункте 4 ч. 1 ст. 198 УПК РФ содержится право обвиняемого ходатайствовать о внесении в постановление о назначении судебной экспертизы дополнительных вопросов эксперту. Представляется, что подобное право должно быть и у потерпевшего, поскольку последний нередко прямо заинтересован в результатах исследования отдельных обстоятельств уголовного дела посредством применения специальных знаний. Так, П.Г. Сычев констатирует, что практически ни одно расследование преступления, в котором в качестве потерпевшего фигурирует юридическое лицо, не обходится без судебной экспертизы, на разрешение которой ставятся вопросы, касающиеся финансово-хозяйственной деятельности этой организации². Нередко потерпевшие – физические лица заинтересованы в правильном определении размера вреда, причиненного здоровью, имущественного ущерба, причиненного преступлением, и других вопросов, разрешить которые можно только посредством экспертных исследований. При этом потерпевший может быть не согласен с тем перечнем вопросов, который сформулировал перед экспертом следователь. Лишать его права отстаивать свое мнение в таких ситуациях было бы неправильным, тем более что мы опять имеем дело с дисбалансом прав потерпевшего и обвиняемого.

В связи с этим возникает еще одна проблема: может ли потерпевший настаивать на постановке перед экспертом вопросов правового характера и какова должна быть на это реакция следователя? Сложность состоит в том, что в юридической литературе, как правило, указывается на невозможность постановки для разрешения эксперта вопросов правового порядка³. Такой подход объясняется складывающейся судебно-следственной практикой, а

---

¹ Зельдес И., Леви А. Эксперт в суде присяжных США // Российская юстиция. 1999. № 7. С. 46.

² Сычев П.Г. Особенности участия и гарантии прав организаций (юридических лиц) на досудебных стадиях уголовного судопроизводства: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2008. С. 41.

³ См., напр.: Курс уголовного судопроизводства: учеб.: в 3 т. Т. 2. С. 255; Криминалистика. Полный курс: учеб. / под общ. ред. А.Г. Филиппова. С. 489.

также тем, что экспертиза необходима в тех ситуациях, когда требуется использование специальных знаний, т.е. тех, которыми не обладает следователь. Знание права – необходимое качество, которым должен обладать следователь, а, значит, все правовые вопросы, связанные с производством по делу, он должен решать сам. Однако данное объяснение не может быть использовано при ответе на указанную нами проблему: во-первых, речь идет о возможности постановки вопросов перед экспертом потерпевшим. А он, как правило, не обладает, да и не обязан обладать юридическими знаниями. Во-вторых, вопросы правового характера весьма разнородны, поэтому возлагать на следователя их разрешение во всех случаях было бы также неоправданным.

Например, в юридической литературе дискуссионным является вопрос о том, вправе ли следователь самостоятельно изучать изъятые финансовые документы и определять, куда перечислены похищенные денежные средства, либо для этого нужно назначать судебно-финансовую экспертизу. Единства по этому вопросу среди сотрудников правоохранительных органов нет. Практика также весьма разнообразна¹. Подобные вопросы возникают и при расследовании преступлений, совершенных в иных сферах². Такая неопределенность отчасти связана с возможностью (невозможностью) использования юридических знаний, а также постановки правовых вопросов перед экспертом. Прежде чем ответить на него, необходимо определиться с тем, являются ли знания, касающиеся судебной бухгалтерии, юридическими (правовыми). Если термин «право» в данном случае рассматривать в широком смысле как совокупность (систему) норм, т.е. правил поведения людей в обществе³, то следует иметь в виду, что эти нормы содержатся не только в законах, но и иных нормативных актах. К их числу относятся и те, которые содержат правила ведения бухгалтерского учета, и те, которые устанавливают критерии разграничения тяжести вреда, причиненного здоровью, и те, которые регламентируют вопросы, касающиеся наркотических и психотропных веществ, и многие другие, необходимость использования которых может возникнуть при производстве по уголовному делу.

Исходя из этого, было бы ошибочным считать, что все эти правовые вопросы следователь должен решать самостоятельно, поэтому, на наш взгляд, в п. 4 Постановления Пленума Верховного Суда РФ «О судебной экспертизе по уголовным делам» абсолютно правильно указано, что не допускается постановка перед экспертом только тех вопросов, которые связаны с оценкой деяния, разрешение которых относится к исключительной компетенции органа, осуществляющего расследование, прокурора, суда (например, что имело место убийство или самоубийство). Но это далеко не все вопросы права, а только те, которые в большинстве случаев регламен-

---

¹ Сычев П.Г. Особенности участия и гарантии прав организаций (юридических лиц) на досудебных стадиях уголовного судопроизводства. С. 175.

² Горянов Ю.И. Судебная экспертиза в современном уголовном судопроизводстве: правовое регулирование и правоприменительная практика: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006. С. 4.

³ Теория государства и права: учеб. / под ред. А.С. Пиголкина, Ю.А. Дмитриева. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Юрайт, 2010. С. 427.

тируются уголовным или уголовно-процессуальным законодательством. Следовательно, иные вопросы правового характера могут быть поставлены перед экспертом. Таким образом, в юридической литературе и правоприменении мы имеем недостаточно четкое восприятие позиции высшего судебного органа, что необходимо скорректировать. Поэтому мы поддерживаем позицию тех ученых, которые обосновывают возможность разрешения при помощи производства судебной экспертизы по уголовным делам правовых вопросов, требующих юридических знаний¹, при условии, конечно, соблюдения обозначенных выше правил.

В соответствии с п. 4 ч. 1 ст. 195 УПК РФ в распоряжение эксперта следователем должны быть предоставлены необходимые материалы. Закон не уточняет, что необходимо понимать под такими материалами. В статье 10 Федерального закона «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» такие материалы именуются объектами экспертного исследования. К ним относятся: вещественные доказательства, документы, предметы, животные. Такими объектами могут быть также труп потерпевшего, части трупа, различные следы, иные материалы уголовного дела. Так, при назначении дополнительных и повторных экспертиз в качестве объектов экспертного исследования направляются заключения первичных экспертиз. Эксперту могут быть представлены также полученные следователем для сравнительного исследования образцы². Объектами судебно-портретной экспертизы являются фотопортреты, кадры видеозаписи. Иногда в качестве объектов используются слепки (маски) лица человека³. Таким образом, используемое законодателем в п. 4 ч. 1 ст. 195 УПК РФ слово «материалы» необходимо понимать в самом широком смысле.

В рассматриваемой норме речь идет о предоставлении материалов следователем. При этом не оговаривается форма их получения. Таковой, в первую очередь, является производство следственных действий. Наиболее часто рассматриваемые материалы следователь получает, осуществляя обыск, выемку, осмотр. Статья 202 УПК РФ регламентирует следственное действие «Получение образцов для сравнительного исследования», специально предназначенное для этих целей, но в то же время нельзя исключать ситуации, когда такие материалы могут быть получены от потерпевшего или обвиняемого, причем вне рамок производства следственного действия. Однако правом на предоставление этих материалов эксперту потерпевший не обладает, хотя, на наш взгляд, здесь не может быть прямой возможности потерпевшего передать на исследование данные материалы, поскольку вопрос о назначении экспертизы решается следователем, но правом ходатайствовать перед следователем о направлении «своих» материалов в распоряжение эксперта потерпевший должен обладать.

---

¹ *Россинская Е.Р., Галяшина Е.И.* Настольная книга судьи: судебная экспертиза. М.: Проспект, 2010. С. 32; *Горянов Ю.И.* Судебная экспертиза в современном уголовном судопроизводстве: правовое регулирование и правоприменительная практика: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006. С. 12.

² Курс уголовного судопроизводства: учеб.: в 3 т. Т. 2. С. 272.

³ *Зимин А.М., Романько Н.А., Хазиев Ш.Н.* К вопросу об уточнении понятия объектов судебно-портретной экспертизы // Теория и практика судебной экспертизы. 2012. № 2. С. 15.

Обращает на себя внимание также право обвиняемого не только присутствовать при производстве экспертизы, но и давать объяснения эксперту. По общим, установившимся в уголовном процессе правилам эксперт получает любую информацию и материалы для проведения экспертизы только от следователя. Данное правило обеспечивает объективность экспертной деятельности. Однако полная реализация своих прав обвиняемым нарушает указанный тактический прием, так как объяснения обвиняемого вносят в экспертное исследование дополнительную информацию, не фигурирующую в материалах дела и так или иначе влияющую на результат экспертизы.

Единым для обвиняемого и потерпевшего должно быть право на ознакомление с заключением эксперта или сообщением о невозможности дать заключение, а также с протоколом допроса эксперта¹. Здесь же укажем еще на один пробел в законодательстве. УПК РФ не установил порядка и обязательности фиксирования в деле факта ознакомления участников судопроизводства с указанными доказательствами, в то время как факт ознакомления с постановлением о назначении экспертизы фиксируется в специальном протоколе (ч. 3 ст. 195 УПК РФ). Следователи в этих ситуациях, как правило, также составляют самостоятельный протокол, на это их ориентирует, в том числе, позиция Верховного Суда РФ². В дореформенном законодательстве содержалось требование об отражении факта ознакомления с заключением эксперта в протоколе допроса. На наш взгляд, правоприменение в этой сфере должно быть единообразным: факт ознакомления следует отражать в материалах дела, а документом, его фиксирующим, должен быть протокол.

Считаем необходимым также поддержать позицию ученых, которые считают, что правила, предусмотренные ст. 206 УПК РФ, должны применяться и в случаях, когда судебная экспертиза была проведена до придания участникам уголовного судопроизводства соответствующего процессуального статуса³.

Из вышесказанного видно, насколько велико неравенство в правах подозреваемого и обвиняемого перед потерпевшим на предварительном следствии и дознании в период производства судебных экспертиз.

То обстоятельство, что рассмотренные выше условия назначения и производства экспертизы касаются предварительного расследования, не меняет остроты вопроса. Дело в том, что проведение экспертных исследований, как правило, производится в стадии расследования уголовного дела и очень редко в судебном заседании.

Не можем не обратить внимания на то, что Федеральным законом от 4 марта 2013 г. № 23-ФЗ назначение и производство экспертизы разрешено до решения вопроса о возбуждении уголовного дела. Такие предложения на

---

¹ Дьяконова О.Г. Процессуальные проблемы назначения и производства психиатрических и психологических экспертиз по уголовным делам в отношении живых лиц: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Оренбург, 2008. С. 12.

² Пункт 9 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 21 декабря 2010 г. № 28 «О судебной экспертизе по уголовным делам» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2011. № 2.

³ Курс уголовного судопроизводства: учеб.: в 3 т. Т. 2. С. 315-316.

протяжении длительного времени высказывались представителями науки и практики уголовного судопроизводства. Поэтому большинство юристов этот шаг законодателя оценили положительно. Рассматривая вопросы обеспечения прав потерпевшего на начальном этапе уголовного судопроизводства, мы отмечали, что такой подход может не дать должного эффекта в рассматриваемой нами сфере. Все зависит от того, какую схему при этом применит законодатель. И теперь, оценивая уже состоявшиеся изменения в законе, считаем необходимым сказать следующее. Во-первых, на эффективность обеспечения прав потерпевшего в уголовном судопроизводстве эти изменения напрямую не повлияли. Потерпевший как не имел надлежащих прав при производстве этого следственного действия (о чем мы писали выше), так и не стал их обладателем. Сама процедура назначения и производства экспертизы законодателем изменена не была. Во-вторых, исходя из буквального толкования закона, в стадии возбуждения уголовного дела еще нет процессуальной фигуры потерпевшего. Поэтому у нас возникают большие сомнения по поводу реализации предписаний, содержащихся в ч. 2 ст. 198 и ч. 2 ст. 206 УПК РФ. Правоприменители их проигнорируют и будут правы, поскольку закон при этом останется ненарушенным. Таким образом, правовой статус лица, являющегося потерпевшим фактически, оказался еще более ограниченным. В-третьих, не вполне понятна та осторожность, которую проявил законодатель. В части 1.2 ст. 144 УПК РФ он указал, что если после возбуждения уголовного дела стороной защиты или потерпевшим будет заявлено ходатайство о производстве дополнительной или повторной судебной экспертизы, то оно подлежит удовлетворению. Возможно, тем самым планируется компенсировать те права потерпевшего, которые он не мог реализовать при выполнении данного следственного действия в ходе предварительной проверки? В этом случае можно усмотреть стремление обеспечить надлежащим образом права и интересы рассматриваемого участника уголовного процесса. По нашему же мнению, это будет лишь отягощать предварительное расследование, а сторона защиты к тому же использует данное предписание для затягивания сроков предварительного расследования.

По поводу обязательности участия потерпевшего в производстве экспертизы отметим следующее. Ранее мы упоминали, что в силу общих установлений закона потерпевший обязан участвовать в производстве следственного действия, если об этом заявлено требование следователя, однако при рассмотрении вопросов, касающихся предъявления лица для опознания, были высказаны опасения о том, что в случае нежелания потерпевшего быть опознающим, такое следственное действие может быть безрезультативным. Относительно осуществления экспертиз ситуация иная. В части 4 ст. 195 УПК РФ указано, что судебная экспертиза в отношении потерпевшего проводится с его согласия или согласия его законного представителя, которое дается в письменном виде. Таким образом, при отсутствии такого согласия потерпевшего невозможно вовлечь в осуществление данного следственного действия. Исключения составляют только случаи, указанные в п. 2, 4 ч. 5 ст. 196 УПК РФ. Такой подход законодателя объясним, поскольку в ст. 196 УПК РФ указаны случаи, когда назначение и производст-

во судебной экспертизы является обязательным и на них не может оказывать влияние волеизъявление потерпевшего.

В указанных ситуациях потерпевший, отказывающийся участвовать в производстве экспертизы, может быть принужден к этому. В то же время в законе не обозначены меры принуждения, которые могут быть при этом использованы. Если исходить из того, что здесь применимы любые меры процессуального принуждения, закрепленные в разд. IV УПК РФ, то такое суждение будет неверным. В отношении потерпевшего не могут быть использованы правила, установленные гл. 12 и 13 УПК РФ. Представляется, что из числа мер принуждения, которые законодатель отнес к числу иных (гл. 14 УПК РФ), здесь могут быть использованы только обязательство о явке, привод, денежное взыскание, но они связаны только с обеспечением явки рассматриваемого участника для производства экспертных исследований. Отказ потерпевшего может иметь место и непосредственно при проведении исследования, например, для определения характера и степени вреда, причиненного здоровью, может потребоваться осмотр тела потерпевшего, проведение рентгеноскопии или эндоскопии, для установления физического или психического состояния потерпевшего – проведение стационарного обследования. Для таких ситуаций вариантов поведения должностного лица в законе не определено. Вместе с тем мы согласны с авторами, считающими, что принуждение здесь не может носить характера насилия или иных действий, унижающих человеческое достоинство, возможности создавать опасность для жизни и здоровья потерпевшего¹. Поэтому в отношении потерпевшего в таких случаях должны превалировать меры убеждения, а не принуждения, что необходимо учесть при разработке тактических приемов деятельности следователя.

Упомянутые выше участники уголовного процесса имеют право осуществить свою деятельность через своих представителей. Следовательно, заменяя своих доверителей, представители обеих сторон должны иметь право на реализацию предписаний, изложенных в ст. 198 УПК РФ. Думается, что перечисленные функции представители могут выполнить как в присутствии, так и в отсутствии своих поручителей. Поэтому особенно важным моментом в этом случае является присутствие представителей при производстве экспертного исследования. В частности, как мы считаем, представитель потерпевшего, будучи в известной мере компетентным, имеет право ходатайствовать о дополнительной или новой, не применяемой экспертом, программе исследования. Например, при производстве трасологической экспертизы по следам повреждений на одежде вполне закономерно и оправдано со стороны представителя потерпевшего требовать отыскания микрочастиц с целью их дальнейшего исследования. В данном случае мы сталкиваемся с серьезной проблемой, решение которой эксперт самостоятельно предпринять не может. Очевидно, об этом он обязан письменно сообщить следователю с изложением своего видения необходимости выполнения заявленного ходатайства. В этом случае следователь обязан принять решение в порядке п. 3 и 4 ч. 1 ст. 198 УПК РФ. Представляется, что в соответствии

---

¹ Уголовный процесс: учеб. для вузов / под ред. Б.Б. Булатова, А.М. Баранова. 3-е изд., перераб. и доп. М., 2012. С. 297.

с правами эксперта, изложенными в ч. 2 ст. 204 УПК РФ, он может самостоятельно пойти на удовлетворение просьбы присутствующего потерпевшего или его представителя, полагая, что выполнение их имеет значение для дела. Однако об этом должна быть сделана запись в заключении экспертного исследования. В случае же отказа эксперта он обязан довести это до сведения следователя, который принимает окончательное решение.

Пожелания по совершенствованию законодательства в рассматриваемой нами части вносились и ранее, на что мы обращали внимание, однако они касались корректировки только ч. 1 ст. 198 УПК РФ. На наш взгляд, этого явно недостаточно, поскольку эти предписания связаны с иными положениями, содержащимися в других статьях закона, поэтому в завершение обозначим комплекс взаимосвязанных предложений, позволяющих сохранить логику и последовательность правового регулирования. Считаем, что для этого необходимо сделать следующее:

1) в части 3 ст. 195 УПК РФ после слов «о назначении судебной экспертизы» дополнить словом «потерпевшего»;

2) в части 1 ст. 198 УПК РФ после слов «При назначении и производстве судебной экспертизы» добавить слово «потерпевший»;

3) дополнить ч. 1 ст. 198 УПК РФ пунктом 4.1 следующего содержания: «4.1. ходатайствовать о предоставлении в распоряжение эксперта дополнительных материалов»;

4) часть 2 ст. 198 УПК РФ изложить в следующей редакции «2. Свидетель, в отношении которого производится судебная экспертиза, вправе знакомиться с постановлением о ее назначении»;

5) в части 1 ст. 206 УПК РФ после слов «предъявляются следователем» дополнить словом «потерпевшему»;

6) эту же часть дополнить предложением: «Об этом составляется протокол, подписываемый следователем и лицами, которые ознакомлены с указанными правами и документами»;

7) часть 2 ст. 206 УПК РФ изложить в следующей редакции: «2. Если судебная экспертиза проводилась в отношении свидетеля, то ему также предъявляется заключение эксперта».

Глава 5. ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРАВ И ЗАКОННЫХ ИНТЕРЕСОВ ПОТЕРПЕВШЕГО НА ЭТАПЕ ОКОНЧАНИЯ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ

§ 1. Основные направления обеспечения прав и законных интересов потерпевшего при прекращении уголовного дела (уголовного преследования)

Окончание предварительного расследования – завершающий этап досудебного производства. Здесь следователь, дознаватель и орган дознания подводят итоги расследования, анализируют и оценивают собранные доказательства, проверяют всесторонность, полноту исследования обстоятельств дела, систематизируют материалы, формулируют и обосновывают выводы по существу дела¹. Потерпевший окончание расследования воспринимает как результат, завершающий длительные усилия по доказыванию наличия совершенного преступного деяния против его личности или имущества.

Производство предварительного расследования может завершиться прекращением уголовного дела (уголовного преследования) или направлением уголовного дела с обвинительным заключением (актом или постановлением) прокурору, а затем в суд. Предварительное следствие может закончиться также направлением уголовного дела в суд для решения вопроса о применении принудительных мер медицинского характера.

Любая из указанных форм окончания досудебного производства по уголовному делу значима для судопроизводства. Однако при анализе уголовно-процессуального законодательства выявляется явное неравенство, а в связи с этим и ущемление процессуальных прав потерпевшего по сравнению с обвиняемым в случаях, когда уголовное производство на стадии предварительного расследования заканчивается без перспективы рассмотрения дела в суде, то есть прекращается по различным основаниям, что, естественно, рушит надежды потерпевших о наказании правонарушителей и возмещении имущественного, а также морального вреда². Поэтому обеспечение прав потерпевшего на этапе окончания предварительного расследования мы решили рассмотреть, начиная с прекращения производства по уголовному делу или прекращения уголовного преследования.

Прежде чем обратиться к изложению материала, считаем необходимым сделать ряд оговорок. Во-первых, «прекращение уголовного дела» и «прекращение уголовного преследования» достаточно часто в научной и учебной литературе употребляются как парные категории³. Имеются и иные варианты их словесного сочетания: «прекращение уголовного дела и уголовного преследования», «прекращение уголовного дела (уголовного преследования)» и т.п. Один из них употреблен в наименовании гл. 4 УПК

¹ *Вандышев В.В.* Уголовный проспект: конспект лекций. СПб.: Питер, 2002. С. 176.

² *Синенко С.А.* Участие потерпевшего в расследовании преступлений: монография. Владивосток: Изд-во Дальневосточного ун-та, 2007. С. 119.

³ Подробнее об этом см.: *Волынская О.В.* Прекращение уголовного дела и уголовного преследования: теоретические и организационно-правовые проблемы: монография. М.: ЮНИТА-ДАНА: Закон и право, 2007. С. 69-73.

РФ. Это означает, что рассматриваемые правовые категории настолько близки по своей сути, что допускают объединенное использование, не исключающее индивидуального внутреннего содержания.

Общие черты рассматриваемых категорий можно обнаружить в разных плоскостях, например, их частично объединяет структура уголовно-процессуального закона. Упомянутая выше глава 4 УПК РФ озаглавлена «Основания отказа в возбуждении уголовного дела, прекращения уголовного дела и уголовного преследования». Соответственно этому в данной части закона сосредоточены основания как прекращения уголовного дела, так и уголовного преследования, хотя они разграничены. Первые нашли выражение в ст. 24 УПК РФ, вторые – в ст. 27, 28, 28¹ УПК РФ. Прекращение уголовного дела и уголовного преследования сходны процедурно. Вместе с тем имеются и различия в этих правовых институтах. Но, поскольку, применительно к нашему основному вопросу, эти различия не являются принципиальными, мы не будем проводить жесткой грани между этими рассматриваемыми правовыми явлениями.

Во-вторых, прекращение уголовного дела принято считать одним из этапов, завершающих уголовно-процессуальное производство¹. Это значит, что деятельность не является одномоментной и может быть периодизирована. Более того, одним из характерных черт этого этапа предварительного расследования является то, что он представляет собой строго определенную последовательность и процедуру осуществления ряда действий. В юридической литературе высказаны разные подходы, отражающие мнение о периодизации рассматриваемой деятельности². Не вступая в дискуссию по этому вопросу, отметим, что мы остановили свой выбор на точке зрения, изложенной О.В. Волинской, которая предлагает следующую структуру этапа окончания предварительного расследования его прекращением: 1) принятие решения; 2) процессуальное оформление решения; 3) получение согласия руководителя следственного органа, прокурора; 4) исполнение решения; 5) проверка законности и обоснованности принято-

---

¹ Громов Н.А. Уголовный процесс России. М., 1998. С. 240-242; Григорьев В.Н. Предварительное расследование (понятие, задачи и формы). М., 1998. С. 8; Химичева Г.П., Мичурин О.В., Химичева О.В. и др. Проблемы нарушений уголовно-процессуальных норм при возбуждении и прекращении уголовных дел, способы их устранения: монография. М., 2004. С. 116; Курс уголовного судопроизводства: учеб.: в 3 т. Т. 2: Досудебное и судебное производство. М.: Изд-во Московского психолого-социального института; Воронеж: МОДЕК, 2006. С. 473-480; Букина Н.Ю. Назначение института прекращения уголовного дела и уголовного преследования в российском уголовном судопроизводстве. Краснодар, 2005. С. 57-58.

² См., напр.: Миньковский Г.М. Окончание предварительного расследования и право обвиняемого на защиту. М., 1957. С. 19-20; Дубинский А.Я. Производство предварительного расследования органами внутренних дел. Киев, 1987. С. 20; Косова С.А. Прекращение уголовного дела в отношении несовершеннолетнего в связи с применением принудительных мер воспитательного воздействия: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2002. С. 12-13; Дочия Р.М. Современные проблемы института прекращения уголовного дела (уголовного преследования): теоретические, правовые и прикладные вопросы: дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2003. С. 144.

го решения; б) применение института реабилитации¹. Мы посчитали возможным рассмотреть проблемы обеспечения прав и законных интересов потерпевшего при прекращении уголовного дела (уголовного преследования), взяв за основу именно эту периодизацию.

На этапе принятия решения происходит оценка обстоятельств уголовного дела в целях установления наличия (или отсутствия) основания и условий для его прекращения, а также необходимой их совокупности. Принятие решения представляет собой мыслительный процесс, поэтому он, как правило, скрыт от посторонних глаз. О допущенных ошибках в данном случае может свидетельствовать лишь содержание документов, отражающих решение правоприменителя, где в словесно-документальной форме отражаются результаты осмысления конкретной жизненной ситуации. Поэтому осуществленное нами изучение материалов уголовных дел позволило выделить отдельные типичные недостатки, имеющие место на данном этапе и препятствующие реализации прав потерпевшего.

В первую очередь обратим внимание на те погрешности, которые связаны с оценкой уровня доказанности условий принятия решения о прекращении уголовного дела (уголовного преследования), а также наличия необходимой их совокупности. Так, из 22 изученных нами уголовных дел, прекращенных вследствие акта об амнистии, по 13 из них расследование, по нашему мнению, необходимо было продолжать в связи с тем, что на основании имевшейся совокупности доказательств категоричного решения принять было нельзя. Однако правоприменителями были вынесены постановления о прекращении уголовного дела (уголовного преследования). Этому способствовало то, что в одних случаях имела место переквалификация деяния на преступление меньшей степени тяжести, в других – изменена правовая оценка деяния с умышленного преступления на неосторожное и т.п. Такие «превращения» произошли почти по каждому третьему из изученных дел². Естественно, что в данных ситуациях потерпевшие от преступления не могли должным образом защитить свои права и интересы.

В правоприменении имеют место и иные ситуации. Так, 6 февраля 2009 г. постановлением судьи Черемушкинского районного суда г. Москвы уголовное дело в отношении К. и В., обвиняемых в совершении преступления, предусмотренного ст. 109 ч. 3, 118 ч. 2 УК РФ, возвращено прокурору г. Москвы для устранения препятствий его рассмотрения. Суд обязал прокурора в течение 5 суток обеспечить исправление допущенных недостатков. Однако это решение суда исполнено не было, а производство по уголовному делу было прекращено вследствие акта об амнистии. Такие действия постановлением суда от 15 августа 2009 г. были признаны незаконными.

Во время проведения исследования нами выявлены случаи, когда при принятии решения о прекращении уголовного дела следователи и дознаватели не только не оценивают доказанность того или иного условия, но и

---

¹ *Вольнская О.В.* Прекращение уголовного дела и уголовного преследования: теоретические и организационно-правовые проблемы: монография. М.: ЮНИТА-ДАНА: Закон и право, 2007. С. 169.

² На подобные факты обращает внимание и Д.М. Сафронов. Результаты его исследования данного вопроса близки к нашим. См.: *Сафронов Д.М.* Обстоятельства, исключаящие уголовное преследование: дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2003. С. 185.

полностью игнорируют необходимость его установления. Так, почти во всех прекращенных в соответствии со ст. 28 УПК РФ уголовных делах отсутствовали доказательства, указывающие на деятельное раскаяние обвиняемого (подозреваемого); подтверждение возмещения вреда, причиненного преступлением, имело место только по 40,9 % дел¹. По изученным 58 уголовным делам, прекращенным по основанию, указанному в ст. 427 УПК РФ, возможность исправления несовершеннолетнего путем применения принудительных мер воспитательного воздействия была установлена лишь в половине изученных уголовных дел (51 %).

Одной из основных причин существования указанных процессуальных ошибок и нарушений, по нашему мнению, является то, что в правоприменительной практике отсутствует единообразное понимание условий и оснований прекращения уголовных дел (уголовного преследования). Так, в изученных нами уголовных делах, прекращенных в соответствии со ст. 427 УПК РФ, в постановлениях были указаны следующие основания: совершение преступления впервые (72,7 %); несовершеннолетие лица (84,2 %); раскаяние в содеянном (21,6 %); признание вины (59,4 %); тяжесть совершенного преступления и возможность исправления путем применения принудительных мер воспитательного воздействия (48,9 %); возмещение причиненного вреда (35,6 %); положительная характеристика (74,1 %) и др. Как свидетельствует анализ, кроме названных в законе оснований следователи ссылались и на иные обстоятельства, не имеющие в данном случае юридического значения для принимаемого решения.

В практике достаточно распространены случаи, когда прекращение производства по уголовному делу можно объяснить тем, что следователю не удалось достоверно установить лицо, совершившее деяние, выявить наиболее существенные эпизоды преступной деятельности, установить лиц, чья роль в совершении преступления была наиболее активной по сравнению с лицом, в отношении которого дело прекращено². Об этом свидетельствует статистика. В 2011 г. прокурором и по его инициативе отменено 26 981 постановление, а в 2012 г. соответственно 26 729 постановлений о прекращении уголовного дела (уголовного преследования)³.

О пороках прекращения на предварительном следствии уголовных дел по нереабилитирующим основаниям красноречиво свидетельствует обобщение многолетней практики. А.Я. Дубинский, выборочно изучив 65 дел, прекращенных по нереабилитирующим основаниям, обнаружил 74 су-

---

¹ *Николюк В.В., Магомедов А.Ю., Шаламов В.Г.* Прекращение уголовного дела в связи с деятельным раскаянием в стадии предварительного расследования. Омск, 1999. С. 22, 61, 63. Эти результаты были подтверждены и нашим исследованием.

² *Петрухин И.Л., Батуров Г.П., Морщакова Т.Г.* Теоретические основы эффективности правосудия. М., 1979. С. 27; *Вольнская О.В.* Прекращение уголовного дела и уголовного преследования: теоретические и организационно-правовые проблемы: монография. С. 261.

³ Основные результаты работы по надзору за исполнением законов, соблюдению прав и свобод человека и гражданина за январь – декабрь 2011-2012 гг. // Генеральная прокуратура Российской Федерации. М., 2013. С. 29.

ществленные ошибки¹. Согласно данным А.А. Чувилева и Б.Т. Безлепкина, в 10 % таких уголовных дел не установлено, что было совершено преступление². При выборочном изучении 170 архивных уголовных дел, прекращенных по ст. 6-9 УПК РСФСР, выяснилось, что в 34,7 % случаев вина обвиняемого объективно не доказана³. Приведенные данные были получены в период действия УПК РСФСР, но такая негативная практика существует и в наши дни. Так, по данным, полученным коллективом авторов, наиболее характерными нарушениями, допускаемыми следователями и дознавателями, являются прекращение уголовных дел по основаниям, не предусмотренным УПК РФ (4,65), неправильное установление основания прекращения дела (29,8 %), прекращение уголовного дела при неполном исследовании обстоятельств, которые должны быть приняты во внимание (12,85), нарушение положений закона, охраняющих права и законные интересы участников уголовного судопроизводства (1,75)⁴.

Осуществленный нами анализ уголовных дел свидетельствует о том, что имеют место случаи необоснованного прекращения уголовных дел при недостаточности доказательств, указывающих на причастность лица к совершению преступления. Вывод о виновности лица, сделанный при прекращении уголовного дела по нереабилитирующим основаниям на предварительном следствии, формируется в условиях дефицита процессуальных гарантий, не вполне компенсируемого правом потерпевшего требовать судебного разбирательства.

Анализ материалов показал, что в ряде случаев следователи прекращают производство по уголовному делу, не видя возможности направления его в суд. Это приводит к отмене решения в связи с неполнотой расследования, необходимостью проведения дополнительных следственных действий и повторному принятию решения о прекращении дела. Так, уголовное дело, возбужденное по ст. 327 УК РФ, прекращалось следователем четыре раза, и столько же раз его решение отменялось. В описательной части первого постановления о прекращении производства по уголовному делу содержалась ссылка на показания свидетеля Д., полученные в ходе допроса. Решение было отменено. При этом указано, что Д. в ходе следствия не допрашивался вообще, в материалах дела имеется лишь его объяснение. Отменяя повторное решение о прекращении этого же дела, прокурор указал на необходимость проведения почерковедческой экспертизы, так как одна из свидетелей заявила, что она не подписывала один из имеющихся в уголовном деле документов. Следователь предписания прокурора проигнорировал и вынес постановление об отказе в проведении почерковедческой эксперти-

---

¹ Дубинский А.Я. Прекращение уголовного дела в стадии предварительного расследования. Киев, 1979. С. 126.

² Чувилев А.А., Безлепкин Б.Т. Прекращение уголовных по нереабилитирующим основаниям // Соц. законность. 1972. № 6. С. 25.

³ Володина Л.М. Задачи уголовного судопроизводства и прекращение уголовных дел в стадии предварительного расследования по ст. 6-9 УПК РСФСР // Вестник ЛГУ. 1975. № 17. Вып. 3. С. 130.

⁴ Химичева Г.П., Мичурина О.В., Химичева О.В. и др. Проблемы нарушений уголовно-процессуальных норм при возбуждении и прекращении уголовных дел, способы их устранения: монография. М., 2004. С. 120-121.

зы. Несомненно, что прокурор вновь отменил решение по делу. При таком подходе расследование по факту, не представляющему особой сложности, длилось в течение года¹.

Изложенное выше – не единственное объяснение существенного ограничения прав потерпевших при прекращении уголовного дела. Имеются и причины, связанные с состоянием правового регулирования. В первую очередь, в рамках этого вопроса считаем необходимым рассмотреть ситуации, которые вызывают так называемую конкуренцию оснований прекращения уголовного дела (уголовного преследования). Напомним, что ранее мы частично касались данных вопросов, рассматривая коллизии между положениями п. 1 и 2 ч. 1 ст. 24 УПК РФ.

Считаем необходимым обратить внимание на то, что при использовании правовых институтов освобождения от уголовной ответственности достаточно часто возникают ситуации, порождающие конкуренцию оснований прекращения уголовного дела. Вместе с тем российское законодательство, как правило, не учитывает таких ситуаций, а использует лишь в редких случаях отдельные приемы и средства для их преодоления. В юридической науке отсутствует единство мнений по данной проблематике. С.С. Алексеев считал, что конкуренция имеет место в том случае, когда какое-либо общественное отношение охватывается признаками двух или более не противоречащих друг другу норм, которые могут быть применены. При этом автор отмечал, что конкуренция в праве может иметь естественный характер, а может быть порождена ошибками в правотворчестве². В.П. Малков под конкуренцией норм понимает такое состояние, когда на применение к данному конкретному случаю претендуют две или более нормы, совпадающие либо расходящиеся по содержанию и рассчитанные на регулирование с одинаковой или различной полнотой рассматриваемого вопроса, а правоприменительному органу необходимо решить, какая из имеющихся норм обладает приоритетом перед остальными³.

Указанные подходы имеют общую составляющую. Суть конкуренции в них представлена в том, что регламентация схожих отношений осуществляется двумя или несколькими, не противоречащими одна другой нормами, содержащими признаки этих отношений. Конкурирующие нормы в разной степени регулируют один и тот же круг общественных отношений и не находятся в противоречии между собой. Конкуренция будет иметь место и в том случае, когда правовые нормы, совпадая по содержанию и объему, имеют различную юридическую силу. Преодоление конкуренции правовых норм сводится к решению вопроса о преимуществе, приоритете одной из конкурирующих норм перед остальными. В этом вопросе среди ученых разногласий нет⁴. Если конкурируют общее предписание и специальная норма-изъятие, то следует применять последнюю, так как она, относи-

¹ Дело № 200580/32 // Архив СУ при УВД г. Сургута за 2011 г.

² Алексеев С.С. Общая теория права: учеб. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Велби, Проспект, 2008. С. 467-468.

³ Малков В.П. Конкуренция уголовно-правовых норм и ее преодоление // Сов. гос-во и право. 1975. № 3. С. 61.

⁴ Вольнская О.В. Прекращение уголовного дела и уголовного преследования: теоретические и организационно-правовые проблемы: монография. С. 128.

тельно данного случая, действует вместо общей нормы. Если конкурируют генеральное установление и специальная норма-дополнение или уточнение, то они действуют параллельно. Поэтому вывод о том, что специальная норма исключает действие общей, не всегда точен¹.

Рассмотрим проявление таких ситуаций с точки зрения их влияния на обеспечение прав и законных интересов потерпевшего.

На практике достаточно часто возникает вопрос о том, какое основание для прекращения уголовного дела необходимо применить в ситуациях, когда производство по делу было возбуждено в отношении конкретного лица (например, по делам о получении взяток, изнасиловании, причинении вреда здоровью и др.), но причастность этого лица к совершению преступления доказать не удалось. Поскольку в данном случае противоправное событие связано с конкретным лицом, на которого, как правило, указывает потерпевший, то совершение этого деяния не может быть вменено в вину иному субъекту. Другими словами, недоказанность одного факта означает недоказанность и другого. Поэтому-то и возникает обозначенный нами выше вопрос о том, какое из оснований для принятия решения должно быть использовано: а) отсутствие события преступления; б) отсутствие в деянии состава преступления; в) непричастность подозреваемого или обвиняемого к совершению преступления?

Представителями науки эта проблема разрешается по-разному. Нет четкого разграничения таких ситуаций в сознании правоприменителей. Так, большая часть (72,3 %) опрошенных нами следователей и дознавателей отдали предпочтение использованию первого из указанных оснований. 18,2 % намерены в таких случаях прекращать уголовное дело в связи с отсутствием состава преступления, оставшиеся – в связи с непричастностью обвиняемого к совершению преступления.

В теории уголовного процесса высказано мнение о том, что в таких случаях необходимо использовать основание, именуемое «непричастность обвиняемого к совершению преступления»². На наш взгляд, с такой точкой зрения согласиться нельзя, поскольку при не установленном достоверно событии преступления исключается постановка вопроса о причастности конкретного лица к его совершению. Считаем возможным поддержать позицию Г.П. Химичевой, указывающей, что условиями правомерности применения п. 1 ч. 1 ст. 27 УПК РФ являются: 1) доказанность наличия события и состава преступления; 2) принятие решения в отношении подозреваемого или обвиняемого; 3) исчерпанность всех возможностей для собирания дополнительных доказательств; 4) отсутствие других реабилитирующих оснований прекращения уголовного дела³. В рассматриваемых нами ситуациях как раз и отсутствуют указанные условия. Следовательно, производство

---

¹ Сенякин И.Н. Специальные нормы советского права. Саратов, 1987. С. 65.

² Жогин Н.В., Фаткуллин Ф.Н. Предварительное следствие в советском уголовном процессе. М.: Госюриздат, 1965. С. 335; Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / науч. ред. В.Т. Томин, М.П. Поляков. 5-е изд., перераб. и доп. М., 2010. С. 106.

³ Химичева Г.П., Мичурина О.В., Химичева О.В. и др. Проблемы нарушений уголовно-процессуальных норм при возбуждении и прекращении уголовных дел, способы их устранения: монография. М., 2004. С. 131.

по уголовному делу должно быть прекращено или по п. 1, или п. 2 ч. 1 ст. 24 УПК РФ в зависимости от обстоятельств конкретного жизненного случая, которые позволяют разграничить эти основания¹.

Однако при таком исходе дела возникают как минимум два вопроса: 1) как быть с оставшимися незащищенными правами и законными интересами добросовестного потерпевшего, указавшего на совершение противоправного деяния конкретным лицом; 2) поскольку указание потерпевшего о совершении преступления конкретным лицом не подтвердилось, уголовно-процессуальное производство прекращено в связи с отсутствием события или состава преступления, нет ли необходимости в возбуждении уголовного дела за заведомо ложный донос? В таких случаях у потерпевшего есть право обжаловать решение о прекращении уголовного дела. Но и у лица, в отношении которого велось производство, есть право настаивать на привлечении потерпевшего (теперь уже бывшего) к ответственности за заведомо ложный донос или клевету. В правоприменении такие ситуации решаются не просто, и в силу их индивидуальности не представляется возможным сформулировать единые рекомендации правоприменителю. При этом необходимо ориентироваться на то, что права и интересы потерпевшего в уголовном судопроизводстве должны быть приоритетными. Поэтому при невозможности доказать обстоятельства жизненного случая, воспринятые потерпевшим как преступление, причем совершенное конкретным лицом, ему (потерпевшему) как минимум должны быть предоставлены объяснения невозможности решить данную ситуацию юридическими средствами. Что касается возбуждения уголовного дела за заведомо ложный донос, то этот вопрос должен рассматриваться в общем порядке. Предписания закона в этой части носят диспозитивный характер (ч. 2 ст. 148 УПК РФ).

Имеют определенную схожесть оснований прекращения уголовного дела (уголовного преследования) положения, указанные в ст. 25 УПК РФ (в связи с примирением сторон) и ст. 28 УПК РФ (в связи с деятельным раскаянием). Так, при прекращении уголовного дела в соответствии со ст. 25 УПК РФ предполагается совершение лицом впервые преступления небольшой или средней тяжести, заглаживание причиненного вреда, наличие согласия руководителя следственного органа (или прокурора), отсутствие возражений подозреваемого или обвиняемого. Подобные условия сформулированы и для прекращения уголовного преследования в связи с деятельным раскаянием. Имеются и отличия между рассматриваемыми правовыми институтами. Наиболее значимым из них с учетом тематики нашего исследования является то, что для прекращения уголовного дела по ст. 25 УПК РФ необходим факт примирения с потерпевшим и, соответственно, заявление этого участника судопроизводства, а для прекращения уголовного преследования в связи с деятельным раскаянием такого не требуется, хотя и для того и для другого законодатель обозначает необходимость присутствия практически идентичного условия – заглаживание причиненного потерпевшему вреда (ст. 25 УПК РФ, ст. 76 УК РФ), или возмещение причиненного ущерба, либо заглаживание вреда иным образом (ст. 75 УК РФ).

---

¹ Подробно мы их рассматривали, когда вели речь об основаниях отказа в возбуждении уголовного дела.

Такое состояние законодательного регулирования позволяет в схожих жизненных ситуациях применить как одно, так и другое основание. Однако в первом случае будет учтено мнение (а следовательно, и интересы потерпевшего), во втором – этого не произойдет. Этим нередко пользуются правоприменители. В тех ситуациях, когда есть формальные условия для использования любого из рассматриваемых оснований, но потерпевший по каким-либо причинам не желает примириться с обвиняемым, следователи (дознаватели) беспрепятственно применяют положения ст. 28 УПК РФ.

Конкуренция оснований прекращения уголовного дела проявляется еще в большей степени, когда следователи осуществляют расследование в отношении несовершеннолетних. При производстве по таким делам применяются все общие правила, но имеются и особенности, установленные гл. 50 УПК РФ¹. К числу таковых относится возможность применения к несовершеннолетним принудительных мер воспитательного воздействия (ст. 427 УПК РФ). В такой же степени производство по уголовному делу может быть прекращено в связи с примирением несовершеннолетнего обвиняемого с потерпевшим (ст. 25 УПК РФ) или при его деятельном раскаянии (ст. 28 УПК РФ). Таким образом, ситуация может создать конкуренцию между тремя основаниями для прекращения уголовного дела (уголовного преследования).

Сходство указанных самостоятельных оснований прекращения уголовного дела обусловлено объективно, но в таких условиях нередко использование основания для прекращения уголовного дела в конкретном случае детерминируется усмотрением правоприменителя. К сожалению, выбор при этом происходит не в пользу потерпевшего. 85,2 % опрошенных нами следователей и дознавателей признались в том, что в случаях коллизии их интересов с интересами потерпевших они принимают решение, которое не требует выяснения мнения последнего.

В уголовном процессе права и законные интересы потерпевшего должны быть защищены в первую очередь². Именно поэтому прекращение уголовного дела в связи с примирением с потерпевшим, а также в связи с деятельным раскаянием поставлено в зависимость от того, заглажен (возмещен) или нет причиненный потерпевшему вред. Кроме того, в юридической литературе существует мнение о том, что элементы юридического примирения (в основе которого лежит заглаживание вреда) содержатся в ряде других правовых норм, в том числе в ст. 427 УПК РФ³. Это указывает на то, что в таких ситуациях при наличии в уголовно-процессуальном производстве потерпевшего необходимо получать его согласие (или, по крайней мере, выяснять его позицию) на прекращение уголовного дела.

---

¹ *Николюк В.В., Дунин В.А.* Прекращение предварительного следствия с передачей уголовного дела в комиссию по делам несовершеннолетних. Омск, 1983. С. 5; Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / науч. ред. В.Т. Томин, М.П. Поляков. М., 2010. С. 420.

² *Кашипов В.П.* Концепция развития уголовно-процессуального законодательства // Правовая реформа: Концепция развития российского законодательства. М., 1995. С. 206.

³ *Максудов Р., Флямер М., Грасенкова А.* Институт примирения в уголовном процессе: необходимость и условия развития // Уголовное право. 1998. № 1. С. 74.

Именно так побуждает действовать часть 3 ст. 213 УПК РФ, где говорится: «В случаях, когда в соответствии с настоящим Кодексом прекращение уголовного дела допускается только при согласии обвиняемого или потерпевшего, наличие такого согласия отражается в постановлении». Однако ни в одной иной уголовно-процессуальной норме не содержится указаний на то, в каких случаях требуется согласие потерпевшего для принятия решения о прекращении уголовного дела (уголовного преследования). Даже в ст. 25 УПК РФ речь идет не о согласии потерпевшего, а о его заявлении, содержание которого, кстати, законом не определяется. Поэтому приведенная выше выдержка из закона оказалась «мертвой» нормой, на что в юридической литературе обращается внимание¹.

В то же время согласие обвиняемого является необходимым условием применения многих оснований прекращения уголовного дела. Так, прекращение уголовного процессуального производства по основаниям, указанным в п.п. 3 и 6 ч. 1 ст. 24, ст. 25, 28 и 28.1 УПК РФ, а также п.п. 3 и 6 ч. 1 ст. 27 УПК РФ, не допускается, если подозреваемый или обвиняемый против этого возражает. В таком случае производство по уголовному делу продолжается в обычном порядке. Сюда же следует отнести основание, предусмотренное ст. 427 УПК РФ. Таким образом, мы имеем еще один пример отсутствия синхронизации прав потерпевшего и обвиняемого в российском уголовном процессе, заявленном как состязательный. Для «выравнивания» сложившейся ситуации, на наш взгляд, *необходимо в ч. 2 ст. 27 УПК РФ после слова «обвиняемый» дополнить: «а также потерпевший».* Подобное дополнение необходимо сделать и в ч. 6 ст. 427 УПК РФ.

Приведенные нами рассуждения наиболее наглядно иллюстрируют конкуренцию оснований прекращения уголовного дела (уголовного преследования). Может быть, не так ярко, но она проявляется и в иных случаях. Представляется, что правоприменители должны достаточно четко ориентироваться в этих вопросах и уметь правильно выбрать вариант своего поведения.

Близкими к рассмотренным выше являются ситуации, в которых необходимо разграничить прекращение уголовного дела частного и публичного обвинения в связи с примирением сторон².

О возможности прекращения уголовно-процессуального производства в связи с примирением обвиняемого с потерпевшим в УПК РФ упоминается несколько раз. В части 2 ст. 20 УПК РФ говорится об этом применительно к делам частного обвинения, в ст. 25 УПК РФ – относительно дел публичного обвинения, в ч. 3 ст. 20 УПК РФ – касаясь дел частного-публичного обвинения. Поскольку последняя норма является отсылочной (она адресует правоприменителя к ст. 25 УПК РФ), мы можем констатировать наличие только двух правовых ситуаций, допускающих возможность примирения с потерпевшим.

---

¹ Муравьев К.В., Писарев А.В. Участники уголовного судопроизводства: учеб. пособие. Омск: Омская академия МВД России, 2011. С. 33-34.

² Подробнее см.: Синенко С.А. Примирение с потерпевшим по делам частного и публичного обвинения // Российская юстиция. 2012. № 9. С. 27-31.

Между тем эти ситуации неравнозначны. И отличает их не только вид уголовного преследования, осуществляемый в том или ином случае, то есть при внешней схожести наличествуют два совершенно разных правовых института, а значит, и различия между ними должны быть ощутимыми. К сожалению, в уголовно-процессуальной науке при общем значительном числе работ, посвященных примирительным и согласительным процедурам в уголовном судопроизводстве, не уделяется должного внимания исследованию соотношения понятий, оснований, процедуры, иных вопросов, связанных с указанными правовыми институтами, что сказывается на качестве законодательных предписаний и правоприменении.

И в части 2 ст. 20 УПК РФ, и в ст. 25 УПК РФ законодатель ведет речь о прекращении уголовного дела. Это вызывает определенные возражения. В современном уголовно-процессуальном законе, как было отмечено выше, употребляются две несколько разные категории: «прекращение уголовного дела» и «прекращение уголовного преследования». Первая из них указывает на одну из форм окончания производства по уголовному делу, заключающуюся в завершении исследования конкретного жизненного случая с помощью уголовно-процессуальных средств¹. Вторая – на завершение стороной обвинения в соответствии с предусмотренными в законе основаниями процессуальной деятельности, направленной на изобличение конкретного лица в совершении преступления, без прекращения уголовного дела². В частях 3 и 4 ст. 24 УПК РФ отмечено, что прекращение уголовного дела влечет за собой одновременно прекращение уголовного преследования, а в случае прекращения уголовного преследования в отношении всех подозреваемых или обвиняемых уголовное дело подлежит прекращению.

В связи с этим использование словосочетания «прекращение уголовного дела» считаем уместным только в отношении дел частного обвинения, поскольку эти дела, по общему правилу, возбуждаются путем подачи заявления в суд в отношении конкретного лица (ч. 1 ст. 318 УПК РФ). Прекращение уголовного преследования такого лица одновременно влечет за собой прекращение производства по уголовному делу. Что касается дел публичного обвинения, то здесь ситуации могут быть различными. Например, преступление было совершено несколькими обвиняемыми, один из которых примирился с потерпевшим. Или обвиняемый совершил несколько деяний, за которые ранее не был привлечен к ответственности, и при этом примирился только с одним из потерпевших, загладил причиненный ему вред. Возможно ли в этих случаях прекратить уголовное преследование в отношении отдельных обвиняемых или по отдельным эпизодам преступной деятельности? Представляется, что да. При этом производство по делу в отношении иных обвиняемых или иных эпизодов преступной деятельности должно быть продолжено. Однако законодатель в наименовании ст. 25 УПК РФ указывает на прекращение уголовного дела, а не уголовного преследования. Кроме того, в содержании данной статьи он употребил выра-

---

¹ *Вольнская О.В.* Прекращение уголовного дела и уголовного преследования: теоретические и организационно-правовые проблемы: монография. С. 57.

² *Виноградова О.Б.* Прекращение уголовного дела по реабилитирующим основаниям: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2003. С. 14.

жение: «прекратить уголовное дело в отношении лица...», которое явно не вписывается в соотношение понятий «прекращение уголовного дела» и «прекращение уголовного преследования». Данная погрешность, на наш взгляд, должна быть исправлена. Более того, такой шаг законодателя позволит по-разному именовать рассматриваемые правовые институты.

Последнее также немаловажно, поскольку позволяет избежать смешения различных правовых институтов уже при озвучивании их наименований. Такие предложения высказываются представителями уголовно-процессуальной науки, хотя единства взглядов здесь еще не существует. Так, Т.Б. Саркисян обосновывает точку зрения о том, что институт примирения в процессуальной форме подлежит применению только по делам частного обвинения, и налицо необходимость в формировании в рамках ст. 25 УПК РФ нового института – соглашения о заглаживании вреда, причиненного преступлением¹.

Второй аспект правового регулирования в этой сфере, также вызывающий вопросы, касается указания на то, между кем происходит примирение. В части 2 ст. 20 УПК РФ такими субъектами названы потерпевший и обвиняемый. Между тем наличие указанных участников нехарактерно для производства по делам данной категории. С момента принятия судом заявления потерпевшего по делу частного обвинения к своему производству этот участник обретает статус частного обвинителя (ч. 7 ст. 318 УПК РФ). Наименование второго участника в гл. 41 УПК РФ четко не обозначено. В части 3 ст. 319 УПК РФ указано, что при наличии оснований для назначения судебного заседания мировой судья вызывает в суд лицо, в отношении которого подано заявление, и разъясняет ему права подсудимого. Однако даже при отсутствии точного наименования данного субъекта его нельзя считать обвиняемым, поскольку это не согласуется с понятием обвиняемого, закрепленном в ч. 1 ст. 47 УПК РФ. Потерпевший и обвиняемый, как участники уголовного производства, по делам рассматриваемой категории могут существовать только при проведении предварительного расследования, несмотря на то, что такая процедура является для этих дел исключением, а не общим правилом.

Особенность производства по делам частного обвинения состоит в том, что сторону обвинения здесь, как правило, представляет только частный обвинитель, а сторону защиты – лицо, в отношении которого подана жалоба, и его защитник. Поэтому применительно к таким делам, по нашему мнению, правильно говорить о примирении не потерпевшего и обвиняемого, а примирении сторон. Именно такое словосочетание правильно используется законодателем в ч. 5 и 6 ст. 319 УПК РФ, где речь идет о примирении (непримирении) между сторонами. Диссонирующие с ним положения ст. 20 УПК РФ должны быть подвергнуты корректировке.

Что же касается ст. 25 УПК РФ, то здесь, как нам представляется, ситуация иная. В таком производстве, и в частности принятии решения о прекращении уголовного преследования, со стороны обвинения участвуют,

---

¹ Саркисян Т.Б. Согласительные процедуры в уголовном судопроизводстве и их применение в стадии предварительного расследования: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2012. С. 21-24.

кроме потерпевшего, следователь, руководитель следственного органа, дознаватель, прокурор. Все ли они должны примириться с обвиняемым или только потерпевший? Ответ очевиден. Но тогда почему статья названа «Прекращение уголовного дела в связи с примирением сторон», а не «Прекращение уголовного преследования в связи с примирением потерпевшего с обвиняемым»? В этой связи мы не можем согласиться с предложением А.Ф. Прокудина использовать в содержании ст. 25 УПК РФ формулировку «примирение сторон», имеющую место в названии этой статьи¹. Смещение юридических терминов здесь налицо.

Рассматриваемые правовые предписания различаются и по использованному методу правового регулирования. Т.В. Чернышова указывает, что наиболее общим основанием классификации видов примирения является подразделение примирения по отраслям частного и публичного права, особенности которых объясняются спецификой императивного или диспозитивного методов регулирования².

В статье 25 УПК РФ указано на наличие у следователя или дознавателя права прекратить уголовное преследование, т.е. это законодательное установление имеет диспозитивный характер. Такой прием, использованный законодателем в данном случае, представляется вполне оправданным. Применение настоящего правового института возможно при наличии ряда условий, среди которых выделяют уголовно-материальные и уголовно-процессуальные³: совершение обвиняемым впервые преступления небольшой или средней тяжести; наличие факта примирения и заявления потерпевшего об этом; заглаживание вреда, причиненного потерпевшему; согласование принятия этого решения с руководителем следственного органа или прокурором и др. Ситуации, когда требуется установление ряда обстоятельств, доказанность которых определяется по внутреннему убеждению должностного лица, не позволяют применить иной, кроме диспозитивного, метод правового регулирования.

Иначе это определено применительно к делам частного обвинения. В части 2 ст. 20 УПК РФ указано, что такие дела «подлежат прекращению». Использованное слово «подлежат» можно толковать и как право, и как обязанность прекратить производство по уголовному делу. В УПК РФ законодатель неоднократно употребляет это слово. Например, в ч. 4 ст. 11 УПК РФ указано: «Вред, причиненный лицу в результате нарушения его прав и свобод судом, а также должностными лицами, осуществляющими уголовное преследование, подлежит возмещению по основаниям и в порядке, которые установлены настоящим Кодексом». В части 3 ст. 18 УПК РФ предписано: «Если в соответствии с настоящим Кодексом следственные и судебные документы подлежат обязательному вручению подозреваемому, обвиняемому, а также другим участникам уголовного судопроизводства, то указанные документы должны быть переведены на родной язык соответст-

¹ Прокудин А.Ф. Примирение сторон в уголовном процессе России: дис. ... канд. юрид. наук. Воронеж, 2006. С. 158.

² Чернышова Т.В. Примирение в праве: понятие и виды: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2012. С. 9.

³ Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / науч. ред. В.Т. Томин, М.П. Поляков. М., 2012. С. 100.

вующего участника уголовного судопроизводства или на язык, которым он владеет». Выше мы обосновали, что слово «подлежат», использованное законодателем в ч. 1 ст. 73 УПК РФ, также необходимо понимать как указание на обязанность, а не на право.

При условии, что законодателем одни и те же термины используются в одном и том же значении, можно предположить, что и в ч. 2 ст. 20 УПК РФ термин «подлежат» должен рассматриваться как обязанность должностных лиц. К такому выводу приводит и анализ иных законоположений, регламентирующих виды уголовного преследования, а также порядок прекращения уголовного дела. В частности, указания на то, что дела частного обвинения прекращению в связи с примирением потерпевшего с обвиняемым не подлежат, за исключением случаев, предусмотренных ст. 25 УПК РФ (ч. 3 ст. 20 УПК РФ), уголовное дело подлежит прекращению по основанию, предусмотренному п. 2 ч. 1 ст. 24 УПК РФ, когда до вступления приговора в законную силу преступность и наказуемость деяния были устранены новым уголовным законом (ч. 2 ст. 24 УПК РФ). Не возникает сомнений, что и здесь слово «подлежит» выражает обязанность. С учетом этого можно констатировать, что применительно к прекращению уголовных дел частного обвинения в связи с примирением сторон законодателем использован императивный метод правового регулирования.

Такой же позиции придерживается высший судебный орган. Так, в пункте 31 Постановления Пленума Верховного Суда РФ «О практике применения судами норм, регламентирующих участие потерпевшего в уголовном судопроизводстве», указано: «Если по делу частного обвинения стороны заявили о примирении, судья не вправе отказать в прекращении уголовного дела за примирением сторон, за исключением случаев, предусмотренных частью 4 статьи 20 УПК РФ»¹.

Вместе с тем УПК РСФСР 1960 г. содержал обязанность продолжить производство по делам частного обвинения даже при условии примирения сторон. В соответствии со ст. 27 УПК РСФСР в исключительных случаях, если дело о преступлении, отнесенном к частному обвинению, имело большое общественное значение или если потерпевший по этому делу в силу беспомощного состояния, зависимости от обвиняемого или по иным причинам не был в состоянии защищать свои права и интересы, прокурор обладал правом возбудить такое дело и при отсутствии жалобы потерпевшего. В этом случае дело прекращению за примирением потерпевшего с обвиняемым не подлежало.

Законодательство также в ряде случаев допускает возможность возбуждения уголовного дела частного обвинения при отсутствии заявления потерпевшего (ч. 4 ст. 20 УПК РФ), но часть 2 ст. 20 УПК РФ не содержит оговорки, аналогичной той, которая имела место в ст. 27 УПК РСФСР. Буквальное толкование этой нормы позволяет говорить о том, что и дела частного обвинения, возбужденные дознавателем или следователем, также должны быть прекращены в связи с примирением сторон. Возможно, это и

---

¹ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29 июня 2010 г. № 17 «О практике применения судами норм, регламентирующих участие потерпевшего в уголовном судопроизводстве» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2010. № 9. С. 3-4.

побудило отдельных авторов настаивать на том, что волеизъявление потерпевшего в данном случае исключает возможность осуществления уголовного преследования¹. Но при этом теряется всякий смысл возбуждения таких дел для защиты прав и интересов тех потерпевших, которые в силу беспомощного или зависимого состояния либо по иным причинам не могут этого сделать сами. В этом случае обвиняемый, используя свое положение, может также добиться примирения с ними, и производство по уголовному делу будет прекращено.

Ситуацию спасают предписания, содержащиеся в ч. 5 ст. 319 УПК РФ. Здесь указано, что в случае поступления заявлений о примирении производство по уголовному делу по постановлению мирового судьи прекращается в соответствии с ч. 2 ст. 20 УПК РФ, за исключением производства по уголовным делам, возбуждаемым следователем, а также с согласия прокурора дознавателем в соответствии с ч. 4 ст. 147 УПК РФ, которые могут быть прекращены в связи с примирением сторон в порядке, установленном ст. 25 УПК РФ. Следует отметить, что первоначальный текст УПК РФ такого положения не содержал. К конструкции, по сути, совпадающей с положениями ст. 27 УПК РСФСР, законодатель вернулся только в 2007 г., однако внесенные изменения при этом коснулись только ст. 319 УПК РФ и не вошли в общую норму, определяющую особенности производства по делам частного обвинения. Это, на наш взгляд, не лучшим образом характеризует технико-юридические приемы, используемые при корректировке УПК РФ.

Таким образом, высказанное нами ранее суждение о том, что в этой сфере законодатель использовал императивный метод правового регулирования, не следует воспринимать категорично. В исключительных случаях путем отсылки к положениям ст. 25 УПК РФ здесь допущено использование правоприменителем усмотрения.

Кроме того, при определении соотношения императивности и диспозитивности в рассматриваемых нами вопросах следует согласиться с Л.Б. Алексеевой в том, что «предоставление права субъекту, наделенному властными полномочиями, далеко не всегда означает, что он может действовать по собственному усмотрению. Чаще всего оно означает, что совершение тех или иных действий входит в его компетенцию, разрешено должностному лицу законом»².

В связи с рассматриваемым вопросом интерес представляют и следующие суждения. К числу закономерностей, учитываемых законодателем при выборе средств правового воздействия, относится строгая формализация ситуации, в которой действует должностное лицо. Невозможность однозначно определить, как следует должностному лицу действовать в конкретном случае, затрудняет и исполнение юридических обязанностей, в принципе исключая усмотрение. Чем неопределеннее описаны в законе признаки ситуации, чем меньше у законодателя возможности заранее

---

¹ Курс уголовного судопроизводства: учеб.: в 3 т. Т. 1: Общие положения уголовного судопроизводства. М.: Изд-во Московского психолого-социального ин-та; Воронеж: МОДЕК, 2006. С. 222.

² Алексеева Л.Б. Механизм уголовно-процессуального регулирования // Курс советского уголовного процесса (Общая часть). М.: Юрид. лит., 1989. С. 96.

определить в законе, как именно обязано действовать должностное лицо, тем меньше у него способности использовать возложение обязанности как средство воздействия на сознание и волю указанного лица. Поэтому даже в тех случаях, в которых надо определиться, как следует поступить после признания в том, что лицо, совершившее впервые преступление небольшой или средней тяжести, примирилось с потерпевшим и загладило причиненный ему вред, закон не возлагает на должностное лицо обязанность прекратить уголовное дело, а предоставляет ему на это право (ст. 25 УПК РФ). Возложение обязанности в данном случае противоречило бы логике правового регулирования, поскольку законодатель не мог конкретно определить обстоятельства конкретного жизненного случая. И коль скоро правоприменители, опираясь на собственное правовое сознание, выработанное профессиональным обучением и опытом, на собственное внутреннее убеждение, придут к выводу, что описанные в законе признаки имеют место в действительности, то зачем же после этого стимулировать их поведение с помощью юридических обязанностей? Важно в таких случаях указать, что должностным лицам подобный образ действий разрешен, поскольку по общему правилу, если лицо совершило преступление, то оно должно быть осуждено судом, и, следовательно, прекращение уголовного дела не должно иметь места¹. Возможно, не осознавая этих глубинных процессов в праве, А.А. Русман посчитал необходимым закрепить в ст. 25 УПК РФ обязанности должностных лиц прекратить производство по делу в связи с достигнутым примирением потерпевшего с обвиняемым², что явно противоречит логике правового регулирования.

И еще об одном. Прекращение уголовного дела частного обвинения в связи с примирением сторон допускается законодателем по общему правилу, без каких-либо условий³. Традиционно законодатель использует именно данный подход, поэтому в таких случаях не имеет значения наличие криминального прошлого у обвиняемого, факт возмещения вреда и другие обстоятельства. Иначе обстоят дела при применении положений ст. 25 УПК РФ. Сложность состоит в том, что условия, при которых может иметь место прекращение уголовно-процессуального производства, изложены не только в УПК РФ, но и в ст. 76 УК РФ.

Это не единственная ситуация, когда законодатель использует подобный способ правового регулирования. При сопоставлении содержания ст. 25, ч. 1 ст. 28, ч. 1 ст. 427 УПК РФ с содержанием соответственно ст. 76, 75 и 90 УК РФ можно увидеть, что в отдельных случаях он в статье УПК РФ практически повторяет текст статьи УК РФ, в других – ограничивается лишь ее упоминанием с кратким изложением сути. Второй вариант пред-

---

¹ *Алексеева Л.Б.* Механизм уголовно-процессуального регулирования // Курс советского уголовного процесса (Общая часть). С. 96, 97.

² *Русман А.А.* Прекращение уголовного дела в связи с примирением сторон на стадии предварительного расследования: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2006. С. 8.

³ Представляется ошибочным мнение А.Ф. Прокудина о том, что при несогласии обвиняемого дела данной категории прекращению не подлежат. См.: *Прокудин А.Ф.* Примирение сторон в уголовном процессе России: дис. ... канд. юрид. наук. Воронеж, 2006. С. 76.

ставляется более правильным, поскольку при этом бланкетные нормы выполняют свое предназначение – устраняют ненужные повторения, но и он несовершенен¹, поэтому можно сформулировать суждение, что бланкетный способ изложения элементов юридической нормы следует применять с осторожностью. При этом следует максимально использовать возможность согласования материальных и процессуальных норм, не допускать их дублирования.

С учетом изложенного, предлагаем часть 2 ст. 20 УПК РФ изложить в следующей редакции:

«2. Уголовные дела о преступлениях, предусмотренных статьями 115 частью первой, 116 частью первой, 128.1 частью первой Уголовного кодекса Российской Федерации, считаются уголовными делами частного обвинения, возбуждаются не иначе как по заявлению потерпевшего, его законного представителя, за исключением случаев, предусмотренных частью четвертой настоящей статьи, и подлежат прекращению в связи с примирением сторон. Примирение допускается до удаления суда в совещательную комнату для постановления приговора. В случае осуществления производства по этим уголовным делам, возбужденным руководителем следственного органа, следователем, а также с согласия прокурора дознавателем в соответствии с частью четвертой настоящей статьи, они могут быть прекращены в связи с примирением сторон только в порядке, установленном статьей 25 настоящего Кодекса».

Редакция ст. 25 УПК РФ, на наш взгляд, должна выглядеть следующим образом:

«Статья 25. Прекращение уголовного преследования в связи с примирением потерпевшего с обвиняемым

Суд, а также следователь с согласия руководителя следственного органа или дознаватель с согласия прокурора вправе на основании заявления потерпевшего или его законного представителя прекратить уголовное преследование обвиняемого в случаях, предусмотренных статьей 76 Уголовного кодекса Российской Федерации, если это лицо примирилось с потерпевшим».

Выше мы привели типичные ошибки и нарушения, допускаемые при принятии решения о прекращении уголовного дела. Именно они и нашли словесно-документальное выражение в описательно-мотивировочной части соответствующих постановлений следователей. Практика составления постановлений о прекращении уголовного дела (уголовного преследования) показывает, что наиболее характерными недостатками являются: немотивированность и необоснованность постановления (18,7 %), противоречия между описательной и резолютивной частями (9,8 %), несоответствие содержания резолютивной части постановления требованиям ч. 2 ст. 213 УПК РФ (42,4 %)². Во избежание повторения, обратимся к тем недостаткам, не-

---

¹ Подробнее об этом см.: Бахта А.С., Марфицин П. Г. Нормы уголовно-процессуального права: монография. Хабаровск: Дальневосточный юрид. ин-т МВД России, 2009. С. 106-107.

² На данные обстоятельства обращают внимание и другие исследователи. См., напр.: Химичева Г.П., Мичурина О.В., Химичева О.В. и др. Проблемы нарушений уголовно-

посредственно влияющим на обеспечение прав и законных интересов потерпевших, которые были обнаружены нами при ознакомлении с резолютивной частью постановлений о прекращении уголовного дела.

В этой части постановления в соответствии с требованиями ч. 2 ст. 213 УПК РФ должно быть отражено основное решение о прекращении уголовного дела (уголовного преследования), а также сопутствующие решения (об отмене меры пресечения, о прекращении действия мер процессуального принуждения, разрешении судьбы вещественных доказательств и др.), кроме того, изложены иные необходимые данные (о получении согласия обвиняемого, об уведомлении участников процесса и пр.). Однако анализ правоприменения показывает обратное. Так, следователь СУ при Советском УВД г. Омска изложила резолютивную часть постановления о прекращении уголовного дела следующим образом:

«1. Уголовное преследование в отношении Т., 27.05.1973 года рождения, прекратить за отсутствием состава преступления.

2. Копию настоящего постановления направить прокурору САО г. Омска.

3. О принятом решении уведомить заинтересованных лиц»¹.

Налицо явное несоответствие текста постановления требованиям, которые к данному документу предъявляются законом. С учетом тематики нашего исследования из данного текста не ясна, кроме прочего, судьба вещественных доказательств, гражданского иска, имевшего место в данном деле, т.е. тех вопросов, которые касаются обеспечения интересов потерпевшего. Эти вопросы можно продолжать и далее. Интереснее другое — почему так поступил следователь? Ответ на этот вопрос не является столь простым.

Нами были изучены материалы уголовно-процессуальных производств в нескольких регионах России. Примеры, аналогичные изложенному выше, встречались везде, причем в достаточном количестве. Резолютивная часть постановления о прекращении уголовного дела (уголовного преследования), вынесенного дознавателем одного из РОВД Кемеровской области, состоит из двух пунктов. В первом пункте указаны данные о подозреваемом и основание прекращения уголовного преследования, второй изложен в следующей редакции: «Настоящее постановление может быть обжаловано прокурору и в суд в порядке, установленном главой 16 УПК РФ»².

Обобщение практики показало, что лишь в 7,9 % постановлений изложение резолютивной части нареканий не вызывало. В 31,2 % случаев не содержалось указаний об отмене мер пресечения, в 38,1 % – о прекращении действия примененных ранее мер процессуального принуждения, в 32,5 % – не говорилось о разрешении судьбы вещественных доказательств (хотя такие по данным уголовным делам имелись), в 72,8 % – потерпевшему,

---

процессуальных норм при возбуждении и прекращении уголовных дел, способы их устранения: монография. М., 2004. С. 154.

¹ Уголовное дело № 285020 // Архив СУ при УВД Омской области за 2011 г.

² Уголовное дело № 75345 // Архив СУ при УВД Кемеровской области за 2010 г.

гражданскому истцу не разъяснялось право на предъявление иска в порядке гражданского судопроизводства¹.

Все это указывает на наличие значительного числа ошибок и нарушений при реализации решения о прекращении уголовного дела (уголовного преследования). И в целом этот этап процессуальной деятельности нередко сводится лишь к систематизации материалов уголовного дела, выставлению соответствующих статистических документов и направлению (причем далеко не во всех случаях) уведомления заинтересованным лицам.

Одной из основных причин существования указанных выше процессуальных ошибок и нарушений, допускаемых при прекращении уголовного дела (уголовного преследования), является пренебрежительное отношение правоприменителей к праву, т.е. правовой нигилизм следователя (дознавателя). *Стабилизации обстановки в этой сфере, на наш взгляд, способствовало бы, во-первых, усиление ведомственного процессуального контроля и прокурорского надзора именно за содержательной стороной рассматриваемого акта и, во-вторых, привитие следователям и дознавателям умений и навыков оформления решений о прекращении уголовного дела (уголовного преследования).*

Относительно этапа исполнения решения о прекращении уголовного дела, а также проверки законности и обоснованности этого акта считаем необходимым обратить внимание еще на одно обстоятельство.

Пункт 12 ч. 2 ст. 42 УПК РФ содержит право потерпевшего знакомиться по окончании предварительного расследования со всеми материалами уголовного дела. Между тем анализ правоприменения показывает, что в данной сфере содержится немало проблем, препятствующих реализации указанного законодательного установления. Частично они связаны с несовершенством закона, частично – с ошибками и нарушениями, допускаемыми следователями и дознавателями. И те и другие обстоятельства нуждаются в исследовании и принятии необходимых корректирующих мер. Рассмотрим основные из них.

Одна из проблем связана с реализацией права потерпевшего на ознакомление с материалами уголовного дела, производство по которому окончено прекращением. В уголовно-процессуальной науке содержатся предложения о дополнении закона положениями, согласно которым потерпевший должен быть уведомлен о прекращении уголовного дела и в связи с этим иметь возможность ознакомиться с его материалами². Естественно, что авторы таких предложений основываются, в первую очередь, на том, что они не обнаружили данного права потерпевшего в уголовно-

---

¹ Аналогичные данные получены и другими исследователями. См., напр.: *Вольнская О.В.* Прекращение уголовного дела и уголовного преследования: теоретические и организационно-правовые проблемы: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2007. С. 353.

² См., напр.: *Сухарева Н.Д.* Прекращение уголовного дела на стадии предварительного расследования: дис. ... канд. юрид. наук. Иркутск, 2002. С. 24; *Голиков О.В.* Совершенство российского законодательства в сфере защиты потерпевшего в уголовном процессе: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2003. С. 10; *Фоменко И.В.* Решения и действия следователя на завершающем этапе расследования: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ставрополь, 2008. С. 21; *Иванов Д.А.* Защита следователем прав и законных интересов юридических лиц, потерпевших от преступлений. М., 2009. С. 122.

процессуальном законодательстве. Подобного мнения придерживается и большинство практических работников. Так, 92,4 % опрошенных нами следователей и дознавателей убеждены в том, что право потерпевшего на ознакомление с материалами прекращенного уголовного дела в законе не содержится.

С таким мнением мы не можем согласиться. Согласно ч. 4 ст. 213 УПК РФ следователь должен вручить либо направить потерпевшему копию постановления о прекращении уголовного дела, тем самым он уведомляет его о принятом решении. Одновременно следователь обязан разъяснить потерпевшему соответствующие права. Согласно п. 12 ч. 2 ст. 42 УПК РФ, потерпевший имеет право знакомиться по окончании предварительного расследования со всеми материалами уголовного дела. В соответствии с п. 1 ч. 1 ст. 158 УПК РФ одной из форм окончания предварительного расследования является прекращение уголовного дела. Таким образом, потерпевший обладает правом на ознакомление с материалами прекращенного уголовного дела, однако определить наличие такого права позволил системный анализ УПК РФ, а не прочтение отдельного правового предписания.

Мы солидарны с мнением П.В. Седельникова о том, что первопричиной сформировавшейся в этом вопросе вышеуказанной позиции ряда ученых и практических работников является несовершенство закона¹, хотя, на наш взгляд, здесь уместнее говорить о неспособности отдельных лиц правильно читать и понимать закон. Между тем сложившаяся ситуация существенно ограничивает возможность потерпевшего отстаивать свои права и интересы².

Но вопрос заключается не только в четком формулировании рассматриваемого права потерпевшего. Существует как минимум еще одно существенное препятствие для реализации рассматриваемых положений закона. Если в гл. 30 УПК РФ, определяющей порядок направления уголовного дела с обвинительным заключением прокурору, предусмотрена процедура ознакомления с материалами уголовного дела, то глава 29 УПК РФ, устанавливающая процедуру прекращения уголовного дела, таких правил не содержит. В связи с этим возникает ряд вопросов. Во-первых, в какой момент участники судопроизводства могут воспользоваться данным правом – на этапе принятия решения о прекращении уголовного дела (уголовного преследования) или после обретения соответствующим актом юридической силы? По нашему мнению, второй вариант является более предпочтительным. Во-вторых, какова процедура ознакомления участников с материалами дела и удостоверения факта такого ознакомления? С.Н. Перетокин в своем диссертационном исследовании, посвященном охране прав и свобод человека и гражданина при прекращении уголовного дела, предлагает в этих случаях применить положения ст. 215-218 УПК РФ³. Нам ближе точка

---

¹ Седельников П.В. Доступ участников уголовного процесса к материалам досудебного производства: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2006. С. 20-21.

² Подробнее см.: Синенко С.А. Обеспечение права потерпевшего на ознакомление с материалами уголовного дела, по которому окончено предварительное расследование // Научный вестник Омской академии МВД России. 2012. № 3 (46). С.25-30.

³ Перетокин С.Н. Охрана прав и свобод человека и гражданина при прекращении уголовного дела: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006. С. 12, 21.

зрения, в соответствии с которой данная процедура должна быть сходной в общих чертах с той, которая излагается в главе 30 УПК РФ, хотя в деталях должна быть упрощена. Для устранения в законодательстве рассматриваемого пробела предлагается дополнить УПК РФ статьей 213¹, содержащей правила ознакомления с материалами производства при прекращении уголовного дела и уголовного преследования¹. Считая в целом возможным согласиться с таким подходом, предлагаем свою редакцию данной нормы:

«Статья 213¹. Ознакомление с материалами производства при прекращении уголовного дела и уголовного преследования

1. По ходатайству потерпевшего, его представителя, гражданского истца, гражданского ответчика или их представителя, подозреваемого, обвиняемого, их защитника в случае прекращения уголовного дела для ознакомления предъявляются все его материалы, за исключением случаев, предусмотренных частью девятой статьи 166 настоящего Кодекса, а при прекращении уголовного преследования – те материалы, которые затрагивают интересы указанных участников.

2. В процессе ознакомления с материалами уголовного дела, состоящего из нескольких томов, участники вправе повторно обращаться к любому из томов уголовного дела, а также выписывать любые сведения и в любом объеме, снимать за свой счет копии с документов, в том числе с помощью технических средств.

3. Факт ознакомления участников с материалами уголовного дела отражается в постановлении о прекращении уголовного дела или уголовного преследования».

Обратим внимание еще на одно важное обстоятельство. Исходя из общих предписаний закона (поскольку конкретное правовое регулирование здесь отсутствует), указанные выше положения в равной степени относятся к прекращенному уголовному делу, по которому расследование проводилось как в форме предварительного следствия, так и в форме дознания.

Подводя итог, отметим, что *существует определенный потенциал совершенствования законодательства и правоприменительной деятельности по обеспечению права потерпевшего на ознакомление с материалами уголовного дела, по которому закончено предварительное расследование.*

---

¹ *Волынская О.В.* Прекращение уголовного дела и уголовного преследования: теоретические и организационно-правовые проблемы: монография. М.: ЮНИТА-ДАНА; Закон и право, 2007. С. 201-202.

§ 2. Обеспечение прав и законных интересов потерпевшего при направлении уголовного дела с обвинительным заключением (актом или постановлением) прокурору

Окончание предварительного расследования составлением обвинительного заключения¹ в теории уголовного процесса принято считать комплексом действий и соответствующих правоотношений, в ходе которых решаются определенные частные задачи. Эта деятельность, так же как и рассмотренная нами в предыдущем параграфе, считается самостоятельным этапом стадии предварительного расследования, поэтому необходимо «иметь в законе четкие предписания по поводу условий, порядка и иных нюансов реализации каждой из процедур, составляющей данную технологическую цепочку»². Законодательство в этой части далеко не идеально. Глава 30 УПК РФ, определяющая порядок направления уголовного дела с обвинительным заключением прокурору, впрочем, как и ст. 225, 226.7 УПК РФ, устанавливающие процедуру окончания расследования составлением обвинительного акта или постановления, страдают непоследовательностью, нечеткостью и нелогичностью регламентирования возникающих здесь отношений. Все это не позволяет должным образом обеспечить защиту прав и законных интересов потерпевшего.

Основным на этом этапе судопроизводства, с позиции тематики нашего исследования, является обеспечение права потерпевшего на ознакомление с материалами уголовного дела. Его реализация позволяет этому участнику судопроизводства судить о качестве выполненного расследования, определить тактику защиты своих интересов. Однако, как показало изучение законодательных предписаний и практики их применения, в этой сфере существует значительное число проблем юридического и прикладного характера.

Начнем с вопроса, который в последние годы вызвал дискуссию на страницах юридической литературы. Д.П. Чекулаев в рамках проведенного им диссертационного исследования высказал мнение о том, что следователя нельзя наделять обязанностью знакомить потерпевшего и его представителя с материалами уголовного дела. Существование такой обязанности, по мнению автора, «может серьезным образом осложнить работу органа предварительного расследования, привести к нарушению процессуальных сроков и, как следствие, затронет интересы обвиняемого»³. Такой вывод исследователя вопросов обеспечения доступа потерпевшего к правосудию, коим обозначил себя Д.П. Чекулаев, выглядит несколько неожиданным, тем более, что авторы диссертаций, защищенных практически в то же время по

---

¹ В данном случае мы выбрали наименование самой сложной из рассматриваемых в настоящем параграфе форм окончания предварительного расследования, хотя при этом имеем в виду и такие из них, как направление уголовного дела прокурору с обвинительным актом или постановлением. Между ними есть определенные сущностные сходства, но и существенные различия. Поэтому о двух последних речь пойдет позже.

² Бахта А.С., Марфицин П.Г. Нормы уголовно-процессуального права: монография. Хабаровск: Дальневосточный юрид. ин-т МВД России, 2009. С. 96.

³ Чекулаев Д.П. Потерпевший в уголовном производстве: доступ к правосудию и компенсация причиненного ущерба: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2005. С. 77.

аналогичной проблематике¹, настаивали на обязательном ознакомлении потерпевшего с материалами уголовного дела. Указанная выше точка зрения нашла поддержку в научных кругах. Так, рассматривая обозначенный подход через призму фигуры потерпевшего – юридического лица, Д.А. Иванов указывает, что «закрепление за следователем обязанности знакомить потерпевших – юридических лиц и их представителей с материалами уголовного дела столкнется с определенными проблемами»². И далее автор приходит к выводу, что внесение изменений, обязывающих следователя знакомить потерпевших с результатами расследования, лишь усугубит положение как следователя, так и самого юридического лица.

На наш взгляд, с изложенными выше суждениями согласиться трудно. Во-первых, внимательное ознакомление с приведенными аргументами показывает, что указанные авторы допускают смешение двух различных категорий – «обязанность знакомить с материалами дела» и «обязательное ознакомление с материалами дела». Действующий УПК РФ не предусматривает последнего относительно потерпевшего, т.е. следователь осуществляет процедуру, предусмотренную ст. 216 УПК РФ, только по ходатайству потерпевшего. И если такого волеизъявления не будет, то у должностного лица не возникает обязанности ознакомить рассматриваемого участника с материалами уголовно-процессуального производства. И, напротив, если потерпевший пожелает изучить материалы уголовного дела, то следователь должен обеспечить реализацию данного права. Поэтому, если говорить о ликвидации обязанности следователя знакомить потерпевшего с материалами уголовного дела при изъявлении последним соответствующего желания, то необходимо настаивать на исключении из процессуального статуса потерпевшего права на такое ознакомление. Кстати, последнее суждение указанными авторами не поддерживается. Без соответствующей обязанности следователя указанное право превратится в фикцию³. На наш взгляд, существующее в настоящее время в УПК РФ соотношение рассматриваемых прав и обязанностей является оптимальным.

Далее. Законодатель указывает, что, признав предварительное расследование окончанным и приняв решение о направлении уголовного дела с обвинительным заключением прокурору, следователь должен уведомить об этом заинтересованных лиц, включая потерпевшего. Однако из текста частей 1 и 2 ст. 215 УПК РФ неясно, в какой форме должны быть уведомлены участники процесса о принятом следователем решении. По нашему мнению, потерпевшему (впрочем, как и другим участникам этого этапа расследования) должно направляться письменное уведомление, копия которого приобщается к делу. Именно таким путем нередко идет правоприменительная практика. Такой же вариант поддерживают большинство уче-

---

¹ См., напр.: *Юношев С.В.* Адвокат – представитель потерпевшего: дис. ... канд. юрид. наук. Самара, 2000. С. 77; *Колдин С.В.* Защита прав и законных интересов потерпевшего по УПК РФ: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2004. С. 127-128.

² *Иванов Д.А.* Защита следователем прав и законных интересов юридических лиц, потерпевших от преступлений. М., 2009. С. 115.

³ Общетеоретических аспектов соотношения субъективных прав и юридических обязанностей мы коснемся далее.

ных-процессуалистов¹, что еще раз подтверждает необходимость законодательного закрепления указанной формы уведомления. Естественно, что данное законодательное установление не будет препятствовать использованию возможности дополнительного (например, для большей оперативности) уведомления потерпевшего по телефону или с использованием других средств связи.

В части 1 ст. 215 УПК РФ имеется указание на то, что следователь «... разъясняет ему (обвиняемому – Авт.) предусмотренное статьей 217 настоящего Кодекса право на ознакомление со всеми материалами уголовного дела ...». Несколько непоследовательным на этом фоне выглядит то, что в гл. 30 УПК РФ нет указаний на разъяснение аналогичных прав потерпевшему, гражданскому истцу, гражданскому ответчику, их законным представителям и представителям. В связи с этим возникают еще как минимум два вопроса: надо ли обозначенным субъектам разъяснять это право повторно (первоначально оно разъяснялось при постановке гражданина в соответствующий статус), и если да, то следует ли иметь в тексте гл. 30 УПК РФ отсылку на предписание закона, закрепляющее это право? Ответ на первый вопрос, на наш взгляд, может быть утвердительным. Считаем, что при окончании расследования напоминание одного из важных прав субъекта не может показаться излишним. Второй вопрос предполагает отрицательный ответ. Существуют общие нормы, регламентирующие правовое положение того или иного участника процесса. Они легко обнаруживаются в тексте закона. Поэтому перечисление их еще раз будет лишь загромождать соответствующее правовое предписание.

Здесь же мы хотим обратить внимание еще на одну деталь, указывающую на непоследовательность законодательного регулирования. В части 1 ст. 216 УПК РФ говорится о том, что «...гражданский истец, гражданский ответчик или их представители знакомятся с материалами уголовного дела в той части, которая относится к гражданскому иску». То есть в этой норме продублированы положения, имеющие место в п. 12 ч. 3 ст. 44 и п. 9 ч. 2 ст. 54 УПК РФ. Такое может быть оправдано тем, что законодатель хотел еще раз напомнить правоприменителю это право с тем, чтобы оно было учтено при осуществлении процедуры ознакомления с материалами уголовного дела. Но тогда будет вполне логичным так же поступить и с положениями п. 12 ч. 2 ст. 42 УПК РФ, где говорится, что «в случае, если в уголовном деле участвуют несколько потерпевших, каждый из них вправе знакомиться с теми материалами уголовного дела, которые касаются вреда, причиненного данному потерпевшему». Однако этого законодатель не сделал. В статье 216 УПК РФ указанное положение не дублируется.

---

¹ *Парфенова М.В., Коных Е.И.* Процессуальные права потерпевшего и их реализация в досудебных стадиях уголовного судопроизводства: науч.-метод. пособие. М.: Экзамен, 2006. С. 114; *Уголовно-процессуальное право: учеб. пособие для студентов вузов / под ред. О.А. Галустяна, А.В. Ендольцевой, А.П. Кизлыка.* М.: ЮНИТА-ДАНА; Закон и право, 2006. С. 200; *Варпаховская Е.М.* Соблюдение следователем и прокурором прав потерпевшего при завершении расследования и направлении дела в суд // Роль прокуратуры в обеспечении прав и законных интересов жертв преступлений: мат-лы междунар. семинара 2003 г. М., 2004. С. 44.

В части 1 ст. 215 УПК РФ при указании на необходимость фиксации факта уведомления обвиняемого об окончании расследования и разъяснения ему права на ознакомление с материалами дела законодатель подчеркивает, что все это должно быть отражено в протоколе, составленном в соответствии со ст. 166, 167 УПК РФ. Но подобные действия не предусмотрены в отношении потерпевшего. С одной стороны, они могут показаться излишними, поскольку ознакомлению потерпевшего с материалами уголовного дела законодатель не придает обязательного характера. С другой – потерпевший может оказаться в неведении о том, что расследование по уголовному делу окончено. Примеров последнего в правоприменении достаточно.

Материалы изученных уголовных дел показали, что нередко (37,4%) следователи разъясняют потерпевшим их право на ознакомление с материалами оконченого производством уголовного дела и выясняют их мнение по этому вопросу задолго до окончания предварительного следствия. Если быть точнее, то позиция потерпевшего выясняется при его ознакомлении с постановлением о признании потерпевшим, то есть практически в самом начале расследования, и отражается в этом же постановлении фразой типа: «При окончании расследования с материалами уголовного дела знакомиться не желаю». На подобное обстоятельство обращалось внимание в юридической литературе, при этом авторы не посчитали данные действия противоречащими закону, объясняя это тем, что следователь таким образом получит ориентирующую информацию о возможном поведении участника уголовного процесса при окончании расследования, а также может заранее спланировать график ознакомления лиц с материалами дела¹. С такой точкой зрения можно было бы согласиться, если бы по окончании расследования следователь вновь разъяснял потерпевшему его право на ознакомление с материалами уголовного дела, т.к. желание ознакомиться с такими материалами может сформироваться у лица на любом этапе досудебного производства. Однако, как показало изучение практики, именно этого и не происходит. По всем уголовным делам, где позиция потерпевшего по вопросу ознакомления с материалами уголовного дела выяснялась заранее, такой участник не уведомлялся об окончании предварительного расследования и, соответственно, не знакомился с материалами уголовного дела, поэтому подобная практика должна получить негативную оценку. В любом случае потерпевший должен быть уведомлен об окончании расследования по уголовному делу, тем более недопустимо ограничивать право участника процесса знакомиться с материалами уголовного дела, ссылаясь на ранее полученное от него заявление об отказе в таком ознакомлении.

Нарушением закона, на наш взгляд, является тот случай, когда следователь формально подходит к уведомлению участников уголовного процесса об окончании следственных действий и возможности ознакомления с материалами уголовного дела. Например, в уведомлении, отправленном 15-го числа, укажет время ознакомления – 17-го. Очевидно, что в назначен-

---

¹ *Седельников П. В.* Методика преподавания темы «Направление уголовного дела с обвинительным заключением (актом) прокурору» в Омской академии МВД России: учеб.-метод. пособие. Омск: Омская академия МВД России, 2002. С. 11.

ное время участник уголовного процесса просто не сможет явиться к следователю по объективной причине, т.к. он еще не получит уведомление. В данном случае можно говорить о нарушении требований уголовно-процессуального закона, выразившемся в необеспечении следователем реализации участниками уголовного судопроизводства своих прав.

Отдельные исследователи отмечают, что «... на практике сложилась устойчивая тенденция, согласно которой следователи должным образом не уведомляют потерпевшего и его представителя об окончании предварительного следствия, не разъясняют им право ознакомления с материалами дела, а зачастую просто вшивают в дело копию уведомления потерпевшему и его представителю, реально никого из них не уведомляя об окончании следствия»¹. К сожалению, при проведении исследования мы сталкивались с такими же случаями.

Для предотвращения подобных ситуаций в ст. 215 УПК РФ можно было бы либо обязать следователя составлять протокол разъяснения потерпевшему рассматриваемых прав (по аналогии с обвиняемым), либо указать время, не позднее которого должно быть отправлено уведомление. В последнем случае, во избежание спора о своевременности уведомления участников уголовного процесса об окончании предварительного расследования, эта деятельность должна осуществляться в соответствии с правилами делопроизводства². Полагаем, второй вариант более предпочтительный.

На наш взгляд, не вполне удачно в тексте закона размещены правила, отражающие процедуру ознакомления участников уголовного процесса с материалами дела. Они содержатся в разных статьях закона (ч. 3-5 ст. 215, ст. 216, 217, 219 УПК РФ). Единой статьи законодателем не создано. Неоправданной выглядит отсылка к ст. 217 УПК РФ, содержащаяся в ст. 216 УПК РФ. Отсылочным предписанием удобнее пользоваться, когда оно имеет место по отношению к предшествующим положениям закона, а не последующим. Кроме того, общее дозволение, содержащееся в ст. 216 УПК РФ: «Ознакомление проводится в порядке, установленном статьями 217 и 218 настоящего Кодекса», не дает ответа на вопрос: все ли предписания, сформулированные применительно к обвиняемому, могут быть использованы при ознакомлении с материалами уголовного дела потерпевшим?

Поэтому мы солидарны с мнением А.С. Бахты, который считает, что оправданной здесь была бы следующая схема: в одной норме сосредоточить общие правила ознакомления с материалами дела, в других – особенности, касающиеся данной деятельности в отношении определенных участников судопроизводства. В первом случае можно объединить положения, касающиеся: объема и оформления представляемых для ознакомления материалов; способа ознакомления; реакции следователя на невозможность ознакомления с материалами дела отдельных участников в назначенные сроки и др.³. При этом автор предлагает существенно изменить содержание

¹ Быков В.М., Колдин С.В. Права потерпевшего по Уголовно-процессуальному кодексу РФ 2001 года // Следователь. 2001. № 1. С. 4.

² Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / науч. ред. В.Т. Томин, М.П. Поляков. М., 2010. С. 604.

³ Бахта А.С. Механизм уголовно-процессуального регулирования: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2011. С. 237.

правовых предписаний, имеющих место в гл. 30 УПК РФ. Нам представляется такой подход продуктивным, однако в рамках настоящей работы дискуссию по этому вопросу считаем излишней.

Представляется также необходимым в ч. 3 ст. 215 УПК РФ расширить круг участников, несмотря на то, что в ней не упомянуты потерпевший, его законный представитель, гражданский истец, гражданский ответчик, все, указанное в этой статье, должно относиться и к ним.

Кроме собственно права на ознакомление потерпевшего с материалами уголовного дела по окончании предварительного расследования, пункт 12 ч. 2 ст. 42 УПК РФ разрешает данному участнику судопроизводства выписывать из уголовного дела любые сведения и в любом объеме, снимать копии с материалов уголовного дела, в том числе с помощью технических средств. Подобное право имеется и у обвиняемого, но при этом существует оговорка: снимать копии таким способом обвиняемый должен за свой счет (п. 13 ч. 4 ст. 47 УПК РФ). Аналогичная формулировка закона имеется и относительно права гражданского ответчика на ознакомление с материалами уголовного дела (п. 9 ч. 2 ст. 54 УПК РФ). Возникает вопрос: за чей счет может снимать копии с материалов дела потерпевший?

Отвечая на него, можно было бы провести аналогию с правовым статусом гражданского истца, поскольку правовой статус этих субъектов близок по объему¹. Однако пункт 12 ч. 4 ст. 44 УПК РФ гласит, что этот участник вправе «знакомиться по окончании расследования с материалами уголовного дела, относящимися к предъявленному им гражданскому иску, и выписывать из уголовного дела любые сведения и в любом объеме», то есть возможностью снимать копии с материалов уголовного дела, в том числе с использованием технических средств, гражданский истец не обладает. Погрешность ли это законодательного регулирования или здесь имеется какой-либо глубокий смысл, мы выяснять не будем. Для нас важно иное – ответ на наш вопрос не получен.

Ясность в это обстоятельство могли бы внести правила, содержащие процедуру ознакомления потерпевшего с материалами уголовного дела. Однако и здесь ответа на обозначенный вопрос мы не найдем. Статья 216 УПК РФ, определяющая порядок ознакомления потерпевшего с материалами уголовного дела, имеет отсылочный характер. А статья 217 УПК РФ, содержащая процедуру ознакомления с материалами уголовного дела обвиняемого, к которой отсылает ст. 216 УПК РФ, говорит лишь о возможности снимать копии с документов, в том числе с помощью технических средств. Она не определяет, за чей счет это должно происходить. Поэтому если в отношении обвиняемого с учетом предписаний п. 13 ч. 4 ст. 47 УПК РФ рассматриваемая ситуация ясна (хотя хотелось бы иметь на этот счет более согласованные правовые предписания), то в отношении потерпевшего вопрос остается открытым.

Не имея средств разрешения обозначенной ситуации в отраслевом законодательстве, обратимся к положениям общей теории права. Поскольку

---

¹ Секретарева Т.М. Проблемы регламентации понятий «потерпевший» и «гражданский истец» в современном уголовном процессе // Российская юстиция. 2011. № 12. С. 68-71.

мы ведем речь о субъективном праве потерпевшего, то должны иметь в виду, что коррелятом такого права в правоотношениях выступает юридическая обязанность, смысл которой определяется как вид и мера должного или необходимого поведения лица, соответствующая субъективному праву другого лица. Юридическая обязанность – необходимое поведение субъекта, установленное для удовлетворения субъективного права. Без соответствующей юридической обязанности субъективное право превращается в фикцию. Юридическая обязанность – это необходимое, должное поведение.

Связь между правом и обязанностью в правоотношении имеет характер объективной закономерности. С.С. Алексеев справедливо отмечает, что в этом случае «...перед нами яркое проявление диалектического закона единства противоположностей. Субъективное право и юридическая обязанность – такие противоположности, которые вне единства (правоотношения) существовать как социальные и юридические явления не могут»¹. Поэтому идеальной является ситуация, когда в законе четко обозначены как юридические обязанности, так и коррелирующие им субъективные права. В таких ситуациях у правоприменителя не возникает неясностей по поводу содержания правового отношения.

Однако в ряде случаев законодатель не выстроил таких идеальных конструкций и тем самым породил определенные неясности в правоприменении². Мы как раз имеем такую ситуацию. Законодатель обозначил право потерпевшего (причем без оговорок, которые имеют место в отношении аналогичного права обвиняемого), но четко не сформулировал обязанность должностных лиц, которая должна быть корреспондирующей этому праву. Но такая обязанность должна существовать, и наша цель – отыскать ее³. Для этого приходится использовать системное толкование закона, в частности, можно обратиться к положениям ч. 1 ст. 11 УПК РФ, где отмечено: «Суд, прокурор, следователь, дознаватель обязаны разъяснять подозреваемому, обвиняемому, потерпевшему, гражданскому истцу, гражданскому ответчику, а также другим участникам уголовного судопроизводства их права, обязанности и ответственность и обеспечивать возможность осуществления этих прав». Преломляя данное положение к анализируемому нами случаю, можно констатировать, что обеспечение права потерпевшего на снятие копий с материалов уголовного дела, в том числе с помощью технических средств, как раз и будет одной из тех мер, которые обязано предпринять должностное лицо. Но это всего лишь наше мнение, а не указание закона на юридическую обязанность, корреспондирующую праву потерпевшего, причем суждение теоретического характера, которое совершенно не воспринимается правоприменителями. Ни один из опрошенных следова-

---

¹ Алексеев С.С. Общая теория права: учеб. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Велби, Проспект, 2008. С. 374.

² На это обращалось внимание другими авторами при осуществлении исследований. См., напр.: Павлисова Т.Е. Метод уголовно-процессуального регулирования: дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2005. С. 10.

³ Подобный прием использован А.С. Бахтой при осуществлении исследования вопросов механизма уголовно-процессуального регулирования. См.: Бахта А.С. Механизм уголовно-процессуального регулирования: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2011. С. 330-333.

телей и дознавателей не признал своей обязанности в реализации рассматриваемого права потерпевшего, поэтому было бы желательным, чтобы законодатель определился в этом вопросе и сформулировал четкие предписания.

Имеются и более частные моменты, препятствующие реализации права потерпевшего на ознакомление с материалами уголовного дела, по которому окончено предварительное расследование. Так, в соответствии с ч. 2 ст. 215 УПК РФ следователь уведомляет об окончании следственных действий защитника, законного представителя обвиняемого, если они участвуют в уголовном деле, а также потерпевшего, гражданского истца, гражданского ответчика и их представителей. Необходимо признать, что этого требования недостаточно. На наш взгляд, следователь помимо сообщения об окончании следственных действий должен разъяснить этим участникам, и в частности потерпевшему, их право на ознакомление с материалами уголовного дела. При этом необходимо указать дату, время и место, где потерпевший может ознакомиться с делом в случае заявления об этом ходатайства. В отношении обвиняемого законодатель предписывает производить такие действия. Это опять свидетельствует об отсутствии синхронизации в правовом статусе лиц, принадлежащих к разным сторонам – обвинения и защиты.

Согласно ч. 1 ст. 217 УПК РФ, по ходатайству обвиняемого и его защитника следователь предоставляет им возможность знакомиться с материалами уголовного дела отдельно. В законе не имеется ограничений на отдельное ознакомление с материалами уголовного дела потерпевшего и его представителя, гражданского истца и гражданского ответчика и их представителей, но и нет дозволения на это. Поэтому, если указанные лица явятся на ознакомление отдельно, то необходимо будет для каждого лица составлять отдельный протокол ознакомления с материалами уголовного дела, хотя, как нам представляется, такая ситуация также должна регулироваться законом для того, чтобы сбалансировать объем прав и возможностей стороны обвинения и стороны защиты.

Законодательно не решен вопрос о сроке, в течение которого потерпевший и его представитель могут ознакомиться с материалами дела. По общему правилу на этом этапе такие сроки, так же как и очередность ознакомления потерпевших, определяются следователем. Однако в соответствии с ч. 3 ст. 215 УПК РФ, если защитник, законный представитель обвиняемого или представитель потерпевшего, гражданского истца, гражданского ответчика по уважительным причинам не могут явиться для ознакомления с материалами уголовного дела в назначенное время, то следователь откладывает ознакомление на срок не более 5 суток. В тексте данной нормы почему-то не упомянут потерпевший¹, что не позволяет применить данное правило в отношении этого участника судопроизводства.

---

¹ Подробнее об этом см.: *Зайцев О.А., Щерба С.П.* Охрана прав потерпевших и свидетелей по уголовным делам: пособие. М.: Спарк, 1996. С. 15; *Булатов В.А.* Обеспечение следователем прав, законных интересов и безопасности потерпевших и свидетелей: дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 1999. С. 28.

И, наконец, представляется, что давно уже назрела необходимость решить в пользу потерпевшего вопрос ознакомления этого участника судопроизводства с материалами расследования, осуществленного в форме дознания. Существующая в настоящее время формулировка ч. 3 ст. 225 УПК РФ «Потерпевшему или его представителю по его ходатайству могут быть предоставлены для ознакомления обвинительный акт и материалы уголовного дела ...» ни к чему не обязывает ни дознавателя, ни орган дознания. Смущает в этой фразе словосочетание «могут быть» (а, значит, могут и не быть. – Авт.). Очевидно, ее неопределенность позволила авторам одного из комментариев УПК РФ прийти к выводу, что решение о допуске потерпевшего к ознакомлению с материалами дела принимает дознаватель по своему усмотрению¹.

Потерпевшему, чтобы реализовать это право, необходимо как минимум знать о нем, а также знать о том, что дознание завершается. Анализ уголовных дел, расследование по которым осуществлялось в форме дознания², показал, что ни в одном случае такое право потерпевшими не использовалось. Причина этого очевидна. Правоприменителями просто не создаются условия для обеспечения реализации данного положения закона.

Вопрос об ознакомлении потерпевших с материалами дознания имеет давнюю историю. В соответствии со ст. 206 УПК РСФСР 1923 г. об окончании предварительного расследования уведомлялся только подследственный. Лишь он знакомился с материалами законченного производства по уголовному делу. Форма расследования (предварительное следствие или дознание) при этом не имела значения.

УПК РСФСР 1960 г. в этой части был прогрессивнее. В соответствии со ст. 200 этого закона следователь был обязан уведомить потерпевшего об окончании предварительного следствия и разъяснить ему право на ознакомление с материалами уголовного дела. Правда, само ознакомление могло иметь место только при наличии письменного или устного ходатайства об этом потерпевшего. По окончании дознания потерпевший извещался об этом, но материалы дела для ознакомления ему не представлялись (п. 2 ч. 2 ст. 120 УПК РСФСР 1960 г.). Данное обстоятельство в юридической литературе отмечалось как одна из отличительных черт дознания³.

УПК РФ в части ознакомления потерпевшего с материалами предварительного следствия практически повторил положения ранее действующего закона. Определить, изменилось ли положение потерпевшего в этом вопросе в лучшую сторону по окончании дознания, непросто. С одной стороны, как отмечалось выше, потерпевший получил право знакомиться с материалами уголовного дела, которое расследовалось в форме дознания. С другой – у дознавателя или органа дознания исчезла обязанность уведомить этого субъекта об окончании расследования, что существенно затрудняет реализацию указанного права.

---

¹ Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / науч. ред. В.Т. Томин, М.П. Поляков. М., 2012. С. 630.

² Для этого нами путем случайной выборки были отобраны уголовные дела, находящиеся в архивах судов Приморского края, Нижегородской, Омской областей.

³ См., напр.: Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу РСФСР / под ред. А.К. Орлова. М.: Юрид. лит., 1976. С. 191.

Тенденции развития законодательства подсказывают, что данный вопрос должен быть решен в пользу потерпевшего. При этом мы потеряем одну из черт, отличающих дознание от предварительного следствия, но, как представляется, это обстоятельство не может быть использовано в качестве контраргумента нашему предложению, тем более, что современный законодатель идет по пути стирания граней между следствием и дознанием¹.

Федеральным законом от 4 марта 2013 г. № 23-ФЗ введена новая процедура расследования – дознание в сокращенной форме. Окончание такого расследования связано с составлением неизвестного ранее уголовному судопроизводству документа – обвинительного постановления. Этот документ по своему содержанию аналогичен обвинительному акту, на что указывает отсылка к ст. 225 УПК РФ, содержащаяся в ч. 1 ст. 226.7 УПК РФ. Сама же процедура окончания расследования несколько отлична от той, которая предусмотрена для дознания в обычной форме. Однако анализ предписаний, имеющих место в ст. 226.7 УПК РФ, показывает, что никаких изменений в части обеспечения прав и законных интересов потерпевшего не произошло. Так, в части 4 рассматриваемой статьи указано, что обвиняемый и его защитник должны быть ознакомлены с обвинительным постановлением и материалами уголовного дела. Потерпевший и его представитель знакомятся с такими материалами только при наличии их ходатайства. Опять же в законе не содержится обязанности дознавателя сообщать об окончании расследования потерпевшему и выяснять наличие (отсутствие) у него такого ходатайства, то есть мы имеем те же проблемы, что и рассмотренные нами раньше применительно к классическому дознанию, а поэтому представленные нами выше предложения являются актуальными и для данной сферы деятельности.

Изложенное выше позволяет сформулировать следующие предложения по совершенствованию законодательства:

- *часть 2 ст. 215 УПК РФ изложить в следующей редакции: «2. Следователь направляет письменное уведомление об окончании предварительного следствия защитнику, законному представителю обвиняемого, если они участвуют в уголовном деле, а также потерпевшему, гражданскому истцу, гражданскому ответчику и их представителям, в котором разъясняет им право на ознакомление с материалами уголовного дела, а также указывает дату, время и место ознакомления. Уведомление должно быть направлено не позднее чем за семь суток до дня ознакомления с материалами уголовного дела»;*

- *в части 3 ст. 215 УПК РФ перед словами «представитель потерпевшего» следует дополнить «потерпевший»;*

- *часть 1 ст. 216 УПК РФ дополнить следующими словами: «В случае, если в уголовном деле участвует несколько потерпевших, каждый из них вправе знакомиться с теми материалами уголовного дела, которые касаются вреда, причиненного данному потерпевшему. По ходатайству потерпевшего и его представителя следователь предоставляет им возможность знакомиться с материалами уголовного дела отдельно»;*

---

¹ Муравьев К.В., Писарев А.В., Смирнова И.С. Организация и деятельность органов внутренних дел как органа дознания: учеб.-практ. пособие. Омск, 2007. С. 49.

- в пункте 12 ч. 4 ст. 42 УПК РФ фразу «снимать копии с материалов уголовного дела, в том числе с помощью технических средств» заменить на: «получать бесплатно копии материалов уголовного дела, в том числе изготовленные с помощью технических средств»;

- часть 3 ст. 225 УПК РФ изложить в следующей редакции:
«3. Потерпевший или его представитель в письменной форме уведомляются об окончании дознания, при этом им разъясняется право ознакомления с материалами уголовного дела. По ходатайству потерпевшего или его представителя им предоставляются для ознакомления обвинительный акт и все материалы уголовного дела в том же порядке, который установлен частью второй настоящей статьи для обвиняемого и его защитника».

Глава 6. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРАВ И ЗАКОННЫХ ИНТЕРЕСОВ ПОТЕРПЕВШЕГО В СУДЕБНОМ ПРОИЗВОДСТВЕ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ

§ 1. Обеспечение прав и законных интересов потерпевшего в суде первой инстанции

Изучение практики обеспечения прав и законных интересов потерпевших при рассмотрении уголовного дела в суде первой инстанции показывает, что число существенных проблем уголовно-процессуального характера в этой сфере незначительно, об этом свидетельствует и содержание Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 29 июня 2010 г. «О практике применения судами норм, регламентирующих участие потерпевшего в уголовном судопроизводстве». Значительная часть предписаний, содержащихся в этом акте, посвящена общим вопросам обеспечения прав потерпевших, которые в равной степени актуальны и для судебного, и для досудебного производства. Ранее мы обращали на них внимание. Другая часть положений касается выполнения судом контрольных функций в отношении обеспечения прав потерпевших в предшествующей суду деятельности. Третья – посвящена разъяснению правил разрешения гражданского иска и определения судебных издержек. Четвертая – обеспечению прав потерпевших при пересмотре судебных решений. Исходя из содержания рассматриваемого документа, можно отдельно обозначить те разъяснения, которые Верховный Суд РФ сформулировал относительно особенностей производства по делам частного обвинения, но эти вопросы мы будем рассматривать в отдельном параграфе.

Наше суждение подтверждают и научные исследования. В частности, доктор юридических наук судья Верховного суда Республики Дагестан, то есть человек, сочетающий в себе достаточный объем знаний теоретического и прикладного характера, в опубликованной статье «Концептуальные проблемы законодательного расширения правомерных возможностей защиты прав потерпевшего», посвященной разрешению обозначенных вопросов в стадии судебного разбирательства уголовного дела судом первой инстанции, обозначает наличие, по сути, лишь двух проблем, имеющих место в данной сфере¹. При этом необходимо иметь в виду, что, действительно, рассмотрение уголовного дела в той форме судебного заседания, которая традиционно именуется обычной, условно можно назвать беспроблемным, поскольку данная процедура формировалась десятилетиями, корректировке со стороны законодателя почти не подвергалась, поскольку она считается относительно совершенной, хотя это не означает полное отсутствие здесь затруднительных для правоприменения ситуаций, и о них мы скажем позже. Однако производство в суде первой инстанции – это не только рассмотрение уголовного дела в обычном порядке. Современная форма судебного разбирательства достаточно дифференцирована, она включает в себя и

---

¹ *Ибрагимов И.М.* Концептуальные проблемы законодательного расширения правомерных возможностей защиты прав потерпевшего // Российская юстиция. 2012. № 11. С. 52-56.

особенности производства в суде с участием присяжных заседателей, и особый порядок судебного разбирательства, и принятие решения судом при заключении с обвиняемым досудебного соглашения о сотрудничестве. В судебном заседании рассматриваются также вопросы, связанные с исполнением приговора. Такой взгляд на производство в суде первой инстанции позволяет гораздо шире обозначить и исследовать проблематику обеспечения на этом этапе уголовного судопроизводства прав и законных интересов потерпевшего. Именно его мы и применим в настоящей работе.

В первую очередь обратимся к тем проблемам нормативного и организационного характера, которые негативно влияют на обеспечение прав и законных интересов при рассмотрении уголовного дела по существу в обычном порядке.

Одним из первых после принятия УПК РФ в теории уголовного процесса был поднят вопрос, связанный с реализацией положений, содержащихся в ч. 7 и 8 ст. 246 УПК РФ. Речь идет о том, что, предоставив прокурору право полного или частичного отказа от обвинения при рассмотрении дела судом первой инстанции, законодатель не предусмотрел необходимости согласовать такое решение с потерпевшим. Большинство процессуалистов (А.С. Александров, Н.А. Волосова, В.Ф. Демидов, В.В. Иванов, А.М. Ларин, Н.Н. Полянская, Н.В. Петрова, Н.М. Яковлев и др.)¹ увидели в этом угрозу надлежащей реализации прав потерпевшего и посчитали необходимым расширить его процессуальный статус, в том числе путем предоставления полномочия продолжить уголовное преследование в случае отказа государственного обвинителя от обвинения. Были сформулированы и конкретные предложения по совершенствованию законодательства. Так, Н.А. Кириллова предложила дополнить п. 15 ч. 2 ст. 42 УПК РФ словами «высказывать свое мнение по существу заявленного государственным обвинителем полного или частичного отказа от обвинения»². Ю.И. Лаврешин посчитал необходимым расширить полномочия потерпевшего на самостоятельную обвинительную деятельность по всем категориям уголовных дел, в том числе в случаях отказа прокурора от обвинения. В связи с этим автор предлагает внести в ст. 22 УПК РФ следующее: «Потерпевший, его законный представитель и (или) представитель вправе участвовать в уголовном преследовании обвиняемого, выдвигать и поддерживать обвинение в порядке, установленном настоящим Кодексом»³.

Вместе с тем по этому вопросу сформировалась и иная точка зрения. Исходя из того, что обязанность по защите прав и свобод личности возложена на государство и, соответственно, обязанность по поддержанию государственного обвинения – на прокурора, ряд ученых (С.Р. Зеленин, И.Л. Петрухин, М.В. Танцеров) пришли к выводу, что только эти субъекты наделены правом принятия решения не только о возбуждении и осуществлении

---

¹ Мы умышленно не делаем ссылки на работы данных авторов, поскольку высказанные ими аргументы едины по своей сути и очевидны.

² *Кириллова Н.А.* Отказ государственного обвинителя от обвинения: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2007. С. 23.

³ *Лаврешин Ю.И.* Процессуальные гарантии реализации права потерпевшего на участие в уголовном преследовании: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ставрополь, 2009. С. 8.

уголовного преследования, но и его прекращения, в том числе посредством отказа от обвинения. Таким образом, по их мнению, позиция потерпевшего в рассматриваемой сфере не имеет решающего значения.

В настоящее время острота в обсуждении этого вопроса исчезла. Это связано, на наш взгляд, с целым рядом произошедших событий. Указанные законодательные установления были предметом рассмотрения Конституционного Суда РФ. В Постановлении высшего органа конституционного надзора от 8 декабря 2003 г. № 18-П указано: «Полный или частичный отказ государственного обвинителя от обвинения, влекущий прекращение уголовного дела, равно как и изменение государственным обвинителем обвинения в сторону смягчения, должны быть мотивированы со ссылкой на предусмотренные законом основания, а вынесение судом решения, обусловленного соответствующей позицией государственного обвинителя, допустимо лишь по завершении исследования значимых для этого материалов дела и заслушивания мнений участников судебного заседания со стороны обвинения и защиты»¹.

Некоторые авторы обратили внимание на то, что ч. 7 ст. 246 УПК РФ, не предусматривающая согласование отказа прокурора от обвинения в суде с потерпевшим, не соответствует позиции Конституционного Суда РФ, высказанной еще до вступления в силу УПК РФ 20 апреля 1999 г., в соответствии с которой к постановлению оправдательного приговора должен приводить отказ от поддержания обвинения в суде и прокурора, и потерпевшего².

Как отмечают исследователи, данное положение воспринято судебной практикой, в частности, суды требуют от государственного обвинителя изложения мотивов полного или частичного отказа от обвинения, равно как изменения обвинения в сторону смягчения, рассматриваются предложения прокурора в судебном заседании с участием сторон обвинения и защиты, итоги обсуждения отражают в протоколе судебного заседания³. Однако по непонятным причинам эти вопросы не были предметом обсуждения при принятии Пленумом Верховного Суда РФ Постановления от 29 июня 2010 г. «О практике применения судами норм, регламентирующих участие потерпевшего в уголовном судопроизводстве», поэтому позицию высшего судебного органа страны уяснить не представляется возможным.

Справедливости ради, считаем необходимым отметить, что в рамках подготовки указанного постановления в перечень вопросов, который на-

---

¹ Постановление Конституционного Суда РФ от 8 декабря 2003 г. № 18-П «По делу о проверке конституционности положений статей 125, 219, 227, 229, 236, 237, 239, 246, 254, 271, 378, 405 и 408, а также глав 35 и 38 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросами судов общей юрисдикции и жалобами граждан» // Собрание законодательства РФ. 2003. № 51. Ст. 5026.

² *Кальницкий В.В.* Правовые позиции Конституционного Суда РФ как основа реформирования УПК РФ // Совершенствование норм и институтов Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации. Омск: Омская академия МВД России, 2006. С. 87; *Муравьев К.В., Писарев А.В.* Участники уголовного судопроизводства : учеб. пособие. Омск: Омская академия МВД России, 2011. С. 35.

³ Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / науч. ред. В.Т. Томин, М.П. Поляков. М., 2012. С. 698.

правлялся во все суды субъектов Федерации, был включен следующий: *«Как разрешается судом ходатайство государственного обвинителя, заявленное в судебном заседании, о том, чтобы ему предоставили возможность согласовать позицию с потерпевшим как участником уголовного судопроизводства со стороны обвинения?»*. Поэтому можно было предполагать, что Верховный Суд РФ желает выяснить позицию судов о реализации предписаний ст. 246 УПК РФ. Ответы на этот вопрос поступили разные. Так, в практике работы судов Омской и Свердловской областей подобные ходатайства не имели места, в судах Иркутска, Магадана, Челябинска, Хабаровска они были немногочисленны и разрешались в общем порядке. В случае удовлетворения указанного ходатайства в судебном заседании объявляется перерыв и государственному обвинителю предоставляется время для согласования позиции с потерпевшим. Так, по уголовному делу в отношении Брызгина О.Е., обвиняемого по ч.1 ст. 118 УК РФ, рассмотренному мировым судьей судебного участка № 49 Ванинского района Хабаровского края, государственным обвинителем Морозовой Н.В. заявлено ходатайство о предоставлении возможности согласовать позицию с потерпевшей Коширской И. Судом ходатайство удовлетворено, слушание дела перенесено на другую дату¹. Более того, участвуя в обсуждении проекта рассматриваемого постановления, представители ряда судов сетовали на то, что данный вопрос оставлен без внимания, но в окончательный вариант настоящего документа он включен так и не был.

Вместе с тем в разрешение рассматриваемой проблемы попыталась включиться Генеральная прокуратура РФ. В пункте 4 приказа Генерального прокурора РФ от 20 ноября 2007 г. № 185 «Об участии прокуроров в судебных стадиях уголовного судопроизводства» указано: «Государственному обвинителю в случае расхождения его позиции с позицией, выраженной в обвинительном заключении или обвинительном акте, незамедлительно докладывать об этом прокурору, поручившему поддерживать государственное обвинение, который должен принять исчерпывающие меры к обеспечению законности и обоснованности государственного обвинения. В случае согласия с позицией государственного обвинителя, уведомлять об этом прокурора, утвердившего обвинительное заключение или обвинительный акт. В случае принципиального несогласия с позицией государственного обвинителя в соответствии со ст. 246 УПК РФ своевременно решать вопрос о замене государственного обвинителя либо самому поддерживать государственное обвинение». С одной стороны, данное предписание решает внутренние вопросы. Но, с другой – в нем можно увидеть и определенные гарантии обеспечения прав потерпевшего. Отказ от обвинения в связи с этими установками не может быть произвольным и подлежит контролю в части его законности и обоснованности.

Выше мы отмечали, что на сегодняшний день острота обсуждения этого вопроса снята, хотя его обсуждение продолжается. При этом отмечается, что разрешение данного вопроса не требует больших усилий от зако-

---

¹ Справка об изучении судебной практики применения судами Хабаровского края норм уголовно-процессуального закона, регулирующих участие потерпевшего в уголовном судопроизводстве // Архив Верховного Суда РФ за 2010 г.

нодателя¹. Однако он эти усилия не предпринимает. Не желает четко высказать свою позицию по этому вопросу и Верховный Суд РФ. Возможно, это приглушило интерес к рассматриваемой проблематике. Не исключаем, что влияние оказало и отсутствие в правоприменении острых конфликтных ситуаций в связи с реализацией положений ч. 7 и 8 ст. 246 УПК РФ. Но проблема осталась, и рано или поздно она может ярко проявить себя. Для того чтобы этого не случилось, необходимо принять реальные меры к ее разрешению.

Мы обозначали некоторые предложения по совершенствованию законодательства в рассматриваемой части. В каждом из них есть рациональное зерно, имеются и недостатки. Существуют и иные предложения, причем достаточно масштабные, таковые, например, сформулировал И.М. Ибрагимов, предлагающий кардинально изменить содержание ч. 7 и 8 ст. 246 УПК РФ, внести соответствующие корректировки в ст. 22, 42, 43, 254 УПК РФ². Дискутировать по данному вопросу не станем. Это даст нам возможность больше внимания уделить иным, менее исследованным проблемам. Мы предлагаем для решения рассмотренных ситуаций минимальное вторжение в правовую материю. Исходя из этого, *в ч. 7 ст. 246 УПК РФ после слов «то он» следует добавить «при наличии согласия потерпевшего».* *Эту же фразу необходимо включить в ч. 8 ст. 246 УПК РФ после слов «Государственный обвинитель».*

Анализ действующего уголовно-процессуального законодательства свидетельствует о некоторых недостатках правового регулирования рассмотрения уголовного дела в суде первой инстанции с участием несовершеннолетних потерпевших. Так, в юридической литературе отмечается, что судебный процесс с участием подростков в целом необходимо рассматривать как серьезное и тяжелое испытание для них, при котором существенное влияние оказывает обстановка в зале судебного заседания, поведение окружающих, что вызывает робость и страх. В связи с этим В. Налимов, с мнением которого следует согласиться, говорит о том, что участие детей в судебном разбирательстве должно быть сведено до минимума³. Г.В. Филиппенков отмечает, что нахождение ребенка долгое время в зале судебного заседания утомительно для него, поэтому он предлагает удалять из зала судебного заседания несовершеннолетних потерпевших и приглашать их только для допроса⁴.

Такие пожелания не вызывают возражений у правоприменителей. По результатам опроса судей 91,1 % респондентов посчитали нецелесообразным присутствие несовершеннолетних потерпевших на протяжении всего рассмотрения уголовного дела в суде первой инстанции.

---

¹ Кириллова Н.А. Отказ государственного обвинителя от обвинения: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2007. С. 10.

² Ибрагимов И.М. Концептуальные проблемы законодательного расширения правомочных возможностей защиты прав потерпевшего // Российская юстиция. 2012. № 11. С. 55.

³ Налимов В. Несовершеннолетние в судебном процессе: заметки адвоката // Правозащитник. 2009. № 2. С. 25.

⁴ Филиппенков Г.В. Участие педагога в уголовном процессе // Российская юстиция. 2008. № 6. С. 12.

На наш взгляд, в связи с развитием научных подходов о возрождении в России ювенальной юстиции¹, об осуществлении правового эксперимента с целью «обкатки» этого правового института разумно вести речь не только о создании благоприятных условий для несовершеннолетних обвиняемых (подсудимых), но и об особом отношении к подросткам-потерпевшим. Соглашаясь с обозначенными выше точками зрения, мы считаем, что не всегда для этих целей необходима корректировка уголовно-процессуального законодательства. *Ряд рекомендаций, направленных на смягчение судебной атмосферы для несовершеннолетних потерпевших, могли бы быть сформулированы в качестве пожеланий или разъяснений Верховным Судом РФ.*

Ранее мы отмечали, что ряд правовых и организационных проблем, связанных с обеспечением прав и законных интересов потерпевших, возникли в связи с дифференциацией форм производства в суде первой инстанции. Обратимся к рассмотрению одной из них.

Правовой институт заключения досудебного соглашения о сотрудничестве является новеллой российского законодательства. Подобного в его истории не было, хотя аналогичные правовые конструкции достаточно активно используются в законодательстве ряда зарубежных государств. Возможно, поэтому, а конкретнее, недоработки законодателя в адаптации зарубежного опыта к российской действительности обусловили возникновение большого числа вопросов со стороны ученых и серьезные затруднения у правоприменителей в части реализации норм, содержащихся в гл. 40.1 УПК РФ. Среди активно обсуждаемых в этой связи оказались предписания, касающиеся обеспечения прав и законных интересов потерпевшего при заключении соглашения с обвиняемым о сотрудничестве². Более того, этот вопрос уже стал предметом рассмотрения высшего органа конституционного контроля России, однако окончательного разрешения он так и не получил, о чем свидетельствует продолжающаяся в этой части дискуссия³ и отсутствие единообразия в применении норм гл. 40.1 УПК РФ⁴.

Нормы рассматриваемого института не содержат упоминаний о потерпевшем и его правах ни при заключении с обвиняемым досудебного со-

---

¹ Кроме публикаций, отражающих отдельные частные вопросы этой области, мы имеем уже и монографические работы докторского уровня. См., напр.: *Марковичева Е.В.* Концептуальные основы ювенального уголовного судопроизводства: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2011. 58 с.

² Подробнее см.: *Синенко С.А.* К вопросу об обеспечении прав потерпевшего при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве // Ученые записки Орловского государственного университета. 2012. № 5. С. 460-465.

³ Среди последних публикаций по этому вопросу см., напр.: *Решетова Н.Ю., Конярова Ж.К.* Досудебное соглашение о сотрудничестве по уголовным делам о преступлениях коррупционной направленности: пособие. М.: Акад. Ген. прокуратуры РФ, 2011. 85 с.; *Калиновский К.Б.* Потерпевшие тоже могут быть несогласными // Уголовный процесс. 2012. № 1. С. 9; *Чабуквани О.А.* Гарантии прав потерпевших при заключении стороной обвинения досудебного соглашения о сотрудничестве с подозреваемым (обвиняемым) // Российская юстиция. 2012. № 4. С. 35-36.

⁴ Это показало изучение 63 уголовных дел, по которым было заключено досудебное соглашение о сотрудничестве. 18 из них рассмотрены районными судами г. Н. Новгорода и г. Екатеринбурга в 2012 г.

глашения о сотрудничестве, т.е. на этапе досудебного производства, ни при разрешении такого дела в суде первой и последующих инстанций. Исследуя их, ученые в обоснование своей позиции формулирование подходов к разрешению данной ситуации осуществляют, как правило, именно в этой последовательности. Мы посчитали возможным идти от обратного, т.е. первоначально определиться в том, может ли такое дело быть рассмотрено судом без выяснения мнения потерпевшего, а затем спроецировать данную проблему на досудебное производство. Именно этим объясняется тот факт, что наши суждения по данному вопросу оказались в этой части работы.

Часть 1 ст. 317.7 УПК РФ указывает на то, что судебное заседание и постановление приговора в отношении подсудимого, с которым заключено досудебное соглашение о сотрудничестве, проводятся в порядке, установленном ст. 316 УПК РФ, с учетом требований ст. 317.7 УПК РФ. Статья 316 УПК РФ, устанавливающая процедуру проведения судебного заседания в особом порядке, предусматривает не только участие в таком заседании потерпевшего, но и выяснение его отношения к происходящему. При отсутствии согласия потерпевшего осуществление судопроизводства в особом порядке невозможно (ч. 1 и 4 ст. 314 УПК РФ), что является гарантией обеспечения прав и законных интересов потерпевшего¹. Исходя из этого, ответ на наш вопрос выглядит очевидным: рассмотрение уголовного дела в особом порядке в отношении подсудимого, заключившего досудебное соглашение о сотрудничестве, без согласия на то потерпевшего невозможно.

Такой вывод кажется безупречным при его обосновании положениями ч. 1 ст. 317.7 УПК РФ. Сомнения в правильности данного суждения начинают возникать при буквальном восприятии иных предписаний указанной статьи. Так, в части 2 отмечено, что судебное заседание проводится с обязательным участием подсудимого и его защитника, то есть дословно воспроизводится текст ч. 2 ст. 316 УПК РФ. А вот последующие положения ст. 316 УПК РФ, которые, в частности, указывают на необходимость выяснения отношения потерпевшего к ходатайству подсудимого, здесь не воспроизведены. Вместо них указано: «Судебное заседание начинается с изложения государственным обвинителем предъявленного подсудимому обвинения, после чего государственный обвинитель подтверждает содействие подсудимого следствию, а также разъясняет суду, в чем именно оно выразилось». Затем излагаются обстоятельства, которые должны быть исследованы судом, среди которых также не указана необходимость выяснения позиции потерпевшего. Кроме того, ситуацию усугубляет одна из формулировок, содержащаяся в ч. 5 ст. 317.7 УПК РФ: «Судья, удостоверившись, что подсудимым соблюдены все условия и выполнены все обязательства, предусмотренные заключенным с ним соглашением о сотрудничестве, постановляет обвинительный приговор...». Не способствует правильному восприятию закона и редакция ч. 2 ст. 317.6 УПК РФ: «Особый порядок проведения судебного заседания и вынесения судебного решения по уголовному делу в отношении обвиняемого, с которым заключено досудебное соглаше-

---

¹ Хусергенов Х.М. Обеспечение прав потерпевшего при рассмотрении уголовного дела в особом порядке судебного разбирательства: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2009. С. 24-26.

ние о сотрудничестве, применяется, если суд удостоверится, что: 1) государственный обвинитель подтвердил активное содействие обвиняемого следствию в раскрытии и расследовании преступления; 2) досудебное соглашение о сотрудничестве было заключено добровольно и при участии защитника». По сути, здесь законодатель указал условия, при наличии которых возможно рассмотрение уголовного дела в отношении обвиняемого, заключившего досудебное соглашение о сотрудничестве. Как видим, выяснение мнения потерпевшего законодателем в указанных нормах не предусмотрено.

Такое изложение нормативного материала привело некоторых правоприменителей и ученых к мысли о том, что потерпевший в рассматриваемом судебном заседании может и не участвовать, а его мнение для суда не является определяющим, как это имеет место при реализации положений гл. 40 УПК РФ. Именно так уяснили и применяли рассматриваемые нормы 57 % опрошенных нами судей районных судов г. Владивостока и г. Н. Новгорода¹.

Мы солидарны с ними лишь в том, что законодательные предписания в данной области должны быть изложены более четко и понятно. Обратим также внимание на то, что законодатель не запретил выяснять мнение потерпевшего о рассмотрении уголовного дела в особом порядке в отношении обвиняемого, заключившего досудебное соглашение о сотрудничестве, он всего лишь умолчал об этом. Что же касается значения позиции потерпевшего при рассмотрении указанных уголовных дел, то здесь наше мнение с респондентами кардинально расходится. На наш взгляд, поскольку речь идет об использовании особого порядка судебного заседания, то здесь должны применяться все общие правила, установленные для этой процедуры. Именно об этом указано в ч. 1 ст. 317.7 УПК РФ. Кстати, в гл. 40.1 УПК РФ не только не упоминается о потерпевшем, но и не изложено большинство иных правил, присущих особому порядку судебного разбирательства. В частности, не говорится о возможности проведения прений сторон, предоставлении последнего слова подсудимому, выяснении мнения подсудимого о возможности рассмотрения дела в особом порядке, об исследовании обстоятельств преступления, совершенного подсудимым, обстоятельств, характеризующих его личность, и др. Между тем эти правила устанавливаются гл. 40 УПК РФ, в том числе посредством применения отсылочных норм, и необходимость их исполнения возражений не вызывает.

В разрешении данного вопроса по жалобе ряда граждан вынужден был вступить Конституционный Суд РФ. К.Б. Калиновский, являющийся ведущим советником Управления конституционных основ уголовной юстиции Конституционного Суда РФ, ссылается на определение Конституционного Суда РФ от 2 ноября 2011 г. № 1481-О-О по жалобе граждан

---

¹ Этот опрос проводился нами до принятия Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 28 июня 2012 г. № 16 «О практике применения судами особого порядка судебного разбирательства уголовных дел при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве». После издания данного документа ситуация явно изменилась.

В.С. Ковальчука и Т.Н. Ковальчук, которое не было опубликовано¹. В данном документе отражена позиция суда о правах потерпевшего по делу с досудебным соглашением о сотрудничестве обвиняемого со следствием. Высшим органом конституционного контроля констатировано, что нормы гл. 40.1 УПК РФ не предусматривают участие потерпевшего в процедуре заключения досудебного соглашения о сотрудничестве и не ставят в зависимость от его волеизъявления саму возможность использования данного соглашения по уголовному делу, в том числе назначения более мягкого наказания. Конституционный Суд РФ считает, что такое ограничение допускается в целях защиты прав и законных интересов других лиц и организаций от преступлений, возмещения причиненного вреда, восстановления нарушенных прав, что соответствует конституционно оправданным целям. Вместе с тем, как отмечается в определении, в ходе судебного заседания в порядке ст. 317.7 УПК РФ потерпевший может отстаивать свою позицию, поскольку он не лишен права возражать против рассмотрения дела в особом порядке. Часть 4 ст. 317.7 УПК РФ не исключает обязанности суда применять общее правило ч. 6 ст. 316 УПК РФ, в соответствии с которым при возражении потерпевшего против постановления приговора без проведения судебного следствия уголовное дело рассматривается в общем порядке.

Не вполне логичной выглядит позиция Верховного Суда РФ по рассматриваемому вопросу, отраженная в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 28 июня 2012 г. № 16 «О практике применения судами особого порядка судебного разбирательства уголовных дел при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве»². В пункте 1 этого документа указано, что при проведении судебного разбирательства и постановлении приговора в отношении подсудимого, с которым заключено досудебное соглашение о сотрудничестве, подлежат соблюдению общие для всех форм уголовного судопроизводства принципы осуществления правосудия. Недопустимо понижение уровня гарантий прав и законных интересов участников судебного разбирательства. Эта формулировка, казалось бы, повлечет за собой предписание, указывающее на обязательное выяснение волеизъявления потерпевшего по вопросу о возможности проведения судебного заседания в особом порядке, однако в п. 12 и 13 Постановления поясняется, что неявка потерпевшего, его законного представителя, представителя в судебное заседание без уважительных причин при условии их надлежащего извещения не является препятствием для рассмотрения уголовного дела. Суду следует иметь в виду, что возражение потерпевшего (его законного представителя, представителя) против особого порядка проведения судебного заседания в отношении подсудимого, с которым заключено досудебное соглашение о сотрудничестве, не является основанием для рассмотрения дела

---

¹ *Калиновский К.Б.* Потерпевший тоже могут быть несогласными // Уголовный процесс. 2012. № 1. С. 9. Текст данного документа, тем не менее, содержится в интернет-ресурсах. См., напр.: СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 12.12.2012).

² Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28 июня 2012 г. № 16 «О практике применения судами особого порядка судебного разбирательства уголовных дел при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2012. № 9.

в общем порядке. Такой взгляд противоречит не только заявленному в п. 1 Постановления подходу, но и указанной нами выше позиции Конституционного Суда РФ. Пусть даже и не в категоричной форме, но Конституционный Суд РФ сказал о том, что мнение потерпевшего имеет решающее значение при определении порядка рассмотрения уголовного дела, по которому с обвиняемым заключено досудебное соглашение о сотрудничестве. Поэтому прием толкования закона, использованный Верховным Судом РФ, мы принять не можем.

Изложенные нами выше суждения, а также позиция Конституционного Суда РФ позволяют *настаивать на внесении в гл. 41.1 УПК РФ соответствующей корректировки. Наиболее простым в данном случае нам представляется дополнение ч. 3 ст. 317.6 УПК РФ: после слова «не соблюдены» ввести фразу: «а также при возражении подсудимого, государственного обвинителя, потерпевшего против постановления приговора в особом порядке» и далее по тексту.*

Но решив таким образом вопрос с потерпевшим, мы можем породить новую проблему. Так, из содержания ст. 316 УПК РФ вытекает, что назначение наказания подсудимому, размер которого не превышает две трети от максимального срока или размера наиболее строгого вида наказания, предусмотренного за совершенное преступление, возможно только в рамках особого порядка судебного разбирательства. Если по каким-либо причинам это дело рассматривалось в обычном порядке, то указанное выше правило применяться не должно. Возникает вопрос: а при рассмотрении уголовного дела в общем порядке в отношении подсудимого, заключившего досудебное соглашение о сотрудничестве, должна ли действовать эта схема? Иными словами, может ли судья при определении наказания руководствоваться положениями ст. 62, 64, 73, 80.1 УК РФ?

В главе 40.1 УПК РФ ответ на этот вопрос не содержится. Однако анализ указанных выше норм материального права позволяет сделать вывод, что их положения могут быть применены вне зависимости от формы, в которой осуществляется судебное разбирательство, то есть условия досудебного соглашения могут быть выполнены стороной обвинения независимо от волеизъявления потерпевшего. Вместе с тем право влиять на порядок судебного заседания у потерпевшего должно быть, поскольку нередко именно реализация закона позволяет человеку убедиться в том, что его интересы не оставлены государством без внимания.

Изложенное выше побуждает обратиться к вопросам, связанным с участием потерпевшего в процессе заключения досудебного соглашения, которое имеет место в досудебном производстве.

Согласно ч. 1 ст. 317.3 УПК РФ прокурор, приняв решение об удовлетворении ходатайства следователя (согласованного с руководителем следственного органа) о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве, приглашает следователя, подозреваемого или обвиняемого и его защитника. С их участием прокурор составляет досудебное соглашение о сотрудничестве. Участие потерпевшего в этой процедуре не предусмотрено. Необходимо ли оно?

Большинство ученых, высказавшихся по этому вопросу, предлагают решить его в пользу потерпевшего. Так, В.М. Быков полагает, что «потер-

певший должен иметь право обозначить свою позицию еще до подписания прокурором соглашения с обвиняемым: как обвиняемый должен быть наказан, заслуживает ли он смягчения наказания, а также знать, как ему, потерпевшему, будет возмещен вред, причиненный преступлением, и т.д.»¹. О.В. Карпов, И.В. Маслов подчеркивают, что «заключение соглашения с подозреваемым, обвиняемым может повлечь существенное нарушение прав и законных интересов указанных участников уголовного судопроизводства со стороны обвинения, так как возможность заключения соглашения не ставится в зависимость от возмещения вреда, причиненного преступлением»².

Имеют место и более категоричные высказывания по этому вопросу. А.В. Смирнов отмечает, что, «принимая во внимание конституционное право на доступ потерпевшего к правосудию, условием заключения соглашения о сотрудничестве с подозреваемым или обвиняемым должно быть согласие потерпевших от преступления»³. А.Р. Белкин настаивает на том, что «согласие потерпевшего – необходимое условие заключения досудебного соглашения с подозреваемым, обвиняемым»⁴. О том, что отстранение потерпевшего от процедуры заключения досудебного соглашения является принципиально ошибочной позицией законодателя, говорят и другие авторы⁵, в связи с этим вносятся предложения по совершенствованию законодательства⁶.

Однако в указанном нами выше определении Конституционного Суда РФ изложена иная позиция, обоснованием которой явилась необходимость защиты прав и законных интересов других лиц и организаций, потерпевших от преступления. Данное мнение подтверждается рядом ученых. Так, А.С. Александров указывает, что «...законодатель сделал все правильно, поскольку цель института сугубо публично-правовая – раскрытие преступлений, новых, прежде всего. Если ставить достижение этой цели в зависимость от воли потерпевшего, то институт значительно потеряет в своей

---

¹ *Быков В.М.* Новый закон о сделке обвиняемого с правосудием: критические заметки // *Российский судья*. 2009. № 11. С. 4-7.

² *Карпов О.В., Маслов И.В.* Досудебное соглашение о сотрудничестве: проблемы правового регулирования и вопросы порядка применения // *Уголовный процесс*. 2009. № 9. С. 6.

³ *Смирнов А.В.* Особый порядок принятия судебного решения при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве // *Уголовный процесс*. 2009. № 10. С. 8.

⁴ *Белкин А.Р.* Досудебное соглашение о сотрудничестве нуждается в коррективах // *Досудебное соглашение о сотрудничестве (правовые и криминалистические проблемы)*: мат-лы науч.-практ. конф. (Воронеж, 21-22 декабря 2009 г.). Воронеж: Изд-во Воронежского гос. ун-та, 2010. Вып. 6. С. 73-84.

⁵ См., напр.: *Николаева Т., Ларкина Е.* Некоторые вопросы заключения досудебного соглашения о сотрудничестве // *Уголовное право*. 2009. № 6. С. 88; *Баев М.О., Баев О.Я.* Досудебное соглашение о сотрудничестве: среди мифов и рифов [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 04.05.2012).

⁶ См., напр.: *Парфенов В.Н.* Проблемы обеспечения прав и законных интересов потерпевшего при особом порядке принятия судебного решения в связи с заключением досудебного соглашения о сотрудничестве // *Российский судья*. 2009. № 11. С. 16.

эффективности»¹. «Такую позицию можно понять: интересы потерпевшего могут иметь узкоэгоистический характер, и ставить достижение публичных задач в зависимость от них нельзя»².

Действительно, в правоприменении иногда возникают непростые ситуации. С одной стороны, видится необходимость защитить интересы потерпевшего по делу, с другой – обвиняемый предоставляет информацию, позволяющую раскрыть иные преступления, а значит, и защитить интересы других лиц, но с учетом смягчения ему наказания. Это не всегда соответствует интересам потерпевшего по основному делу. Кроме того, в данный процесс вливаются публичные интересы государства. В чью же пользу должна быть разрешена такая ситуация? На наш взгляд, однозначно ответить на поставленный вопрос не представляется возможным, так же как урегулировать это в законе. Причина тому – многообразие жизненных ситуаций, уникальность каждой из которых не позволяет в данном случае применить императивный метод правового регулирования.

Не имеется однозначного подхода к таким ситуациям и в зарубежном законодательстве. В частности, законодательство США, где сделка о признании вины является достаточно разработанной и применяемой, не содержит категоричных и четких указаний по рассматриваемому вопросу. В отдельных штатах потерпевший лишь уведомляется о сделке, заключенной с обвиняемым, в других – имеет право узнавать результаты примененной сделки, в третьих – перед заключением сделки прокурор должен провести консультации с жертвой преступления. При этом оказать какое-либо серьезное влияние на принятие решения о заключении сделки потерпевший не может³.

Нам представляется, что в этой области желательно определить приоритеты. Вне всяких сомнений, представляется необходимым обеспечить в первую очередь интересы потерпевшего по основному уголовному делу. И не только путем выяснения его отношения к возможности рассмотрения уголовного дела судом в особом порядке. Потерпевший должен быть уведомлен еще в ходе предварительного расследования о заключении с обвиняемым соглашения о сотрудничестве. Поскольку эта деятельность является официальной, то ему должно быть предоставлено право знакомиться с соответствующими документами, однако при этом необходимо соблюсти условия, обеспечивающие безопасность обвиняемого, заключившего соглашение. На наш взгляд, все это может быть сделано в уведомительном порядке, без выяснения мнения потерпевшего, но у последнего имеется право в рамках ст. 123 УПК РФ обжаловать данное решение, в том числе и в суд.

---

¹ *Александров А.С.* ФЗ-141 принят, что дальше? // Досудебное соглашение о сотрудничестве (правовые и криминалистические проблемы). Воронеж: Изд-во Воронежского гос. ун-та, 2010. С. 12.

² *Александров А.С., Александрова И.А.* Соглашение о досудебном сотрудничестве со следствием: правовая сущность и вопросы толкования норм, входящих в главу 40.1 УПК РФ // Уголовный процесс. 2009. № 8. С. 10.

³ *Кухта К.И., Махов В.Н.* Правовой статус жертвы преступления (потерпевшего) в уголовном процессе США. М.: Юрлитинформ, 2008. С. 48, 56, 116, 117.

Кроме того, устанавливая процедуру заключения соглашения о сотрудничестве, законодатель вовлек в нее достаточно большое число лиц. Это предполагает, что следователь, принимая решение по поступившему ходатайству о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве, должен учесть все обстоятельства дела, включая показания потерпевшего и его позицию. Решение следователя о заключении соглашения должен поддерживать (или отвергнуть) руководитель следственного органа. И, наконец, само соглашение о сотрудничестве заключается прокурором, призванным осуществлять надзор за соблюдением законности в процессуальной деятельности органов следствия, в том числе за соблюдением в ходе расследования прав и законных интересов потерпевшего. Эти требования вытекают из норм УПК РФ и отчасти содержатся в ведомственном нормативном акте, регламентирующем указанную деятельность прокурора¹. Представляется, что если все указанные лица будут исходить из необходимости обеспечения прав и законных интересов потерпевшего, то спорных ситуаций в правоприменении удастся избежать.

Остановимся еще на одном из аспектов обеспечения прав и законных интересов потерпевшего при рассмотрении уголовного дела судом первой инстанции.

Среди проблем, затронутых учеными-процессуалистами и юристами-практиками в связи с исследованием правового статуса потерпевшего в уголовном судопроизводстве, обращают на себя внимание предпринимающиеся в юридической литературе попытки рассмотреть проблему участия потерпевшего в решении вопросов, связанных с исполнением приговора². До недавнего времени она не фигурировала в научных работах, в том числе монографического характера, посвященных потерпевшему как участнику уголовного судопроизводства и судебной деятельности при исполнении приговора³. Причина – отсутствие в уголовно-процессуальном законе нормы, которая предусматривала бы возможность участия потерпевшего в судебных заседаниях по вопросам исполнения приговора. Это и побудило нас рассмотреть данную проблематику в настоящем параграфе.

Если учитывать специфику законных интересов потерпевшего как участника уголовного процесса, вряд ли можно игнорировать основанный на конституционных (ст. 52 Конституции РФ) и уголовно-процессуальных (ст. 6, 42, 44, 292, 318, 354, 365, 376, 402, 407 УПК РФ) нормах тезис, со-

---

¹ Приказ Генерального прокурора РФ от 15 марта 2010 г. № 107 «Об организации работы по реализации полномочий прокурора при заключении с подозреваемыми (обвиняемыми) досудебных соглашений о сотрудничестве по уголовным делам» // Законность. 2010. № 6. С. 35.

² Подробнее см.: *Николюк В.В., Синенко С.А.* Потерпевший в стадии исполнения приговора // Уголовное право. 2012. № 6. С.79-86.

³ См., напр.: *Рябцева Е.В.* Исполнение приговора в уголовном процессе России. Ростов н/Д, 2007; *Грицай О.В.* Исполнение приговора в части имущественных взысканий: процессуальная сущность, основания и порядок: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Самара, 2007; *Николаев Е.М.* Восстановление прав и законных интересов потерпевших в уголовном судопроизводстве. М., 2010; *Тулянский Д.В.* Стадия исполнения приговора в уголовном судопроизводстве. М., 2010; *Дубровин В.В.* Возмещение вреда от преступлений в уголовном судопроизводстве. М., 2011.

гласно которому потерпевший от преступления заинтересован, во-первых, в соразмерном содеянному наказании обвиняемого (подсудимого), во-вторых, в полной компенсации причиненного преступлением ущерба. Отсюда следует вывод: на всем протяжении уголовного судопроизводства потерпевший для защиты своих прав и отстаивания законных интересов должен быть наделен соответствующими процессуальными правами, а на органы и должностных лиц, осуществляющих уголовно-процессуальную деятельность в связи с совершением преступления, должна быть возложена обязанность обеспечить реализацию потерпевшим имеющихся у него прав, создать условия для отстаивания им законных интересов.

Данный тезис нашел удачное отражение в п. 11 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 29 июня 2010 г. № 17, где разъяснено: «Потерпевшему, его представителю, законному представителю на любом этапе уголовного судопроизводства должна быть предоставлена возможность довести до сведения суда свою позицию по существу дела и те доводы, которые он считает необходимыми для ее обоснования. При этом следует учитывать доводы потерпевшего по вопросам, которыми затрагиваются его права и законные интересы, и дать им мотивированную оценку при принятии судебного решения»¹.

Таким образом, исходя из общих нормативных предписаний, регулирующих участие потерпевшего в уголовном процессе, нет никаких формальных препятствий для того, чтобы признать потерпевшего участником уголовного судопроизводства на этапе рассмотрения судом вопросов, связанных с исполнением приговора. Предпосылки к этому возникают в связи с тем, что:

– потерпевший заинтересован не только в назначении справедливого (соразмерного содеянному) наказания подсудимому, но и в фактическом применении к нему наказания;

– при появлении обстоятельств, дающих основание в судебном порядке «смягчить участь» осужденного путем предоставления отсрочки исполнения приговора, условно-досрочного освобождения от отбывания наказания, изменения вида исправительного учреждения, назначенного по приговору суда, осужденному к лишению свободы, замены неотбытой части наказания более мягким видом наказания, освобождения от наказания в связи с болезнью, потерпевшему, как правило, безразлично применение судом к осужденному соответствующих «льгот» в исполнении наказания;

– при удовлетворении гражданского иска, заявленного по уголовному делу потерпевшим, и возложении на осужденного обязанности выплатить в пользу потерпевшего определенную в приговоре сумму, интересы потерпевшего напрямую затрагиваются, если суд примет решение предоставить отсрочку или рассрочку выплаты денежной компенсации;

– потерпевшие обращаются в суды с заявлениями о возможности рассмотрения в порядке ст. 399 УПК РФ вопроса об индексации денежной суммы, взысканной в их пользу по приговору суда²;

---

¹ Бюллетень Верховного Суда РФ. 2010. № 9. С. 23.

² В первоначальном варианте проекта постановления Пленума Верховного Суда РФ «О применении судами законодательства, регулирующего исполнение приговора» во-

– в ситуациях, когда потерпевшему не возвращены принадлежащие ему вещи, предметы, документы, которые приобщены к уголовному делу в качестве вещественных доказательств, он заинтересован в принятии судом решения о судьбе таких вещественных доказательств в порядке, предусмотренном ст. 397, 399 УПК РФ.

Следует обратить внимание и на то, что Рекомендация № К (85) 11 Комитета министров Совета Европы «О положении потерпевшего в рамках уголовного права и процесса» в качестве одного из принципов рассматривает необходимость уделять больше внимания потребностям потерпевшего на всех этапах уголовного процесса, в том числе на стадии исполнения судебных актов¹.

С учетом необходимости урегулирования ситуаций, возникающих в судебной практике в связи с необходимостью обеспечения участия потерпевшего в стадии исполнения приговора, в рамках подготовки проекта постановления Пленума о применении норм УПК РФ, регулирующих исполнение приговора, в перечень вопросов, который направлялся во все суды субъектов Федерации для проработки, Верховным Судом РФ был включен следующий вопрос: «*В каких случаях суды извещают потерпевшего о месте, дате и времени рассмотрения ими вопросов, связанных с исполнением приговора? Направляется ли потерпевшему копия принятого судом постановления?*». Приведем несколько характерных ответов, поступивших из разных судов.

1. В практике судов г. Москвы потерпевший извещается о месте, дате и времени рассмотрения связанных с исполнением приговора вопросов в случаях: когда они затрагивают его интересы (например, определение размера и распределение судебных издержек, если эти вопросы не получили разрешения в приговоре суда; при рассмотрении вопросов, касающихся гражданского иска, если потерпевший признан гражданским истцом). В судах г. Москвы сформировалась также позиция, в соответствии с которой потерпевший вправе обратиться с ходатайством о разъяснении сомнений и неясностей при исполнении приговора. При этом его извещают о месте, дате и времени судебного заседания, направляют копию постановления суда. В других случаях, как правило, вопрос об извещении потерпевшего решается усмотрением суда, поскольку УПК РФ (ч. 2 ст. 299) не предусматривает обязательный вызов потерпевшего в судебное заседание для рассмотрения вопросов, связанных с исполнением приговора. По ходатайству потерпевшего ему может быть направлена копия постановления².

2. Суды Магаданской области исходят из следующего: «Отсутствие в ст. 399 УПК РФ положений об участии потерпевшего по уголовному делу в

прос об индексации денежной суммы, взысканной в пользу потерпевшего от преступления по приговору суда (абз. 2 п. 23), включался в перечень сомнений и неясностей, предусмотренных п. 15 ст. 397 УПК РФ, однако в ходе доработки проекта постановления был исключен.

¹ Защита прав человека и борьба с преступностью: сб. документов Совета Европы. 2-е изд., доп. М., 2005. С. 172.

² Справка по результатам изучения практики применения судами г. Москвы норм, регулирующих исполнение приговора (главы 46 и 47 УПК РФ) // Архив Верховного Суда РФ за 2010 г.

судебном заседании при рассмотрении вопросов, связанных с исполнением приговора, о предоставлении потерпевшему права высказать и обосновать свою позицию, не означает умаление гарантий его права на судебную защиту. Поэтому потерпевший извещается о месте, дате и времени рассмотрения вопросов, связанных с исполнением приговора, лишь в том случае, если разрешается вопрос, затрагивающий его интересы.

Например, в Магаданский областной суд с заявлением об отсрочке исполнения приговора Магаданского областного суда от 17 июля 2003 г. в части взыскания морального вреда в размере 500 000 руб. в пользу потерпевшей обратился осужденный, который просил принять решение об отсрочке исполнения приговора на четыре месяца. Потерпевшая одновременно являлась гражданским истцом по делу, ей направлена копия заявления осужденного, и она извещена о дате и времени рассмотрения заявления осужденного. После рассмотрения судом заявления потерпевшей направлены копия постановления судьи, копия его кассационной жалобы.

Также потерпевший извещается судом первой инстанции и в случае рассмотрения судами вопросов разъяснения сомнений и неясностей при исполнении приговора в части, касающейся судьбы вещественных доказательств, принадлежащих потерпевшему, выдаче дубликата исполнительного листа в пользу потерпевшего в связи с утратой исполнительного листа. При рассмотрении таких вопросов, как условно-досрочное освобождение от наказания, о продлении испытательного срока, о возложении на осужденного дополнительных обязанностей, о зачете времени содержания под стражей потерпевший не извещался и копии принятых судами решений ему не направлялись»¹.

3. Суды Воронежской области извещают потерпевшего о месте, дате и времени рассмотрения вопросов, связанных с исполнением приговора, и направляют ему копию принятого постановления в случае, если: потерпевший являлся гражданским истцом; в пользу потерпевшего с осужденного были взысканы денежные средства².

4. Суды Саратовской области не извещают потерпевших о месте, дате и времени рассмотрения вопросов, связанных с исполнением приговоров³.

5. В судах Московской области сложилась практика извещения потерпевших о месте и времени рассмотрения вопросов, связанных с исполнением приговоров в части гражданских исков. Копии постановлений по результатам рассмотрения таких вопросов всегда направляются потерпевшим⁴.

---

¹ Итоговая справка по изучению практики применения судами Магаданской области в 2010 г. норм уголовно-процессуального закона, регулирующих исполнение приговора (главы 46 и 47 УПК РФ) // Архив Верховного Суда РФ за 2010 г.

² Справка по результатам изучения практики применения судами Воронежской области в 2010 г. норм, регулирующих исполнение приговора (главы 46 и 47 УПК РФ) // Там же.

³ Практика применения судами Саратовской области норм, регулирующих исполнение приговора (главы 46 и 47 УПК РФ): аналитическая справка // Там же.

⁴ Справка по результатам изучения практики применения судами Московской области норм, регулирующих исполнение приговора (главы 46 и 47 УПК РФ) // Там же.

6. По мнению Верховного суда Республики Калмыкия, Верховному Суду РФ целесообразно дать разъяснение о возможности рассмотрения материалов в порядке исполнения приговора в отсутствие потерпевшего по делу либо об обеспечении его явки в судебное заседание для изложения суду своей позиции по заявленному ходатайству. Необходимость такого разъяснения обусловлена отсутствием у судов единого подхода к данному вопросу, поскольку анализ практики разрешения подобных ходатайств свидетельствует о том, что суды, как правило, извещают потерпевших о назначении судебного заседания в случаях обращения осужденных с заявлением о предоставлении отсрочки либо рассрочки исполнения приговора в части имущественного взыскания и направляют им копии постановления для сведения¹.

Как видно из приведенных ответов судов и конкретных примеров, на практике, за некоторыми исключениями, сложился единообразный подход к трактовке общих нормативных положений, регулирующих порядок разрешения вопросов, связанных с исполнением приговора и предусматривающих извещение о дате, времени и месте судебного заседания заинтересованных лиц, учреждений и органов (ч. 2 ст. 399 УПК РФ). Суды буквально толкуют данную норму, которая не обязывает их извещать потерпевшего о рассмотрении любого из вопросов, указанных в ст. 397 УПК РФ. И только когда потерпевший заявлял по уголовному делу гражданский иск и был признан гражданским истцом, а также при условии, что вопрос касается исполнения приговора в части гражданского иска, в судебное заседание может быть вызван гражданский истец.

Имея в своем распоряжении подробную информацию о сложившейся в стране практике в части привлечения судами потерпевших к участию в судебных заседаниях по вопросам исполнения приговора, Пленум Верховного Суда РФ, принимая 20 декабря 2011 г. Постановление «О практике применения судами законодательства об исполнении приговора», отреагировал на нее следующим образом: в круг лиц, могущих ходатайствовать о разъяснении в соответствии с п. 15 ст. 397 УПК РФ сомнений и неясностей, возникающих при исполнении приговора, включен потерпевший (п. 23)². Других разъяснений об участии потерпевшего в стадии исполнения приговора данное постановление не содержит, с чем можно согласиться, если учитывать, что разъяснения Пленума Верховного Суда РФ даны в отношении существующих норм УПК РФ.

В рамках обсуждения проблемы усиления процессуальной роли потерпевшего в решении вопросов, связанных с исполнением приговора, Л.В. Брусницын придерживается точки зрения, согласно которой потерпевший, если руководствоваться п. 9 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 29 июня 2010 г. № 17, вправе получить копии не только тех документов, которые перечислены в п. 13 ч. 2 ст. 42 либо указаны в иных

---

¹ Справка Верховного суда Республики Калмыкия от 28 сентября 2011 г. № 1-7-1/250 // Архив Верховного Суда РФ за 2011 г.

² Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 20 декабря 2011 г. № 21 «О практике применения судами законодательства об исполнении приговора» // Российская газета. 2011. 30 декабря.

статьях УПК РФ, но и других документов, если они затрагивают его интересы. «Относится ли приведенное разъяснение, – пишет ученый, – к постановлениям, выносимым в рамках производства по рассмотрению и разрешению вопросов, связанных с исполнением приговора (глава 47 УПК РФ)? Относится, если данные постановления затрагивают интересы потерпевшего». По мнению автора, таковыми являются постановления суда по результатам рассмотрения вопросов: об изменении вида исправительного учреждения осужденному к лишению свободы; об условно-досрочном освобождении осужденного; о замене неотбытой части наказания более мягким видом наказания и ряда других вопросов (п. 3–9, 16, 17 и 19 ст. 397 УПК РФ). В частности, постановления, выносимые по результатам рассмотрения вопросов, указанных в п. 3–5 ст. 397 УПК РФ, корректируют назначенное осужденному наказание, и потерпевший, независимо от того, было ли им наказание, назначенное по приговору суда, воспринято как справедливое или нет, вправе высказать мнение о возможности его корректировки и привести мотивы своего мнения... Такая трактовка разъяснения, данного в п. 9 постановления, – рассуждает далее Л.В. Брусницын, – согласуется с позицией Пленума Верховного Суда РФ, выраженной в п. 11 постановления (потерпевшему на любом этапе уголовного судопроизводства должна быть предоставлена возможность довести до суда свою позицию по существу дела и те доводы, которые он считает необходимыми для ее обоснования). Согласно п. 52 ст. 5 УПК РФ суд, рассматривающий уголовное дело «по существу», – это суд первой инстанции. Однако сведение смысла приведенного разъяснения к тому, что потерпевший имеет право довести свою позицию лишь до суда первой инстанции, абсурдно. Значит, ключевыми, позволяющими правильно определить смысл данного разъяснения, являются слова о том, что потерпевшему должно быть предоставлено указанное право на «любом этапе» судопроизводства. Один из таких этапов – производство в рамках главы 47 УПК РФ»¹.

Данный подход к пониманию сути разъяснения положений, содержащихся в п. 9 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 29 июня 2010 г. № 17, внешне выглядит безупречным с формальной точки зрения. Но здесь же возникает вопрос: для чего потерпевшему должна направляться копия судебного постановления по результатам рассмотрения представлений и ходатайств в соответствии с п. 3–5 ст. 397 УПК РФ? Ответ кажется очевидным: потерпевший, получив копию постановления судьи, вправе обжаловать его на основании ст. 401 УПК РФ. «Так как согласно ст. 401 УПК РФ на постановление суда, вынесенное при разрешении вопросов, связанных с исполнением приговора, – отмечают Ю.А. Рябцов и А.В. Гричаниченко, – могут быть поданы жалоба или представление в кассационном порядке, установленном главами 43 и 45 УПК РФ, то в соответствии с ч. 4 ст. 354 УПК РФ потерпевший также вправе обжаловать данное судебное решение»².

---

¹ Брусницын Л.В. Участие потерпевшего в уголовном процессе: какие сложности для правоприменителей создали разъяснения Пленума Верховного Суда РФ // Уголовный процесс. 2011. № 2. С. 72.

² Рябцов Ю.А., Гричаниченко А.В. Об участии потерпевших при решении вопросов, связанных с исполнением приговора // Уголовное судопроизводство. 2012. № 2. С. 26.

Однако в литературе существует и иная трактовка круга субъектов права на обжалование судебных решений в стадии исполнения приговора. Так, анализируя практику условно-досрочного освобождения от наказания, С. Улицкий обращает внимание на то, что при рассмотрении в судебном заседании таких дел «...участники процесса не обсуждают вопрос о виновности или невиновности осужденного, не предлагают правовую оценку совершенного им преступления, не высказывают соображения, какое наказание нужно назначить виновному. Поэтому здесь нет сторон, нет обвинителя и защиты. И если статья 246 УПК РФ говорит об обязательном участии в судебном разбирательстве обвинителя, то часть 6 ст. 399 УПК РФ устанавливает, что в судебном заседании вправе участвовать прокурор. Часть 4 ст. 399 УПК РФ говорит не о защитнике, а об адвокате. Следовательно, решая вопрос о субъектах права на обжалование постановлений по вопросам условно-досрочного освобождения, нельзя руководствоваться перечнем жалобщиков, указанным в ст. 354 УПК РФ: там закон предполагает совершенно иные правоотношения. Что же из этого следует? Пожалуй, только то, что по смыслу ст. 399 и 401 УПК РФ право внести представление на постановление суда об условно-досрочном освобождении либо об отказе в нем имеет прокурор, а обжаловать такие постановления могут администрация исправительного учреждения – когда суд освободил осужденного вопреки ее мнению, и сам осужденный – когда суд в освобождении отказал»¹. Потерпевший, таким образом, не включается в круг субъектов права на обжалование постановлений суда, вынесенных по результатам рассмотрения ходатайства осужденного об условно-досрочном освобождении.

Следуя логике рассуждений С. Улицкого, потерпевший не является субъектом права на обжалование судебных постановлений и во всех других случаях, предусмотренных ст. 397 УПК РФ. О.В. Воронин также полагает, что постановления суда, вынесенные при рассмотрении вопросов, связанных с исполнением приговора, могут быть обжалованы лишь осужденным, представителем органа или учреждения, исполняющего наказание, прокурором².

Надлежит констатировать, что в изученной практике не встретилось случаев проверки кассационной инстанцией³ постановлений суда об условно-досрочном освобождении от отбывания наказания, изменении вида исправительного учреждения, назначенного по приговору суда, осужденному к лишению свободы, о замене неотбытой части наказания более мягким видом наказания, об освобождении от наказания в связи с болезнью.

Поэтому существующие формулировки норм, регулирующих право потерпевшего на обжалование (п. 19 ч. 2 ст. 42, п. 4 ст. 354, ст. 401 УПК РФ), неоднозначны и прямо не называют его в числе субъектов права на обжалование постановлений суда, вынесенных в порядке ст. 399 УПК РФ.

---

¹ Улицкий С. Новые вопросы в практике условно-досрочного освобождения // Российская юстиция. 2004. № 2. С. 51.

² Производство по рассмотрению и разрешению вопросов, связанных с условно-досрочным освобождением. Томск, 2004. С. 161.

³ В связи с изменениями, произошедшими в законодательстве, отметим, что здесь идет речь о практике, сложившейся до 1 января 2013 г. О том, какие тенденции возникнут в правоприменении после внесения в закон корректировок, говорить еще рано.

В процессуальной литературе обосновывается и предложение о предоставлении потерпевшему права участвовать в разрешении вопросов, связанных с исполнением приговора, а также определить его процессуальный статус в связи с непосредственным участием в судебном заседании, назначаемым в соответствии со ст. 397, 399 УПК РФ.

Так, по мнению председателя Новгородского областного суда Ю.А. Рябцова и судьи этого же суда А.В. Гричаниченко, при решении вопросов об условно-досрочном освобождении осужденного от отбывания наказания или при замене ему оставшейся неотбытой части наказания более мягким видом наказания права потерпевших непосредственно затрагиваются, они имеют личную заинтересованность, связанную с необходимостью защиты личной безопасности от возможных угроз со стороны осужденного или обеспечения возмещения причиненного преступлением материального ущерба. Авторы полагают целесообразным внести в УПК РФ следующие изменения:

– ч. 6 ст. 399 УПК РФ дополнить словом «потерпевший», изложив в следующей редакции: «В судебном заседании вправе участвовать прокурор, потерпевший»;

– ст. 399 УПК РФ дополнить ч. 6¹ следующего содержания: «В случае, когда в судебном заседании участвует потерпевший, он вправе знакомиться с представленными в суд материалами, участвовать в их рассмотрении, заявлять ходатайства и отводы, давать объяснения, представлять документы»¹.

В связи с данным предложением представляет интерес правовая позиция Конституционного Суда РФ, выраженная им в определении от 3 апреля 2007 г. № 330-0-0. Она заключается в следующем: отсутствие в ст. 399 УПК РФ положений об участии потерпевшего по уголовному делу в судебном заседании при рассмотрении вопроса об условно-досрочном освобождении осужденного, о предоставлении потерпевшему права высказать и обосновать свою позицию не означает умаление гарантий его права на судебную защиту и права требовать возмещения причиненного ущерба как после принятия судом решения об условно-досрочном освобождении и от отбывания наказания, так и после исполнения предусмотренного приговором наказания. Кроме того, участие потерпевшего в решении вопроса об условно-досрочном освобождении осужденного противоречило бы правовой природе и целям наказания, исполнение которого может зависеть от волеизъявления потерпевшего². Если более широко трактовать данную правовую позицию Конституционного Суда РФ, то надо прийти к заключению: участие потерпевшего в судебной процедуре, установленной ст. 399 УПК РФ, не предусмотрено, и в этом нет практической целесообразности, поскольку позиция потерпевшего не имеет правового значения при разрешении вопросов, связанных с исполнением приговора. Здесь же отметим, что и позиция

---

¹ *Рябцов Ю.А., Гричаниченко А.В.* Об участии потерпевших при решении вопросов, связанных с исполнением приговора // Уголовное судопроизводство. 2012. № 2. С. 27.

² *Еникеев З.Д., Васильева Е.Г., Шагеева Р.М. и др.* Вопросы уголовного судопроизводства в решениях Конституционного Суда Российской Федерации. М., 2011. С. 407.

потерпевшего в части назначения наказания подсудимому, выраженная им в судебных прениях, необязательна для суда (ст. 292 УПК РФ).

Проведенный нами анализ уголовно-процессуального законодательства, профильных постановлений Пленума Верховного Суда РФ, судебной практики и научных публикаций, касающихся участия потерпевшего в рассмотрении судом первой инстанции вопросов, связанных с исполнением приговора, позволяет сделать несколько выводов.

Во-первых, международные правовые стандарты, отечественное уголовно-процессуальное законодательство и правовые позиции Верховного Суда РФ создают надлежащие условия для реализации потерпевшим права на судебную защиту и возмещение причиненного преступлением ущерба на всех этапах уголовного судопроизводства, включая стадию исполнения приговора.

Во-вторых, нормы уголовно-процессуального законодательства (ч. 2 ст. 399 УПК РФ), разъяснения Пленума Верховного Суда РФ (п. 11 Постановления от 29 июня 2010 г. № 17, п. 23 Постановления от 20 декабря 2011 г. № 21) гарантируют потерпевшему возможность довести до сведения суда свою позицию по вопросам исполнения приговора в части имущественных взысканий в возмещении причиненного ему преступлением ущерба, возврата принадлежащих потерпевшему и имеющих ценность материальных объектов, которые приобщены к уголовному делу в качестве вещественных доказательств.

В-третьих, при рассмотрении судом ходатайств и представлений об отсрочке исполнения приговора, условно-досрочном освобождении от отбывания наказания, изменении вида исправительного учреждения, назначенного по приговору суда, осужденному к лишению свободы, о замене неотбытой части наказания более мягким видом наказания, об освобождении от наказания в связи с болезнью законодатель не придает позиции потерпевшего правового значения, что обусловило отсутствие в УПК РФ норм об извещении потерпевшего о дате, времени и месте судебного заседания по указанным вопросам и, соответственно, об участии в нем потерпевшего.

В-четвертых, обобщение судебной практики показывает, что при рассмотрении в порядке ст. 399 УПК РФ вопросов, касающихся исполнения приговора в части гражданского иска, потерпевший, признанный по уголовному делу гражданским истцом, извещается судом о дате, времени и месте судебного заседания. Ему также направляется копия постановления по результатам рассмотрения этих вопросов. Кроме того, суды принимают к рассмотрению в порядке ст. 399 УПК РФ ходатайства потерпевших: о возврате принадлежащих им и приобщенных к уголовному делу вещественных доказательств; о компенсации процессуальных издержек, когда эти вопросы не решены в приговоре; о замене стороны взыскателя (гражданского истца) по гражданскому иску; об определении учреждения, обязанного компенсировать судебные издержки. Отдельные суды рассматривают по правилам ст. 399 УПК РФ ходатайства гражданских истцов об индексации денежной суммы, взысканной в их пользу по пригово-

ру суда¹. В связи с этим п. 22 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 20 декабря 2011 г. № 17 целесообразно дополнить данными вопросами.

В-пятых, предложения отдельных ученых и юристов-практиков о дополнении ст. 399 УПК РФ нормативными предписаниями, обеспечивающими доступ потерпевшего к участию в судебных заседаниях, предметом которых является рассмотрение ходатайств и представлений об отсрочке исполнения приговора, условно-досрочном освобождении от отбывания наказания, изменении вида исправительного учреждения, назначенного по приговору суда, осужденному к лишению свободы, о замене неотбытой части наказания более мягким видом наказания, об освобождении от наказания в связи с болезнью, не учитывают правовую природу уголовного наказания и характер оснований его корректировки на стадии исполнения приговора, поэтому не могут быть нами поддержаны.

§ 2. Обеспечение прав и законных интересов потерпевшего при пересмотре судебных решений

С 1 января 2013 г. посредством внесения изменений в УПК РФ² существенно изменен порядок судебно-контрольной деятельности. Настоящая новелла имеет концептуальный характер, очевидно, поэтому законодатель отвел значительный промежуток времени на подготовку к ее реальному воплощению, применил поэтапную процедуру вступления законодательных установлений в силу. Следует отметить, что полную и всестороннюю оценку произошедшим изменениям можно будет дать только по прошествии определенного промежутка времени, в ходе которого сформируется практика применения указанных положений, будут выявлены достоинства и недостатки, в том числе нормотворческого характера. Представляется, что на сегодняшний день было бы неправильным делать какие-то значимые обобщения, касающиеся данной сферы³, однако некоторые суждения, которые сформировались у нас посредством изучения нормативного регулирования, анализа мнений ученых и практикующих юристов, высказанных в ходе обсуждения предстоящих изменений незначительного объема, но уже

---

¹ В судебной практике применяется как гражданский процессуальный, так и уголовно-процессуальный порядок принятия судом решения об индексации денежной суммы, взысканной в пользу потерпевшего по судебному приговору. Данный вопрос был предметом дискуссии в рамках подготовки Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 20 декабря 2011 г. № 21 и нуждается в специальном рассмотрении. См. об этом: *Николюк В., Синенко С.* Порядок индексации денежной суммы, взысканной в пользу потерпевшего приговором // *Уголовное право.* 2013. № 2. С.110-113.

² Федеральный закон от 29 декабря 2010 г. № 433-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных законодательных актов (положений законодательных актов) Российской Федерации» (в ред. от 5 июня 2012 г.) // *Собрание законодательства РФ.* 2011. № 1. Ст. 45.

³ Подобную оговорку делают большинство авторов, занимающихся исследованием настоящих вопросов. И это, на наш взгляд, оправдано. См., напр.: *Азаров В.А., Константинова В.А.* Промежуточные решения суда первой инстанции при осуществлении правосудия по уголовным делам: монография. М.: Юрлитинформ, 2013. С. 163.

сформировавшейся практики, можно уже высказать. Мы пойдем именно этим путем, не забывая, что предметом нашего исследования является обеспечение прав и законных интересов лиц, потерпевших от преступления.

Большинство авторов положительно оценивают нововведения с точки зрения состояния правового регулирования и преемственности, причем как новые проверочные процедуры в целом, так и отдельные их составные части, но при этом обращают внимание и на некоторые недостатки, предлагают альтернативы¹. Так, Ю.А. Ляхов подчеркивает, что «апелляция в уголовном судопроизводстве, несомненно, демократический институт. Она представляет заинтересованным гражданам и государству возможность обоснованной реальной проверки вынесенного судом первой инстанции приговора, внесение в него обоснованных исправлений. ... Введение апелляции, как и совершенствование других проверочных стадий российского уголовного процесса, несомненно, – необходимый шаг на пути повышения эффективности деятельности судов и усиление гарантий прав личности в уголовном процессе»². А.Н. Артамонов и В.В. Кальницкий отмечают, что в основе апелляционного производства, которое осуществляется с 1 января 2013 г., лежит ранее действующий порядок апелляции, применявшийся в отношении приговоров и постановлений мирового судьи. Вместе с тем такое производство вобрало в себя отдельные черты кассации и «представляет собой (если исходить из традиционных представлений) апелляцию с элементами кассации (или кассацию с элементами апелляции). Точную меру тех и других составляющих выявит анализ предстоящей практики»³. В равной степени можно говорить о том, что современная кассация вобрала в себя черты бывшего надзорного производства.

В юридической литературе отмечается, что в нормативной регламентации нового кассационного производства видится стремление законодателя четче отграничить его от апелляции, по-новому определив предмет кассационного производства, пределы притязаний сторон, содержание процессуальной деятельности, пределы суда кассационной инстанции. Все это направлено на усиление принципа правовой определенности⁴.

Таким образом, несмотря на кардинальное изменение общего порядка судебно-надзорной деятельности, принципиально отличающихся проце-

---

¹ *Быков В.М.* Каким быть суду второй инстанции в уголовном судопроизводстве? // Российская юстиция. 2011. № 2. С. 39; *Потапов В.* Кассационное и надзорное производство: общее и особенное в контексте законодательных новелл от 29 декабря 2010 г. // Уголовное право. 2011. № 2. С. 99-102; *Аширбекова М.Т., Омарова А.С.* Новая кассация в призме действия принципа правовой определенности // Российская юстиция. 2012. № 6. С. 62; *Ляхов Ю.А.* Введение апелляции в уголовном судопроизводстве России – усиление гарантий правосудия // Российская юстиция. 2011. № 10. С. 23; *Азаров В.А., Константинова В.А.* Промежуточные решения суда первой инстанции при осуществлении правосудия по уголовным делам. С. 164-165.

² *Ляхов Ю.А.* Введение апелляции в уголовном судопроизводстве России – усиление гарантий правосудия. С. 23, 25.

³ *Артамонов А.Н., Кальницкий В.В.* Новый порядок апелляционного производства в российском уголовном процессе // Законодательство и практика. 2011. № 1. С. 61.

⁴ *Аширбекова М.Т., Омарова А.С.* Новая кассация в призме действия принципа правовой определенности // Российская юстиция. 2012. № 6. С. 62.

дур в ходе реформирования законодательства предложено не было, но, тем не менее, имеется ряд новых, не существовавших ранее законодательных положений. Их мы и посчитали необходимым рассмотреть.

Но прежде хотим сделать две оговорки. Во-первых, несколько раньше подобная схема контрольно-судебной деятельности была введена в действие в гражданском процессе¹. При этом уже обозначились некоторые ее слабые стороны². Их можно было бы учесть, вводя в действие новые процедуры в уголовное судопроизводство, тем более, что в еще не вступившие в силу законоустановления от 29 декабря 2010 г. вносились некоторые изменения. Это – во-вторых.

На сегодняшний день апелляция является единственным порядком пересмотра не вступивших в законную силу решений нижестоящих судов. Она, как и ранее, имеет значительное сходство с производством по уголовному делу в суде первой инстанции, но законодателем сохранены и существенные различия между этими производствами. Отчасти они усовершенствованы. С позиции обеспечения прав и законных интересов потерпевшего, в первую очередь, считаем необходимым обозначить ряд новых положений уголовно-процессуального законодательства, которые, по нашему мнению, должны быть оценены положительно.

Законодателем введен в оборот ряд превентивных (если их так можно назвать) норм, побуждающих суд в процессе выполнения процедурных правил обеспечивать защищенность прав участников апелляционного производства, в том числе прав и законных интересов потерпевшего. В соответствии с ч. 2 ст. 389.11 УПК РФ стороны должны быть извещены о месте, дате и времени заседания суда апелляционной инстанции не позднее чем за семь суток до его начала. Действовавшее ранее законодательство такой процедуры не устанавливало, что могло повлечь оставление в неведении потерпевшего или, что имело место чаще, предоставление ему ограниченных возможностей для подготовки к предстоящему судебному заседанию. Более того, предусмотрено возвращение уголовного дела в суд первой инстанции в случаях неизвещения участников процесса о принесенных жалобах и представлении. В дореформенный период на этот счет имелись всего лишь рекомендации Верховного Суда РФ для судов второй инстанции обращать внимание на выполнение этих процедурных правил³. Механизм же исправления таких недостатков ни законом, ни руководящими постановлениями высшего судебного органа не предусматривался.

---

¹ Федеральный закон от 9 декабря 2010 г. № 353-ФЗ «О внесении изменений в Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2010. № 50. Ст. 6611.

² См., напр.: *Афанасьев С.Ф.* Применение принципа запрета поворота к худшему в гражданском процессе // *Российская юстиция.* 2011. № 7. С. 21-24; *Парфирьев Д.Н.* Эффективное надзорное производство в гражданском процессе: быть или не быть? // *Российская юстиция.* 2011. № 10. С. 34-37.

³ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23 декабря 2008 г. № 28 «О применении норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регламентирующих производство в судах апелляционной и кассационной инстанций» // *Бюллетень Верховного Суда РФ.* 2009. № 3. С. 2.

В определенной степени современный порядок апелляционного производства усилен положениями, позволяющими участникам судопроизводства, в том числе и потерпевшему, более эффективно отстаивать свои интересы. Так, в части 4 ст. 389.13 УПК РФ, касающейся порядка осуществления судебного следствия, указано, что в подтверждение или опровержение доводов, приведенных в апелляционной жалобе, стороны вправе представлять дополнительные материалы. В юридической литературе отмечается, что понятие «дополнительные материалы» ранее апелляционному производству известно не было, этот элемент заимствован из кассационного производства¹, хотя возможность представления суду апелляционной инстанции новых или дополнительных материалов существовала и ранее. По крайней мере, она вытекала из логики законодательного регулирования и допускалась содержанием п. 14 Постановления Пленума Верховного Суда РФ «О применении норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регламентирующих производство в судах апелляционной и кассационной инстанций». Законодательное закрепление такой возможности, на наш взгляд, следует рассматривать как укрепление гарантий прав личности и, в частности, обеспечения доступа к правосудию.

Обратим внимание на те положения закона, которые, по нашему мнению, нуждаются в совершенствовании. Не вполне удачным видится предписание ч. 4 ст. 389.8 УПК РФ, точнее, вторая часть содержащегося здесь текста, где говорится, что в дополнительной жалобе потерпевшего, поданной по истечении срока обжалования, не может быть поставлен вопрос об ухудшении положения осужденного, а также лица, в отношении которого прекращено уголовное дело, если такое требование не содержалось в первоначальной жалобе. Во-первых, это предписание входит в некоторое противоречие с положением ст. 389.24 УПК РФ, являющейся в данной сфере нормой общего характера. Во-вторых, стремление законодателя таким образом сформулировать процедуру понятно. Он не желает создавать неожиданных ситуаций при рассмотрении уголовного дела судом апелляционной инстанции. Однако с учетом правовой грамотности нашего населения, невозможности для большинства потерпевших получать бесплатную квалифицированную юридическую помощь вполне допустимо, что будут иметь место ошибки при подаче апелляционной жалобы. Часть из них, как следует из рассматриваемого предписания, исправить не удастся. Нам представляется, что в таких случаях можно было бы пойти даже на отложение судебного заседания с целью предоставления стороне защиты времени для подготовки к судебному заседанию, но интересы потерпевшего не ущемлять.

В современном апелляционном производстве, по нашему мнению, несколько усилены ревизионные начала. Так, в части 1 ст. 389.19 УПК РФ указано, что при рассмотрении уголовного дела суд апелляционной инстанции не связан доводами жалобы или представления и вправе проверить производство по уголовному делу в полном объеме. Законодательного установления в такой редакции ранее не существовало, хотя некоторые эле-

---

¹ Артамонов А.Н., Кальницкий В.В. Новый порядок апелляционного производства в российском уголовном процессе // Законодательство и практика. 2011. № 1. С. 62.

менты ревизионного начала закон содержал. Способствовал их реализации на практике и Верховный Суд РФ¹. Однако в ч. 2 ст. 389.19 УПК РФ говорится, что если по уголовному делу осуждено несколько лиц, а апелляционная жалоба или представление принесены только одним из них либо в отношении некоторых из них, суд апелляционной инстанции вправе проверить уголовное дело в отношении всех осужденных. Ревизионное начало, элементы которого имели место и в дореформенном законодательстве, также было построено на этой позиции, то есть производство по делу можно было проверить в отношении всех осужденных. Но почему же при этом законодатель не обозначает, что суд может проверить уголовное дело в полном объеме в целях обеспечения прав всех потерпевших? Причина, очевидно, та же, какую мы и указывали выше, – приоритет защищенности прав и интересов обвиняемого перед правами и интересами потерпевшего.

Некоторые из законодательных новелл на сегодняшний день однозначно оценить невозможно или затруднительно. Например, на страницах юридической литературы уже обозначилась дискуссия, в ходе которой предлагается конкретизировать законодательные требования к содержанию апелляционной жалобы и, в частности, вменить заявителю в обязанность приводить в жалобе развернутые доводы, обоснования допущенных судом первой инстанции нарушений. Ю.А. Ляхов, отстаивая такую точку зрения, аргументирует ее опасностью злоупотребления правом на апелляцию, созданием почвы для сутяжничества, волокиты². Опасения автора нам понятны. Но, с другой стороны, не ограничит ли это возможность потерпевшего отстаивать свои интересы? Как мы отмечали выше, в отличие от осужденного, у него нет права на получение бесплатной квалифицированной юридической помощи, а поэтому изложить жалобу так, как это предлагается, будет слишком затруднительным или даже невозможным.

Считаем, что пока рано говорить о значении для обеспечения прав и законных интересов потерпевшего нового положения, отраженного в ч. 7 ст. 389.13 УПК РФ. Речь идет о полномочии суда с согласия сторон рассматривать апелляционную жалобу без проверки доказательств, которые были исследованы судом первой инстанции. По мнению ряда авторов, это своего рода особый порядок рассмотрения уголовного дела применительно к апелляции, точнее, его фрагмент, поскольку он распространяется на имеющиеся в деле доказательства, а не исследование новых сведений. При этом в правоприменении возможны различные варианты³. Надеемся, что складывающаяся судебная практика позволит точнее определиться в вопросе о том, является ли такая процедура благом для потерпевшего.

Кассационное производство в современном уголовном процессе является одной из форм пересмотра вступивших в силу судебных решений. Его порядок регламентируется гл. 47.1 УПК РФ и вобрал в себя многие

---

¹ Пункт 11 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23 декабря 2008 г. № 28 «О применении норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регламентирующих производство в судах апелляционной и кассационной инстанций».

² Ляхов Ю.А. Введение апелляции в уголовном судопроизводстве России – усиление гарантий правосудия // Российская юстиция. 2011. № 10. С. 24.

³ Артамонов А.Н., Кальницкий В.В. Новый порядок апелляционного производства в российском уголовном процессе // Законодательство и практика. 2011. № 1. С. 63.

черты ранее действовавшего надзорного производства. При его рассмотрении мы так же, как и ранее, акцент сделаем на нововведениях законодателя, которые прямо или косвенно влияют на обеспечение прав и законных интересов потерпевшего.

В первую очередь обратим внимание на те законодательные положения, которые, на наш взгляд, могут положительно влиять на обеспечение прав потерпевшего.

Законодателем установлены правила извещения лиц, участвующих в деле, о передаче кассационной жалобы, представления для рассмотрения в судебном заседании суда кассационной инстанции (ст. 401.12 УПК РФ). При этом указано, что такие извещения направляются лицам, интересы которых затрагиваются жалобой или представлением. Кроме того, эти лица должны быть извещены о дате, времени и месте рассмотрения уголовного дела, причем не позднее 14 суток до начала судебного заседания. Такое правоустановление, с одной стороны, можно оценить положительно. Например, потерпевший от преступления, не будучи осведомленным о подаче кассационной жалобы, вправе рассчитывать на то, что ему станет известно не только об этом, но и о предстоящем судебном заседании. Это позволит, в частности, принять участие в суде кассационной инстанции, тем более, что круг участников здесь достаточно широк. Но, с другой стороны, настораживает фраза «лицам, интересы которых затрагиваются жалобой». Она позволяет правоприменителю определять круг таких лиц на основе собственного усмотрения, а оно не всегда может быть в пользу потерпевшего. Мы не исключаем ситуации, когда потерпевший может оказаться в списке лиц, чьи интересы не затрагиваются жалобой.

Действующее уголовно-процессуальное законодательство устанавливает обязательность ведения в суде кассационной инстанции протокола судебного заседания. Ранее такое правило не существовало ни применительно к кассационному, ни в отношении надзорного производства. Эта деятельность носит удостоверительный характер, что позволяет участникам судопроизводства не только принести замечания на данный протокол (ч. 10 ст. 401.13 УПК РФ), но и использовать его при необходимости последующего обжалования судебных решений.

Законодателем расширен перечень решений суда кассационной инстанции. Особо отметим то, что теперь в результате рассмотрения уголовного дела суд кассационной инстанции вправе отменить приговор, определение или постановление суда и все последующие судебные решения и вернуть дело прокурору (п. 3 ч. 1 ст. 401.14, ч. 3 ст. 401.15 УПК РФ). Необходимость в законодательном закреплении такого варианта судебного решения, в том числе в целях обеспечения прав и законных интересов потерпевшего, неоднократно высказывалась представителями уголовно-процессуальной науки¹.

---

¹ См., напр.: *Рамазанов Т., Гаджирамазанова П., Бегова Д.* Обеспечение прав потерпевшего при возвращении уголовного дела прокурору // *Уголовное право.* 2011. № 5. С. 100-104; *Божьев В.П.* Пленум Верховного Суда России о производстве в суде надзорной инстанции // *Законность.* 2007. № 4. С. 19; *Корнуков В., Сотсков С.* Допускает ли ст. 237 УПК РФ возможность дополнительного расследования по уголовному делу? // *Уголовное право.* 2003. № 3. С. 71-72; *Лисафьева О.Б.* Возвращение уголовного дела

Анализ теста закона позволил нам обозначить предписания, которые могут в большей или меньшей степени сдерживать обеспечение прав и законных интересов потерпевшего.

Обращает на себя внимание изложение в целом позиции законодателя по вопросу о возможности поворота к худшему при пересмотре судебного решения, вступившего в силу. Статья 405 УПК РФ именовалась «Недопустимость поворота к худшему при пересмотре судебного решения в порядке надзора». Статья 401.6 УПК РФ поименована «Поворот к худшему при пересмотре приговора, определения, постановления суда в кассационной инстанции». Представляется, что второй вариант более точен, поскольку законодателем такой поворот допускается. Однако в первом случае само название нормы предполагало исключительность этого решения. Сейчас такое ощущение потеряно, хотя ознакомление с текстом этой статьи свидетельствует о том, что оно имеет место.

Весьма абстрактной представляется формулировка оснований для поворота к худшему при пересмотре судебного решения в кассационном порядке. Исходя из содержания ст. 401.6 УПК РФ, таковыми являются повлиявшие на исход дела нарушения закона, искажающие саму суть правосудия и смысл судебного решения как акта правосудия. Ранее основаниями для принятия рассматриваемого решения были допущенные фундаментальные нарушения уголовно-процессуального закона, повлиявшие на законность приговора, определения или постановления суда, при этом в ч. 3 ст. 405 УПК РФ законодатель указывал, что к фундаментальным нарушениям относятся нарушения уголовно-процессуального закона, которые повлекли за собой постановление приговора незаконным составом суда или вынесение вердикта незаконным составом коллегии присяжных заседателей, а равно лишили участников уголовного судопроизводства возможности осуществления прав, гарантированных законом, на справедливое судебное разбирательство на основе принципа состязательности и равноправия сторон либо существенно ограничили эти права, если такие лишения или ограничения повлияли на законность приговора, определения или постановления суда.

Это законоустановление также не было безупречным. В юридической литературе указывалось на некорректность отдельных выражений, содержащихся в нем. Например, существовал вопрос о том, почему фундаментальные нарушения – это лишь те, которые допущены в ходе судебного разбирательства? В судебной практике имели место случаи, когда надзорная инстанция исправляла ошибки, совершенные в ходе досудебного производства. Было неясным, почему в расчет должны приниматься фундаментальные нарушения исключительно уголовно-процессуального закона и не учитываться отступления, например, от уголовного законодательства. Имели место и иные замечания¹. Но основной смысл содержания рассматриваемой нормы все-таки сводился к проверке законности, обоснованности,

---

прокурору в системе уголовного судопроизводства России: дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2010. С. 127.

¹ См., напр.: Комментарий к уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / науч. ред. В.Т. Томиц, М.П. Поляков. М., 2012. С. 1054-1055.

справедливости приговора, т.е. тех неотъемлемых качеств, которыми он должен обладать (ст. 297 УПК РФ). Более того, слова «законность» и «справедливость» содержались в рассматриваемом тексте.

Содержание ст. 401.6 УПК РФ выглядит совершенно иначе. Оно не конкретизировано, что явно не приведет к его единообразному пониманию и применению. Более того, в нем есть большая доля, отданная на усмотрение правоприменителя, что также может негативно сказаться на обеспечении прав участников уголовного судопроизводства и, в частности, потерпевших. Считаем необходимым также обратить внимание на то, что это предписание не очень удачно корреспондирует с основаниями отмены или изменения судебного решения, изложенными в ст. 401.15 УПК РФ.

Все это будет происходить на сохраненном законодателем двухэтапном рассмотрении жалобы, что может еще больше усугубить ситуацию. Первоначально судья, изучающий кассационную жалобу, может заблокировать ее рассмотрение судом, не усмотрев в ней указаний на нарушения, искажающие саму суть правосудия. Затем это может сделать суд кассационной инстанции.

И еще об одном в рамках данного вопроса. Ранее действующее законодательство не предусматривало возможность обжалования решения судьи, принятое на первоначальном этапе рассмотрения надзорной жалобы. Нет таких указаний и в действующем законе. Тем самым создается барьер для отстаивания потерпевшим своих интересов. Ранее он был не столь значимым, поскольку применялся в надзорном порядке, которому могли предшествовать апелляция и кассация. Сегодня он более реальный – возникает сразу после вступления судебного решения в силу. На наш взгляд, определенный отсев рассматриваемых жалоб необходим. Это позволит не перегружать судебную систему и не подвергать пересмотру судебные решения без достаточных к тому оснований. Именно в этом видится ценность рассматриваемых законодательных предписаний¹, но при этом не следует забывать о весьма значимом правиле – не навреди. Поэтому потенциал контроля за рассматриваемым решением судьи, по нашему мнению, должен существовать.

Допустимость обжалования рассматриваемого решения судьи заинтересованными лицами, как мы отмечали выше, не предусмотрена, однако в ч. 3 ст. 401.8 УПК РФ указано, что председатель Верховного Суда РФ, его заместитель вправе не согласиться с постановлением судьи Верховного Суда РФ и передать кассационную жалобу для рассмотрения в судебное заседание. Возникают вопросы: почему это возможно только в Верховном Суде РФ? И почему руководители Верховного Суда РФ «вправе не согласиться»? М.Т. Аширбекова обоснованно по этому поводу указывает, что обозначенные субъекты не вправе, а обязаны при незаконности и необоснованности такого рода отказа своим властным решением обеспечить реализацию прав заинтересованных участников процесса на обжалование приговора или

---

¹ Комментарий к уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / науч. ред. В.Т. Томин, М.П. Поляков. М., 2012. С. 1049.

иногo судебного решения¹. Остается также вопрос о том, кто (или что) будет поводом для проверки обоснованности решения, принятого судьей кассационной инстанции.

Надеемся, что эти вопросы станут предметом тщательного научного исследования.

Ранее мы указывали на не вполне удачную попытку законодателя привнести ревизионные начала в апелляционный порядок пересмотра судебных решений. Такой же вывод из анализа положений ст. 401.16 УПК РФ можно сделать и в отношении кассационного производства.

Мы не можем пока однозначно оценить с позиции обеспечения прав и законных интересов потерпевшего то обстоятельство, что сегодня в содержание процессуальной деятельности сторон и суда кассационной инстанции не входит проверка приговора и иных судебных решений по фактическим основаниям. В действующей кассации «содержание процессуальной деятельности заключается в пересмотре правовой оценки фактических обстоятельств дела, установленных судом в приговоре или ином решении. При этом правовая оценка установленных фактических обстоятельств, даже если потребность в ней возникает после вступления приговора в законную силу, не требует проверки доказательств»². С точки зрения принципа правовой определенности такой подход выглядит логичным. И он будет оказывать положительное влияние на обеспечение прав участников судопроизводства, но, на наш взгляд, в первую очередь на обеспечение прав осужденного. Что же касается потерпевшего, то здесь имеются определенные сомнения. В первую очередь они связаны с качеством рассмотрения уголовных дел судом первой и апелляционной инстанций. Как известно, там не все благополучно, а поэтому положения нового закона дают нам основание для вывода о том, что имеет место определенное ограничение свободы обжалования судебных решений, и в частности по предмету (обжалуются только вопросы права).

Единственной надзорной инстанцией в настоящее время является Президиум Верховного Суда РФ, рассматривающий исключительно дела, прошедшие апелляцию в этом же суде. Это позволяет констатировать, что судебный надзор является функцией исключительно Верховного Суда РФ и другими судебными органами осуществляться не может³. При этом законодатель исключил из компетенции Верховного Суда РФ полномочия по рассмотрению уголовных дел в первой инстанции.

В. Потапов указывает, что введенные законодателем новеллы позволяют ставить вопрос если не о практически полном, то, во всяком случае, конвенциональном тождестве кассационной и надзорной процедур проверки окончательных судебных решений⁴. Это касается, в первую очередь, предмета проверки и, в частности, того, что и в кассационном, и в надзор-

---

¹ Аширбекова М.Т., Омарова А.С. Новая кассация в призме действия принципа правовой определенности // Российская юстиция. 2012. № 6. С. 63.

² Там же.

³ Дикарев И.С. Судебный надзор в уголовном процессе: проблемы новой правовой регламентации // Российская юстиция. 2011. № 3. С. 27.

⁴ Потапов В. Кассационное и надзорное производство: общее и особенное в контексте законодательных новелл от 29 декабря 2010 г. // Уголовное право. 2011. № 2. С. 99.

ном производстве проверяется исключительно законность обжалуемых судебных решений, а не их фактическое содержание. Не могут эти решения стать предметом проверки и посредством ревизионного начала деятельности кассационного или надзорного суда. Практически идентичны порядок подачи жалобы, формальные и содержательные требования к жалобам или представлениям, сроки пересмотра, основания изменения или отмены судебных решений и другие моменты. При определении правил поворота к худшему в надзорном порядке законодатель в ч. 2 ст. 412.9 УПК РФ отсылает к правилам, предусмотренным для кассационной инстанции, подвергнутым нами выше критическому осмыслению. Поэтому все сказанное нами относительно кассационного производства можно в значительной степени отнести и к надзорному.

Таким образом, *законодательные новеллы, устанавливающие процедуру судебно-надзорной деятельности, могут оказать как позитивное, так и негативное влияние на обеспечение прав и законных интересов потерпевшего в уголовном судопроизводстве. Такова наша предварительная оценка, которая, несомненно, будет подвергаться теоретическому осмыслению и проверке практикой. Мы умышленно не формулировали каких-либо предложений по совершенствованию этой части законодательства, поскольку считаем это преждевременным, но надеемся, что научные изыскания в этой области будут продолжены.*

§ 3. Механизм обеспечения прав и законных интересов потерпевшего по уголовным делам частного обвинения

Ранее, в частности, при рассмотрении проблематики обеспечения прав и законных интересов потерпевшего в стадии возбуждения уголовного дела в суде первой инстанции, мы отмечали, что имеет место специфика осуществления этой деятельности применительно к делам частного обвинения. На это обращают внимание и другие авторы¹. Рассмотрим детально эти вопросы.

Производство по делам данной категории, как подсказывает логика построения уголовного процесса, должно распадаться на две составные части: досудебное и судебное производство, однако уже в этом концептуальном вопросе отсутствует полная ясность. В соответствии с п. 9 ст. 5 УПК РФ досудебное производство – это та часть уголовного судопроизводства, которая осуществляется с момента получения сообщения о преступлении до направления прокурором уголовного дела в суд для рассмотрения его по существу. Указанное определение применительно к делам частного обвинения может быть использовано лишь в случаях, предусмотренных ч. 4 ст. 20, равно как и ч. 3 ст. 318 УПК РФ. В этих ситуациях решение о возбуждении уголовного дела принимает руководитель следственного органа, следователь, а также с согласия прокурора дознаватель, и дальнейшее про-

---

¹ Божьев В. Усиление процессуальных мер по обеспечению потерпевшему доступа к правосудию // Законность. 2007. № 7. С. 2-6.

изводство по нему осуществляется в общем порядке¹. Но в указанных правовых нормах обозначено исключение из общего правила. Что же касается общего порядка возбуждения уголовного дела частного обвинения и его дальнейшего движения, то здесь определение, изложенное в п. 9 ст. 5 УПК РФ, использовано быть не может уже по той причине, что заявление о преступлении сразу поступает в суд.

Определение судебного производства в УПК РФ не содержится. Однако, если исходить из композиции уголовно-процессуального законодательства и, в частности, наименования части третьей УПК РФ «Судебное производство», ее структуры, содержания, то можно сделать вывод, что это производство по делу начинается с момента его поступления от прокурора в суд и решения вопросов, связанных с подготовкой к судебному заседанию. Но такое понимание применительно к делам частного обвинения также неприемлемо. Кроме причины, указанной выше (поступление заявления непосредственно в суд), здесь имеется и иная – до решения вопросов, связанных с назначением судебного заседания, судья должен выполнить комплекс иных действий, значительная часть которых связана с обеспечением прав и законных интересов потерпевшего, но не предполагающих рассмотрение самого дела по существу.

Тем не менее, в производстве по делам частного обвинения прослеживается наличие двух относительно самостоятельных частей. Одна из них начинается с момента поступления заявления о преступлении в суд, другая – с момента решения вопроса о назначении судебного заседания. Относительно последней, ее наименование «судебное производство» в принципе возражений не вызывает. Оно в целом, но не в частностях ассоциируется с общим пониманием судебного производства. Что же касается первой, то ее место в системе уголовного процесса остается не выясненным. При этом есть определенные сомнения в том, чтобы именовать эту часть досудебной.

Изложенное выше суждение общего характера будет необходимо нам для рассмотрения конкретных вопросов обеспечения прав и законных интересов потерпевших при производстве по делам частного обвинения. И первый из них – какова процедура возбуждения уголовных дел рассматриваемой категории?

Анализ правовых норм, входящих в данный правовой институт, показал, что, несмотря на многократные попытки реформирования, они весьма лаконичны, непоследовательны и противоречивы. Неясности законодательного регулирования рассматриваемой уголовно-процессуальной деятельности, как отмечает Д. С. Кротков, начинаются с предписаний, содержащихся в ч. 1 ст. 318 УПК РФ, где говорится, что по общему правилу уголовные дела о преступлениях, указанных в ч. 2 ст. 20 УПК РФ, возбуждаются в отношении конкретного лица путем подачи заявления в суд потерпевшим или его законным представителем².

---

¹ Поэтому такие ситуации не будут предметом нашего рассмотрения в настоящем параграфе.

² Кротков Д.С. Уголовно-процессуальные решения и субъекты их принятия в стадии возбуждения уголовного дела: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2011. С. 160.

Буквальное понимание отдельно взятого правового предписания «уголовные дела... возбуждаются путем подачи жалобы» (ч. 1 ст. 318 УПК РФ) позволяет считать, что принять решение о начале производства по уголовному делу может любое лицо, которому преступным деянием причинен вред, но такое толкование не согласуется с общей концепцией уголовного судопроизводства.

Длительное время законодатель развивает стадию возбуждения уголовного дела как самостоятельный этап уголовного процесса, поэтому значимость акта возбуждения производства по уголовному делу в теории определяется тем, что он выступает своего рода гарантией от необоснованного вовлечения личности в сферу уголовного судопроизводства¹. В связи с этим, на наш взгляд, является неправильным переложить решение вопроса о начале уголовно-процессуального производства на любых граждан, тем более, что значительная часть из них не в состоянии дать правовую оценку деянию, а следовательно, определить наличие (или отсутствие) оснований для принятия рассматриваемого решения.

Следует иметь в виду, что дела частного обвинения возбуждаются в отношении конкретного лица (ч. 1 ст. 318 УПК РФ), что, по мнению ряда авторов, означает начало его уголовного преследования². Отсутствие в заявлении потерпевшего квалификации деяния представляет преследование беспредметным с юридической точки зрения.

Мнение о том, что производство по уголовному делу частного обвинения, согласно ч. 1 ст. 318 УПК РФ, возбуждается лицом, потерпевшим от преступления, теряет категоричность при анализе иных законодательных установлений. В части 2 ст. 20 УПК РФ говорится, что дела данной категории «возбуждаются не иначе как по заявлению потерпевшего...». Подобная формулировка имеет место в ч. 1 ст. 147 УПК РФ. При сопоставлении можно обнаружить, что эти формулировки имеют иной смысл, нежели фраза «путем подачи заявления» (ч. 1 ст. 318 УПК РФ).

Текст УПК РФ содержит и прямое опровержение того, что уголовное дело частного обвинения возбуждается путем подачи заявления потерпевшим в суд. Пункт 1.1 ч. 1 ст. 319 УПК РФ определяет, что если поданное заявление о преступлении не отвечает предъявляемым требованиям, то мировой судья отказывает в его принятии к своему производству и направляет это заявление руководителю следственного органа или начальнику органа дознания для решения вопроса о возбуждении уголовного дела. Подобные правила действуют и в других ситуациях, например, если заявление подано в отношении лица, указанного в ст. 447 УПК РФ (ч. 2 ст. 319 УПК РФ), при установлении мировым судьей признаков преступления, не указанного в ч. 2 ст. 20 УПК РФ (ч. 6 ст. 319 УПК РФ) и др. Если, как предписано в ч. 1

---

¹ Советский уголовный процесс. М.: Юрид. лит., 1984. С. 130; *Крюков В.Ф.* Прокурорский надзор на стадии возбуждения уголовного дела: проблемы и решения // Адвокат. 2007. № 4. С. 33; Уголовный процесс: учеб. для вузов / под ред. Б.Б. Булатова, А.М. Баранова. М., 2012. С. 204.

² *Муравьев К.В.* Возбуждение уголовного дела в отношении лица: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2005. С. 11-12; *Вольнская О.В.* Прекращение уголовного дела и уголовного преследования: теоретические и организационно-правовые проблемы: монография. М.: ЮНИТ-ДАНА; Закон и право, 2007. С. 64.

ст. 318 УПК РФ, уголовное дело уже возбуждено самим фактом подачи заявления потерпевшим, то непонятно, почему судья отказывает в принятии заявления, направляет его в соответствующий орган, который, в свою очередь, должен повторно решить вопрос о возбуждении производства по делу. Правильнее было бы использовать иную терминологию: «передача уголовного дела по подследственности, прекращение дела» и т.п.

Изложенное выше позволяет утверждать, что *момент возбуждения производства по уголовному делу частного обвинения и субъект принятия данного решения законодателем четко не определены. В тексте УПК РФ содержится ряд предписаний по этому поводу, которые противоречат друг другу. Это явно не способствует обеспечению прав и законных интересов лица, потерпевшего от преступления, и прежде всего, на этапе его вовлечения в уголовно-процессуальную деятельность.*

Последнее обстоятельство нами было рассмотрено в главе, посвященной вопросам участия потерпевшего в первоначальной стадии уголовного судопроизводства. Напомним, там мы отстаивали позицию о том, что правовым статусом потерпевшего лицо необходимо наделять на самых ранних этапах, в частности, в момент подачи заявления о преступлении. Надеемся, что правильность такого суждения еще раз подтверждена. При таком понимании, как нам представляется, не будут выглядеть странными положения закона о том, что уголовное дело возбуждается путем подачи заявления потерпевшим, потерпевший обладает правом поддержания обвинения, в том числе и в суде, включая случаи отказа от обвинения государственного обвинителя¹ и др. Более того, усилится роль, значимость потерпевшего в уголовном судопроизводстве, что является весьма желательным.

Однако изложенным выше не исчерпываются все проблемы, связанные с производством по делам частного обвинения.

Законодателем не определено, кто и когда будет давать первоначальную юридическую оценку деянию, по поводу которого подано заявление потерпевшим. Одни ученые предлагают эту обязанность возложить на потерпевшего (частного обвинителя). Так, В. В. Дорошков считает, что помимо требований к заявлению, содержащихся в УПК РФ, в нем должна указываться статья УК, по которой предлагается квалифицировать действия лица, совершившего уголовно наказуемое деяние². Представляется, что возложение такой обязанности на лиц, не просвещенных в юриспруденции, было бы неправильным. Отсутствие необходимых юридических знаний у граждан, необеспеченность населения бесплатной юридической помощью не могут и не должны быть причиной ограничения их доступа к правосудию.

Осуществление квалификации деяния мировым судьей также не безупречно, поскольку при этом он будет выполнять действия, не входящие

---

¹ Подробнее об этом см.: *Ибрагимов И.М.* Концептуальные проблемы законодательного расширения правомерных возможностей защиты прав потерпевшего // *Российская юстиция.* 2012. № 11. С. 52-56.

² *Дорошков В.В.* Руководство для мировых судей. Дела частного обвинения. М.: Норма, 2001. С. 79.

в функцию разрешения уголовного дела, то есть, как считают некоторые авторы, войдет в противоречие с принципом состязательности¹.

Уголовно-процессуальная наука и правоприменительная практика на основе осмысления указанных выше коллизий закона предложили несколько подходов к применению права. Одна группа ученых полагает, что поданное мировому судье заявление является поводом для возбуждения дела частного обвинения. Основанием же являются содержащиеся в заявлении достаточные данные, указывающие на совершение преступления. С учетом наличия (отсутствия) повода и основания судья принимает одно из следующих решений:

- о принятии заявления о преступлении к своему производству (что не требует письменного оформления);

- об отказе в принятии заявления к своему производству².

Другие авторы считают, что заявление потерпевшего по делу частного обвинения, в отличие от дела публичного обвинения, – это не только повод, но и основание для привлечения лица, в отношении которого оно подано, к судебному уголовному преследованию. Уголовное дело рассматриваемой категории считается возбужденным с момента вынесения мировым судьей постановления о принятии к своему производству заявления потерпевшего. Такую деятельность судьи нельзя считать проявлением обвинительной функции³.

На страницах юридической литературы можно встретить и менее аргументированные суждения. Так, А.П. Рыжаков, не приводя каких-либо доказательств, отмечает, что уголовное дело частного обвинения считается возбужденным с момента вынесения мировым судьей решения о принятии заявления к своему производству⁴.

Указанные подходы в применении права объединяет то, что в качестве отправной точки производства по делу рассматривается решение судьи, а не факт подачи заявления. Этот же подход воспринят и правоприменителями. Так, 68,2 % опрошенных нами мировых судей полагают, что решение о возбуждении уголовного дела частного обвинения должно быть отнесено к компетенции судьи. При этом с учетом позиции по данному вопросу Конституционного Суда РФ они не считают эту деятельность проявлением уголовного преследования. Не отрицают легитимности такого подхода, хотя

---

¹ См., напр.: *Куссмауль Р.* Институт частного обвинения нуждается в преобразовании // Российская юстиция. 2002. № 11. С. 42; *Дикарев И.С.* Реализация принципа состязательности при возбуждении уголовных дел частного обвинения // Пятьдесят лет кафедре уголовного процесса УрГЮА (СЮИ). Екатеринбург: УрГЮА, 2005. Ч. 1. С. 257-260.

² Курс уголовного судопроизводства: учеб.: в 3 т. / под ред. В.А. Михайлова. Т. 2: Досудебное и судебное производство. М.: Изд-во Московского психолого-социального ин-та; Воронеж: МОДЭК, 2006. С. 677.

³ Комментарий к уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / науч. ред. В.Т. Томин, М.П. Поляков. 6-е изд., перераб. и доп. М., 2012. С. 869-870.

⁴ *Рыжаков А.П.* Уголовный процесс: учеб. для вузов. М.: НОРМА, 2003. С. 523-524.

отмечают наличие некоторых сомнений 21,2 % мировых судей. Подобные результаты были получены и другими исследователями¹.

Изучение материалов уголовных дел позволило выявить интересные в этом плане примеры. Так, в постановлениях о принятии заявления к своему производству содержались следующие фразы: «Гр. _____ обратился в суд с заявлением...», «Принять к своему производству заявление _____ о привлечении к уголовной ответственности _____ по ч. _____ ст. _____ УК РФ...»². Представляется, что если бы судья буквально толковал ч. 1 ст. 318 УПК РФ, то эти фразы выглядели бы следующим образом: «Рассмотрев уголовное дело, возбужденное частным обвинителем в отношении...», «Принять уголовное дело к своему производству...» и т.п. Кроме того, по 32,7 % изученных нами материалов в заявлениях отсутствовала правовая оценка деяния. Поэтому судьи сами определяли квалификацию преступления и обозначали ее в соответствующих постановлениях.

Такой подход и нам представляется привлекательным, поэтому возникает вопрос: почему бы законодателю не воспринять его и не закрепить положение о том, что производство по уголовному делу частного обвинения начинается с принятия решения судьей о его возбуждении, тем более, что такая процедура в отечественном судопроизводстве одно время существовала? При этом судья определял бы и квалификацию деяния. Однако законодатель не пошел этим путем. На то есть свои причины. Связаны они с переходом уголовного судопроизводства в режим состязательности, при котором возбуждение уголовного дела судом выглядит как выполнение функции обвинения, а это противоречит указанному принципу. Обращалось внимание на это обстоятельство и Конституционным Судом РФ³. В то же время высший орган конституционного надзора имел особую позицию относительно возбуждения уголовного дела частного обвинения. Она неоднократно озвучивалась, например, в Постановлении Конституционного Суда РФ от 14 января 2000 г. указано, что возбуждение судом уголовных дел частного обвинения по жалобе потерпевшего имеет иной юридический смысл, чем возбуждение уголовных дел публичного обвинения. Возбуждение судом уголовного дела признано Конституционным Судом РФ, имеющим соответствующий конституционный нормам смысл только в той части, в какой оно относится к особому, предусмотренному ст. 27 УПК РСФСР институту возбуждения уголовных дел частного обвинения по жалобе потерпевшего.

Изложенное позволяет констатировать, что, несмотря на отсутствие принципиальных возражений Конституционного Суда РФ по поводу возбуждения уголовного дела частного обвинения мировым судьей, современный законодатель не принял это во внимание и использовал иной подход,

¹ Кротков Д.С. Уголовно-процессуальные решения и субъекты их принятия в стадии возбуждения уголовного дела: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2011. С. 164.

² См., напр.: Уголовные дела №№ 1-35/10, 1-71/11, 1-82/11, 1-24/12, 1-51/12 // Архив судебного участка № 2 Нижегородского района г. Н. Новгорода.

³ Постановление Конституционного Суда РФ от 28 ноября 1996 г. № 19-П «По делу о проверке конституционности статьи 418 УПК РСФСР в связи с запросом Каратузского районного суда Красноярского края» // Собрание законодательства РФ. 1996. № 50 Ст. 5679.

который, на наш взгляд, и привел к существованию рассматриваемого здесь противоречия.

Следует отметить, что и высшим судебным органом по данному вопросу не выработано четкой позиции. Так, в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 29 июня 2010 г. «О практике применения судами норм, регламентирующих участие потерпевшего в уголовном судопроизводстве» не обозначено, когда и кем возбуждается уголовное дело рассматриваемой категории. Вместе с тем в тексте документа использованы формулировки, имеющие место в УПК РФ, например, «возбуждение уголовного дела ... производится не иначе как по заявлению потерпевшего или его законного представителя», которые мы приводили ранее и которые ясности в исследуемый нами вопрос не вносят.

Представителями уголовно-процессуальной науки выработаны различные подходы к разрешению этих вопросов. Одни авторы считают, что говорить о наличии возбужденного дела можно только в связи с принятием заявления мировым судьей к своему производству¹. Тогда неясной становится правовая природа действий мирового судьи при установлении оснований для отказа в возбуждении уголовного дела. Другие – оценивают существующий порядок возбуждения дел частного обвинения как «попытку завуалировать реальное содержание процедуры судопроизводства»². Высказываются предложения о привнесении в эту деятельность элементов гражданского судопроизводства. Так, О.С. Головачук предлагает для того, чтобы не смешивать два отдельных основания, препятствующих принятию мировым судьей заявления о преступлении к своему производству (при несоответствии его требованиям закона и при наличии оснований для отказа в возбуждении уголовного дела), воспользоваться положениями, имеющими место в ГПК РФ, об оставлении заявления без движения³.

По нашему мнению, *если указанную проблему разрешать с позиции обеспечения прав и законных интересов потерпевшего, правом принимать решение о начале уголовно-процессуального производства по делу частного обвинения целесообразно наделить судью*. Это позволит продуктивнее решать иные задачи, например, связанные с квалификацией деяния, необходимостью передачи материалов по подведомственности и др.

Чтобы рассматриваемая деятельность судьи на уровне терминологии отождествлялась с возбуждением уголовного дела, ее можно именовать иначе, например, принятие заявления по делу частного обвинения к своему производству.

Другая неясность, порожденная формулировкой ч. 1 ст. 318 УПК РФ, касается процессуального статуса лица, обратившегося с заявлением к мировому судье. Ее мы рассматривали в главе, посвященной обеспечению прав и законных интересов лица, пострадавшего от преступления, в стадии

---

¹ Кротков Д.С. Уголовно-процессуальные решения и субъекты их принятия в стадии возбуждения уголовного дела: дис. ... канд. юрид. наук. С. 176.

² См., напр.: Орлова А. Производство по делам частного обвинения // Российская юстиция. 2001. № 4. С. 39.

³ Головачук О.С. Процедура возбуждения уголовных дел частного обвинения по УПК РФ // Пятьдесят лет кафедре уголовного процесса УрГЮА (СЮИ). Екатеринбург: УрГЮА, 2005. Ч. 1. С. 191.

возбуждения уголовного дела, поэтому считаем избыточным еще раз выражать свою точку зрения по этому вопросу. Но предложения по совершенствованию законодательства в этой части сформулируем в конце настоящего параграфа.

С учетом того, что мы условно обозначили в рассматриваемой деятельности досудебный и судебный этапы, считаем необходимым обратиться к определению их содержания и, в первую очередь, содержания деятельности мирового судьи по поступившему заявлению до решения вопроса о назначении судебного заседания по данному уголовному делу.

Следует отметить, что попытки сделать это в теории уголовного процесса предпринимались. Рассматривая изъятия, имеющие место в деятельности мирового судьи по делам частного обвинения, А.Н. Кандалина обращает внимание на особенности: возбуждения дела; процессуального статуса сторон; процедуры досудебного и судебного производства, а также прекращения производства по уголовному делу¹.

А.П. Рыжаков обозначает следующие этапы деятельности судьи на этой стадии: 1) разъяснение прав частному обвинителю и составление об этом протокола; 2) оказание содействия сторонам в собирании доказательств; 3) вызов подсудимого и разъяснение ему прав, отображение об этом подписки; 4) разъяснение сторонам возможности примирения; 5) принятие решения о назначении судебного заседания или прекращении уголовного дела в связи с примирением сторон².

Н.Н. Ковтун и А.А. Юнусов, на наш взгляд, более обстоятельно подошли к изучению данного вопроса. В качестве «рабочей» модели своего исследования они использовали следующую систему действий и решений мирового судьи и сторон, наполняющих рассматриваемую стадию и процессуальный порядок конкретным содержанием:

- принятие и изучение формы и содержания заявления потерпевшего (его законного представителя) с копиями по числу лиц, участвующих в деле; предупреждение заявителя об ответственности за заведомо ложный донос;

- (вариант): возвращение данного заявления потерпевшему с указанием мирового судьи об устранении выявленных нарушений его содержания или формы и установлением предельного срока для этого;

- принятие заявления потерпевшего к своему производству (отказ в его приеме);

- разъяснение прав и обязанностей частного обвинителя, выяснение возможности примирения с обвиняемым;

- получение устных объяснений от частного обвинителя о сути возможных ходатайств: по оказанию помощи в истребовании необходимых доказательств; принятии мер обеспечения иска; меры пресечения в отношении обвиняемого и т.п.;

---

¹ Кандалина А.Н. Рассмотрение уголовных дел мировым судьей: теоретические и практические аспекты: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2006. С. 19.

² Рыжаков А.П. Уголовный процесс: учеб. для вузов. М., 2003. С. 525.

- разрешение этих ходатайств по существу, посредством направления различного рода запросов, истребования необходимых документов и т.п. (отказ в удовлетворении заявленных ходатайств);

- вызов лица, в отношении которого подано заявление; ознакомление его с материалами дела; вручение копии заявления; выяснение возможности примирения; разъяснение прав и обязанностей. Как вариант: направление копии указанного заявления обвиняемому по почте, с разъяснением соответственно прав, обязанностей и порядка примирения с потерпевшим;

- выяснение у данного лица перечня доказательств, которые могут быть представлены с его стороны; оказание содействия в получении доказательств; выяснение возможных ходатайств с его стороны; их разрешение по существу;

- принятие решения о примирении сторон или вынесение постановления о назначении судебного разбирательства¹.

Такие позиции были высказаны в 2003 и 2005 гг. С учетом произошедших изменений в законе, авторского видения этого вопроса, на наш взгляд, структура досудебной части производства по делам частного обвинения должна выглядеть следующим образом:

1) получение заявления о преступлении. Эта деятельность состоит не только в приеме заявления, но и выполнении отдельных процессуальных процедур. В частности, заявитель должен быть предупрежден об уголовной ответственности за заведомо ложный донос, ему разъясняется право на примирение с лицом, в отношении которого подано заявление (ч. 6 ст. 318 УПК РФ);

2) рассмотрение и разрешение заявления о преступлении. В рамках данного этапа, по нашему мнению, судья должен проверить соответствие поданного заявления требованиям п. 4 ч. 5 ст. 318 УПК РФ, дать правовую оценку обстоятельствам, изложенным в нем, принять решение о дальнейшем производстве по этому факту. Итоговыми здесь являются следующие решения: принятие заявления к своему производству (что, по сути, и означает возбуждение уголовного дела); передача заявления по подследственности (когда, например, в заявлении не указано лицо, совершившее деяние, заявление не соответствует требованиям п. 4 ч. 5 ст. 318 УПК РФ, заявление подано в отношении лица, указанного в ст. 447 УПК РФ);

3) оказание содействия сторонам в собирании доказательств, разъяснение прав и обязанностей участникам судопроизводства, применение в необходимых случаях отдельных мер процессуального принуждения.

Относительно судебного производства по делам рассматриваемой категории считаем необходимым отметить следующее. Во-первых, последовательность действий здесь является, если можно так сказать, классической. Она включает в себя:

1) принятие решения о назначении судебного заседания или прекращении уголовного дела в связи с примирением сторон;

2) выполнение подготовительных действий к предстоящему судебному заседанию;

---

¹ Ковтун Н.Н., Юнусов А.А. Процессуальная форма подготовки дел частного обвинения к судебному разбирательству у мирового судьи: проблемы теории и практики. Нижнекамск, 2005. С. 22-26.

3) осуществление собственно судебного разбирательства.

Состояние нормативного регулирования и реализация норм в рамках двух последних пунктов из этой последовательности у представителей уголовно-процессуальной науки и правоприменительной практики особых вопросов не вызывает, хотя они имеются, и в первом параграфе настоящей главы мы рассматривали отдельные проблемные ситуации, возникающие при рассмотрении уголовного дела судом первой инстанции. В некоторой степени они касаются и дел частного обвинения.

Во-вторых, в теории уголовного судопроизводства и правоприменении существует ряд проблемных ситуаций, связанных с принятием решения о назначении судебного разбирательства. Мы остановимся на некоторых из них и, в первую очередь, на тех, которые касаются обеспечения прав и законных интересов потерпевшего в связи с особенностями производства по делам частного обвинения.

Предписания ч. 6 ст. 319 УПК РФ указывают, что судья назначает рассмотрение уголовного дела частного обвинения в судебном заседании в соответствии с правилами, предусмотренными исключительно гл. 33 УПК РФ. Подобная формулировка содержится в ст. 320 УПК РФ относительно уголовных дел, поступивших к мировому судье с обвинительным актом. В связи с этим предметом дискуссии стало отсутствие в обозначенных нормах указания на допустимость использования мировым судьей положений гл. 34 УПК РФ, иными словами, возможность проведения предварительного слушания. Этот вопрос в своем разрешении оказался непрост.

Анализ мнений, высказанных в юридической литературе по этой проблематике, позволил выделить несколько кардинально различающихся подходов.

Ряд авторов безапелляционно отмечают, что одним из этапов подготовки к судебному заседанию мировым судьей является предварительное слушание. Инициатива в его проведении может исходить как от сторон, так и от самого судьи. Нередко далее даются методические рекомендации по проведению такого предварительного слушания¹.

В частности, А.П. Рыжаков отмечает, что полномочия мирового судьи по уголовному делу, поступившему с обвинительным актом или обвинительным заключением, ничем не отличаются от общих полномочий суда на указанной стадии². И далее автор рассматривает порядок деятельности судьи на этом этапе без учета того, что предписания ч. 6 ст. 319 и ст. 320 УПК РФ не содержат ссылки на возможность использования мировым судьей процедур, определенных гл. 34 УПК РФ, подчеркивая при этом, что какие-либо отступления от предусмотренного законом порядка подготовки дела к судебному заседанию по таким делам недопустимы.

Подобным образом учебный материал излагается и В.В. Вандышевым, который одной фразой «по поступившему уголовному делу с обвини-

---

¹ См., напр.: *Кандалина А.Н.* Полномочия мирового судьи до начала судебного разбирательства по уголовным делам с обвинительным актом или обвинительным заключением // *Российское право в период социальных реформ.* Вып. 6. Ч. 2. Н. Новгород, 2005. С. 132-133.

² *Рыжаков А.П.* Уголовный процесс: учеб. для вузов. М., 2003. С. 521.

тельным актом ... судья принимает решения и проводит подготовительные действия, руководствуясь общими правилами»¹ уравнивает назначение судебного разбирательства у мирового и федерального судьи.

Другие ученые акцентируют внимание на отсутствие в ч. 6 ст. 319 и ст. 320 УПК РФ указаний о применении положений гл. 34 УПК РФ, но посредством приведения определенных доводов отстаивают мнение о необходимости проведения мировым судьей предварительного слушания. Так, А.С. Александров, комментируя положения ст. 320 УПК РФ, отмечает, что мировой судья вправе рассматривать уголовные дела в отношении несовершеннолетних, в том числе принимать решение о прекращении таких дел, применить к несовершеннолетнему меры воспитательного воздействия и пр. Таким образом, отмечает автор, следует сделать вывод, что мировой судья проводит подготовительные действия и принимает решения в порядке, установленном не только гл. 33, но и гл. 34 УПК РФ².

Достаточно подробно данный вопрос исследовался В.В. Дорошковым. Рассмотрев исторический, организационный и процессуальный аспекты деятельности мирового судьи, автор сформулировал мнение о необходимости осуществления мировым судьей предварительного слушания³. А.А. Юнусов, ссылаясь на результаты своего исследования и результаты, полученные другими учеными, отмечает, что практика и теория вполне определились в этих вопросах в пользу проведения мировым судьей предварительных слушаний и предлагают это сделать законодателю. Кроме того, аргументируя постановку рассматриваемой проблемы, автор отмечает: «В данной связи трудно понять, в силу каких обстоятельств законодатель и к делам частного, и частно-публичного, и публичного обвинения, поступившим на рассмотрение мирового судьи, указывает лишь на нормы главы 33 УПК, как на единственно возможный порядок подготовки (поступившего) дела к судебному заседанию». И далее, отвечая на свой вопрос, автор констатирует: «Скорее всего, в этих моментах мы имеем дело с дефектом законодательной техники; с невнимательностью законодателя в формулировании своих предписаний»⁴.

На наш взгляд, изложенные выше подходы сторонников как первой, так и второй группы ученых можно признать вполне оправданными, но при одном условии: производство у мирового судьи ничем, в принципе, не отличается от производства в других судах. Иными словами, создание мировой юстиции не надлежит рассматривать как попытку законодателя дифференцировать уголовный процесс и, в частности, такую его часть, как судебное производство. Именно эта основная посылка, как представляется, лежит в стремлении стереть грани между производством у мирового и федерального судьи. К сожалению, такая тенденция явно прослеживается и в судебной практике.

---

¹ *Вандышев В.В.* Уголовный процесс: конспект лекций. СПб.: Питер, 2002. С. 237.

² Комментарий к уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / науч. ред. В.Т. Томин, М.П. Поляков. М., 2012. С. 885-886.

³ *Дорошков В.В.* Мировой судья. Исторические, организационные и процессуальные аспекты деятельности. М., 2004. С. 157-158.

⁴ *Юнусов А.А.* Теория и практика эффективной подготовки уголовного дела к судебному разбирательству (к разработке концепции): монография. Казань, 2005. С. 126.

Считаем, что данный подход является ошибочным. Для обоснования своей позиции приведем ряд аргументов и, прежде всего, отметим, что наши суждения основываются на доказательствах, уже существующих в юридической литературе.

Профессор Ю.К. Якимович отмечает, что в настоящее время нет противников идеи дифференциации уголовного судопроизводства. Можно проследить четкую тенденцию в развитии уголовно-процессуального законодательства РСФСР, а затем и РФ на ее углубление. Об этом свидетельствует и анализ текста УПК РФ, в котором дифференциация уголовного судопроизводства еще более углублена и детализирована¹.

Сам факт существования в рамках уголовного процесса производств различной степени сложности и с различными соотношениями публичных и диспозитивных начал, по мнению Т.В. Трубниковой, должен оцениваться однозначно положительно, в то же время, как отмечает автор, процессуальное регулирование таких упрощенных судебных производств пока нельзя признать совершенным².

А.Н. Кандалина, формулируя положения, выносимые на защиту по результатам своего диссертационного исследования, настаивает на том, что развитие мировой юстиции в России должно идти по пути максимального приближения суда к населению, расширения доступа граждан к правосудию, обеспечения быстроты и простоты уголовного судопроизводства при строгом соблюдении требований закона и гарантированности каждому человеку надежной защиты его прав и свобод. Этого можно достичь, по мнению автора, путем упрощения организационной и процессуальной деятельности мирового судьи без ущерба достижения цели правосудия, что будет способствовать, кроме всего, и экономности уголовного судопроизводства³. В тексте диссертации это положение сформулировано еще более жестко: «Судопроизводство у мирового судьи может быть и должно быть упрощено по сравнению с обычным порядком, что поможет наилучшим образом использовать потенциал, заложенный в этом институте»⁴. С такими суждениями, тем более исходящими от практикующего мирового судьи, трудно не согласиться.

Как известно, основными особенностями мирового уголовного судопроизводства дореволюционной России являлись: упрощенный порядок, сокращенные процессуальные сроки, особый порядок обжалования решений мирового судьи, возможность заочного разрешения дела.

«В связи с продолжающимся поиском оптимальных процессуальных форм в соответствии с тенденцией дифференциации уголовного судопроиз-

---

¹ Якимович Ю.К. Дифференциация уголовного судопроизводства по новому УПК России // Правовые проблемы укрепления российской государственности. Ч. 10: Проблемы уголовного процесса в свете нового Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации. Томск, 2002. С. 13-18.

² Трубникова Т.В. Упрощенные судебные производства В УПК РФ // Там же. С. 31.

³ Кандалина А.Н. Полномочия мирового судьи до начала судебного разбирательства по уголовным делам с обвинительным актом или обвинительным заключением // Российское право в период социальных реформ. С. 6-7.

⁴ Кандалина А.Н. Рассмотрение уголовных дел мировым судьей: теоретические и практические аспекты: дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2006. С. 136.

водства, в том числе в сторону его упрощения, существует объективная необходимость в совершенствовании производства у мирового судьи как одного из видов уголовно-процессуальных форм упрощенного типа»¹.

А.А. Динер с сожалением отмечает: «Надежда на то, что мировые судьи создавались в целях приближения правосудия к населению, обеспечения его доступности, а также упрощения и удешевления процедуры судопроизводства, сокращения сроков рассмотрения дела в судах и сокращения нагрузки федеральных судей, оказалась призрачной»².

Анализ складывающейся практики осуществления правосудия мировыми судьями убедительно показывает, что возразить уважаемым ученым нечем. Действительно, мировая юстиция не оказалась скорой, дешевой и доступной.

В частности, по утверждению А.А. Динера, исследовавшего 60 уголовных дел, находившихся в производстве у мирового судьи, сроки их рассмотрения были следующими: до 1 мес. – 0; от 1 до 2 мес. – 9; от 2 до 3 мес. – 8; от 3 до 4 мес. – 11; от 4 до 5 мес. – 10; от 5 до 6 мес. – 6 и свыше 6 мес. – 16. Имелись дела, находившиеся в производстве около 1 года³. А.А. Юнусов, осуществляя исследование данного вопроса в рамках диссертации на соискание ученой степени доктора юридических наук, обнаружил жизненные ситуации, когда дела у мирового судьи рассматривались по 12-16 и более месяцев, при этом осуществлялось значительное число судебных заседаний⁴. Эта статистика свидетельствует явно не в пользу надлежащего обеспечения прав и законных интересов потерпевшего. Один из таких примеров, выявленный в Сорновском районе г. Н. Новгорода, мы посчитали необходимым привести.

Дело по обвинению Т. в преступлении, предусмотренном ч. 1 ст. 115 УК РФ, было назначено к слушанию 16 мая 2011 г.

23 мая 2011 г. – состоялось первое заседание. Поскольку сторона защиты внесла ходатайство о допуске адвоката и получении копий всех документов дела, рассмотрение было отложено.

30 мая 2011 г. – дело отложено по ходатайству адвоката ввиду необходимости ознакомления с исковым заявлением и изучением вопроса о возможности мирового соглашения.

9 июня 2011 г. – дело отложено ввиду неявки в судебное заседание свидетелей.

24 июня 2011 г. – дело отложено ввиду назначения судебно-медицинской экспертизы по ходатайству частного обвинителя.

22 ноября 2011 г. – рассмотрение дела отложено ввиду неявки в судебное заседание частного обвинителя и потерпевшего (стороны извещены надлежащим образом, причина неявки – неизвестна).

---

¹ *Кандалина А.Н.* Рассмотрение уголовных дел мировым судьей: теоретические и практические аспекты: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2006. С. 3.

² См., напр.: *Динер А.А.* О реалиях мирового судопроизводства в Алтайском крае // Правовые проблемы укрепления российской государственности. Ч. 10: Проблемы уголовного процесса в свете нового Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации. Томск, 2002. С. 150-153.

³ Там же. С. 152-153.

⁴ *Юнусов А.А.* Теория и практика эффективной подготовки уголовного дела к судебному разбирательству (к разработке концепции): монография. Казань, 2005. С. 161-163.

19 декабря 2011 г. – дело отложено ввиду болезни частного обвинителя.
6 февраля 2012 г. – рассмотрение дела отложено ввиду занятости адвоката подсудимого в другом судебном процессе.

27 февраля 2012 г. – дело отложено в связи с неявкой подсудимого по болезни.

3 апреля 2012 г. – дело отложено в связи с неявкой в процесс подсудимого, потерпевшего и свидетелей.

18 апреля 2012 г. – рассмотрение дела отложено в связи с неявкой подсудимого (причины неизвестны).

23 апреля 2012 г. – слушание дела отложено, поскольку потерпевшей стало плохо в судебном заседании.

27 июля 2012 г. – дело отложено в связи с неявкой подсудимого, потерпевшего, свидетелей.

11 сентября 2012 г. – рассмотрение дела отложено ввиду неявки подсудимого и частного обвинителя.

20 ноября 2012 г. – дело прекращено в судебном заседании в связи с примирением сторон.

Комментарии этого 18-месячного «отправления» правосудия с 14-ю безрезультатными судебными заседаниями излишни.

Мы проиллюстрировали, насколько неэффективным может быть осуществление правосудия при очевидности и несложности категории уголовно-го дела. А если эти процедуры дополнить предварительным слушанием?

Изложенное выше наглядно подтверждает необходимость упрощения (естественно, не в ущерб качеству) процедур осуществления правосудия мировым судьей, в том числе и на этапе назначения судебного заседания.

Дифференцированный подход в вопросах назначения судебного заседания наблюдается и в законодательстве целого ряда зарубежных государств, которых принято считать цивилизованными, по крайней мере, в вопросах осуществления правосудия. Так, уголовно-процессуальное законодательство ФРГ предусматривает ряд особенностей (по сути, самостоятельных процедур) осуществления предания суду. Таковые, в частности, имеют место по делам частного обвинения, при упрощенном, а также ускоренном производстве. Все эти процедуры являются упрощенными и ускоренными, по сравнению с основными, и позволяют оперативно рассматривать дела о менее тяжких преступлениях. Что касается ускоренного судопроизводства, следует отметить, что производство по преданию обвиняемого суду (включая решение об открытии судебного разбирательства) здесь вообще отсутствует. Если прокурор заявляет ходатайство об осуждении обвиняемого с использованием такого порядка, то согласно § 418 I УПК судебное разбирательство проводится сразу или в короткий срок и не требует решения суда об открытии судебного разбирательства. Практически в «одно касание» судья принимает решения (если они не вызывают никаких сомнений) о назначении судебного разбирательства и по делу в целом при упрощенном производстве¹.

Анализ правоприменения и наша авторская позиция позволяют утверждать, что все вопросы, обозначенные в гл. 34 УПК РФ, мировой судья

---

¹ Уголовно-процессуальное право ФРГ: учеб. 6-е изд., с доп. и изм. / Вернер Бойльке; пер. с нем. Я.М. Плошкиной; под ред. Л.В. Майоровой. Красноярск, 2004. С. 300-303.

может разрешить в судебном заседании. Поэтому, вероятно, законодатель и не предусмотрел возможности для мирового судьи использовать потенциал предписаний главы 34 УПК РФ, но в правоприменении этот замысел не оценили и не восприняли.

С учетом предлагаемой нами последовательности действий и должен быть выстроен алгоритм деятельности судьи в связи с поступлением заявления по делу частного обвинения. Такое нормативное регулирование, вне всяких сомнений, положительно скажется на обеспечении прав и законных интересов потерпевших по делам частного обвинения.

В тексте закона предлагаемая нами модель правового регулирования может быть выражена следующим образом:

«Статья 318. Возбуждение уголовного дела частного обвинения

1. Поводом для возбуждения уголовного дела о преступлениях, указанных в части второй статьи 20 настоящего Кодекса, за исключением случаев, указанных в части четвертой статьи 20 настоящего Кодекса, является заявление частного обвинителя или его законного представителя. В случае смерти частного обвинителя поводом для возбуждения уголовного дела является заявление его близкого родственника.

2. Заявление должно содержать:

1) наименование суда, в который оно подается;
2) описание события преступления, места, времени, а также обстоятельств его совершения;

3) просьбу, адресованную суду, о принятии уголовного дела к производству;

4) данные о лице, привлекаемом к уголовной ответственности;

5) список свидетелей, которых необходимо вызвать в суд;

6) подпись лица, его подавшего.

3. Заявитель предупреждается об уголовной ответственности за заведомо ложный донос в соответствии со статьей 306 Уголовного кодекса Российской Федерации, о чем в заявлении делается отметка, которая удостоверяется подписью заявителя. Одновременно заявителю разъясняется его право на примирение с лицом, в отношении которого подано заявление.

4. Заявление подается в суд с копиями по числу лиц, в отношении которых осуществляется производство по уголовному делу частного обвинения.

5. По результатам рассмотрения заявления о преступлении мировой судья принимает одно из следующих решений:

1) о принятии заявления к своему производству;

2) о возвращении заявления лицу, его подавшему;

3) о передаче заявления по подследственности.

6. О принятом решении сообщается заявителю, при этом ему разъясняется право обжаловать данное решение и порядок обжалования.

7. При наличии в заявлении достаточных данных, указывающих на признаки преступления, являющегося делом частного обвинения, судья принимает его к своему производству, о чем выносит постановление.

8. В случаях, если поданное заявление не отвечает требованиям части второй и четвертой настоящей статьи, мировой судья выносит постановление о возвращении заявления лицу, его подавшему, в котором

предлагает ему привести заявление в соответствии с указанными требованиями и устанавливает для этого срок. В случае неисполнения данного указания мировой судья отказывает в принятии заявления к своему производству и уведомляет об этом лицо, его подавшее.

9. Мировой судья передает заявление для решения вопроса о возбуждении уголовного дела руководителю следственного органа или начальнику органа дознания в случаях:

1) если оно не отвечает требованиям пункта 4 части 2 настоящей статьи;

2) частный обвинитель в силу зависимого или беспомощного состояния либо по иным причинам не может защищать свои права и законные интересы;

3) если оно подано в отношении лица, указанного в части первой статьи 447 настоящего Кодекса.

Статья 319. Полномочия мирового судьи по уголовному делу частного обвинения

1. При принятии заявления к своему производству мировой судья в течение 7 суток со дня поступления заявления в суд:

1) разъясняет частному обвинителю права, предусмотренные статьями 42 и 43 настоящего Кодекса, о чем составляется протокол, подписываемый судьей и лицом, подавшим заявление;

2) вызывает лицо, в отношении которого подано заявление, знакомит его с материалами уголовного дела, вручает копию поданного заявления, разъясняет права, предусмотренные статьей 47 настоящего Кодекса, и выясняет, кого, по мнению данного лица, необходимо вызвать в суд в качестве свидетелей защиты, о чем составляется протокол;

3) мировой судья разъясняет сторонам возможность примирения. В случае поступления от них заявлений о примирении производство по уголовному делу по постановлению мирового судьи прекращается в соответствии с частью второй статьи 20 настоящего Кодекса. Вступление в уголовное дело прокурора не лишает стороны права на примирение.

2. В случае неявки в суд лица, в отношении которого подано заявление, ему направляется копия заявления с разъяснением прав, а также условий и порядка примирения сторон.

3. По ходатайству сторон мировой судья вправе оказать им содействие в собирании таких доказательств, которые не могут быть получены сторонами самостоятельно.

4. Если примирение между сторонами не достигнуто, то мировой судья после выполнения требований настоящей статьи назначает рассмотрение уголовного дела в судебном заседании в соответствии с правилами, предусмотренными исключительно главой 33 настоящего Кодекса».

В случаях принятия законодателем предлагаемой позиции за основу потребуются соответствующие корректировки и иных правовых предписаний, и в частности содержащихся в ст. 43, 147 УПК РФ.

Заключение

Проведенное нами исследование позволяет сформулировать выводы и предложения, которые помогут оценить актуальность выполненной работы, степень реализации поставленных целей и задач, теоретическую и практическую ценность ее результатов для развития уголовно-процессуальной науки и практики.

Обеспечение прав и законных интересов потерпевшего в уголовном судопроизводстве является не только требующей решения важной социальной задачей, но и многоаспектной проблемой, в рамках которой нами исследованы и разрешены ряд крупных вопросов, связанных:

- с понятием потерпевшего в российском уголовном судопроизводстве;
- обеспечением реализации его прав и защиты интересов на различных этапах уголовного судопроизводства;
- обеспечением прав потерпевшего при реализации отдельных правовых институтов.

Содержащееся в уголовно-процессуальном законе понятие потерпевшего нуждается в совершенствовании, что позволит эффективнее обеспечивать защиту прав и законных интересов этого участника судопроизводства. Для того чтобы сбалансировать фактические и юридические начала в понимании потерпевшего, необходимо считать его таковым с момента совершения преступления, а в ходе уголовного судопроизводства, после установления необходимых оснований, подтверждать статус потерпевшего посредством принятия об этом решения, облачаемого в письменную форму. Такое решение может содержаться как в обособленном акте, так и в документе, отражающем иные решения, например о возбуждении уголовного дела.

Это имеет особую актуальность для должного обеспечения прав рассматриваемого участника судопроизводства на стадии возбуждения уголовного дела. Даже с учетом произошедших изменений в уголовно-процессуальном законодательстве правовой статус заявителя значительно уступает по объему прав статусу потерпевшего, что не позволяет лицу, которому преступлением причинен вред, надлежащим образом защищать свои интересы на первоначальном этапе уголовного судопроизводства. Использование понятия «заявитель» для обозначения лица, пострадавшего от преступления, в стадии возбуждения уголовного дела не оправдано и потому, что его содержание не охватывает всех ситуаций участия пострадавшего в рассмотрении и разрешении сообщений о преступлении.

Осуществив анализ законодательства и практики его применения, мы посчитали возможным констатировать, что предписание, содержащееся в первом предложении ч. 1.1 ст. 144 УПК РФ, является практически невыполнимым, что говорит о его юридической несостоятельности. Степень законодательного регулирования статуса лица, пострадавшего от преступления, на этапе получения сообщения о преступлении, его проверки является неудовлетворительной. Это явно не способствует обеспечению защиты его прав и интересов.

Оценивая обеспеченность защиты прав и интересов лица, пострадавшего от преступления, при принятии итоговых решений первоначальной

стадии уголовного судопроизводства, мы пришли к выводу о том, что, во-первых, требуются некоторые корректировки уголовно-процессуального законодательства, регламентирующего отношения в этой сфере. Во-вторых, для позитивных изменений в данной области целесообразно создать такую систему критериев оценки работы правоохранительных органов, которая способствовала бы активизации человеческого фактора путем обеспечения заинтересованности правоприменителя в предупреждении преступлений, в полном выявлении и раскрытии уже совершенных. Посредством изменения критериев оценки деятельности следует сместить акцент в мотивации правоприменителя.

Мы подтвердили суждение о том, что потерпевший является полноправным участником процесса доказывания, обладающим правом (но не обязанностью) участвовать в этом процессе, получая и представляя предметы и документы, которые могут быть использованы в качестве доказательств. Вместе с тем для повышения качества обеспечения прав и законных интересов этого участника судопроизводства необходимо внести ряд корректировок в действующее уголовно-процессуальное законодательство, повысить эффективность правоприменения, в частности, участвуя в процессе доказывания, потерпевший вправе собирать лишь документы и предметы, которые посредством деятельности дознавателя, следователя, прокурора или суда могут стать доказательствами в уголовном деле. Такое положение вещей, на наш взгляд, является правильным, поэтому мы не можем согласиться с мнением о наделении участников уголовного судопроизводства, не относящихся к субъектам обвинительной власти, в том числе потерпевшего, правом собирать доказательства. Для обеспечения последовательности и логичности законодательного регулирования необходимо внести коррективы в п. 4 ч. 2 ст. 42 УПК РФ.

Исходя из того, что деятельность потерпевшего в рамках процесса доказывания может быть весьма многогранна, у нас имеются определенные опасения по поводу ее детального регламентирования в уголовно-процессуальном законодательстве. Создание каких-либо уголовно-процессуальных норм, наделяющих потерпевшего правом получать информацию в том или ином виде, может оказать негативное влияние. Нечеткость законодательных формулировок приведет к новым научным спорам либо неверному их толкованию правоприменителями.

Весьма актуальным является вопрос о возмещении и (или) компенсации вреда, причиненного потерпевшему преступлением. Он может быть разрешен как посредством повышения эффективности деятельности, связанной с взысканием соответствующих денежных средств с лиц, виновных в причинении этого вреда, так и созданием механизма компенсации такого вреда за счет государства. И то, и другое требует корректировки действующего законодательства, а также создания дополнительной нормативной основы.

Исследование вопросов обеспечения безопасности участников уголовного судопроизводства, и в частности потерпевшего, свидетельствует о том, что большая часть научных разработок, касающихся этой сферы, и существующих нормативных предписаний оказываются невостребованными. Меры обеспечения безопасности, регламентированные УПК РФ и ины-

ми нормативными актами, фактически не реализуются. Здесь необходимо предпринять ряд организационных и нормотворческих действий и, в первую очередь, изменить формулировку оснований применения таких мер, а также ввести механизм ответственности за их непринятие.

Повышению эффективности обеспечения прав и законных интересов потерпевшего будет способствовать и решение ряда вопросов, связанных с представительством этого субъекта. В первую очередь, необходимо решить вопрос о системе оплаты такого представительства и совершенствовании института обязательного представительства применительно к отдельным категориям лиц.

В обеспечении прав и законных интересов потерпевшего при производстве следственных действий в равной степени значимы как уголовно-процессуальная, так и криминалистическая составляющие. Их комплексное исследование имеет большое научное значение, поскольку позволяет посредством связи теории уголовного процесса и криминалистики согласовать отдельные научные подходы, определить перспективы изучения частных направлений, являющихся проблемными. Не менее значимы эти вопросы для реального правоприменения. Их изучение позволяет разработать научно обоснованные рекомендации для следователей и дознавателей по обеспечению прав и законных интересов потерпевшего посредством использования криминалистической тактики, осуществить деятельное вовлечение потерпевшего в процесс раскрытия и расследования преступления, что повысит эффективность его доступа к правосудию, позволит проявить активную позицию.

В криминалистике имеются определенные попытки не только обособленно рассмотреть личность потерпевшего, определить особенности тактики производства следственных действий с его участием, но и усилить его роль, значение в процессе раскрытия и расследования преступлений. Но они явно недостаточны. Очередной задачей в этом плане является обобщение научной и практической информации о реализации прав, роли и значении потерпевшего в расследовании преступлений, а также дальнейшее углубленное исследование в рамках этой отрасли знаний всего проблематичного комплекса, касающегося потерпевшего.

Уголовный процесс и криминалистика являются родственными, взаимообусловленными науками. Вместе с тем нами были показаны отдельные несогласования, в том числе касающиеся вопросов обеспечения прав и законных интересов потерпевшего. Явление это нежелательное, подлежащее искоренению, что особо актуально в условиях, когда уголовный процесс и криминалистика оказались искусственно разделенными в номенклатуре научных специальностей. Это явно не будет способствовать их сближению.

Отдельные частные выводы и предложения в рамках рассматриваемой проблематики сформулированы нами при изучении вопросов о возможности надлежащего обеспечения прав потерпевшего при производстве следственных действий. Так, мы обосновали, что допрос потерпевшего и его участие в производстве очной ставки являются основными способами получения от этого субъекта вербальной информации, а также непосредственного контакта со следователем при получении необходимых для произ-

водства расследования сведений. Активная позиция потерпевшего в ходе осуществления этих действий – залог успеха в обеспечении его прав и законных интересов. Для эффективного выполнения этой задачи необходимо устранение ряда законодательных погрешностей и восполнение пробелов в праве, а также совершенствование отдельных элементов криминалистической тактики. Участие потерпевшего в осмотре и освидетельствовании допустимо и, как правило, желательно. Принимая решение об этом, следователь должен исходить из того, что потерпевший, участвуя в осуществлении рассматриваемых действий, может предоставить значимую для дела информацию, связанную с получением доказательств, либо ориентировать следователя на обнаружение источников такой информации. Кроме того, участие в проводимом следственном действии позволяет потерпевшему оценить объективность и полноту деятельности следователя, что имеет важное социальное значение. При производстве предъявления для опознания возникает ряд правовых и организационных вопросов, не позволяющих должным образом обеспечить защиту прав и законных интересов потерпевшего. Их разрешение возможно как посредством совершенствования законодательства, так и разработки необходимых рекомендаций, направленных на улучшение тактики осуществления данного следственного действия. Значительная корректировка законодательства необходима в целях устранения дисбаланса правового положения потерпевшего и обвиняемого при назначении и производстве судебной экспертизы.

Одной из основных причин существования процессуальных ошибок и нарушений, допускаемых при прекращении уголовного дела (уголовного преследования), является пренебрежительное отношение правоприменителей к праву. Стабилизации обстановки в этой сфере способствовало бы усиление ведомственного процессуального контроля и прокурорского надзора за содержательной стороной постановлений о прекращении уголовного дела (уголовного преследования), отражающей суть и правильность принятого решения, а также привитие следователям и дознавателям умений и навыков принятия и оформления решений о прекращении производства по уголовному делу.

Существует определенный потенциал совершенствования законодательства и правоприменительной деятельности по обеспечению права потерпевшего на ознакомление с материалами уголовного дела, по которому закончено предварительное расследование в любой из его форм.

Ряд проблемных вопросов, связанных с обеспечением прав и законных интересов потерпевшего, возникают при рассмотрении уголовного дела судом первой инстанции. Так, необходима корректировка законодательства в части согласования позиций потерпевшего и государственного обвинителя при полном или частичном отказе последнего от обвинения. Следует предусмотреть участие потерпевшего в разрешении вопросов, связанных с рассмотрением уголовного дела в отношении обвиняемого, заключившего досудебное соглашение о сотрудничестве, создать надлежащие условия для реализации потерпевшим права на судебную защиту и возмещение причиненного преступлением ущерба при рассмотрении судом первой инстанции вопросов, связанных с исполнением приговора.

Законодательные новеллы, устанавливающие процедуру судебной надзорной деятельности, могут оказать как позитивное, так и негативное влияние на обеспечение прав и законных интересов потерпевшего в уголовном судопроизводстве. Такова их предварительная оценка, которая, несомненно, будет подвергаться теоретическому осмыслению и проверке практикой. Мы не формулировали каких-либо предложений по совершенствованию этой части законодательства, поскольку считаем это преждевременным, но надеемся, что научные изыскания в данной области будут продолжены.

В целях обеспечения прав и законных интересов потерпевшего нуждается в совершенствовании и нормативная основа, и правоприменение в сфере рассмотрения уголовных дел частного обвинения. Проблемными здесь остаются вопросы, связанные с возбуждением производства по таким делам, с оказанием содействия судом в получении потерпевшим необходимых материалов, с проведением предварительного слушания и др.

В ходе исследования обозначенной проблематики внимание уделено не только недостаточной научной проработке тех или иных вопросов, недостаткам в их правовом регулировании, но и тем ситуациям, когда надлежащее обеспечение прав и законных интересов потерпевшего было обусловлено отсутствием необходимых организационных мер, многие из которых мы обозначили выше и не стали обособлять.

При изложении результатов исследования многократно говорилось о необходимости совершенствования законодательства, были внесены конкретные предложения по его дополнению и изменению. Мы также обосновали, что на сегодняшний день нет необходимости в создании и принятии специального закона о потерпевших от преступлений. Совершенствование правового статуса этого участника судопроизводства можно и необходимо осуществлять посредством корректировки действующего законодательства и, в первую очередь, УПК РФ.

Обратим внимание, что цель корректировки УПК РФ была едина – повышение эффективности правовых предписаний в части обеспечения прав и законных интересов потерпевшего, но при этом частные предложения имели различную направленность. Одни из них обращены на согласование терминологии (в том числе понятия потерпевшего), другие – на расширение прав потерпевшего, третьи – устранение дисбаланса правового статуса потерпевшего и обвиняемого, четвертые – на повышение качества правоприменения, усиление гарантий обеспечения прав личности. Каждое из них было обосновано. Здесь же мы решили показать общую картину необходимых преобразований, поэтому представляем авторский проект закона о внесении изменений и дополнений в УПК РФ.

РОССИЙСКАЯ ФЕДЕРАЦИЯ
ФЕДЕРАЛЬНЫЙ ЗАКОН
О ВНЕСЕНИИ ИЗМЕНЕНИЙ
В УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫЙ КОДЕКС
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В ЦЕЛЯХ
СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ПРАВ ПОТЕРПЕВШИХ
В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Статья 1.

Внести в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (в ред. федеральных законов от 29.05.2002 № 58-ФЗ, от 24.07.2002 № 98-ФЗ, от 24.07.2002 № 103-ФЗ, от 25.07.2002 № 112-ФЗ, от 31.10.2002 № 133-ФЗ, от 30.06.2003 № 86-ФЗ, от 04.07.2003 № 92-ФЗ, от 04.07.2003 № 94-ФЗ, от 07.07.2003 № 111-ФЗ, от 08.12.2003 № 161-ФЗ, от 22.04.2004 № 18-ФЗ, от 29.06.2004 № 58-ФЗ, от 02.12.2004 № 154-ФЗ, от 28.12.2004 № 187-ФЗ, от 01.06.2005 № 54-ФЗ, от 09.01.2006 № 13-ФЗ, от 03.03.2006 № 33-ФЗ, от 03.06.2006 № 72-ФЗ, от 03.07.2006 № 97-ФЗ, от 03.07.2006 № 98-ФЗ, от 27.07.2006 № 153-ФЗ, от 30.12.2006 № 283-ФЗ, от 12.04.2007 № 47-ФЗ, от 26.04.2007 № 64-ФЗ, от 05.06.2007 № 87-ФЗ, от 06.06.2007 № 90-ФЗ, от 24.07.2007 № 211-ФЗ, от 24.07.2007 № 214-ФЗ, от 02.10.2007 № 225-ФЗ, от 27.11.2007 № 272-ФЗ, от 03.12.2007 № 322-ФЗ, от 03.12.2007 № 323-ФЗ, от 06.12.2007 № 335-ФЗ, от 04.03.2008 № 26-ФЗ, от 11.06.2008 № 85-ФЗ, от 02.12.2008 № 226-ФЗ, от 22.12.2008 № 271-ФЗ, от 25.12.2008 № 280-ФЗ, от 30.12.2008 № 321-ФЗ, от 14.03.2009 № 37-ФЗ, от 14.03.2009 № 38-ФЗ, от 14.03.2009 № 39-ФЗ, от 28.04.2009 № 65-ФЗ, от 29.06.2009 № 141-ФЗ, от 18.07.2009 № 176-ФЗ, от 30.10.2009 № 241-ФЗ, от 30.10.2009 № 244-ФЗ, от 03.11.2009 № 245-ФЗ, от 17.12.2009 № 324-ФЗ, от 27.12.2009 № 346-ФЗ, от 27.12.2009 № 377-ФЗ, от 29.12.2009 № 383-ФЗ, от 21.02.2010 № 16-ФЗ, от 09.03.2010 № 19-ФЗ, от 09.03.2010 № 20-ФЗ, от 29.03.2010 № 32-ФЗ, от 07.04.2010 № 60-ФЗ, от 22.04.2010 № 62-ФЗ, от 30.04.2010 № 69-ФЗ, от 05.05.2010 № 76-ФЗ, от 19.05.2010 № 87-ФЗ, от 01.07.2010 № 132-ФЗ, от 01.07.2010 № 143-ФЗ, от 01.07.2010 № 144-ФЗ, от 01.07.2010 № 147-ФЗ, от 22.07.2010 № 155-ФЗ, от 22.07.2010 № 158-ФЗ, от 23.07.2010 № 172-ФЗ, от 27.07.2010 № 195-ФЗ, от 27.07.2010 № 224-ФЗ, от 29.11.2010 № 316-ФЗ, от 29.11.2010 № 318-ФЗ, от 29.11.2010 № 323-ФЗ, от 28.12.2010 № 404-ФЗ, от 28.12.2010 № 427-ФЗ, от 29.12.2010 № 433-ФЗ (ред. 05.06.2012), от 29.12.2010 № 434-ФЗ, от 07.02.2011 № 4-ФЗ, от 20.03.2011 № 39-ФЗ, от 20.03.2011 № 40-ФЗ, от 06.04.2011 № 66-ФЗ, от 03.05.2011 № 95-ФЗ, от 03.06.2011 № 119-ФЗ, от 14.06.2011 № 140-ФЗ, от 11.07.2011 № 194-ФЗ, от 11.07.2011 № 195-ФЗ, от 20.07.2011 № 250-ФЗ, от 21.07.2011 № 253-ФЗ, от 21.07.2011 № 257-ФЗ, от 06.11.2011 № 292-ФЗ, от 06.11.2011 № 293-ФЗ, от 06.11.2011 № 294-ФЗ, от 07.11.2011 № 304-ФЗ, от 21.11.2011 № 329-ФЗ, от 06.12.2011 № 407-ФЗ, от 06.12.2011 № 408-ФЗ, от 07.12.2011 № 419-ФЗ, от 07.12.2011 № 420-ФЗ, от 29.02.2012 № 14-ФЗ, от 01.03.2012

№ 17-ФЗ, от 01.03.2012 № 18-ФЗ, от 05.06.2012 № 51-ФЗ, от 05.06.2012 № 53-ФЗ, от 05.06.2012 № 54-ФЗ, от 25.06.2012 № 87-ФЗ, от 20.07.2012 № 121-ФЗ, от 28.07.2012 № 141-ФЗ, от 28.07.2012 № 142-ФЗ, от 28.07.2012 № 143-ФЗ, от 12.11.2012 № 190-ФЗ, от 29.11.2012 № 207-ФЗ, от 01.12.2012 № 208-ФЗ, от 30.12.2012 № 309-ФЗ, от 30.12.2012 № 310-ФЗ, от 30.12.2012 № 311-ФЗ, от 30.12.2012 № 312-ФЗ, от 11.02.2013 № 7-ФЗ, от 04.03.2013 № 23-ФЗ, от 05.04.2013 № 53-ФЗ, от 05.04.2013 № 54-ФЗ, от 26.04.2013 № 64-ФЗ, с изм., внесенными Постановлением Конституционного Суда РФ от 08.12.2003 № 18-П, Определением Конституционного Суда РФ от 09.06.2004 № 223-О, постановлениями Конституционного Суда РФ от 29.06.2004 № 13-П, от 11.05.2005 № 5-П, от 27.06.2005 № 7-П, от 16.05.2007 № 6-П, от 20.11.2007 № 13-П, от 16.07.2008 № 9-П, постановлениями Конституционного Суда РФ от 31.01.2011 № 1-П, от 14.07.2011 № 16-П, от 19.07.2011 № 18-П, от 17.10.2011 № 22-П, от 18.10.2011 № 23-П, от 20.07.2012 № 20-П, от 16.10.2012 № 22-П, от 21.05.2013 № 10-П) следующие изменения:

1) часть 3 статьи 11 УПК РФ изложить в следующей редакции:

«3. При наличии угрозы убийства, применения насилия, уничтожения или повреждения имущества либо иного опасного противоправного деяния в отношении потерпевшего, свидетеля или иного участника уголовного судопроизводства, а также их близких родственников, родственников или близких лиц по их ходатайству, разрешенному в порядке статьи 122 настоящего Кодекса, суд, прокурор, руководитель следственного органа, следователь, орган дознания и дознаватель принимают в пределах своей компетенции в отношении указанных лиц меры безопасности, предусмотренные статьями 166 частью девятой, 186 частью второй, 193 частью восьмой, 241 пунктом 4 части второй и 278 частью пятой настоящего Кодекса, а также иные меры безопасности, предусмотренные законодательством Российской Федерации»;

2) часть 2 статьи 20 УПК РФ изложить в следующей редакции:

«2. Уголовные дела о преступлениях, предусмотренных статьями 115 частью первой, 116 частью первой, 128.1 частью первой Уголовного кодекса Российской Федерации, считаются уголовными делами частного обвинения, возбуждаются не иначе как по заявлению потерпевшего, его законного представителя, за исключением случаев, предусмотренных частью четвертой настоящей статьи, и подлежат прекращению в связи с примирением сторон. Примирение допускается до удаления суда в совещательную комнату для постановления приговора. В случае осуществления производства по этим уголовным делам, возбужденным руководителем следственного органа, следователем, а также с согласия прокурора дознавателем в соответствии с частью четвертой настоящей статьи они могут быть прекращены в связи с примирением сторон только в порядке, установленном статьей 25 настоящего Кодекса»;

3) часть 2 статьи 21 УПК РФ дополнить фразой следующего содержания: « а также меры безопасности потерпевшего, свидетеля, обвиняемого, других лиц, участвующих в уголовном процессе, членов их семей и близких родственников, если в связи с производством по уголовному делу

имеется угроза совершения в отношении них насилия или иного запрещенного уголовным законом деяния»;

4) пункт 1 части 1 статьи 24 УПК РФ изложить в следующей редакции:

«1) отсутствие события преступления (когда деяние не совершалось либо последствия наступили вследствие действия лица, которому причинен вред, или независимо от чьей-либо воли)»;

5) статью 25 УПК РФ изложить в следующей редакции:

«Статья 25. Прекращение уголовного преследования в связи с примирением потерпевшего с обвиняемым

Суд, а также следователь с согласия руководителя следственного органа или дознаватель с согласия прокурора вправе на основании заявления потерпевшего или его законного представителя прекратить уголовное преследование обвиняемого в случаях, предусмотренных статьей 76 Уголовного кодекса Российской Федерации, если это лицо примирилось с потерпевшим»;

б) часть 2 статьи 27 УПК РФ после слова «обвиняемый» дополнить: «а также потерпевший»;

7) в часть 2 статьи 37 УПК РФ включить пункт 1.2 в следующей редакции:

«1.2) проверять исполнение требований федеральных законов, иных нормативных актов об обеспечении безопасности потерпевшего, свидетеля, обвиняемого, других лиц, участвующих в уголовном процессе, а также членов их семей и близких родственников»;

8) в статье 42 УПК РФ:

а) часть 1 изложить в следующей редакции:

«1. Потерпевшим является физическое лицо, которому уголовно наказуемым деянием причинен физический, имущественный, моральный или иной вред, а также организация в случае причинения преступлением вреда ее имуществу и деловой репутации или иного вреда. При наличии достаточных данных, удостоверяющих это, дознаватель, следователь или суд принимают решение о подтверждении статуса потерпевшего, которое оформляется постановлением»;

б) дополнить частью 1.2, изложив ее следующим образом:

«1.2. Лицо, пострадавшее от преступления, является потерпевшим независимо от его гражданства, возраста, физического или психического состояния и иных данных о его личности, а также независимо от того, установлены ли все лица, причастные к совершению преступления. Если совершенное уголовно наказуемое деяние является неоконченным, при подтверждении статуса потерпевшего следует исходить из фактического причинения вреда»;

в) пункт 2 ч. 2 дополнить фразой: «дознаватель, следователь, суд не могут отказать потерпевшему в реализации права давать показания»;

г) пункт 4 части 2 изложить в следующей редакции:

«4) собирать и представлять документы и предметы для приобщения их к уголовному делу в качестве доказательств»;

д) дополнить частью 2.1, изложив ее в следующей редакции:

«2.1. В случае если потерпевший одновременно является заявителем, то он обладает правами, предусмотренными для этого участника судопроизводства, указанными в статьях 141, 144, 146, 148 настоящего Кодекса»;

е) в пункте 12 части 4 слова «снимать копии с материалов уголовного дела, в том числе с помощью технических средств» заменить на: «получать бесплатно копии материалов уголовного дела, в том числе изготовленные с помощью технических средств»;

ж) в части 8 слова «к одному из его близких родственников» заменить на «к его близким родственникам, чьи права и интересы затронуты совершенным деянием»;

з) дополнить частью 8.1 следующего содержания:

«8.1. При признании потерпевшим организации правом давать показания потерпевшего обладает ее представитель»;

9) часть 1 статьи 45 УПК РФ изложить в следующей редакции:

«1. Представителями потерпевшего, гражданского истца и частного обвинителя могут быть адвокаты, а также иные лица, о допуске которых ходатайствует потерпевший, гражданский истец или частный обвинитель. Представителем потерпевшего или гражданского истца, являющегося организацией, могут быть лица, правомочные в соответствии с Гражданским кодексом Российской Федерации представлять ее интересы. Полномочия представителя в этом случае должны быть подтверждены доверенностью, оформленной надлежащим образом. При участии в производстве по делу руководителя организации его полномочия должны быть удостоверены соответствующей доверенностью или другими документами. В качестве представителя лицо допускается по постановлению дознавателя, следователя, судьи или определению суда»;

10) исключить из части 2 статьи 75 УПК РФ пункт 2;

11) статью 81 УПК РФ дополнить частью 5 следующего содержания: «5. Получение предметов и документов, которые истребованы или представлены в соответствии с частью четвертой статьи 21, пунктом 4 части второй статьи 42, пунктом 2 части четвертой статьи 44, пунктом 4 части четвертой статьи 46, пунктом 4 части четвертой статьи 47, пунктом 2 части первой статьи 53, пунктом 7 части второй статьи 54 настоящего Кодекса, должно быть оформлено протоколом в соответствии со статьями 166 и 167 настоящего Кодекса»;

12) часть 3 статьи 86 УПК РФ изложить в следующей редакции:

«3. Лица, указанные в части второй настоящей статьи, вправе собирать сведения для приобщения их к уголовному делу в качестве доказательств путем:

1) истребования справок, характеристик, иных документов от органов государственной власти, органов местного самоуправления, общественных объединений и организаций, которые обязаны предоставлять запрашиваемые документы или их копии;

2) получения предметов и иных сведений;

3) опроса лиц с их согласия;

4) иными способами, не противоречащими закону»;

13) статью 122 УПК РФ дополнить частью 2 следующего содержания:

«2. Ходатайство потерпевшего, свидетеля или иного участника уголовного судопроизводства, а также их близких родственников, родственников или близких лиц о применении мер безопасности, указанных в части третьей статьи 11 настоящего Кодекса, рассматриваются не позднее двадцати четырех часов с момента их получения. Отказ в принятии мер безопасности не препятствует повторному обращению с ходатайством о принятии указанных мер, если возникли обстоятельства, не нашедшие отражения в ранее поданном ходатайстве»;

14) дополнить часть 2 статьи 131 УПК РФ пунктом 5.1, изложив его в следующей редакции:

«5.1) суммы, израсходованные потерпевшим на представителя»;

15) часть 2 статьи 140 УПК РФ изложить в следующей редакции:

«2. Основанием для возбуждения уголовного дела является наличие достаточных данных, указывающих на событие преступления (время, место, способ и другие обстоятельства его совершения)»;

16) в статье 141 УПК РФ:

а) дополнить часть 1 текстом следующего содержания: «Несовершеннолетний возраст заявителя не может являться основанием для отказа в приеме у него заявления»;

б) часть 2 изложить в следующей редакции:

«2. Письменное заявление о преступлении должно содержать сведения о заявителе и быть им подписано»;

в) в части 3 слово «заносится» заменить словами: «должно быть занесено должностным лицом».

17) в статье 144 УПК РФ:

а) исключить из части 1 слово «проверить». Дополнить ее текстом следующего содержания: «Изложенные в заявлении обстоятельства могут быть подвергнуты проверке при отсутствии в нем оснований для принятия итогового решения. При проверке сообщения о совершенном или готовящемся преступлении могут быть проведены любые действия, не нарушающие права личности. Производство следственных действий до возбуждения уголовного дела, кроме случаев, указанных в законе, не допускается»;

б) дополнить часть 1.1 текстом следующего содержания: «Кроме того, заявитель имеет право давать объяснения, делать заявления, заявлять ходатайства, в том числе на родном языке или языке, которым он владеет, пользоваться бесплатной помощью переводчика; получать квалифицированную юридическую помощь; заявлять отводы; представлять дополнительные материалы; быть осведомленным о характере действий, выполняемых с его участием или существенным образом затрагивающих его права и интересы; делать необходимые замечания, подлежащие фиксации в соответствующих уголовно-процессуальных документах; знакомиться с документами, отражающими действия, выполненные с его участием, а также со всеми материалами проверки после ее завершения»;

в) в части 3 после первого предложения ввести текст следующего содержания: «В ходатайстве должны быть указаны: дата поступления сообщения о преступлении, осуществленные действия по его проверке, причины, не позволяющие принять решение в установленный законом срок, пе-

речень действий, которые предполагается осуществить, предполагаемый срок окончания проверки»;

18) в статье 148 УПК РФ:

а) первое предложение в части 1 изложить в следующей редакции: «При наличии оснований, предусмотренных частью первой статьи 24 настоящего Кодекса, руководитель следственного органа, следователь, орган дознания, дознаватель выносит постановление об отказе в возбуждении уголовного дела»;

б) в части 4 после слова «право» дополнить: «знакомиться с материалами проверки» и далее по тексту;

19) часть 5 статьи 177 УПК РФ дополнить текстом следующего содержания: «По просьбе потерпевшего он должен быть допущен к производству осмотра, осуществляемого в его жилище»;

20) статью 180 УПК РФ дополнить частью 4, которую изложить в следующей редакции:

«4. Если при осмотре имело место изъятие предметов, имеющих отношение к уголовному делу, то лицу (организации), в чьем помещении находились эти предметы, должна быть вручена копия протокола осмотра»;

21) дополнить статью 192 УПК РФ частью 7 следующего содержания:

«7. В целях обеспечения безопасности участников очной ставки она по решению следователя может быть проведена в условиях, исключающих визуальное наблюдение допрашиваемыми друг друга»;

22) дополнить часть 8 статьи 193 УПК РФ текстом следующего содержания: «Предъявление для опознания не может быть осуществлено в случае, если потерпевший отказывается участвовать в нем в качестве опознающего»;

23) в части 3 статьи 195 УПК РФ после слов «о назначении судебной экспертизы» дополнить «потерпевшего»;

24) в статье 198 УПК РФ:

а) в части 1 после слов «При назначении и производстве судебной экспертизы» дополнить «потерпевший»;

б) дополнить часть 1 пунктом 4.1 следующего содержания:

«4.1. ходатайствовать о предоставлении в распоряжение эксперта дополнительных материалов»;

в) часть 2 изложить в следующей редакции:

«2. Свидетель, в отношении которого производится судебная экспертиза, вправе знакомиться с постановлением о ее назначении»;

25) в статье 206 УПК РФ:

а) в части 1 после слов «предъявляются следователем» дополнить «потерпевшему»;

б) эту же часть дополнить словами: «Об этом составляется протокол, подписываемый следователем, и лицами, которые ознакомлены с указанными правами и документами»;

в) часть 2 изложить в следующей редакции:

«2. Если судебная экспертиза проводилась в отношении свидетеля, то ему также предъявляется заключение эксперта»;

26) дополнить УПК РФ статьей 213.1 следующего содержания:

«Статья 213.1. Ознакомление с материалами производства при прекращении уголовного дела и/или уголовного преследования

1. По ходатайству потерпевшего, его представителя, гражданского истца, гражданского ответчика или их представителя, подозреваемого, обвиняемого, их защитника в случае прекращения уголовного дела для ознакомления предъявляются все его материалы, за исключением случаев, предусмотренных частью девятой статьи 166 настоящего Кодекса, а при прекращении уголовного преследования – те материалы, которые затрагивают интересы указанных участников.

2. В процессе ознакомления с материалами уголовного дела, состоящего из нескольких томов, участники вправе повторно обращаться к любому из томов уголовного дела, а также выписывать любые сведения и в любом объеме, снимать за свой счет копии с документов, в том числе с помощью технических средств.

3. Факт ознакомления участников с материалами уголовного дела отражается в постановлении о прекращении уголовного дела или уголовного преследования»;

27) в статье 215 УПК РФ:

а) часть 2 изложить в следующей редакции:

«2. Следователь направляет письменное уведомление об окончании предварительного следствия защитнику, законному представителю обвиняемого, если они участвуют в уголовном деле, а также потерпевшему, гражданскому истцу, гражданскому ответчику и их представителям, в котором разъясняет им право на ознакомление с материалами уголовного дела, а также указывает дату, время и место ознакомления. Уведомление должно быть направлено не позднее чем за семь суток до дня ознакомления с материалами уголовного дела»;

б) в части 3 перед словами «представитель потерпевшего» дополнить «потерпевший»;

28) часть 1 статьи 216 УПК РФ дополнить следующими словами: «В случае, если в уголовном деле участвует несколько потерпевших, каждый из них вправе знакомиться с теми материалами уголовного дела, которые касаются вреда, причиненного данному потерпевшему. По ходатайству потерпевшего и его представителя следователь предоставляет им возможность знакомиться с материалами уголовного дела отдельно»;

29) часть 3 статьи 225 УПК РФ изложить с следующей редакцией:

«3. Потерпевший или его представитель в письменной форме уведомляются об окончании дознания, при этом им разъясняется право ознакомления с материалами уголовного дела. По ходатайству потерпевшего или его представителя им предоставляются для ознакомления обвинительный акт и все материалы уголовного дела в том же порядке, который установлен частью второй настоящей статьи для обвиняемого и его защитника»;

30) статью 228 УПК РФ дополнить пунктом 5.1, изложив его в следующей редакции:

«5.1) приняты ли меры по обеспечению безопасности потерпевшего, свидетеля, обвиняемого, других лиц, участвующих в уголовном процессе, а также членов их семей и близких родственников»;

31) в статье 246 УПК РФ:

а) в части 7 после слов «то он» дополнить словосочетанием: «при наличии согласия потерпевшего»;

б) в части 8 после слов «Государственный обвинитель» дополнить: «при наличии согласия потерпевшего»;

32) в части 3 статьи 317.6 УПК РФ после слова «не соблюдены» дополнить: «а также при возражении подсудимого, государственного обвинителя, потерпевшего против постановления приговора в особом порядке» и далее по тексту;

33) статью 318 УПК РФ изложить в следующей редакции:

«Статья 318. Возбуждение уголовного дела частного обвинения

1. Поводом для возбуждения уголовного дела о преступлениях, указанных в части второй статьи 20 настоящего Кодекса, за исключением случаев, указанных в части четвертой статьи 20 настоящего Кодекса, является заявление частного обвинителя или его законного представителя. В случае смерти частного обвинителя поводом для возбуждения уголовного дела является заявление его близкого родственника.

2. Заявление должно содержать:

1) наименование суда, в который оно подается;

2) описание события преступления, места, времени, а также обстоятельств его совершения;

3) просьбу, адресованную суду, о принятии уголовного дела к производству;

4) данные о лице, привлекаемом к уголовной ответственности;

5) список свидетелей, которых необходимо вызвать в суд;

6) подпись лица, его подавшего.

3. Заявитель предупреждается об уголовной ответственности за заведомо ложный донос в соответствии со статьей 306 Уголовного кодекса Российской Федерации, о чем в заявлении делается отметка, которая удостоверяется подписью заявителя. Одновременно заявителю разъясняется его право на примирение с лицом, в отношении которого подано заявление.

4. Заявление подается в суд с копиями по числу лиц, в отношении которых осуществляется производство по уголовному делу частного обвинения.

5. По результатам рассмотрения заявления о преступлении мировой судья принимает одно из следующих решений:

1) о принятии заявления к своему производству;

2) о возвращении заявления лицу, его подавшему;

3) о передаче заявления по подследственности.

6. О принятом решении сообщается заявителю, при этом ему разъясняется право обжаловать данное решение и порядок обжалования.

7. При наличии в заявлении достаточных данных, указывающих на признаки преступления, являющегося делом частного обвинения, судья принимает его к своему производству, о чем выносит постановление.

8. В случаях, если поданное заявление не отвечает требованиям частей второй и четвертой настоящей статьи, мировой судья выносит постановление о возвращении заявления лицу, его подавшему, в котором предлагает ему привести заявление в соответствие с указанными требованиями и устанавливает для этого срок. В случае неисполнения данного указания ми-

ровой судья отказывает в принятии заявления к своему производству и уведомляет об этом лицо, его подавшее.

9. Мировой судья передает заявление для решения вопроса о возбуждении уголовного дела руководителю следственного органа или начальнику органа дознания в случаях:

1) если оно не отвечает требованиям пункта 4 части 2 настоящей статьи;

2) если частный обвинитель в силу зависимого или беспомощного состояния либо по иным причинам не может защищать свои права и законные интересы;

3) если оно подано в отношении лица, указанного в части первой статьи 447 настоящего Кодекса.»;

34) статью 319 УПК РФ изложить в следующей редакции:

«Статья 319. Полномочия мирового судьи по уголовному делу частного обвинения

1. При принятии заявления к своему производству мировой судья в течение 7 суток со дня поступления заявления в суд:

1) разъясняет частному обвинителю права, предусмотренные статьями 42 и 43 настоящего Кодекса, о чем составляется протокол, подписываемый судьей и лицом, подавшим заявление;

2) вызывает лицо, в отношении которого подано заявление, знакомит его с материалами уголовного дела, вручает копию поданного заявления, разъясняет права, предусмотренные статьей 47 настоящего Кодекса, и выясняет, кого, по мнению данного лица, необходимо вызвать в суд в качестве свидетелей защиты, о чем составляется протокол;

3) мировой судья разъясняет сторонам возможность примирения. В случае поступления от них заявлений о примирении производство по уголовному делу по постановлению мирового судьи прекращается в соответствии с частью второй статьи 20 настоящего Кодекса. Вступление в уголовное дело прокурора не лишает стороны права на примирение.

2. В случае неявки в суд лица, в отношении которого подано заявление, ему направляется копия заявления с разъяснением прав, а также условий и порядка примирения сторон.

3. По ходатайству сторон мировой судья вправе оказать им содействие в собирании таких доказательств, которые не могут быть получены сторонами самостоятельно.

4. Если примирение между сторонами не достигнуто, то мировой судья после выполнения требований настоящей статьи назначает рассмотрение уголовного дела в судебном заседании в соответствии с правилами, предусмотренными исключительно главой 33 настоящего Кодекса.».

Статья 2.

Настоящий Федеральный закон вступает в силу со дня его официального опубликования.

Президент
Российской Федерации

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	3
Глава 1. Законодательные и доктринальные основы обеспечения прав и законных интересов потерпевшего в уголовном судопроизводстве.....	8
§ 1. Основные аспекты проблемы надлежащего обеспечения прав и законных интересов потерпевшего.....	8
§ 2. Теоретические и правовые основы понятия потерпевшего. Приобретение статуса потерпевшего	16
§ 3. Теоретическое осмысление необходимости принятия и содержания специального закона о потерпевшем	46
Глава 2. Обеспечение прав и законных интересов лица, пострадавшего от преступления, в стадии возбуждения уголовного дела.....	56
§ 1. Обеспечение прав и законных интересов личности при приеме и регистрации сообщения о преступлении.....	56
§ 2. Участие потерпевшего в проверке сообщения о преступлении: уголовно-процессуальный и криминалистический аспекты	70
§ 3. Обеспечение прав потерпевшего при принятии итоговых решений в стадии возбуждения уголовного дела.....	85
Глава 3. Обеспечение прав и законных интересов потерпевшего в ходе предварительного расследования (общие положения).....	110
§ 1. Правовой и организационный аспекты участия потерпевшего в процессе доказывания по уголовному делу	110
§ 2. Деятельность следователя по возмещению вреда, причиненного потерпевшему преступлением.....	122
§ 3. Правовые и организационные вопросы применения в отношении потерпевшего мер безопасности	135
§ 4. Правовые и организационные вопросы представительства интересов потерпевшего	145
Глава 4. Участие потерпевшего в производстве отдельных следственных действий: уголовно-процессуальный и криминалистический аспекты	156
§ 1. Значение уголовно-процессуального и криминалистического аспектов обеспечения прав и законных интересов потерпевшего при производстве следственных действий.....	156
§ 2. Допрос потерпевшего и его участие в проведении очной ставки	169
§ 3. Участие потерпевшего в осмотре и освидетельствовании	182
§ 4. Участие потерпевшего в предъявлении лица для опознания.....	194
§ 5. Участие потерпевшего в проведении обыска и выемки	205
§ 6. Участие потерпевшего в назначении и производстве экспертиз.....	214
Глава 5. Основные направления обеспечения прав и законных интересов потерпевшего на этапе окончания предварительного расследования	226
§ 1. Основные направления обеспечения прав и законных интересов потерпевшего при прекращении уголовного дела (уголовного преследования)	226

§ 2. Обеспечение прав и законных интересов потерпевшего при направлении уголовного дела с обвинительным заключением (актом или постановлением) прокурору	247
Глава 6. Теоретические и правовые основы обеспечения прав и законных интересов потерпевшего в судебном производстве по уголовным делам	258
§ 1. Обеспечение прав и законных интересов потерпевшего в суде первой инстанции	258
§ 2. Обеспечение прав и законных интересов потерпевшего при пересмотре судебных решений	279
§ 3. Механизм обеспечения прав и законных интересов потерпевшего по уголовным делам частного обвинения	288
Заключение	304
Приложение.....	309

Научное издание

Сергей Андреевич Синенко,
кандидат юридических наук

**ОБЕСПЕЧЕНИЕ ПРАВ И ЗАКОННЫХ ИНТЕРЕСОВ
ПОТЕРПЕВШЕГО
В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ**

Монография

В авторской редакции
Корректор Н.Б. Хохлова

Подписано в печать 09.10.2013. Формат 60x84 1/16.
Усл. печ. л. 18,6. Тираж 300 экз. Заказ № 66.
Дальневосточный юридический институт МВД России.
Редакционно-издательский отдел. Типография.
680020, г. Хабаровск, пер. Казарменный, 15.